

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

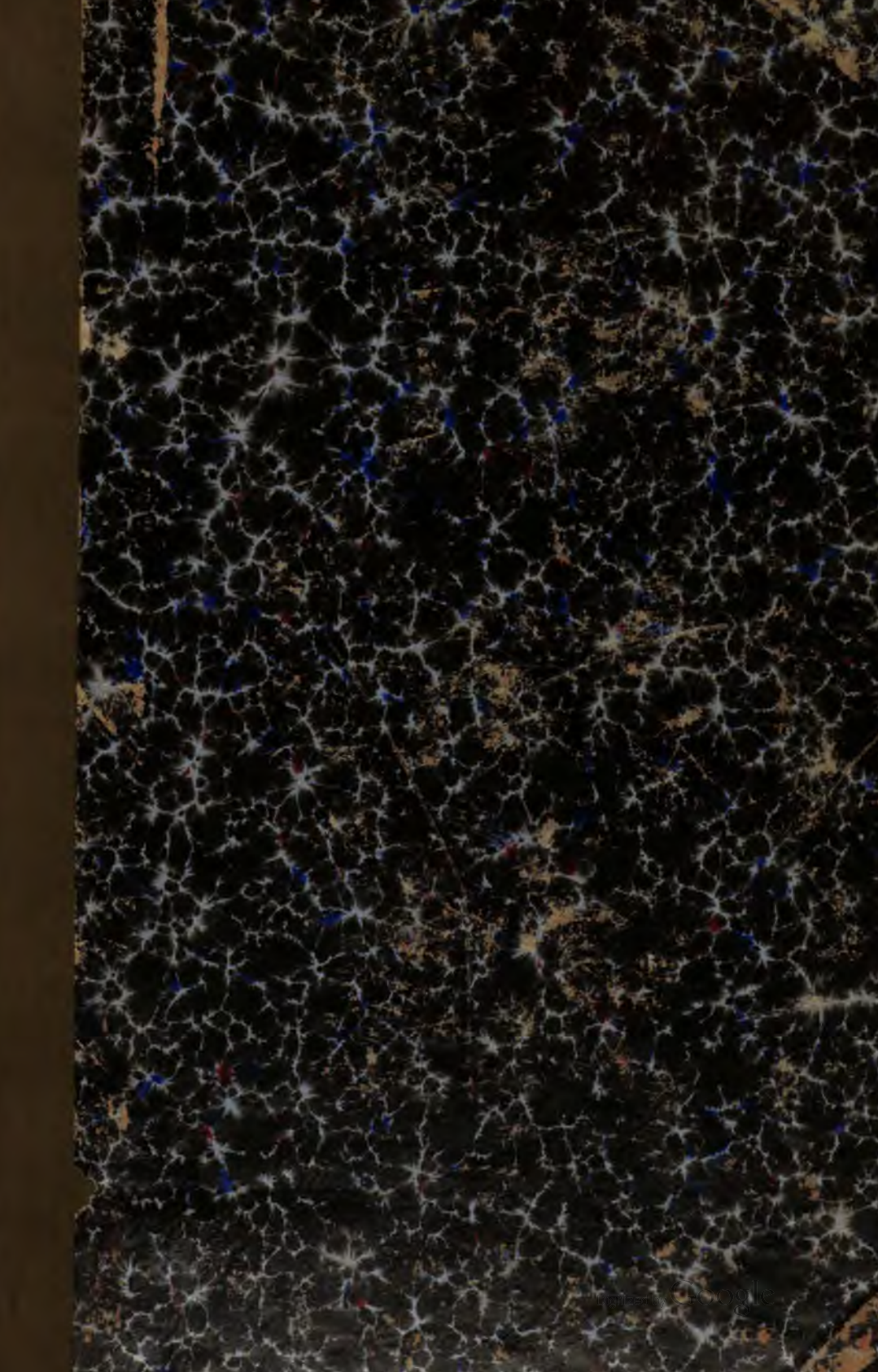
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

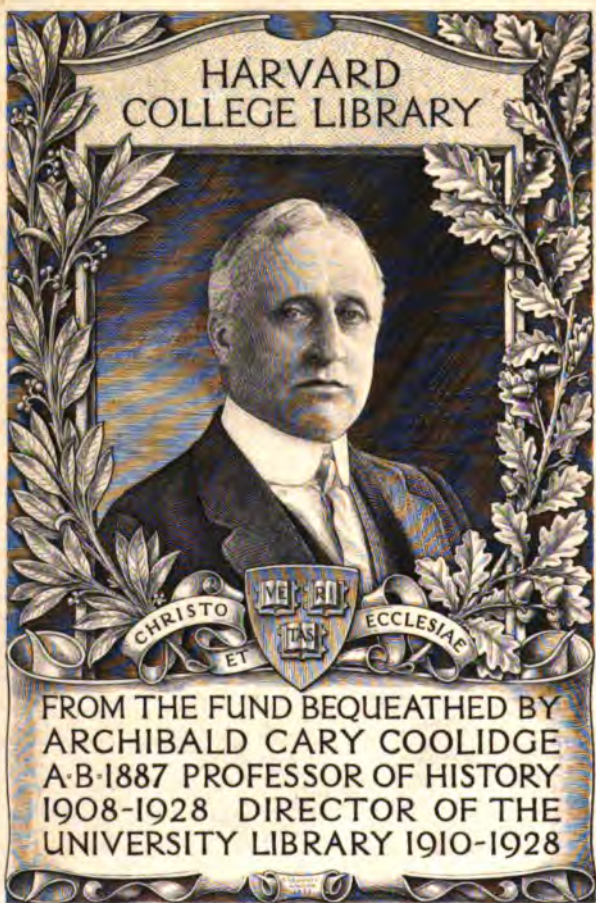
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 611.20

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

272¹
ТОМЪ ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТОЙ)

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. ОТЪ СМУТНЫХЪ ДНЕЙ. Романъ. Глава третья. Князи Д. П. Голыцины.	1
II. „ВЪ СКУЧНЫЙ ВѢКЪ ПИТАЯ РЕВНОСТЬ“. Стихотвореніе. А. А. Столыгина.	52
III. НА ОХОТѢ. А. Дементьева.	53
IV. РАЗКАЗЫ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ: 1. Дядя Петро, Веселниковича. 2. Городской, Петровича-Врада. 3. Любовь къ родинѣ, Шандора-Дальскаго. 4. Какъ читаются стихи, С. Чеха. 5. Счастливая выдумка живописца, его же.	75
V. ПИСЬМА Н. Н. СТРАХОВА КЪ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОМУ. XXII—XXX. Сообщилъ Н. П. Матченко.	125
VI. РЫЦАРЬ ОЛАФЪ. Изъ Гейне. Стихотвореніе. О. П. Вейссъ.	142
VII. ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ ЭПОХУ АЛЕКСАНДРА II. 1855—1870. IV. А. А. Панкова.	145
VIII. Л. А. МЕЙ. Критическій очеркъ. В. Ф. Саводина.	157
IX. СМѢСЬ.	173
X. БИБЛИОГРАФІЯ.	181
XI. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	203
XII. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.	227
ПРИЛОЖЕНІЯ:	
XIII. ГОСТИНИЦА ВУХГОЛЬЦЪ. Выставочныя впечатлѣнія Вильгельмины Вухгольцъ. Юлиуса Штинде. Съ нѣмецкаго. Главы VIII—XIII.	
XIV. НА ПЕРЕКРЕСТКѢ. Романъ Ф. Монтрезора. Съ англійскаго. Главы V—IX.	

Условія подписки на 1901 годъ.

Подписная цѣна на годовое изданіе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ: безъ доставки въ конторѣ журнала 15 р. 50 к., съ доставкою въ Москвѣ и С.-Петербургѣ 16 р., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи 17 р., а за границу 19 руб.

Принимается также подписка на сроки: на 6 мѣсяцевъ 8 р. 50 к., на 3 мѣсяца 4 р. 25 к. и на 1 мѣсяцъ 1 р. 50 к. съ пересылкою и доставкою.

Для гг. годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка въ платежѣ денегъ, а именно: при подпискѣ вносятся въ контору журнала 9 руб., а остальная сумма уплачивается къ 1-му іюня.

Книжные магазины пользуются уступкою по 50 копѣекъ съ годоваго экземпляра. Подписка на сроки менѣе года отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Подписка на сроки менѣе года, а также въ разсрочку, принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Контора журнала покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ имѣть въ виду слѣдующее:

1 При перемѣнѣ адреса гг. подписчики благоволятъ сообщать конторѣ журнала вмѣстѣ съ новымъ адресомъ, по которому желаютъ получать журналъ, и старый адресъ, или же точно обозначать номеръ бандероли, подъ которою получаютъ журналъ.

2 Согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе о неполученіи книги журнала допускается не позже полученія слѣдующей книги.

3) Контора журнала не отвѣчаетъ за аккуратную доставку книгъ журнала предъ тѣми лицами, которыя подписались помимо конторы журнала; съ жалобами въ такихъ случаяхъ гг. подписчики благоволятъ обращаться въ тѣ мѣста, гдѣ подписались.

4) За перемѣну адреса уплачивается 40 коп., за исключеніемъ перемѣны адресовъ изъ Москвы и С.-Петербурга въ другія мѣста Россіи, за каковую перемѣну доплачивается 1 руб. 50 коп.

За перемѣну адреса изъ Москвы и С.-Петербурга за границу доплачивается 3 руб. 50 коп., а изъ другихъ мѣстъ Россіи за границу 2 руб. 50 коп.

5) Чтобы ближайшая книжка журнала могла быть отправлена по новому адресу,—заявленіе о перемѣнѣ адреса должно быть получено въ конторѣ журнала не позже 25 числа текущаго мѣсяца.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ СЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНИЯ Сорокъ шестой.)

МАРТЪ.

1884

Т-во типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ. Марына роща, соб. д.

1901.

Digitized by Google

△
P Star 6/1/20
✓

**HARVARD COLLEGE LIBRARY
FROM THE
ARCHIBALD CARY COOLIDGE FUND**
5/11/20

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ОТЪ СМУТНЫХЪ ДНЕЙ.

РОМАНЪ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ *).

I.

Въ темносиней бархатной тужуркѣ, красивый и очень изящный, Мерлонъ, развалившись въ качалкѣ, перечитывалъ свою послѣднюю статью.

Женившись на Ольгѣ Антоновнѣ Аносьевой, Степанъ Николаевичъ получилъ возможность рѣзко обозначить свой отказъ отъ прежнихъ убѣжденій. Конечно, тутъ рѣчь идетъ не о тѣхъ убѣжденіяхъ которыя у него были, а о тѣхъ какія онъ въ былое время признавалъ для себя выгоднымъ высказывать. Въ тѣ годы когда можно было прослыть отрицателемъ глубоко-мысленнымъ, лишь бы съ тупымъ упорствомъ повторять „нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ“, когда въ сутолокѣ сплетенія искусственно навязываемыхъ ему путей русское общество едва не дошло до бездорожья и когда подвергнутая перекрестному допросу правда запуталась хуже лжи, Мерлону жилось чрезвычайно беззаботно. Ему легко было тогда составить себѣ нѣчто въ родѣ положенія и зарабатывать деньги мелкими статейками на общественныя темы. Начавъ съ простаго репортерства, онъ быстро усмотрѣлъ что отрицаніе и хуленіе вызываетъ въ читателѣ интересъ. Осуждая и зубоскальствуя, легко приобрѣсти репутацію остроумнаго человѣка. И Степана Николаевича стали печатать съ удовольствіемъ, тѣмъ болѣе что онъ умѣлъ не переступать границъ, удачно облакался въ неуловимость, сугубо дразня мысль недоговоренными намеками. Поворотъ общественнаго на-

*) Продолженіе. См. *Русскій Вѣстникъ*, январь и февраль, 1901 г.

строенія едва не застигъ его врасплохъ. Онъ увидѣлъ что выгода повелѣваетъ отказаться отъ прежняго пути. Хотя онъ охотно создавалъ своимъ предкамъ alibi и выдавалъ ихъ за выходцевъ изъ Франціи покинувшихъ родину въ эпоху гоненія на гугенотовъ, Мерлонъ былъ еврейскаго происхожденія, что въ значительной мѣрѣ облегчало ему развязность. Но онъ даже отъ Евреевъ скрывалъ свое семитство. И это обставляло его положеніе нѣкоторыми выгодами, ибо избавляло его отъ общенія съ компрометирующими личностями. Еврейская же кровь давала ему возможность смотрѣть на все русское со стороны, интересоваться исключительно собственною пользой и оберегать свою неуловимость. Раньше другихъ можетъ быть онъ понялъ что въ сущности не настроеніе измѣнилось, а миновали условія временно выдвинувшія на первый планъ такихъ людей которые облыжно выдавали себя за выразителей настроенія. Нормальная жизнь вернула силу нормальнымъ людямъ, равновѣсіе опредѣлилось, русскій бытъ предъявилъ свои права. Все это усмотрѣлъ Мерлонъ, но не сразу рѣшился на переѣзду фронта. Не зная примутъ ли его въ новомъ теченіи, онъ боялся сразу отстать отъ стараго. Къ тому же ему нельзя было не опасаться разоблаченій. Кое-кому было извѣстно что ему пришлось покинуть государственную службу вслѣдствіе продажи секретныхъ справокъ. Въ былое время иные назвали бы это желаніемъ содѣйствовать всесторонней гласности и обезоружить ненавистныхъ носителей канцелярской тайны, но въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ трудно было разчитывать на такую благопріятную окраску фактовъ. Слѣдовательно, въ поступкахъ необходимо было соблюсти постепенность. Затѣмъ надо было считаться съ денежною стороною дѣла. Сразу вѣдь къ новымъ кассамъ не пристроишься. Произойдетъ колебаніе. Поэтому Степанъ Николаевичъ временно отошелъ отъ политики и занялся скабрзными разказами. Подъ псевдонимомъ „Мерлушка“ писалъ онъ въ разныхъ юмористическихъ журнальчикахъ сцены неприличнаго содержанія. Это доставляло ему довольно порядочныя средства. А когда фантазія его изсякла и область осторожныхъ плагіатовъ оказалась исчерпанною, Степанъ Николаевичъ понемногу вернулся къ общественнымъ темамъ, подписывая словами „Одинъ изъ малыхъ“ статьи въ которыхъ онъ старался показаться человѣкомъ трезвыхъ взглядовъ и философскаго мышленія. Однако ему приходилось трудно, потому что боязнь не угодить заставляла его держаться неопредѣленныхъ взглядовъ. И онъ самъ сознавалъ что его

статьи необыкновенно скучны. Того и гляди перестанутъ ихъ печатать. Тутъ чрезвычайно кстати припалась женитьба на Ольгѣ Антоновѣ давшая очень порядочныя средства. Мерлонъ почувствовалъ подъ ногами достаточное количество точекъ опоры и рѣзко перемѣнилъ тонъ. Читатель увидѣлъ предъ собой борца за религію, за семью, за правовой порядокъ. Статьи „Одного изъ малыхъ“ послужили исходнымъ пунктомъ для цѣлаго ряда полемикъ. Тѣ чьимъ единомышленникомъ онъ притворялся находили въ его писаніяхъ душевное отдохновеніе, а противники, намекая на его гнусность, сами не подозревали всей силы своей правоты. Въ общемъ Степану Николаевичу удалось затмить многихъ которые, отставая въ печати одинаковые съ нимъ завѣты, путались въ собственной искренности, между тѣмъ какъ онъ обдуманно и хладнокровно производилъ шахматные ходы. Не прошло двухъ лѣтъ послѣ его свадьбы, какъ успѣхъ его упрочился вполне, обозначившись явнымъ содѣйствіемъ его благосостоянію. Счастливый, уважаемый и сознающій мощь своего слова, Мерлонъ чувствовалъ себя прекрасно, въ особенности въ тѣ дни когда изъ сбереженій покупалъ закладныя листы земельныхъ банковъ. Не мало радовало его и то что у него хорошенькая жена проникнутая къ нему глубокимъ уваженіемъ. Для него въ ней централизовалось его вліяніе на публику. Если она, явно бывшая легкомысленною, душевно воспитывается на его фельетонахъ, это доказываетъ что онъ рожденъ вліять на публику и обладаетъ даромъ внушенія.

Дочитавъ статью, Степанъ Николаевичъ отнесъ рукопись на письменный столъ и съ удовольствіемъ подумалъ о томъ что скоро наступитъ время завтрака.

— Оля, приди ко мнѣ, позвать онъ.

— Ты пересталъ заниматься? спросила Ольга Антоновна входя.

Ей было тридцать два года, но всякій ей могъ повѣрить когда она говорила что ей двадцать восемь лѣтъ. За два года супружества съ Мерлономъ прежній задоръ прошелъ, но красота ея не перестала быть молодостью.

— Да. Я справился раньше нежели думалъ, и теперь хочу съ тобой поболтать.

Обрадованная, она сказала:

— Мнѣ такъ пріятно когда ты можешь удѣлить мнѣ время.

Степанъ Николаевичъ объяснилъ:

— Я хочу потолковать относительно твоей сестры. Мнѣ ея поведеніе не нравится.

— О! съ усмѣшкой протанула Ольга Антоновна, — тебѣ извѣстно что я не имѣю на нее никакого вліянія.

— Совершенно вѣрно, и я этому радъ. Нѣтъ вліянія, нѣтъ и отвѣтственности. Но необходимо чтобы насъ съ тобой ни въ чемъ не могли упрекнуть, хотя бы и заглазно. Мое положеніе въ обществѣ обязываетъ меня къ тому чтобы не давать повода къ злонамѣреннымъ разговорамъ. По моему, тебѣ слѣдуетъ прекратить всякія сношенія съ Рыбовскими.

— Степа... неловко... вѣдь она мнѣ сестра...

— Именно потому что она сестра тебѣ, женѣ твоего мужа. Мы отвѣчаемъ не за своихъ знакомыхъ, а за родственниковъ. Такъ созданъ свѣтъ, и не намъ его перекраивать. Связь твоей сестры съ барономъ Волею становится чрезмѣрно наглядною. И отношеніе ея мужа къ этому обстоятельству порождаетъ толки ни мало не заставляющіе меня гордиться свойствомъ съ Парменомъ Владиміровичемъ. Я не стану отрицать что нѣкоторая безпринципность Рыбовскаго извѣстна мнѣ не со вчерашняго дня. При Николаѣ Могилевѣ-Стольномъ получило начало то чтò теперь пышно разцвѣтаетъ. И опять-таки я скажу тебѣ чтò говорилъ неоднократно: приходится пожалѣть объ отсутствіи Илліодора Θεодоровича котораго твоя сестра и ея мужъ стѣснялись. Если онъ вернется неожиданно изъ Америки, то застанетъ картину интересную. Но дѣло въ томъ что я такой картиной больше не согласенъ любоваться. Прошу тебя, перестань бывать у Рыбовскихъ. Я же сумѣю ихъ отвадить отъ нашего дома.

Ольга Антоновна очень любила свою сестру. Но выслушавъ слова мужа и привычная къ тому чтобы находить его всегда правымъ, она безъ колебанія отвѣтила:

— Хорошо. Я къ ней больше не пойду. Я понимаю что такъ надо.

— Ты умница, одобрилъ Мерлонъ и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— А, вотъ кто-то жалуется къ намъ завтракать! съ удовольствіемъ сказалъ онъ, услышавъ звонокъ.

За два года супружеской и обезпеченной жизни онъ еще не пересталъ радоваться тому что обзавелся хорошею квартирой и постояннымъ хозяйствомъ. Ему особенно пріятно было видѣть постороннихъ у себя за столомъ.

— Это князь-князинька, я узнаю его походку! весело вскрикнула Ольга Антоновна и тотчасъ же, замѣтивъ едва уловимое неудовольствіе во взглядѣ мужа, поправила: — Это князь Николай Васильевичъ.

Мерлону нравилось что молодой князь Могилловъ-Стольный его изрѣдка посѣщаетъ. Онъ находилъ въ этомъ какъ бы санкцію своей общественной порядочности. А Николай Васильевичъ бывалъ у него потому что нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Со времени самоубійства брата и печальной свадьбы сестры характеръ его сталъ еще болѣе угрюмъ нежели до тѣхъ поръ. Онъ постоянно ощущалъ пустоту своей жизни. Попытка отдаться какой-нибудь работѣ ни къ чему не привела. Въ двадцать шесть лѣтъ онъ не находилъ чѣмъ бы увлечься. И, неустанно думая о прошломъ, онъ не видѣлъ такого будущаго которое бы манило. Поэтому дни его наполнялись безтолково.

— Bravo! привѣтствовалъ его Степанъ Николаевичъ, — спасибо что не забываете насъ.

А Ольга Антоновна добавила:

— Какой вы милый...

Николай Васильевичъ мрачно произнесъ:

— Здравствуйте... Я не мѣшаю и не задерживаю?

Ему объяснили что кромѣ удовольствія его приходъ ничего не доставляетъ, и тутъ же пошлѣ всѣ завтракать.

— Прочиталъ я третьяго дня вашу статью, Степанъ Николаевичъ, сказалъ Могилловъ-Стольный, — вы призываете всѣхъ къ энергичной дѣятельности, указывая что энергія является эссенціею жизненной силы и что наличность ея служитъ залогомъ счастья, потому что счастье заключается въ творествѣ и въ работѣ.

Мерлонъ не безъ гордости проговорилъ:

— Такъ. Вы прекрасно формуловали мою мысль.

— Вѣроятно потому что въ ней въ сущности нѣтъ ничего новаго, объяснилъ Николай Васильевичъ, нисколько не смущаясь тѣмъ что слова его причинили хозяину явную неприятность, — но я пришелъ съ тѣмъ чтобы васъ спросить: откуда взять энергію тому въ которомъ ея нѣтъ? Спрашиваю прямо: откуда, напимѣръ, я наберусь энергіи?

— Вся жизнь есть энергія, сказалъ Степанъ Николаевичъ самодовольный и пошлый.

— О! Да! Энергія и жизнь одно и то же! радостно подтвердила Ольга Антоновна.

Князю стало невыносимо скучно. У него пропала всякая охота продолжать разговоръ.

Помолчавъ немного онъ фыркнулъ.

— Смѣшно. Я совсѣмъ другаго мнѣнія. И не я одинъ.

Вчера вечеромъ, идя по улицѣ, я слышалъ какъ мужичекъ совершенно трезвый говорить другому: „такъ тошно что жизни своей терпѣть не могу“. А другой ему отвѣчаетъ: „небось съ утра лба не перекрестилъ“... Вотъ и представилось мнѣ что всѣ мы разбиваемся на двѣ категоріи. Одни жизни своей терпѣть не могутъ. Это можетъ быть меньшинство, но оно замѣтнѣе большинства, потому что корчится и обращаетъ на себя вниманіе. Володѣ, когда онъ застрѣлился, было очевидно такъ тошно что онъ не могъ терпѣть своей жизни. Возненавидѣла свою жизнь Катя Хрустова бѣжавшая отъ нея чуть ли не на улицу... Жизнененавистничество сказалось и въ Сонѣ когда она полюбила всененавистника Ивана Сергѣевича... Душевная темнота сказалась и въ тетѣ Лидіи которая болѣе двухъ лѣтъ вѣсти о себѣ не даетъ. И я отъ нихъ заразился, какъ пассажиръ на кораблѣ окруженный во время качки больными. Кругомъ меня ходятъ и здоровые... Капитанъ, матросы, привычные туристы и счастливые обладатели крѣпкихъ нервовъ... Это тѣ которые догадались съ утра лобъ перекрестить, которые могутъ уважать свое дѣло и любоваться окружающимъ... Но заразиться здоровьемъ я отъ нихъ не могу. Положительно, на нашей семьѣ лежитъ проклятіе. Было землетрясеніе во время котораго насъ сдвинуло съ мѣста, а теперь мы уже не можемъ приспособиться къ дѣйствительности.

— Полноте, князь, это съ вашей стороны непростительное малодушіе, сказалъ Мерлонъ,—вы совсѣмъ не находитесь въ положеніи вашего покойнаго брата. Онъ былъ выбитъ изъ колеи дурными вліяніями, вы же всегда отличались стойкію убѣжденіемъ. Вы всегда были на той сторонѣ къ которой притекла жизнь внослѣдствіи.

— Полноте, князь, подхватила его жена.

Николай Васильевичъ продолжалъ:

— Эти убѣжденія были у насъ въ домѣ жизнію и дѣломъ только для такого святаго чловѣка какъ дядя Владиміръ Андреевичъ. Другіе находили въ нихъ только готовую формулу, какую-то статью устава общества. Въ томъ числѣ и я. Я считалъ что я лучше другихъ, разъ я на другихъ сержусь. А теперь я вижу что съ утра лба не перекрестилъ и что во мнѣ все пусто. Хандрой это называется, что ли?

Степанъ Николаевичъ любилъ писать серіозныя статьи, но бесѣды на отвлеченныя темы его быстро утомляли. Поэтому чтобы измѣнить теченіе разговора онъ спросилъ:

— Вы давно не имѣете свѣдѣній о Софьѣ Васильевнѣ? Еще болѣе насупился Могиловъ-Стольный.

— Вы очевидно воображаете что я не вижу ея. Ошибаетесь. У Хрустовыхъ я бываю. Не правда ли, странно какъ-то звучитъ что моя сестра Хрустова? Отецъ и мать отказались отъ нея, а мнѣ-то чтò за дѣло! Впрочемъ, это только лишній разъ доказываетъ что я ко всему равнодушенъ.

Вдругъ въ немъ проснулась злость, и онъ заговорилъ выходящимъ тономъ:

— Я имѣю право быть равнодушнымъ. Я не журналистъ обязанный кимвалить по поводу каждаго пустяка или изображать изъ себя золоту арфу: чуть что случилось, такъ и стоишь пошелъ. Послушайте, Степанъ Николаевичъ, и откуда въ васъ все это благородство берется? Прежде его не было.

Ссориться съ княземъ Степанъ Николаевичъ не хотѣлъ. Онъ притворился, будто не слышалъ его вопроса, и объявилъ:

— Я же давно пересталъ принимать Ивана Сергѣевича, потому что не раздѣляю его взглядовъ.

— А вы полагаете что я-то ихъ раздѣляю? Развѣ мнѣ не извѣстно что онъ негодяй? Но онъ хоть тѣмъ хорошъ что ни подъ кого не подлаживается. Положимъ, *l'hypocrisie est un hommage que le vice rend à la vertu.*

— Пожалуйста, возьмите еще варениковъ, попросилъ Мерлонъ.

II.

Пармень Владиміровичъ Рыбовскій зашелъ къ Ивану Сергѣевичу чтобы получить отъ него справку о состояніи дѣлъ того страхового общества гдѣ служилъ Хрустовъ. Свѣдѣнія были ему нужны для биржевой операціи, но онъ сослался на то, будто собирается написать брошюрку о страховомъ дѣлѣ въ Россіи. Иванъ Сергѣевичъ сообщилъ ему всѣ необходимыя данныя, а затѣмъ повелъ его въ столовую гдѣ за часомъ сидѣла Софья Васильевна. Тамъ въ уютной теплотѣ небольшой комнаты, подъ шипѣнье самовара, у нихъ завязалась дружеская бесѣда.

Началась съ того что Рыбовскій со свойственной ему безтактностью спросилъ о здоровьѣ князя Василя Андреевича и княгини Глафиры Николаевны. Софья Васильевна прикрыла свое внутреннее замѣшательство холоднымъ безмолвіемъ, а

Иванъ Сергѣевичъ съ удовольствіемъ повелъ разговоръ на тему о родителяхъ его жены.

— Мы не имѣемъ свѣдѣній о нихъ, потому что они не желаютъ насъ знать, спокойно проговорилъ онъ, — о, пожалуйста, не выражайте на своемъ лицѣ сожалѣнія... Я долженъ вамъ сказать что съ этимъ незаслуженнымъ оскорбленіемъ мы давно уже окончательно сжились. Будьте увѣрены, отъ меня вполнѣ зависѣло бы установить между нами самыя дружескія отношенія. Для того требовалось бы только чтобы я явился на Моховую съ повинной. Простите, молъ, что любовь къ вашей дочери заставила меня идти наперекоръ вашему рѣшенію. И я, конечно, поступилъ бы такъ, еслибы они не были богаты. Но я не желаю дать имъ поводъ думать что я иду на униженіе ради денегъ...

Въ голосѣ его звучали благородныя чувства. Парменъ Владиміровичъ думалъ: „въ сущности, ты прощальга“, но на лицѣ его было выраженіе вниманія и сочувствія.

— Да, приданого вы не получили, проговорилъ адвокатъ.

Хрустовъ пожалъ плечами:

— Они отреклись отъ своей дочери при наиболѣе выгодныхъ для себя условіяхъ, выигравъ на этомъ очень крупную сумму. Я отлично понимаю что это былъ своего рода способъ вести счеты со мной за тѣ убѣжденія отъ которыхъ я никогда не откажусь. Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, я гордо держу въ рукахъ знамя, и никакія обстоятельства не вырвутъ его изъ моихъ рукъ.

— На принципахъ держится внутренній міръ человѣчества, сказалъ Рыбовскій.

Безмолвно смотрѣла Софья Васильевна на собесѣдниковъ. Взглядъ ея строгій переходилъ медленно отъ одного къ другому. Ея красивое лицо выражало не то скуку, не то усталость.

— Вотъ именно, согласился Иванъ Сергѣевичъ, — по крайней мѣрѣ я никогда не отступалъ отъ своихъ принциповъ, и въ этомъ отношеніи Соня является вполнѣ моею союзницей. Мы скорѣе умремъ съ голода нежели согласимся на униженія.

— А сколько вы получаете, спросилъ Парменъ Владиміровичъ, — тысячи три?

— Четыре. На государственной службѣ я несомнѣнно добился бы большаго, но мнѣ нужна свобода. Я не ренегатъ въ родѣ Мерлона.

— Мерлонъ не важная личность, дѣйствительно ренегать, подтвердилъ Рыбовскій, — онъ себя продалъ успѣху.

— О, деньги! деньги! вдохновенно произнесъ Хрустовъ, глядя въ пространство! — какъ ненавистна мнѣ ихъ роль, ихъ вліяніе на человѣчество. Не мнѣ ли ихъ проклинать, не мнѣ ли чувствовать, сколько гнусности онѣ вносятъ въ жизнь!

Онъ ощущалъ на себѣ холодный взглядъ жены. Ему было очень неприятно.

— Деньги погубили мою сестру, сказалъ онъ.

— А... да, неопредѣленнымъ тономъ протянулъ Пармень Владиміровичъ.

Хрустовъ продолжалъ:

— Я знаю что ей теперь приходится плохо, и охотно пришелъ бы ей на помощь, но она всегда съ гордостью отклоняла всякое мое предложеніе. Люблю эту хрустовскую гордость, сочувствую ей. Мнѣ трудно отъ себя скрыть что многіе осудили бы мою снисходительность, хотѣли бы чтобы я клеймилъ жестокимъ словомъ поведеніе моей несчастной сестры. А развѣ я могу становиться на сторону тѣхъ которые придумали условный житейскій кодексъ? Почему стану я возмущаться тѣмъ что моя сестра разсердила лицемѣрныхъ охранителей устарѣвшаго общественнаго строя? Въ одной свободѣ правда.

Въ сущности ему надоѣло произносить высрєннія и благородныя слова. Ему досадно было что ни одной сильной фразы онъ изъ себя выжать не можетъ. И взглядъ жены его тяготилъ. Чтò у нея за невыносимая привычка принимать видъ замороженной Пиѳіи! Теперь этотъ прохвостъ Рыбовскій понесетъ всюду вѣсть о томъ что у Хрустовыхъ не ладно.

Эта мысль разсердила Ивана Сергѣевича. Онъ спросилъ:

— Какъ здоровье Василисы Антоновны?

Рыбовскій поблагодарилъ.

— Часто бываетъ у васъ этотъ симпатичный баронъ Воль?

Вопросъ для Пармена Владиміровича до крайности неприятный. Но онъ не смутился.

— Не правда ли, очень симпатичный? подхватилъ онъ, — онъ еще недавно былъ у насъ. Однако, мнѣ пора. Благодарю васъ, Иванъ Сергѣевичъ, за справку... Честь имѣю кланяться, Софья Васильевна.

Хрустовъ проводилъ гостя и вернулся къ женѣ.

— Я его терпѣть не могу, съ напускнуою развязностію проговорилъ онъ, — ему довѣрять нельзя.

Она посмотрѣла на него, словно рѣзко кольнула зелеными глазами, и отвернулась.

„Нервы!“ подумалъ Иванъ Сергѣевичъ, но рѣшилъ притвориться что ничего не замѣчаетъ.

— Рыбовскій человѣкъ безъ убѣжденій, началъ было онъ, но Софья Васильевна крикомъ оборвала:

— Довольно! Я все время молчала. Не заставляй говорить.

— А! Ну, дѣлать нечего, будемъ ругаться коль на то пошло. „Задамъ я ей!“ мысленно подбодрилъ себя Хрустовъ и тоже крикнулъ:

— Продолжай молчать. Не тебѣ пристало повышать голосъ.

Софья Васильевна встала.

— Какъ ты лгаль! О! Какъ тебѣ не было совѣстно! Зачѣмъ ты лгаль? Вѣдь ты лгаль ему, а не мнѣ. Онъ тебѣ не вѣрилъ, а для меня-то каждое твое слово было ужасно. Развѣ я не знаю что ты просилъ денегъ у моихъ родителей и что они тебя прогнали, швырнули тебѣ нѣсколько тысячъ какъ нищему? Развѣ я не знаю что ты взялъ меня только въ надеждѣ на приданое? Неужели я не разглядѣла, по твоему, какъ ты ничтожегъ, злобенъ и лживъ? Грѣхъ это, но я благодарю Бога за то что мой ребенокъ умеръ, что я не дала людямъ такого человѣка который былъ бы на тебя похожъ.

Это была не первая сцена между ними, но никогда еще не было столько гнѣва въ Софьѣ Васильевнѣ.

— Ты можеть быть скажешь что я тебя обманулъ! съ усмѣшкой произнесъ Хрустовъ, — ну, это еще кто кого... Еще бы! Я загубилъ твою жизнь. А ты мою не загубила? Ты отняла у меня свободу и силу. У меня были шансы, были планы, будущее!

Она съ тоской проговорила:

— О! Какъ ты жалокъ со своею вѣчною ложью! И какъ ничтожна я, коль-скоро еще могу тобою возмущаться! Мнѣ совѣстно когда я вспоминаю твои прежнія слова и мою вѣру въ тебя. Стыдно мнѣ что я дала себя обмануть. Какъ ты хитро поступалъ! Работа твоя началась съ того что ты разъединилъ меня съ окружающими. Мало-по-малу перестала я быть дочерью и сестрой, сама отошла отъ своихъ и ихъ заставила отъ себя отойти. Тогда легко стало тебѣ на меня дѣйствовать. Твое притворное вдохновеніе переходя ко мнѣ дѣлалось искреннимъ. Всѣ твои слова о благородной борьбѣ за

идею, о меньшемъ братѣ, о свободѣ духа... сколько звучало въ нихъ прелести, такой прелести которая принадлежала мнѣ! Увлекала меня твоя поддѣльная энергія. Увлекало меня все то, чего я не понимала...

— Въ томъ-то и дѣло что ты ничего не понимаешь и по настоящую минуту, сказалъ Иванъ Сергѣевичъ,—не тебѣ обо мнѣ судить...

Софья Васильевна даже не обратила вниманія на его слова.

— Я думала что въ тебѣ найду для себя новую жизнь. Я была готова на все. Ты изъ меня могъ сдѣлать преступницу. И лучше бы ты сдѣлалъ изъ меня преступницу нежели придатокъ къ такому нулю какъ ты. Кругомъ тебя были люди къ которымъ ты подлаживался, а я воображала, что ты на нихъ похожъ. Произнося слова, они вѣрили имъ. Они вѣрили лжи. А ты ни во чтѣ не вѣрилъ. Тебя всегда водила повсюду одна мелкая ненависть, одинъ эгоизмъ. Тебѣ нужно было меня удивить чтобы овладѣть мной. А я тебѣ нужна была ради моихъ денегъ... О! Мое бѣгство, въ тотъ самый день когда Володя застрѣлился! Три года прошло, а стыдъ словно вчерашній.

Хрустовъ сѣлъ.

— Говори! Потомъ я скажу.

— Какъ скоро я увидѣла что тебѣ нужны были мои деньги, и не для тѣхъ цѣлей о которыхъ ты разказывалъ, а только для того чтобы жить хорошо! Ты не замѣчалъ сколько времени я сама съ собой спорила, стараясь найти въ тебѣ хоть одно какое-нибудь качество... Мнѣ нужно было обманывать себя, когда стало ясно что ты уже не можешь меня обмануть. Но я себя не обманула... Я вижу одну только грязь, ложь, темноту. Вотъ чтѣ: ты прежде клеветалъ, но еслибы твоя клевета была искреннею ошибкой, я бы шла за тобой по-прежнему. Чѣмъ крупнѣе ошибка, тѣмъ сильнѣе вдохновеніе. Но даже зло было въ тебѣ притворно, а вся твоя злоба ничтожная зависть.

— Ты кончила? спросилъ онъ.

Она умолкнувъ смотрѣла на него съ ненавистію.

— Кончила? Очень хорошо. Теперь пришла моя очередь. Твои слова меня не оскорбляютъ, но надоѣли мнѣ до крайности. Нечего и толковать что я не вздумаю оправдываться. Скажу прямо: да, мнѣ деньги твои были нужны, потому что въ моихъ рукахъ онѣ превратились бы въ великія дѣла. А

коль скоро ихъ нѣтъ, то нѣтъ и великихъ дѣлъ. Твои родители придрались къ случаю чтобы завладѣть твоимъ приданымъ, которое очевидно пошло на украшеніе жизни Даши Скворца. Мы другъ въ другѣ ошиблись, и наиболѣе обманутымъ оказался я. Ты возмущаешься тѣмъ что за моими словами не послѣдовали факты? Факты всегда могутъ быть когда живою осталась мысль. Теперь я могу считать что отвѣтилъ тебѣ. Но это еще не все. Отвѣчай ты: разъ выяснилось что мы стали другъ другу непріятны, почему ты не предпочитаешь меня покинуть? А?

— Это рѣшено, спокойно отвѣтила Софья Васильевна.

Хрустовъ усмѣхнулся:

— Куда ты пойдешь? Къ родителямъ? Они тебя прогонятъ... Къ кому больше? Никто тебя не приметъ. Или ты разчитываешь на заработокъ? Кажется, ты не разъ пробовала давать уроки, и ровно ничего изъ этихъ попытокъ не выходило. Слишкомъ много въ тебѣ сидитъ барства. Въ моей квартиры для тебя существуетъ только улица. Такъ? Вотъ въ томъ и дѣло. Чтò? Страшно стало? А зачѣмъ произносить громкія слова, ежели ихъ не обдумывать? Сама ты все твердишь: „загубленная жизнь“, „загубленная жизнь“, а какъ только я тебѣ доказываю что жизнь твоя дѣйствительно загублена, сейчасъ блѣднѣешь.

— О! простонала она,—еслибы нашъ ребенокъ не умеръ, я бы его убила изъ страха что онъ будетъ такимъ же негодяемъ.

— Неужели?.. протяжно произнесъ Иванъ Сергѣевичъ, и лицо его приняло отвратительно-радостное выраженіе. — Ты была бы на это способна? Вотъ отлично. Послушай, я тебѣ кое-что разкажу. Садись. Разговоръ будетъ интересный.

Голосъ его звучалъ такую зловѣщую усмѣшкой что Софью Васильевну обуялъ страхъ. Предчувствіе чего-то ужаснаго охватило ее.

Внезапно обезсиленная, она опустилась на стуль.

— Ему было бы два года, не правда ли? сказалъ Хрустовъ,—два года тому назадъ онъ заблагоразсудилъ виѣдриться въ міръ въ качествѣ мертворожденнаго... Такъ, два года было бы ему?

— Было бы два года, прошептала Софья Васильевна.

— Ха! Было бы! А можетъ быть ему два года и есть.

Вздрыгнула она со сдавленнымъ сердцемъ.

— Чтò ты хочешь сказать?

— Массу. Цѣлую область хочу я сказать, если можно такъ выразиться... Впрочемъ, какъ хорошо было бы теперь оборвать повѣствованіе, замкнуться въ молчаніи и выйти изъ комнаты! А? Сколько мыслей бы у тебя явилось! Ты бы стала себя мучить и, конечно, утвержда лабы что мучитель я. Знаю твою повадку... А, не помолчать ли?

Жена смотрѣла на него безмолвно, но взглядъ ея кричалъ: „говори!“.

Иванъ Сергѣевичъ засмѣялся тѣмъ смѣхомъ который ему служилъ однимъ изъ способовъ расходовать злость.

— Начнемъ съ другаго конца. Послѣ родовъ ты пролежала почти двѣ недѣли безъ памяти. Помнишь? Когда потомъ я тебѣ объявилъ что ребенокъ былъ мертвый, ты заплакала и успокоилась. А плакать не слѣдовало, не слѣдовало мнѣ вѣрить. Надо было всѣхъ допросить... Всѣхъ! И акушерку которая съ тѣхъ поръ Богу душу отдала, и прислугу которую я быстро смѣнилъ... Можетъ быть ты и добралась бы до правды... Вотъ ты бы и узнала можетъ быть что сынъ нашъ съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей сданъ въ воспитательный домъ гдѣ и обрѣтается среди сотенъ ему подобныхъ и безо всякихъ отличительныхъ клеймъ.

По-прежнему Софья Васильевна молчала. Но ей казалось что она кричитъ и плачетъ. Стоны и слезы были внутри ея, оглушали ее и душили. Въ первый разъ въ жизни ощущала она такое страданіе въ которомъ гнѣвъ не былъ все. Впервые видѣла она себя несчастною, съ такими чувствами какихъ она еще не знала. Холоднымъ и чернымъ казалось ей все то чтó составляетъ жизнь. Представлялось ей что въ ней больше боли нежели души, и что вся эта лишняя боль распространяется вокругъ нея кругами страданія. Мучительная любовь къ сыну вызывала такое ощущение, какъ будто всѣ мысли болятъ.

Иванъ Сергѣевичъ говорилъ (о! какъ ей было все равно чтó бы онъ ни говорилъ):

— Вотъ тебѣ и блестящее доказательство того что я поступаю согласно своимъ взглядамъ. Неоднократно ты отъ меня слышала что нѣтъ ничего глупѣе и животнѣе любви къ дѣтямъ. Видишь, не все у меня пустыя слова. Я знаю что у меня есть сынъ, что о его пропитаніи заботятся, а гдѣ онъ, каковъ и зовутъ ли его Иваномъ или Агаѳономъ, все это подробности для человѣчества значенія не имѣющія.

Она встала съ бѣлымъ лицомъ и мертвымъ взглядомъ.

„Подурнѣла“, отмѣтилъ Хрустовъ. „Сразу подурнѣла“.

Ждалъ онъ словъ, упрековъ, брани и слезъ. Но, безмолвная, Софья Васильевна вышла. Ея молчаніе немного смутило Ивана Сергѣевича. „Еще зарѣжется или отравится? Натворить скандаловъ... Пожалуй лучше было не говорить...“

Не на шутку обезпокоенный и опасаясь осложненийъ всегда связанныхъ съ расходами Иванъ Сергѣевичъ осторожно заглянулъ въ комнату жены. Увидѣвъ что Софья Васильевна сидитъ, облокотившись на столъ, и по всѣмъ признакамъ глубоко задумалась, ему сдѣлалось досадно за посѣтившій было его страхъ. Захотѣлось сорвать досаду.

— И не ищи! крикнулъ онъ. — Никогда не пайдешь. Никогда.

Она даже не вздрогнула. Не слышала она и не видѣла ничего, словно ее окружала густая пелена страданія. Угнетающая боль давила ея мысль, притупила ея умъ. Ей казалось что она тонетъ въ мученіи, что волны горя ее заливаютъ, что окружаетъ ее толпа злыхъ людей издѣвающихся надъ ея душой, какъ пьяные преступники хохочутъ при видѣ своей жертвы. Все, все въ мірѣ несчастіе и ничего на свѣтѣ, кромѣ несчастія, нѣтъ. Воздухъ которымъ она дышитъ и который входитъ въ ея грудь несчастье. Стѣна мѣшающая смотрѣть дальше несчастіе. Ритмическій прибой таинственной силы приводитъ въ движеніе цѣлый океанъ горя, и люди думаютъ что это движеніе жизнь.

Все новыми и новыми наслоеніями сгущалась боль, и за этою болью Софья Васильевна уже почти не видѣла откуда ея горе пошло. Понимала она что это душевное состояніе пройдетъ, что завтра все станетъ ясно. И чтѣ тогда?

„И чтѣ тогда?“ задавала она себѣ вопросъ. Но тутъ мысль обрывалась, терялась въ темнотѣ.

А Иванъ Сергѣевичъ расхаживалъ по своему кабинету въ довольно неопредѣленномъ настроеніи. Ему, конечно, было пріятно что онъ крѣпко отплатилъ Софѣ Васильевнѣ за ея слова осужденія. Вообще она ему надоѣла, и онъ не видѣлъ основанія сдерживаться по отношенію къ ней. Но ему вмѣстѣ съ тѣмъ начинало казаться что онъ, пожалуй, перехватилъ. Во всякомъ случаѣ не надо было говорить правду.

Говорить правду должны только тѣ которымъ судьба ворожить.

III.

Софья Васильевна пришла къ Вѣрѣ Михайловнѣ Нефедовой.

— Сонечка! обрадовалась та, — вотъ не ожидала. Вотъ пріятный сюрпризъ.

Веселая, довольная своею жизнію и случаемъ показать свою парадную квартиру, Вѣра Михайловна поцѣловалась съ гостьей, для чего ей пришлось подняться на цыпочки, потомъ схватила ее за локоть и повела въ гостиную.

— Ну, вотъ, отлично! Мы съ тобой поболтаемъ вдо-
сталь какъ добрыя кузиночки... Вѣдь мы кузины, *par alliance*... Ахъ! Родственныхъ связей никогда не слѣдуетъ забывать. А ты забывала! Да, ты забывала. Нехорошо. Очень плохо. Мы года три не видѣлись.. Вотъ, вотъ, три года съ тѣхъ поръ какъ ты вышла замужъ... Представь себѣ, я тебѣ очень сочувствовала когда узнала всю эту исторію. *J'aime les caractères à l'emporte pièce*. У тебя всегда былъ такой рѣшительный характеръ, и я положительно знала что съ тобой что-нибудь такое произойдетъ. Я даже говорила Коко: „*c'est tres amusant*“. А ты и не подозрѣвала? Ты воображала что я осуждала тебя? Полно. Разъ дѣло идетъ о бракѣ, о такомъ таинствѣ... Конечно, еслибы ты просто стала жить съ человѣкомъ... Впрочемъ, зачѣмъ говорить о томъ, чего нѣтъ... Вотъ плохо ты себя вела относительно меня... Я тебя ждала. Право. Я ждала тебя. Ты сама понимаешь, я гораздо раньше вышла замужъ чѣмъ ты и я старше тебя на одинъ годъ... Ты должна была придти и показать мнѣ своего мужа котораго я почти не помню... Ты счастлива?

Всѣ эти короткія и торопливыя фразы шумѣли въ ушахъ Хрустовой какъ трещетки и разбивали то настроеніе съ которымъ она пришла. Дружелюбный пріемъ ей оказанный согрѣвалъ ей душу. Столько времени ничего не слышала она, кромѣ грубыхъ словъ!

— Нѣтъ, сказала она.—Я очень несчастна. Я знала что ты добрая, и пришла поговорить съ тобой о моемъ горѣ.

Ей показалось страннымъ и обиднымъ что такія слова стали для нея возможны. И голосъ не по-прежнему звучить.

Нефедова сразу насторожилась, словно отошла, готовясь скрыться. Она взглядѣлась въ кухню, замѣтила ея темный видъ, обратила вниманіе на скромное платье. „А! вотъ въ чемъ дѣло?“

Она сказала:

— Ты несчастна? Au fond это можно было ожидать. Видишь ли, ты вышла замужъ противъ воли родителей, а Богъ всегда за это наказываетъ. Чтò же дѣлать! Надо терпѣть. Чтò Богъ посылаетъ отъ того нельзя уходить. Можетъ быть ты несчастна потому что у тебя мало денегъ?

Софья Васильевна посмотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— Денегъ у меня совсѣмъ нѣтъ, но не въ этомъ мое горе.

Вторая половина отвѣта прозвучала для Вѣры Михайловны успокоительно, но первая ей не понравилась. На всякій случай она сочла нужнымъ принять мѣры предосторожности.

— Опять я тебѣ скажу что денегъ у тебя нѣтъ по твоей же винѣ. Я вообще никогда не осуждаю родителей parce que les parents sont ...sont une institution, которую мы должны уважать, но я должна сказать что относительно тебя они поступили по своему праву.

— Я ихъ и не осуждаю, съ тоской произнесла Хрустова.

— Вотъ за это хвалю! Это доказываетъ что у тебя осталось христіанское чувство. Посмотри на меня. Развѣ я осуждаю свою мать? А сколько я вижу отъ нея непріятностей, хотя бы опять-таки по денежнымъ дѣламъ. Какъ ты можешь быть знаешь, она дала мнѣ хорошее приданое и оставила себѣ хорошія деньги. Но когда я замѣтила что Коко слишкомъ много тратить и что мы можемъ остаться sans le sou, я получила отъ мамы остальные и держу ихъ у себя, а мамѣ даю полторы тысячи въ годъ, потому что ей больше не надо. Ты сама понимаешь что полторы тысячи это очень большія деньги. А потомъ оказалось что мамѣ мало... Она не проситъ, нѣтъ. Ты понимаешь, еслибы она просила, мнѣ было бы неловко ей отказать, но у нея такая манера, знаешь, постоянно даетъ понять, намекаетъ. Намеки, вообще, вещь непріятная. Они мѣшаютъ à la sincérité des rapports. Я же не хочу чтобы между нами были непріятности. Поэтому я попросила Коко у котораго есть знакомые, и онъ устроилъ маму въ отличной богадѣльнѣ... Не въ простой гдѣ даютъ каждый день щи, а въ такой гдѣ можно приплатить за отличную комнату и за хорошій обѣдъ. Это очень далеко, и мама рѣдко ходитъ. Можетъ быть она недовольна мною, но я все ей прощаю и молюсь за нее Богу, потому что la religion nous enseigne de pardonner les offenses. А вотъ ты говоришь что у тебя совсѣмъ нѣтъ денегъ: Это опять доказываетъ что ты не права.

Еслибы я была глупа, я бы давно была безъ денегъ, потому что Коко очень много тратить. Но я не была легкомысленна. Рыбовскій мнѣ устраиваетъ дѣла. Онъ покупаетъ и продаетъ для меня бумаги. Все идетъ очень хорошо, и ключъ отъ кассы у меня. А что мнѣ мѣшало все истратить или все раздать? Я не попрыгунья-стрекоза.

— Вѣра, ты ошибаешься, рѣзко сказала Софья Васильевна, — я не пришла просить денегъ.

— Это хорошо. Это очень хорошо, потому что я никогда никому денегъ не даю. Зачѣмъ я буду давать, когда я сама ни у кого не прошу? И если я раздамъ свои деньги, то кто же мнѣ ихъ дастъ, когда у меня ихъ больше совсѣмъ не будетъ?

Хрустова согласилась безстрастно:

— Совершенно вѣрно. Я пришла къ тебѣ съ просьбой, но не съ денежной.

— Съ какую просьбой? съ возродившеюся улыбкой проговорила Вѣра Михайловна.

— Я очень несчастна, сказала Софья Васильевна, — и я не знаю гдѣ искать конца своему горю... Отъ меня отвернулись тѣ которые всего болѣе могли бы мнѣ помочь... Мнѣ больше не къ кому обратиться, какъ къ тебѣ, къ твоему мужу... Ты не можешь себѣ представить, какъ поступилъ со мной Иванъ Сергѣевичъ.

Ей было очень тяжело и стыдно произносить эти слова, но она не сумѣла подыскать другихъ съ которыхъ легче было бы начать.

— *Top mari te rend malhereuse?* Какая ты странная, Соня! Я вижу что ты совсѣмъ не умѣешь жить. Люди только тогда могутъ сдѣлать насъ несчастными, когда мы имъ это позволяемъ, то-есть, когда мы безхарактерны и поддаемся. Если ты видишь что Иванъ Сергѣевичъ тебя не любитъ, то и ты перестань его любить, и тогда тебѣ станетъ все равно. А если онъ дурной человѣкъ, то ты успокойся на томъ что сама исполнила свой долгъ. Знаешь, когда у меня неприятности, я сейчасъ молюсь Богу за того который меня обидѣлъ. И какъ только я помолюсь, у меня является мысль что я лучше другихъ, потому что другіе, навѣрно, не помолились.

Сказавъ это, Нефедова весело улыбнулась и посмотрѣла вверхъ.

— Господи! вздохнула Софья Васильевна, — до сихъ поръ я не научилась молиться. И въ моемъ горѣ одной молитвы было бы мало!

Вѣра Михайловна покачала головой.

— О! о! Какія нехорошія слова. Ну, въ чемъ твое горе?

Съ большимъ трудомъ Хрустова повѣдала кузинѣ все то что узнала отъ мужа. Ребенокъ живъ. Его надо отыскать. Могъ бы сдѣлать это только Иванъ Сергѣевичъ, но онъ не хочетъ. Онъ смѣется. У Константина Николаевича имѣются отличныя связи... Вѣроятно, онъ не откажется помочь.

— Не могу я жить безъ своего ребенка! крикомъ закончила Софья Васильевна.

Разказавъ свое горе, она словно удвоила его. Прозвучавъ въ словахъ, оно стало ярче, опредѣленнѣй. Какъ будто отъ каждаго стона страданія попли развѣтвленія, ростки... Мальчикъ, дорогой мальчикъ, внезапно ставшій для нея существовать, мальчикъ, чье имя ей неизвѣстно!.. Мальчикъ о которомъ ей ничего неизвѣстно и котораго она себѣ не можетъ представить иначе какъ плачущимъ!

Нефедова выслушала ее съ большимъ интересомъ. Никакъ не думала она что въ жизни кузины окажется такое необыкновенное происшествіе. Очень разсудительная, она сразу поняла что помочь въ такомъ дѣлѣ невозможно. Во-первыхъ, не слѣдуетъ соваться въ исторіи. Во-вторыхъ, для Коко не особенно выгодно чтобы знали о его свойствахъ съ человѣкомъ дѣлающимъ *des canailleries papeilles*. Въ-третьихъ, извѣстно что ребенка сданнаго въ воспитательный домъ отыскать нельзя, если сданный его человѣкъ не принялъ къ тому мѣръ...

Все это Вѣра Михайловна быстро разсудила и сказала своей кузинѣ:

— Отлично! Я переговорю съ Коко. Сама понимаешь, я ни за что не ручаюсь и сразу ничего не дѣлается.

Та посмотрѣла на нее такимъ взглядомъ который весь былъ боль.

— О! Дай Богъ чтобы поскорѣй... Поскорѣй хоть какой-нибудь отвѣтъ, а то я умру. Я больше ни о чемъ не думаю. У меня сердце болитъ даже во снѣ.

— Хочешь чаю? предложила Нефедова и, замѣтивъ что этотъ вопросъ точно оскорбилъ гостью, наставительнымъ тономъ произнесла:

— Ты воображаешь что я безсердечна? Ахъ! Какая ты злая, какая ты осуждающая! Не этимъ расположишь ты Бога въ свою пользу... Но ничего, ничего... Я тебѣ прощаю. Я даже могу дать тебѣ хорошій совѣтъ. Видишь ли, все твое несчастіе происходитъ именно отъ того что ты слишкомъ мно-

го о немъ думаешь. Il faut se distraire. Я бы на твоёмъ мѣ-
стѣ поѣхала въ театръ. Я увѣрена что ты нигдѣ не бываешь,
никого не видишь. Надо быть очень осторожной въ жизни и
теперь ты непременно должна предвидѣть что твое дѣло не
удастся. А поэтому ты должна себя подготовить чтобы потомъ
не приходиться въ ужасъ... Вотъ хочешь я тебѣ приведу при-
мѣръ... Не хотѣла я объ этомъ говорить, но выдамъ тебѣ
тайну чтобы тебя успокоить. Мѣсяць тому назадъ я совер-
шенно случайно узнала что мой мужъ мнѣ измѣняетъ. Я очень
разсердилась и могла бы до сихъ поръ быть несчастною. Но
я сейчасъ же поняла что отъ слезъ и несчастія мнѣ легче
не станетъ. Поэтому я сперва помолилась, а потомъ сказала
мужу что при первой его измѣнѣ я его брошу. Такъ какъ
теперь всѣ деньги у меня, онъ будетъ остороженъ. Слѣдова-
тельно, я могу быть спокойна. Видишь ли, у всякаго можетъ
быть сильный характеръ: стоитъ только захотѣть.

— Вѣрочка, милая, дорогая! взмолилась Хрустова, — упро-
си своего мужа. Пусть онъ постарается чтобы...

Волненіе не дало ей договорить.

„Однако, какая въ тебѣ перемѣна!“ подумала Нефедова.
„Кто бы сказалъ что ты станешь такою. Прежде къ тебѣ
нельзя было подступиться, и ты называла меня дурочкою“.

Эта мысль вызвала въ Вѣрѣ Михайловнѣ нѣкоторое раз-
драженіе. Кромѣ того надоѣло нытье. Чтò за манера всюду
таскаться со своими печалами!

— Хорошо, хорошо, я скажу Коко. Перестань, пожа-
луйста. Нельзя же все одно и то же.

Софья Васильевна сразу измѣнилась. Она выпрямилась,
взглядъ ея дрогнулъ. Въ ней проснулся гнѣвъ принесшій
съ собою немедленное облегченіе. Рѣзкія и хлесткія слова
стали толпиться у нея на губахъ, перебивая одно у другаго
очередь. Въ это время раздался продолжительный звонокъ.

„Enfin! Je suis delivrée de ce tête à tête!“ мысленно обрадо-
валась Вѣра Михайловна.

Тотчасъ же изъ передней донесся шумъ. Кто-то говорилъ
очень громко взволнованнымъ голосомъ.

— Это Пармень Васильевичъ! Чтò случилось? удивилась
хозяйка, — онъ въ это время никогда не заѣзжаетъ.

Вошелъ Рыбовскій быстрымъ шагомъ. Видъ у него былъ
растерянный.

Вѣра Михайловна повторила:

— Чтò случилось?

— О! Ничего. Не пугайтесь! пробормоталъ онъ,—здравствуйте... здравствуйте, Софья Васильевна... то-есть, конечно, большое несчастье...

Видно было что мысли его въ полномъ безпорядкѣ. Волненіе его передалось Хрустовой. Она поблѣднѣла.

Нефедова рассердилась:

— Въ чемъ же дѣло? Не заставляйте меня беспокоиться. Что случилось? Крахъ? Вы не успѣли продать бумаги?

Пармень Владиміровичъ отрицательно мотнулъ головой.

— Совсѣмъ нѣтъ... Константинъ Николаевичъ очень боленъ...

— О! Неужели! вскрикнула Софья Васильевна.

— Сегодня утромъ онъ былъ совсѣмъ здоровъ, спокойно сказала Вѣра Михайловна, — васъ вѣроятно испугалъ какой-нибудь обморокъ. Съ нимъ часто бываютъ обмороки послѣ кутежей. Вѣроятно, онъ завтракалъ въ такой компаніи...

Голосъ ея звучалъ сухо, съ отгнкомъ глубокаго презрѣнія. Ея спокойствіе внушило Рыбовскому храбрость. Онъ почти прокричалъ:

— Константинъ Николаевичъ скончался!

Вѣра Михайловна вздрогнула. Мысль о цѣломъ рядѣ грустныхъ впечатлѣній и неприятныхъ хлопотъ взволновала ее такъ что охватившее ее безпокойство можно было принять за огорченіе.

— Умеръ! вполголоса произнесла она.

Ей ни мало не захотѣлось плакать. „C'est vrai!“ Подумала она. „Il y a longtemps que je ne l'aime plus. Въ сущности, безъ него спокойнѣй будетъ жить. Сколько окажется послѣ него долговъ“?

Софья Васильевна смотрѣла на нее съ удивленіемъ. Какъ, ни одного крика?

— Это неожиданное несчастье, сказала Нефедова. — Онъ скончался при васъ?

— Да... Онъ упалъ... Мы призвали доктора который опредѣлилъ разрывъ сердца.

— Гдѣ? рѣзко спросила Вѣра Михайловна.

Растерянно Пармень Владиміровичъ повторилъ:

— Разрывъ сердца...

— Да гдѣ, я васъ спрашиваю, гдѣ это съ нимъ случилось? Въ ресторанѣ?

— Нѣтъ, не въ ресторанѣ, такъ, знаете, пробормоталъ Рыбовскій.

Адвокатъ развелъ руками. Положительно онъ предпочиталъ молчать. Но молчать было трудно. Поэтому онъ заявилъ:

— Покойника сейчасъ доставятъ сюда, въ каретѣ... чтобы никто не зналъ что онъ умеръ не дома... полиція приметъ мѣры...

Нефедова пришла въ ярость:

— Да гдѣ же онъ умеръ? Я хочу знать.

Нечего было дѣлать, пришлось Пармену Владиміровичу объяснить что Константинъ Николаевичъ умеръ у такой дамы у которой умирать совсѣмъ неприлично. Онъ ожидалъ что Вѣра Михайловна дастъ полную волю неистовству и чрезвычайно удивился когда слышалъ ея слова:

— Я такъ и думала, какъ только вы начали говорить... И вы тамъ были? Ну, знаете, я перестану довѣрять вамъ свои дѣла. Но обо всемъ этомъ потомъ... Его сейчасъ привезутъ? Отлично. Надо будетъ призвать доктора чтобы констатировать смерть, потомъ раздѣть его, обмыть, распорядиться насчетъ панихидъ и похоронъ. Я все это сдѣлаю и попрошу васъ мнѣ помочь. Ты видишь, Соня, que ma vie á moi aussi n'est pas rose... Но я надѣюсь что Богъ меня не оставитъ. Я же прощаю своему мужу всѣ его грѣхи. Теперь уже не намъ о нихъ судить.

Она перевела духъ, перекрестилась и ровнымъ голосомъ произнесла:

— Царствіе ему небесное!

IV.

Софья Васильевна пришла къ княжнѣ Ксеніи Владиміровнѣ. За нѣсколько минутъ до своего прихода не ожидала она что у нея явится рѣшимость войти въ квартиру родителей. Видѣть Ксенію ей хотѣлось прямо-таки болѣзненно. Въ больной душѣ своей двоюродной сестры она угадывала готовый откликъ на ея безмѣрное страданіе. Ей казалось что уже не помощь ей нужна, а только простое сочувствіе... Но Ксенія живетъ у ея родителей. Не можетъ она войти къ нимъ, потому что отъ перваго ихъ взгляда въ ней зародится столько стыда что душа не выдержитъ... Вызвать Ксенію невозможно... Встрѣтиться съ ней случайно? Гдѣ? Бѣдная Ксенія не отходитъ отъ Андрюши...

И ей случалось по нѣскольку разъ въ день, прикрывъ лицо муфтой, проходить по Моховой мимо знакомаго дома. Съ болью въ сердцѣ и слезами на глазахъ она заглядывала въ окна, ждала чего-то. Представлялось ей что тутъ, за толстою сѣрою стѣной, она сумѣла бы найти хоть минуту утѣшенія. Съ ужасомъ думала она о томъ что въ какихъ-нибудь двадцати минутахъ ходьбы отсюда, на другой ненавистой улицѣ, темнѣетъ то зданіе гдѣ жизнь для нея чернѣе смерти. Изъ того проклятаго дома она уйти не можетъ, потому что нѣтъ мѣста куда бы она могла придти.

Но она хоть можетъ уходить на цѣлые часы, спасается на улицѣ съ ощущеніемъ неизбѣжно предстоящаго ей ужаснаго возвращенія. И каждый разъ, возвращаясь, она съ тоской видитъ въ себѣ смутную надежду на то что произойдетъ какая-то невѣдомая перемѣна, что неожиданною волной жизни ее внезапно придвинетъ вплотную къ смерти... Внѣ смерти спасенія нѣтъ... Узнать что ребенокъ погибъ для нея безвозвратно, и тогда умереть... Но сперва надо узнать чтобы не пришлось раскаяться въ смерти такъ же, какъ теперь она раскаивается въ своей жизни.

Идетъ она по улицѣ, видитъ дома, магазины, прохожихъ, а кругомъ нея словно пустыня стелется... Чужая жизнь для нея не жизнь... другіе люди живутъ и не знаютъ ея горя, живутъ внѣ окутывающаго ее мрака...

Проходятъ они мимо, не видя ея страданія... Носится она съ цѣлымъ міромъ наболѣвшихъ терзаній, а до этого міра никому дѣла нѣтъ. Она могила вокругъ которой красуются цвѣты, проведены чистыя дорожки... Съ каждымъ мигомъ горе растеть, горе накаплиется... Въ душѣ столько горя что она изуродована. Нельзя показать людемъ душу. Они отвернутся съ отвращеніемъ, побоятся заразить свои души страданіемъ... Идетъ она по улицѣ, торопится, бѣжитъ съ пристальнымъ взглядомъ зеленыхъ глазъ, и сама себя видитъ, жалкую, навѣки безрадостную... Скорби въ ней столько что мысли устали... Подѣлиться нужно, открыть свою душу и почувствовать что кто-то понялъ и пожалѣлъ... Еслибы всѣ эти люди которымъ все равно узнали правду, неужели они могли бы улыбаться? Могли бы, да, навѣрно... Тотъ, злобный, Иванъ Сергѣевичъ, не всю злобу міра въ себѣ претворилъ... И равнодушіе хуже злобы, потому что оно людямъ нужнѣй... Господи! Всякая мысль это боль...

Идетъ она, торопится и вдругъ останавливается словно

пригвожденная къ мѣсту. Въ быстро пронесшейся каретѣ она увидала отца и мать. Они ея не узнали, не замѣтили, но она увидѣла ихъ послѣ трехъ лѣтъ! Ихъ лица мелькнули, и все увидѣла она что въ нихъ дорого... Теплое чувство дѣтской любви проснулось въ ней, и она сдѣлалась еще болѣе несчастна, разглядѣвъ что они не такіе, какими стала ихъ воображать. За три года они въ ея представленіи измѣнились, обрисовывались какими-то изображеніями гнѣва и презрѣнія... Думала она что своимъ поведеніемъ внушила имъ навѣки суровость... А тутъ вдругъ увидѣла она добродушное, немного жалкое лицо отца, уловила скорбное выраженіе на лицѣ матери... О! Кинуться къ нимъ.

А вдругъ одного ея появленія будетъ достаточно чтобы брови сдвинулись, чтобы раздался сердитые голоса?

Испугалась она, дрожить. Въ ея наболѣвшей душѣ все постоянно готово для страха и для слезъ.

Внезайная мысль сверкаетъ въ ней, вызываетъ радость и волненіе... Отецъ и мать поѣхали на похороны Константина Николаевича Нефедова... Сегодня его хоронять... Имъ не вернуться раньше какъ черезъ два часа. Ксенія осталась дома... Пойти къ ней, поцѣловать ее, почувствовать на себѣ ея поцѣлуй... И Андрюшу увидѣть... Войти опять въ это родное страданіе котораго она столько лѣтъ не понимала и которое теперь согрѣетъ ей сердце.

Торопится она, почти бѣжить, видитъ знакомый домъ. По мѣрѣ того какъ она къ нему приближается, чувство мучительной поспѣшности разрастается въ ней... Господи! И могла она жить безъ Ксеніи, могла проходить мимо этого дома... Теперь она вошла бы даже въ присутствіи отца и матери, вошла бы даже для того чтобы безжалостно быть изгнанной.

Вотъ подошла она совсѣмъ близко, нервно ускоряя шагъ... Двѣ дамы, идя навстрѣчу, на мигъ заградили ей путь, и она едва не заплакала... Наконецъ, входитъ онъ въ подъѣздъ, и сразу на нее нахлынули впечатлѣнія возобновленіемъ прошлаго... Словно перерождается она, вновь чувствуетъ себя Соней, перестаетъ быть Хрустовой, ощущаетъ въ себѣ быстро нарастающую радость... Милая, дорогая, знакомая лѣстница... мраморный каминъ vestibюля, золоченныя рамы зеркалъ, своеобразный рисунокъ ковра... все это подробности которыя живутъ и дышатъ... И все тотъ же швейцаръ, старикъ Илья... Онъ смотритъ на нее съ удивленіемъ, видно что онъ радуется.

— Дома княжна Ксенія Владиміровна?

— Дома, ваше сіятельство, дома, пожалуйста, торопливо отвѣчаетъ швейцаръ, попрежнему обращаясь къ ней какъ къ княжнѣ... И въ этихъ двухъ словахъ „ваше сіятельство“ звучитъ какъ бы стихійное отрицаніе того чего и не должно было бы случиться... звучитъ въ нихъ точно признаніе ея права на прошлое, бессознательное указаніе на то что будущее для нея не закрыто...

— Здравствуй, здравствуй, Илья, говоритъ Соня и спѣшитъ наверхъ, ободренная и счастливая, въ жаждѣ наступленія слѣдующихъ минутъ... Безбрежною радостію представляется ей то время которое она проведетъ у Ксеніи. Только это время она и видитъ, оьяненная впечатлѣніями отъ какихъ она отвыкла. Съ каждою ступенькой чувствуетъ она какъ входитъ въ родную жизнь готовую ее принять и защитить, съ каждымъ шагомъ растетъ въ ней вдохновеніе какое-то... Упоеніе охватываетъ ее... Она ощущаетъ что стѣны и двери ее принимаютъ, что окружающее какъ будто находитъ себѣ желанное дополненіе въ томъ что она на него смотритъ... Входитъ она въ раскрытую дверь квартиры, пронесится мимо удивленнаго лакея и спѣшитъ въ свою комнату, туда гдѣ она когда-то считала себя въ тюрьмѣ и гдѣ для нея теперь прошлое создало себѣ храмъ. Дрожашею и холодною рукой напираетъ она на ручку двери, входитъ и слышитъ возгласъ звучащій радостію и испугомъ:

— Соня, ты!

Это крикнула Ксенія, дорогая, хорошенькая Сеня въ которой красота сверкаетъ ангельскимъ сіяніемъ. Вотъ она, чудная, безгрѣшная, святая. Вотъ ея добрые голубые глаза, дивные золотистые волосы... весь ея ласковый обликъ... Вотъ она, та о которой мечталось такъ, какъ будто она живетъ высоко на небѣ.

— Ксенія, ангель!

И онѣ цѣлуются, плачутъ, смѣются. Ихъ обѣихъ охватилъ вихрь рѣзкаго счастья, вѣющій безуміемъ, неземною радостію.

— Соня, славная, хорошая, какъ я рада тебя видѣть... Ты вернулась? Ты совсѣмъ вернулась? Ты будешь просить прощенья? О, пожалуйста, проси... Они простятъ, они тебя любятъ... Развѣ можно увидѣть тебя и не простить... Миѣ здѣсь стало хорошо, будетъ хорошо и тебѣ...

— Ксенія, чудная, святая... Прости меня, ты меня прости. Утѣшь, приласкай. Миѣ это нужно, такъ нужно...

— Ты несчастна? Говори, почему ты несчастна, разкажи все... Мы поплачемъ вмѣстѣ, и такъ намъ будетъ хорошо...

— Разказать? Все? Потомъ... Дай посмотрѣть на тебя... Да, ты другая стала... у тебя изъ глазъ смотритъ тихая душа... А у меня злая. Похорошѣла ты, свѣтлая стала, небесная. А я! А я!

— Соня, перестань, не волнуйся, успокойся. Я хочу тебя видѣть, а волненіе мѣняетъ твое лицо. Дорогая моя, бѣдная...

— Гдѣ Андрюша? Покажи мнѣ Андрюшу... чтобы я могла его поцѣловать, просить у него прощенія за то что я его не любила... О, я никого не любила, и всетаки мнѣ нужно чтобы теперь меня любили всѣ...

— Вотъ Андрюша, показываетъ Ксенія, — тутъ на диванѣ... видишь...

Соня видитъ, и ей дѣлается больно... Вотъ онъ, большой, крѣпкій, съ потемнѣвшими волосами. Онъ сидитъ на диванѣ, улыбается, смотреть на нее... Можно подумать что онъ ее узнаетъ. Она кидается къ нему, цѣлуетъ его, прижимаетъ свое лицо къ его лицу, а онъ шепчетъ очень внятно:

— Кто? Кто? Кто?

— Онъ говоритъ! вскрикиваетъ Соня.

Ксенія радостно подтверждаетъ:

— Да, говорить... только два-три слова... мое имя... тетю онъ называетъ мамой... Сейчасъ онъ въ первый разъ сказалъ „кто“... О! Я его вылечу.

Снова цѣлуются онѣ, снова счастливы.

— Почему ты несчастна, разказывай, просить Ксенія.

Соня приступаетъ къ разказу, но сразу видитъ что нельзя, нельзя. Ея ненавистное горе проснулось, очарованіе нарушено, волшебство чарующаго сна миновало.

— Довольно, довольно, благодарю, шепчетъ она, — я несчастная, я сумашедшая, я не могу. Я приду въ другой разъ, я приду къ мамѣ, буду просить... Я ей разкажу, а потомъ приду къ тебѣ, чистая.

И она уходитъ съ такою же поспѣшностію съ какою вошла, торопится унести съ собою ненарушеннымъ впечатлѣніемъ счастливыхъ минутъ, взволнованно думаетъ о томъ что съ этими впечатлѣніями ей нужно бѣжать въ церковь, въ ту самую церковь которая спасаетъ все человѣчество.

Вотъ она снова на улицѣ, снова спѣшитъ, но уже другая, одухотворенная надеждою и вѣрою, словно унесла съ собою лучи сіянія исходящаго отъ Ксеніи. Она входитъ въ

храмъ, опускается на колѣна, молится, словъ не произнося. Душа ея возносится куда-то вверхъ, безмолвная молитва объединяетъ ея земное страданіе съ обѣтованіемъ неземнаго. И вдругъ точно оборвалось въ ней чувство, застыла душа. Она вспомнила фарисейскія молитвы Вѣрочки. Подступило къ ней со всѣхъ сторонъ ощущеніе лжи, злобы, обиды. Подхватила ее волна жизни, потянула къ себѣ назадъ, снова смѣшала ея душу съ горемъ и грязью.

И Софья Васильевна вышла изъ церкви съ такимъ чувствомъ, какъ будто церковь ея не приняла.

V.

Софья Васильевна пришла къ Пармену Владиміровичу.

Ее толкало отъ одного къ другому, съ мѣста на мѣсто. Всюду искала она успокоенія, не находила его нигдѣ. Отъ посѣщенія двоюродной сестры не стало ей легче. Напротивъ, душа наболѣла сильнѣй. Рѣзче обозначалось ея горе. Теперь, продолжая биться въ сѣти окутавшихъ ее страданій, она видѣла въ себѣ меньше энергіи. Мысль о ребенкѣ ее не покидала. И это была не мысль, а скорѣе чувство въ которомъ каждая частица дышала болью.

Къ Пармену Владиміровичу рѣшила она обратиться потому что слышала о немъ какъ о человѣкѣ практичномъ.

Онъ выслушалъ ее внимательно, испытывая большое удовольствіе отъ ея разказа. Ему нравилось что наконецъ-то сущность Хрустова вылилась въ фактъ. Отнынѣ, когда ему захочется сказать что Иванъ Сергѣевичъ подлець, онъ будетъ приводить въ подтвержденіе своихъ словъ довольно типичный случай.

— Итакъ, чего же вы собственно желаете? спросилъ онъ когда Софья Васильевна ему все разказала.

— Найти своего ребенка...

Рыбовскій улыбнулся.

— Вы обратились въ контору воспитательнаго дома?

— О! Нѣтъ!

Она покраснѣла при одной мысли о томъ что могла бы войти со своимъ несчастіемъ въ какую-нибудь контору гдѣ сидятъ равнодушные люди и пишутъ цифры въ большихъ книгахъ.

— Жаль. Вы бы сразу убѣдились въ тщетѣ своихъ надеждъ. Сдаль ребенка вашъ мужъ и только онъ одинъ могъ бы вамъ помочь, но, очевидно, не захочетъ... Тутъ никакія силы не могутъ быть вамъ полезны. Да оно въ сущности и ни къ чему... Живъ ли онъ еще? Наконецъ, еслибы совершенно исключительное вмѣшательство пришло къ вамъ на помощь, я бы не взялъ на себя смѣлость утверждать что тотъ мальчикъ котораго вамъ вернуть дѣйствительно вашъ...

„Я слушаю и не страдаю!“ удивилась Софья Васильевна.
„Я слушаю и я все та же“.

Но едва успѣла она такъ подумать, какъ сильная душевная боль заставила ее поблѣднѣть.

— Никакой надежды? прошептала она.

— Никакой, подтвердилъ Пармень Владиміровичъ.— Знаете чтò, милая барыня, я вамъ совѣтую оставить это дѣло, то-есть, не подходить къ нему съ этой стороны. Полноте. Вы считали своего сына умершимъ, даже, кажется, мертворожденнымъ, такъ и продолжайте считать что такъ оно и есть. Насколько я знаю Ивана Сергѣевича, онъ способенъ былъ даже всю эту исторію сочинить чтобы доставить вамъ рядъ волненій.

— Неужели! вскрикнула она, внезапно радостная, и всѣ мысли ея вернулись къ той минутѣ когда мужъ ей сказалъ о своемъ поступкѣ. Она увидѣла предъ собой его лицо, услышала его голосъ... и все это такъ явственно что дрожь ее охватила.

Упавшимъ, едва слышнымъ голосомъ она произнесла:

— Нѣтъ, это правда. Онъ не солгалъ.

— Что же, въ такомъ случаѣ оно не такъ дурно. Вы теперь можете отъ него избавиться.

— Разводъ?

„Господи! Господи! Неужели я могу развестись!“ подумала она, не смѣя вѣрить такому счастью. „Уйти! Уйти на вѣки“...

Пармень Владиміровичъ засмѣялся.

— Ахъ, барыня, барыня милая, какъ все у дамъ скоро дѣлается. Для формальнаго развода нѣтъ никакого законнаго основанія. Вы, очевидно, воображаете что вашъ мужъ совершилъ преступленіе. Нисколько. Юридически онъ чистъ до великолѣпія. Но мы вамъ устроимъ отдѣльный видъ на жительство черезъ комисію прошеній.

— Это возможно? Я не буду отъ него зависѣть?

„Да развѣ я отъ него завишу?“ тотчасъ же указала она себѣ. „Развѣ онъ станетъ мнѣ мѣшать, если я захочу отъ него уйти? Развѣ этого мнѣ нужно?“

— Вполнѣ возможно, сказалъ Рыбовскій, — потребуется только навести кое-какія справки, разыскать прислугу какая у васъ была въ то время, вообще подобрать доказательства того что ребенокъ былъ живъ и вашимъ мужемъ унесенъ живымъ изъ квартиры. Конечно, все это потребуетъ расходовъ...

Софья Васильевна пожала плечами.

— Нѣтъ, я не хочу. Мнѣ не отъ мужа нужно уйти, а отъ самой себя.

— Можетъ быть у васъ нѣтъ денегъ?.. Не беспокойтесь, я возьму расходы на себя, а вы мнѣ потомъ отдадите, когда сойдетесь съ своими родителями. Я и въ этомъ могу вамъ помочь, предложилъ Пармень Владиміровичъ.

Она посмотрѣла на него съ такимъ удивленіемъ, точно его слова были для нея совсѣмъ непонятны.

— Денегъ у меня нѣтъ, спокойно проговорила она, — но ядъ у меня имѣется. Это лучше. Прощайте. Я сперва хорошенько подумаю, а потомъ вѣроятно отравлюсь.

VI.

Неожиданное появленіе Алекса очень порадовало князя Николая Васильевича.

Младшій Хрустовъ мало измѣнился. Онъ окрѣпъ, возмужалъ, отпустилъ бороду, но въ глазахъ была прежняя энергія, молодости не убавилось въ немъ вовсе. Взглянувъ на него, Могиловъ-Стольный увидѣлъ всю перемѣну которая въ немъ самомъ произошла. Пока жизнь закаляла Алекса, Николая она истрепала. „И вѣдь мы были когда-то почти одинаковы!“ съ тоской подумалъ князь. На мигъ въ немъ поднялась энергія вызванная сознаниемъ того что отъ бездѣйствія атрофируется въ немъ душа.

— На долго? спросилъ онъ послѣ первыхъ привѣтствій.

— Не на долго, а совсѣмъ, съ веселымъ смѣхомъ объявилъ Алексъ, — я переведенъ сюда товарищемъ прокурора.

— Ты давно пріѣхалъ?

— Третьяго дня... О! Не беспокойся, я все знаю... Я поселился у отца, встрѣтилъ Мерлона, имѣлъ удовольствіе сейчасъ видѣть Рыбовскаго, и всѣ поступки моего брата мнѣ хорошо извѣстны. Жаль, не попалъ сегодня на похороны Нефедова... Да и ты, поди, не былъ... Если позволишь, мы

объ этомъ не будемъ говорить. Дай срокъ, на всякіе разговоры и на всякіе поступки найдется время. Я примусь за свою прежнюю семью тогда когда устрою здѣсь жену и дѣтей.

— У тебя дѣти? удивился Могиловъ-Стольный.

Алексъ засмѣялся.

— Послушай, отчего же имъ не быть? Да, у меня двое, сынъ и дочь... какъ это называется, розовыя дѣтки... Какъ только я найду квартиру, я ихъ выпишу сюда. Ну, а ты что?

Николай Васильевичъ съ горестью усмѣхнулся.

— Я? Ровно ничего. Пребываю въ собственной пустотѣ. Всмотрѣлся въ него Александръ Сергѣевичъ, сдвинулъ брови.

— Вотъ какъ?.. Въ самомъ дѣлѣ, отъ прежняго въ тебѣ осталось мало. Ты словно погасъ. Впрочемъ, буду допрашивать обстоятельно... Служишь?

— Числюсь... Эта работа меня не интересуеть... на мелочахъ держать, ничего существеннаго не поручаютъ...

— Ну, да, тебѣ сразу бы весь капиталъ... Чѣмъ же ты занимаешься?

— Ничѣмъ... Читаю... Въ прошломъ году я съ тоски вздумалъ было изучать арабскій языкъ...

— Еслибы не съ тоски, тогда было бы не такъ глупо.. Влюбленъ?

Князь только пожалъ плечами.

Алексъ даже рассердился.

— Ну, скажи пожалуйста, для какого чорта ты ушелъ изъ родительскаго дома?.. Ты мерзлый цыпленокъ который полѣзъ въ пѣтухи... Ну, ну, не обижайся... Что это за жизнь! Завелъ себѣ квартиру, а душою не обзавелся. Прежде она у тебя была...

— Да, прежде была... только потому что прежде у меня былъ гнѣвъ. Было нѣчто опредѣленное что меня сердило. Я протестовалъ. Понимаешь, это придавало смыслъ моей жизни. А теперь ни за что ухватиться не могу. Все то что меня возмущало можетъ быть и существуетъ, но оно стало неуловимо.

— А, вотъ какъ! Ты съ Донъ-Кихотомъ пошелъ бы на вѣтряную мельницу только потому что она издали видна... Ты согласенъ видѣть врага лишь въ томъ случаѣ, если онъ нагло кричить: „посмотрите на меня, я здѣсь“... Это, братъ, происходитъ отъ лѣни. А ты не лѣнись, поищи. Та гнусность которая нѣкогда возмущала насъ за послѣднее время переро-

дилась... Она не выдержала сопротивленія. Корень перегниль, и пошли отъ него мелкіе ростки, а перегной удобрилъ ниву пошлости. Чтò и говорить, прошло то время когда безчинствовали преступникъ, но остались пошляки плодovitые какъ кролики. Эхъ, ты, воображаешь себя Ахилесомъ и праздно размышляешь о Гекторѣ въ то время какъ намъ всѣмъ слѣдуетъ помнить что, пока Гуливеръ спалъ, лилипуты его связали по рукамъ и по ногамъ. По нынѣшнимъ временамъ челоуѣчество умѣетъ себя оградить отъ хищныхъ животныхъ, но на смѣну шакаламъ появились микробы.

Николай Васильевичъ слушалъ равнодушно. Ему было все равно. Давно пересталъ онъ интересоваться тѣмъ чтò не касалось лично его.

Алексъ продолжалъ:

— Отъ этихъ микробовъ намъ никогда не отдѣлаться по той простой причинѣ что нѣтъ организма въ которомъ не было бы элементовъ стремящихся ему вредить, либо сознательно, либо въ силу чисто механической борьбы за существованіе. И всякій организмъ долженъ съ этими микробами бороться, а не успокаиваться на томъ что они больно малы. Слава Богу, тѣло Руси въ достаточной мѣрѣ снабжено фагоцитами поглощающими микрококовъ. Центральнѣйшій такой фагоцитъ заключается въ національномъ самосознаніи. Противъ него и направлены всѣ силы микробовъ. Расплатить это самосознаніе, вотъ ихъ задача, раздробить его имъ хочется, повернуть исторію назадъ, во чтò бы то ни стало разложить общее на поддѣльныя составныя части. Главная цѣль ихъ убить въ Россіи Русь. О! Все это дѣлается не открыто, не прямо, а обходнымъ путемъ, подъ прикрытіемъ громкихъ словъ. Не даромъ во главѣ движенія стоятъ Евреи за которыми тянется длинный хвостъ инородцевъ. А къ этимъ инородцамъ примыкають и тѣ Русскіе относительно которыхъ искренно сожалѣешь что они носятъ русскія имена, иногда очень громкія, не заслуживая русскаго имени. Ты думаешь что я преувеличиваю. А постарайся представить себѣ слѣдующее... Возьми два разказа. Въ одномъ описана какая-нибудь прескверная русская семья, а во второмъ изображается что-нибудь нелестное изъ еврейскихъ нравовъ. Будь увѣренъ что первый разказъ не вызоветъ протестовъ, а второй подниметъ цѣлую бурю. Будутъ кричать: „Клевета. Не либерально. Донось“. У насъ вѣдь такъ, кстати отмѣтить, сложилось что наши противники монополизировали всѣ добродѣтели и не со-

гласны признать за нами ни одной, между тѣмъ какъ они этимъ самымъ кладутъ клевету въ основу своей дѣятельности. А мы смотримъ на это съ глубокимъ спокойствіемъ или ровно ни на чтѣ не смотримъ, вотъ, какъ ты, напримѣръ...

— Что же, прикажешь мнѣ ополчиться? съ неискренней усмѣшкой сказалъ Могилловъ-Стольный.

— Во всякомъ случаѣ прикажу не записываться въ инвалиды. Если для того чтобы вызвать въ тебѣ энергію нужны убійства, нельзя скрыть что твоя энергія стоила бы слишкомъ дорого. А куда дѣлось твое намѣреніе посвятить себя отысканію убійцы Владиміра Андреевича?

Николай Васильевичъ развелъ руками.

— Ты говоришь несообразности... Тебѣ же извѣстно что слѣдствіе вели не глупые люди и что ничего найти не удалось.

— Что же, по твоему, коль скоро виновнаго не нашли, то его и нѣтъ? Да мнѣ наконецъ все равно что бы ты ни искалъ: убійцу своего дяди, дороги на сѣверный полюсъ или средства отъ чахотки, лишь бы ты чѣмъ-нибудь разбудилъ себя. Противно смотрѣть какъ ты киснешь...

Вошелъ лакей.

— Ваше сіятельство, одна дама васъ спрашиваютъ...

— Дама? Незнакомая?

Князь удивился.

— Я радъ придраться къ этому случаю чтобы уйти, сказалъ Александръ Сергѣевичъ,—до свиданія. И пожалуй не до скорого.

— Алексъ! Алексъ! Это вы! Нѣтъ не уходите! вскринула Софья Васильевна, поспѣшно входя,—для меня не могло быть большаго счастья какъ увидѣть сразу и васъ и брата.

— Соня! Ты! заволновался Могилловъ-Стольный.—Чтѣ случилось?

И онъ самъ въ ту же минуту понялъ насколько бессмысленъ былъ его вопросъ. Развѣ онъ не знаетъ что за послѣдніе дни произошло въ жизни сестры? Развѣ ему неизвѣстно что горе привело ее въ ту глубину страданія гдѣ уже ничего „случиться“ не можетъ?

Алексъ горячо проговорилъ:

— Я радъ васъ видѣть. Я хотѣлъ идти къ вамъ, но мнѣ нужно было сперва приготовиться къ встрѣчѣ съ Иваномъ.

Братъ и сестра поцѣловались.

— Бѣдная, бѣдная, прошепталъ Николай.

Она начала:

— Я пришла чтобы...

Внезапно слезы залили ей лицо. Въ первый разъ за всѣ дни мученія она заплакала полною грудью, съ какимъ-то наслажденіемъ, съ такимъ чувствомъ какъ будто она перестала черезъ силу бороться съ теченіемъ и дала потоку себя унести. Слезы давали ей ощущение теплаго отдыха, что-то дѣтски-чистое возродилось въ ней воскрешенное этими слезами. Ни самолюбія, ни гордости въ ней не было. Всею ея душой овладѣлъ плачь. Ея несчастье, ея безсиліе переродилось въ особую сладость грусти. Плакала она и думала: „отчего нельзя плакать всегда?“

— Мы знаемъ зачѣмъ вы пришли, дрогнувшимъ голосомъ произнесъ Александръ Сергѣевичъ, —ничего не разказывайте, потому что намъ все извѣстно. Ничего не просите, потому что мы сами сдѣлаемъ все что нужно.

Соня продолжала плакать, закрывъ лицо. Плачь ея былъ слышенъ какъ у дѣтей.

У князя были слезы на глазахъ. Его мучила совѣсть. Неужели надо было дождаться чтобы сестра пришла! Неужели нельзя было пойти къ ней и сказать: „тебѣ можетъ быть нуженъ близкій человѣкъ, разчитывай на меня“... Нѣтъ, въ своей тусклой и безсодержательной хандрѣ онъ постыдно замеръ, точно пустота его души окружала его, не давая видѣть и чувствовать. Онъ эгоистиченъ какъ ничтожество. Онъ ничто, потому что сердце его бесплодно.

„Быль! Быль!“ мысленно прокричалъ онъ. „Теперь я не буду такимъ. Я посвящу себя исцѣленію горя сестры. Я ее спасу!“

Алексъ далъ Сонѣ стаканъ воды.

„Даже этого не сумѣлъ я сдѣлать!“ съ презрѣніемъ къ самому себѣ подумалъ Николай.

Отпивъ нѣсколько глотковъ, Соня успокоилась. Посмотрѣла она на брата и на Алекса съ такимъ видомъ, какъ будто пробудилась отъ сна. Ея взглядъ выражалъ беспомощность, усталость, разочарованіе. Слезы прошли. Прежней боли нѣтъ, но нѣтъ и радости, нѣтъ вѣры въ то что радость можетъ быть. Зачѣмъ же было плакать? Отчего же душа просила рыданій?

— Соня, ты останешься у меня, сказалъ князь, —я не хочу чтобы ты вернулась къ своему мужу... Я не...

— Но онъ-то не побоятся къ тебѣ придти! прервалъ

Александръ Сергѣевичъ, — ему она нужна какъ жертва которую можно терзать. Онъ придетъ за ней. А каковъ ты будешь въ ту минуту? Теперешнимъ или прежнимъ какимъ я тебя засталъ? Ей мѣсто дома, у княгини Глафиры Николаевны которая ее приметъ, я за то ручаюсь. А пока мнѣ уластся это дѣло уладить, Софья Васильевна будетъ жить у моего отца куда братъ не придетъ, потому что онъ знаетъ что я тамъ остановился до прїѣзда семьи. Софья Васильевна, вѣрите вы мнѣ, полагаетесь на меня? Идемте къ моему старику. Онъ васъ прїютитъ, и я буду вашею защитой.

Почти неслышно Соня проговорила:

— Я вамъ вѣрю. Я пойду за вами.

— Дѣлай какъ знаешь! недовольнымъ тономъ произнесъ Николай.

Онъ сознавалъ что Алексъ правъ. Обидно было ему, и онъ рѣшилъ что такъ или иначе докажетъ свое пробужденіе.

VII.

Состоя въ теченіе семи лѣтъ покровителемъ Даши Скворца, князь Василий Андреевичъ Могиловъ-Стольный былъ въ достаточно сильной степени ею прїученъ ко всякимъ неожиданностямъ, преимущественно непрїятнаго свойства. При всей своей непроницательности онъ никакъ не могъ уклониться отъ полной увѣренности въ томъ что она не отплачиваетъ ему вѣрностію за крупный ущербъ причиняемый ею его состоянію. Даша Скворецъ такъ мало стѣснялась въ своихъ дѣйствіяхъ что князь вѣроятно разглядѣлъ бы свою несчастную роль и безъ содѣйствія лицъ посылавшихъ ему анонимныя письма. А такихъ писемъ получалъ онъ не мало. Онъ ихъ читалъ съ чувствомъ большой досады, не понимая, какое находятъ люди удовольствіе въ томъ чтобы вмѣшиваться не въ свое дѣло. Очевидно, это пишутъ враги Даши, но ей отъ того никакихъ огорченій не причиняютъ, потому что онъ объ анонимныхъ письмахъ ничего ей не говоритъ. Отдавая себѣ отчетъ въ томъ что его поведеніе по отношенію къ княгинѣ Глафирѣ Николаевнѣ заслуживаетъ осужденія, онъ находилъ что смѣна Даши Скворца другою личностью была бы только усугубленіемъ его вины. Кромѣ того, онъ не могъ не сомнѣваться въ томъ что женѣ все извѣстно. И въ ея молчаніи

онъ находилъ какъ бы разрѣшеніе продолжать. Ссориться съ Дашей онъ ни за что не хотѣлъ. Прежде всего, въ немъ было большое отвращеніе ко всякаго рода осложненіямъ создающимъ сразу новыя положенія и требующимъ новыхъ мыслей. Потомъ онъ къ Дашѣ привыкъ. Конечно, онъ ея не любилъ. Это облегчало ему равнодушное отношеніе къ ея измѣнамъ. Но привычка къ ней была большая. Эта женщина заполняла часть пустаго пространства изъ котораго состояла его жизнь. Исчезни она почему-либо внезапно изъ его жизненного обихода, онъ оказался бы въ такомъ же положеніи какъ человѣкъ на склонѣ дней отодвинутый отъ обстановки, въ которой онъ не умѣетъ существовать. И нельзя сказать чтобы такая привычка находила себѣ объясненіе въ особенныхъ чарахъ Даши Скворца. Наружность Даши была ничѣмъ не примѣчательна. Еще лѣтъ семь тому назадъ, когда ей пошелъ двадцать восьмой годъ и когда Василій Андреевичъ вступилъ съ нею въ договорныя отношенія, въ ней была несомнѣнная миловидность, сверкаль заманчивый задоръ. Съ годами это прошло. Профиль ея сталъ тяжелымъ, а задоръ погасъ. Вѣроятно отъ хорошей жизни. Если же при этомъ находились охотники снабжать матеріаломъ энергію авторовъ анонимныхъ писемъ, то вѣроятно потому что Дашу въ значительной мѣрѣ украшала окружающая ее богатая обстановка, и что съ лицами не содѣйствовавшими ея благосостоянію она умѣла быть иногда забавною. Съ княземъ же она вела себя прямо-таки невыносимо, обращалась съ нимъ грубо, охотно надъ нимъ насмѣхалась и не скрывала отъ него что только въ его деньгахъ находить смыслъ, а никакъ не въ немъ самомъ. И Василій Андреевичъ безпрекословно производилъ платежи. Будучи очень богатъ, онъ могъ тратить большія суммы. Однако, требованія Даши Скворца подчасъ были таковы что князю пришлось бы призадуматься надъ вопросомъ, не слишкомъ ли для него велики производимые расходы, еслибы онъ, несчастный, вообще былъ способенъ серьезно о чемъ-нибудь думать. Но болѣзненная слабость его мозга не допускала въ немъ правильной умственной работы. Въ немъ чувство всегда преобладало надъ мыслию. И онъ чувствовалъ что только давая Дашѣ много денегъ, онъ сохраняетъ за собой надъ нею хоть какое-нибудь преимущество. Ему представлялось что долгъ порядочнаго человѣка повелѣваетъ ему платить и что только такимъ образомъ создаются условія ограждающія его отъ худшаго. Худшимъ онъ считалъ

всякій скандалъ, всякое отступленіе отъ приличія. Сознавая себя обыкновеннымъ и далеко не прекраснымъ человѣкомъ (и это сознаніе не огорчало его, а только ставило его въ собственныхъ глазахъ на надлежащее мѣсто), онъ находилъ что единственнымъ оправданіемъ его не особенно хорошихъ поступковъ служить соблюдаемый имъ декорумъ. Можетъ быть, несмотря на свое ничтожество и безмысліе, онъ въ области человѣчества оказывался благодаря этому гораздо болѣе приглядною цѣнностью нежели тѣ которые, принадлежа по рожденію къ одному съ нимъ обществу, оскверняютъ имя своихъ предковъ тѣмъ что ищутъ популярности въ рѣзкомъ отреченіи отъ родовыхъ завѣтовъ и безъ разбора средствъ шныряютъ за успѣхомъ. Эти послѣдніе обыкновенно прикрываютъ громкими словами свое полное безсиліе идти по пути пришедшему ихъ предшественниковъ ко всеобщему почету. Они идутъ въ сторону, хотя бы въ болото, лишь бы отличиться, выдѣлиться, и во всякомъ случаѣ гораздо ниже роняютъ себя нежели какой-нибудь жалкій какъ Василій Андреевичъ человѣкъ. Василій Андреевичъ поступалъ иногда скверно, потому что былъ глупъ. А они, нерѣдко бывая тоже глупыми, производятъ дрянные поступки въ угоду толпѣ, изъ разчета. Въ томъ обстоятельствѣ что князь Василій Андреевичъ дорожилъ декорумомъ было не лицемѣріе, а стыдливость.

Поэтому его до крайности разстроило извѣстіе о томъ что Константинъ Николаевичъ Нефедовъ скончался въ домѣ Даши Скворца. Узналъ онъ это въ тотъ же день въ клубѣ и долго не могъ придти въ себя отъ глубокаго негодованія. Внезапно для него обрисовался фактъ чрезвычайно отвратительный самъ по себѣ и могущій имѣть дрянныя послѣдствія.

Природная брезгливость заговорила въ немъ. Онъ увидѣлъ что нравственная оцѣнка его поступковъ зависитъ не только отъ ихъ свойства, но и отъ постороннихъ обстоятельствъ съ которыми поступки эти ставили его въ соприкосновеніе. Черезъ Дашу Скворца онъ вступилъ въ связь съ цѣлой областью постороннихъ случаевъ. Чутьемъ усвоилъ онъ себѣ что его могутъ осуждать не только за то что онъ сдѣлалъ, но и за дѣйствія другихъ. Не виноватъ онъ въ томъ что братъ его жены умеръ у его содержанки послѣ чрезмѣрно оживленнаго завтрака; не причастенъ онъ къ тому что Константинъ Николаевичъ бывалъ у Даши тайкомъ отъ него и тѣмъ самымъ доказалъ гнусность своихъ посѣщеній, но, во всякомъ случаѣ, по сосѣдству съ нимъ, княземъ Могиловымъ-

Стольнымъ, открывается цѣлое море грязи. Ему нужно отойти, пока брызгами его не закидало. Обстановка въ которой умеръ Нефедовъ словно объединила два позора: стыдъ связи съ дрянною женщиной и грѣховное отношеніе къ долгу семьянина.

Узнавъ въ клубѣ что Константинъ Николаевичъ умеръ у Даши Скворца въ присутствіи Рыбовскаго, Николай Васильевичъ тотчасъ же вернулся домой. Негодованіе было въ немъ такъ сильно что вызвало значительный подъемъ духа. Начать разговоръ съ Глафирой Николаевной онъ не рѣшался, но ждалъ того чтобы она приступила къ объясненію. Онъ ждалъ случая чтобы сказать: „да, я виноватъ, я прошу прощенія и отнынѣ не провинюсь“. Дальше намѣренія его не развивались и мысли его складывались какъ у ребенка сознающаго свою вину. Но Глафира Николаевна къ разговору не приступила ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій. Они вдвоемъ ѣздили на панихиды, обмѣнивались фразами объ ужасахъ смерти, выслушивали благочестивыя слова Вѣры Михайловны, проводили часы рядомъ, съ такимъ чувствомъ, какъ будто другъ друга избѣгаютъ. Для Василя Андреевича это были дни нравственной пытки, съ очень большимъ воспитательнымъ значеніемъ для его слабаго ума. Сперва онъ только мучился и терялся, а потомъ въ немъ стали обрисовываться и крѣпнуть опредѣленные намѣренія. Онъ понялъ что разрывъ съ Дашей Скворцомъ необходимъ. На то нужна была большая рѣшимость, требовалось отречься отъ ряда мелкихъ привычекъ, приходилось идти противъ цѣлой горы мелочей которымъ онъ за послѣдніе годы позволялъ надъ собою господствовать. „Пусть“, думалъ онъ. „Мнѣ надо себя наказать. Чѣмъ тяжелѣй, тѣмъ лучше“. Началъ онъ съ того что готовился къ шумнымъ поступкамъ, находя желательнымъ предать своему разрыву огласку. Словно онъ боялся что вездѣ готовятся ему обвиненія и что этимъ обвиненіямъ не нужно дать высказаться. Его младенческому мышленію нравилось созлавать воображаемыя сцены яркаго благородства; мысленно изображалъ онъ себя героемъ и вымучивалъ изъ себя представленіе объ ореолѣ собственнаго величія. Но черезъ нѣсколько времени оказалось что одного воображенія было достаточно чтобы его удовлетворить. И ему больше величія не захотѣлось, а какъ можно болѣе скромнаго разрѣшенія событія. Онъ остановился на слѣдующемъ рѣшеніи: дождусь того чтобы Константинъ Николаевичъ былъ преданъ землѣ, а потомъ просто заявлю Дашѣ что я съ нею больше незнакомъ. Пусть она сердится и бранится. Мнѣ все равно.

И въ день похоронъ Нефедова, вернувшись съ женою домой, онъ удалился къ себѣ въ кабинетъ, досталъ чековую книжку и на одномъ изъ ея листковъ грузнымъ почеркомъ начерталъ крупную сумму. Затѣмъ онъ оторвалъ этотъ листокъ и спряталъ его въ бумажникъ. Такимъ образомъ первый шагъ былъ сдѣланъ. Сознаніе того что опредѣленный поступокъ за нимъ уже имѣется и что начало положено подействовало на Василя Андреевича чрезвычайно благотворно и ободрительно. Ему захотѣлось чтобы многіе это узнали.

Въ это время вошла Глафира Николаевна. Видъ у нея былъ немного взволнованный.

— Безъ меня была здѣсь Соня, она заходила къ Ксеніи, плакала, жаловалась...

Эти слова поразили старика. Въ свое время вопросъ о Сонѣ былъ для него рѣшень, и онъ думалъ что къ нему вернуться не придется. Когда дочь ушла, онъ призналъ себя несчастнымъ, оскорбленнымъ. За него какъ-то кругомъ рѣшили что дочери у него больше нѣтъ. И онъ скоро пересталъ о ней думать не по безсердечію, а по недостатку мыслей которыхъ едва хватало на ежедневный обиходъ. Теперь то что онъ услышалъ отъ жены произвело на него большое впечатлѣніе.

— Плакала! съ ужасомъ проговорилъ онъ, — жаловалась! Слѣдовательно, она несчастна... Глаша, мы должны ее простить... Знаешь, я пойду къ ней... Или я ей напишу... диктуй.

Онъ придвинулся къ своимъ канцелярскимъ принадлежностямъ.

Глафира Николаевна остановила его.

— Погоди. Я сама знаю что нужно ее простить... Но она придетъ сама. Я хочу чтобы она пришла сама. Только тогда буду я увѣрена что она вновь не уйдетъ. Придетъ она, и мы будемъ знать что мы счастливы. Мы должны же наконецъ быть счастливы.

Слезы брызнули у нея изъ глазъ, плачь искажилъ ея лицо.

Василій Андреевичъ былъ пораженъ. Никогда не воображалъ онъ что его жена способна плакать. Внезапно увидѣлъ онъ что многіе годы около него росло горе о которомъ онъ не зналъ.

Княгиня сквозь рыданія шептала:

— Мы наказывали, мы отворачивались отъ нея, а развѣ мы знали не наказана ли она помимо насъ.

— Не плачь, сказалъ Василій Андреевичъ.

Вдругъ онъ рѣшился произнести:

— Я самъ во многомъ грѣшенъ... Того, знаешь, больше не будетъ. Все кончено.

Посмотрѣла на него жена. Онъ увидѣлъ радость промелькнувшую въ ея взглядѣ, но не понялъ словъ этого взгляда: „О! Если и ты перестанешь терзать, жалкій, невинный мучитель!“

VIII.

Сергѣй Виссаріоновичъ и Софья Васильевна въ полутьмѣ надвигавшихся сумерекъ сидѣли другъ противъ друга у окна...

Всего два часа прошло съ тѣхъ поръ какъ Алексъ привелъ къ отцу жену своего брата, а уже между нею и старикомъ установился душевный союзъ. Казалось Сергѣю Виссаріоновичу что онъ счастливъ, потому что къ его печали присоединилась другая. Теплота чужаго горя согрѣвала ему сердце. Создавалось въ немъ такое впечатлѣніе какъ будто скорбь его, сливаясь со скорбію Сони, стала вдвое шире, обрѣла такую силу которая позволяетъ ей не быть робкою. Въ первый разъ, можетъ быть, за все то время, какъ ушла Катя, онъ рѣшается кому-нибудь показать свое горе. Не съ Иваномъ же быть ему откровеннымъ! Иванъ оскорбитель душъ. Чужими слезами пытается его смѣхъ. Въ немъ есть что-то злобно-повелительное, что-то запрещающее всякой душѣ раскрываться и дышать. „И это мой сынъ!“ думалъ Сергѣй Виссаріоновичъ съ чувствомъ похожимъ на испугъ. Алекса онъ тоже боялся, но иначе. Онъ усматривалъ въ немъ большое превосходство, непонятную и недосыгаемую энергію. Рядомъ съ нимъ онъ видѣлъ себя до крайности ничтожнымъ, почти не имѣющимъ права на существованіе. Иногда ему хотѣлось чтобы Алексъ заплакалъ, чтобы въ немъ дрогнула душа отъ страданія. Тогда создалось бы между ними соприкосновеніе, положено бы было начало полному общенію. Но въ томъ-то и дѣло что Алексъ не умѣетъ падать духомъ.

Поэтому появленіе Сони страдающей и высказывающей свою печаль было для него счастьемъ.

А Софья Васильевна, какъ только осталась вдвоемъ съ отцомъ своего мужа и ощутила его настроеніе, тоже почувствовала облегченіе большое.

Это не было такое облегченіе которое умаляетъ скорбь. Нѣтъ, тутъ сказывалось чувство совершенно особенное, впервые испытанное, какъ будто эту скорбь сталъ окружать воздухъ ей необходимый... словно горе пришло на родину, видѣть себя свободнымъ и желаннымъ. Она страдала, но ей уже не больно было страдать... Еслибъ она могла вполнѣ ясно выразить чтò происходитъ въ ней, она бы сказала: наконецъ-то мнѣ позволено быть несчастною!

За окномъ, тамъ гдѣ среди темныхъ домовъ протискивалась узкая улица, стлалась картина сплошной тоски. Гниль оттепели вызывала впечатлѣніе уродливаго разложенія. Въ туманной желтизнѣ сумерекъ носился какъ бы призракъ той неуловимой и всеулавливающей смерти которая убиваетъ духъ. Этотъ призракъ мерещился Сонѣ, а Сергѣй Виссаріоновичъ видѣлъ только постепенное усиленіе удручающе-сладкой темноты.

Продолжая обмѣнъ короткихъ фразъ звучащихъ одновременно болію и счастіемъ онъ сказалъ:

— Вы помните, Соня, когда я васъ увидѣлъ въ первый разъ?

— Нѣтъ, отвѣтила она, — это было очень давно...

— Очень... Вамъ было лѣтъ десять...

„Пятнадцать лѣтъ тому назадъ!“ подумала Соня и никакъ не могла себѣ представить какою она была въ дѣтствѣ. Теперешнее слишкомъ велико. Оно загромаждаетъ видъ на прошлое. Не перекинешъ взора черезъ гору мученія.

Онъ продолжалъ:

— Вы были хорошенькая дѣвочка... совсѣмъ золотые локоны были у васъ.

Эти слова помогли ей увидѣть себя ребенкомъ. Она точно почувствовала на своихъ плечахъ тяжесть тѣхъ локоновъ о которыхъ говорилъ Сергѣй Виссаріоновичъ.

— Да, меня называли „bébé doré“, съ болѣзненною улыбкой произнесла она и вспомнила всю ту обстановку ласки чтò окружала ее нѣкогда. Пришли ей на память поцѣлуи матери, дѣтскіе вечера, разноцвѣтная вереница подробностей создававшихъ беззаботную жизнь. „Господи! Неужели, неужели родители не простятъ? Возможно ли чтобы Алексъ не убѣдилъ ихъ!“

— Алексъ тамъ? спросила она.

Старикъ понялъ что значить слово „тамъ“.

— Нѣтъ еще... онъ хотѣлъ быть въ седьмомъ часу, пе-

редь самымъ обѣдомъ чтобы всѣхъ застать... Теперь четыре... Я не знаю гдѣ онъ.

Помолчали они. Въ безмолвіи усиливалось овладѣвшее ими настроеніе. Прошла минута, медленная, въ которой каждая секунда дала себя чувствовать

— Вы скоро будете счастливы, сказалъ онъ.

— Скоро? бессознательно переспросила она и внезапно заволновалась, подумавъ о томъ что въ самомъ дѣлѣ не можетъ быть сомнѣнія. Еще сегодня вечеромъ она вернется подъ родной кровъ и она будетъ спасена.

— Скоро! радостію прозвучалъ ея голосъ. Но эта радость погасла сразу какъ пламя которому воздуха не хватило.

— А я никогда не буду счастливъ, тихо проговорилъ Сергѣй Виссаріоновичъ, — когда вы уйдете, мнѣ станетъ еще хуже чѣмъ было до вашего прихода.

Ей сдѣлалось очень жаль его. И помочь нельзя. Не отказываться же отъ счастья!

— Я одинъ, продолжалъ онъ, — мнѣ съ вами хорошо, мнѣ кажется что предо мной сидитъ Катя.

Голосъ его оборвался.

„Катя! Да! Катя!“ вспомнила Соня. „Несчастный старикъ“.

Съ трудомъ рѣшившись на этотъ вопросъ, она спросила:

— Вы ее съ тѣхъ поръ не видѣли?

— Нѣтъ...

Всего одинъ слогъ произнесъ Сергѣй Виссаріоновичъ, но много жалобы и горя Соня въ немъ услышала.

— Но вы слышите о ней, спрашиваете?

— Да... Когда могу, осторожно... Не черезъ всякаго можно.

— Она не приходила къ вамъ?

— Не рѣшится... Я увѣренъ что она раскаялась...

— Вы ей простили?

— О! вскрикнулъ старикъ, — какъ можно не простить своему несчастному ребенку!

— Скажите ей что вы простили... призовите ее къ себѣ, напишите ей...

Зналъ старикъ что никто ихъ разговора не слышитъ... всетаки онъ сперва оглянулся, а потомъ отвѣтилъ вполголоса:

— Я писалъ... три мѣсяца тому назадъ... я все объяснилъ... Она не отвѣтила... Я не сержусь на нее... Она не отвѣтила, потому что ей стыдно, потому что она гордая. Кто

страдаетъ, тотъ непременно долженъ быть гордь... Скажите Алексу... Онъ о ней слышать не хочетъ... Уговорите его, объясните ему... Зачѣмъ меня лишаютъ дочери? Когда я ей все прощаю... Пусть онъ мнѣ поможетъ... Онъ все сумѣетъ... Онъ умный и сильный, а я слабый и ума у меня больше нѣтъ.

Старикъ заплакалъ тихими слезами.

Покраснѣвъ и чувствуя въ себѣ силу рѣзкихъ душевныхъ движеній, Соня предложила:

— Поѣдемте къ ней.

Сергѣй Виссаріоновичъ оторопѣло взглянулъ на нее. Онъ не совсѣмъ ее понялъ.

— Поѣдемте къ ней, повторила она,—вы сами знаете что Алексъ вернется только въ седьмомъ часу... Слѣдовательно предо мной два часа времени... Эти часы я хочу отдать вамъ чтобы сдѣлать ваше счастье.

Она встала.

Поднялся и старикъ, но тотчасъ же вновь опустился на стулъ. Въ наступившей темнотѣ видно было только общее очертаніе его фигуры, но и этого было достаточно чтобы разглядѣть его безпомощность.

— Я не могу! жалостливо произнесъ онъ, какъ будто надъ собою плакалъ,—я не могу; потому что мнѣ нельзя рѣшаться безъ Алекса...

— Въ такомъ случаѣ, сказала Соня,—я поѣду одна... Я все устрою. Я верну вамъ дочь

Она услышала боязливый отвѣтъ:

— Дѣлайте сами. Я не могу вамъ говорить „поѣзжайте“. Вы сами, сами...

И вдругъ, словно испугавшись того что его робость передается Сонѣ, онъ вскрикнулъ:

— Не слушайте меня, а себя.

Приступъ энергіи окончательно овладѣлъ Соней. Она стала прежней Соней, рѣшительной и сильной. Не о себѣ она теперь тумала, не на свое страданіе смотрѣла.

Поэтому она болѣе не видѣла того что угнетало ея духъ. Гужая скорбь точно сдвинула ее въ сторону, заставила сойти съ того пути гдѣ все было для нея загромождено.

Она спросила:

— Адресъ? Гдѣ живетъ Катя.

Голосъ старика звучалъ такъ робко что она вынуждена была ереспросить.

— Хорошо, сказала она, — я сдѣлаю свое дѣло. Ждите меня. Черезъ часъ я вернусь, и вы увидите что я вернусь не одна.

Соня вышла.

Сергѣй Виссаріоновичъ, оставшись одинъ, застылъ. Кругомъ стало совсѣмъ темно. Ему казалось что со всѣхъ сторонъ на него смотреть и что каждое его движеніе будетъ враждебно истолковано какими-то незримыми свидѣтелями.

IX.

Чувство овладѣвшее Соней она принимала какъ благородное вдохновеніе, и это чувство повелительно требовало отъ нея поступковъ, создавало жажду дѣятельности. Она сама съ полной ясностію сознавала что ею руководить возбужденіе и что не повседневная Соня ѣдетъ къ Катѣ Хрустовой. Понимала она что она не поступила бы такъ, будь она способна рассуждать спокойно, но мысли эти только съ возрастающимъ упорствомъ твердили ей: „торопись, не упусти времени, сдѣлай все, пока душа твоя снова не сдѣлалась безсильною“?

Какъ будто торжествуя надъ самою собою, она думала: „я ѣду къ Катѣ, къ погибшей женщинѣ, я могу натолкнуться на отвратительныя сцены, и всетаки я ѣду, потому что я должна это сдѣлать. Я такая же погибшая. Меня одинъ человекъ погубилъ, а ее многіе. Ее презираютъ, а меня жалбуютъ... Кѣмъ быть лучше, презрѣнной или жалкой, когда знаешь каковы тѣ люди которые презираютъ или жалбуютъ“.

Она оборвала свои мысли и крикнула извощику:

— Скорѣй!

Надо все исполнить пока вдохновеніе не миновало. Исполнить все и вернуться туда куда за нею пріѣдетъ Алексъ. Не пройдетъ какихъ-нибудь полтора часа минутъ какъ наступитъ мигъ когда все теперешнее, все вчерашнее, все то что составляло боль и душу цѣлыхъ трехъ лѣтъ превратится въ далекое прошлое. Тогда уже поздно будетъ дѣлать то что она хочетъ дѣлать теперь. Она разроднится со страдающими, оборваны будутъ объединяющія цѣпи.

— Скорѣй! Скорѣй! торопила она извощика.

Улица за улицей оставались позади, темныя, ноющія въ гнили и туманѣ, пуганною вереницей скорбныхъ путей. Петер-

бургъ въ дни грязныхъ оттепелей представляется какъ бы созданнымъ для того чтобы служить родиною страданію. Иногда кажется что какой-то гениальный декораторъ написалъ его на исполинскомъ сѣромъ полотнѣ, заготовилъ обстановку въ которой должны разыгрываться мрачныя и тоскливыя драмы неопредѣленнаго содержанія. По сценѣ ходятъ люди хмурые, безвольные, безсвязные какіе-то. Въ зимнихъ сумеркахъ творятъ они работу, мыслятъ, любятъ, хлопочутъ... и въ ихъ работѣ, въ ихъ мысляхъ, ощущеніяхъ и стремленіяхъ постоянно чувствуется примѣсь тумана которымъ надышались ихъ души. Они копошатся въ полутьмѣ, полярный холодъ ихъ пронизываетъ, а для того чтобы согрѣться, имъ нужно вообразить себѣ солнце. И дѣйствительно живутъ только тѣ которые могутъ для себя такое солнце создать. А вокругъ нихъ громадная толпа не знающая лучей, какія-то фигуры безъ очертаній, безъ остова, страшныя тѣни... Неопредѣленные существа снящіяся Метерлинку и видящія во снѣ Ибсена. Вяло и безслѣдно проходятъ они мимо мрачной декорации, чрезвычайно ненужные, какъ второстепенные исполнители неинтересныхъ ролей. На нихъ лежитъ непреодолимый гнетъ тусклаго сѣвера. Много солнца и тепла нужно имъ чтобы проснулась въ нихъ жизнь.

— Направо, направо! крикнула Соня, разглядѣвъ номеръ дома, — остановись.

Она быстро сошла съ дрожекъ, вошла въ подъѣздъ, спросила швейцара:

— Здѣсь живетъ Екатерина Сергѣевна Хрустова? Она дома?

И только тутъ ей пришло въ голову что ото всѣхъ ея намѣреній ничего не останется, если окажется что Кати дома нѣтъ.

— Дома, услышала она отвѣтъ, — во второмъ этажѣ налѣво.

„Все спасено, все будетъ сдѣлано!“ рѣшила Соня.

Увѣреннымъ шагомъ поднялась она по лѣстницѣ.

Остановившись у двери во второмъ этажѣ и надавивъ кнопку звонка, она съ удовольствіемъ подумала: „я все еще сильная“.

Едва успѣла она такъ подумать, какъ увидѣла себя готовою къ отступленію. Она замѣтила что настоящей рѣшимости въ ней нѣтъ, а есть только такая которую она себѣ навязала. За послѣдніе дни она слишкомъ много израсходовала души, и теперь осталось ея такъ мало что всякая мелочъ представ-

ляется для этого остатка громадою. Она пришла сюда и будетъ говорить, но лишь потому что станетъ себя заставлять. Ничтожная она, но такъ злобно сама на себя накричала что создала въ себѣ искусственную волю. И какъ далеко въ настоящую минуту все то что она ощущала, покидая Сергѣя Виссаріоновича! Даже то счастье о которомъ она мечтала перестало волновать.

Дверь отперли. Горничная слишкомъ нарядно одѣтая спросила:

— Что вамъ угодно?

Соня невнятно проговорила:

— Мнѣ надо видѣть Екатерину Сергѣевну...

Покраснѣла она, замѣтивъ какъ явно ея смущеніе, и заставила себя сказать отчетливымъ голосомъ:

— Мнѣ надо видѣть Екатерину Сергѣевну... если она одна... по очень важному дѣлу... Екатерина Сергѣевна меня знаетъ... Я жена ея брата...

Ей представлялось невозможнымъ дать свое имя. Она сама не знала чего слѣдуетъ избѣгать и на что идти. Въ ней словно было нѣсколько человекъ... то одинъ забѣжитъ впередъ и ведетъ всѣхъ остальныхъ, то другой.

Горничная пропустила ее въ прихожую.

— Я пойду доложу барынѣ.

— Если у нея никого нѣтъ, напомнила Соня.

И тотчасъ же эти слова ей показались невыносимо постыдными. Вообразила она что и горничная ее за нихъ осуждаетъ, удивляется ея малодушію. Ей захотѣлось крикнуть: „Нѣтъ, нѣтъ, все равно... Я ни передъ чѣмъ не отступлю!“ но мучительная робость ей помѣшала.

Оставшись одна въ прихожей, она старалась одновременно прислушаться и къ своимъ душевнымъ движеніямъ, и къ тому что происходило въ комнатахъ. Но себя она никакъ не могла разглядѣть, ея слухъ же достигъ такого напряженія что она ясно уловила слова произнесенныя шепотомъ:

— Что вы говорите? Жена моего брата? Не можетъ быть...

„Не приметъ, прогонитъ?“ испугалась Соня.

Эта мысль совершенно неожиданно на нее подѣйствовала, быстро создала поддѣльную энергію которая поспѣшила проявиться, пока другое чувство не пришло на смѣну.

— Да, это я, Соня, жена вашего брата! крикнула она и вошла въ комнату, — неужели вы меня оттолкнете.

„Не то, не то я говорю!“ подумала она. „Сюда я не о себѣ пришла просить, не на свою судьбу жаловаться“.

Но ея чувства шли помимо ея воли, точно втянули ее въ колею проложенную печалаями послѣднихъ дней.

Просительницею и несчастною предстала она предъ Катей. Та, полная блондинка съ грубоватымъ, хотя и красивымъ лицомъ, посмотрѣла на нее съ удивленіемъ, а потомъ сказала горничной:

— Оставьте насъ.

Въ ея голосъ Соня разслышала враждебные звуки.

— Екатерина Сергѣевна, неужели вы меня встрѣтите какъ врага... Я вамъ никогда ничего дурнаго не сдѣлала, а въ дѣтствѣ мы были дружны.

— Чего же вамъ надо? спросила Катя.

Она не понимала и какъ бы находила въ этомъ силу.

Соня почти бессознательно объяснила:

— Я къ вамъ отъ вашего отца.

— Отецъ боленъ! съ испугомъ произнесла Катя, — онъ умираетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... онъ здоровъ... онъ хочетъ васъ видѣть...

Катя пожала плечами. Выраженіе досады прошло по ея лицу.

— А! Видѣть... Опять старая исторія... Да, впрочемъ, что я... Садитесь... Мы съ вами обѣ какъ сумашедшія.

Она указала посѣтителницѣ на кресло, сѣла противъ нея.

— А знаете, это очень хорошо что вы пришли ко мнѣ, то-есть, это очень хорошо съ вашей стороны... Я отлично понимаю что вы меня презираете, но хоть за то спасибо что оно у васъ не сразу видно.

Соня нагнулась къ ней, положила ей руки на колѣна.

— Я? Презираю? Я! О! Сколько злости въ васъ, когда вы не понимаете моего сердца! Какъ вы похожи на своего брата Ивана!

Она заплакала. Это сразу измѣнило настроеніе Кати которая стала ее обнимать и цѣловать.

— Ну, полноте, душечка, перестаньте... что съ вами! Подумайте сами, развѣ я могу быть безъ злости! Когда я васъ увидѣла, я такъ много вспомнила и такъ противно мнѣ стало. Вы пришли меня звать къ отцу? Васъ послалъ отецъ?... Милая, скажите ему чтобы онъ пересталъ такъ дѣлать... Неужели онъ воображаетъ что мнѣ стоитъ лишь войти въ его квартиру чтобы вернуться къ нему? То что во мнѣ есть, то во мнѣ и

останется... Куда мнѣ со своимъ стыдомъ дѣваться!.. Я останусь въ стыдѣ чтобы о стыдѣ не думать. Да и желанія вернуться во мнѣ нѣтъ. Зачѣмъ? Развѣ я ту жизнь, прежнюю, больше люблю чѣмъ свою теперешнюю? Вы хотите чтобы я пожалѣла отца? Ну, знаете, я не жалѣла его до сихъ поръ, а теперь уже поздно. Да, да, я злая, я хоть проклятая даже, думайте какъ хотите, но только я останусь здѣсь, гдѣ никто не смѣетъ меня попрекнуть и пристыдить, а тамъ вѣдь стѣны даже будутъ отъ меня ждать чтобы я краснѣла. Ему тяжело безъ меня? Да вы объясните ему что меня уже нѣтъ. Я это поняла сразу... Когда я въ тотъ вечеръ вышла изъ квартиры отца, я такъ себѣ и сказала: „вотъ меня и нѣтъ больше“... Ахъ, пожалуйста, не воображайте что я несчастна. Мнѣ живется очень весело. Я это не нарочно говорю. Мнѣ дѣйствительно весело, а когда станетъ скучно, я брошусь въ Фонтанку. *C'est une décision qui me facilite singulièrement l'existence...*

Французскій языкъ сохранился у нея чистымъ и изящнымъ, но по-русски разучилась она говорить иначе какъ съ грубостью.

Увидѣвъ что Соня успокоилась и внимательно ее слушаетъ, Катя продолжала:

— А ну ка, давайте думать, развѣ я одна себя сдѣлала такую такую вотъ теперь стала? Покойница мать, не тѣмъ будь помянута, такъ таки прямо на дорожку и поставила... Повезутъ меня на балъ въ такомъ открытомъ платьѣ что какъ кто взглянетъ, такъ его сейчасъ и въ жаръ бросаетъ. Мать думала что такъ скорѣе жениховъ заполучу, а вышло совсѣмъ наоборотъ. Много лишняго я тогда изъ своего тѣла показывала, да за то и наслушалась бывало на балу отъ молодыхъ людей такихъ штукъ что нынче, когда эти самые господа у меня бывають, ничего худшаго имъ и говорить не надо. Ну, первымъ, должно быть вы знаете, былъ Павликъ Чавровъ который очень скоро меня бросилъ, но денегъ оставилъ достаточно... И все съ тѣхъ поръ деньги, да деньги... Съ голода не умру... И все это черезъ веселіе... Такъ зачѣмъ же мнѣ отъ веселія уходить? Дурное оно? А кто вамъ говоритъ что оно хорошо? А по вашему легче мнѣ станетъ, коль я только и буду думать: „ахъ, какъ дурно!“.. Оставьте, пожалуйста... Тамъ гдѣ я сижу мнѣ и тепло и не дуется... Если я заговорила о стыдѣ, то вовсе не о томъ стыдѣ который я испытываю, а о томъ что вы всѣ хотите мнѣ навязать, со своими

мыслями... Дѣло не въ стыдѣ, а въ самолюбіи которое по-сильнѣе всякихъ нѣжностей.

— А вѣдь вы все не то говорите, сказала Соня; впиваясь зелеными глазами въ лицо Кати, — это почти ложь...

Та пожала плечами.

— Я такъ чувствую.

— То-есть, вы такъ чувствуете въ настоящую минуту, пока настраиваете себя такимъ образомъ... Вы стараетесь себѣ объяснить, а я вамъ не вѣрю.

Катя хотѣла было разсердиться, но быстро раздумала.

— Мнѣ все равно. Не вѣрьте. И вы лжете. И вы не по своему поступаете. Точно я не понимаю что вы пришли ко мнѣ не по правдѣ, а съ горя.

Встрепенулась Соня.

— Моего горя не трогайте! рѣзкимъ голосомъ произнесла она, — оно мое, и я вамъ его не даю.

Катя засмѣялась. Въ ея смѣхѣ послышались наглые хрустовскія нотки, и сходство ея съ Иваномъ Сергѣевичемъ стало зловѣще-поразительнымъ. Впечатлѣніе ужаса обуяло Соню. Она предъ собой увидѣла ненавистное лицо мужа, внезапно выступившее тамъ гдѣ она его не ждала. Сумашествіемъ пахнуло на нее.

Она задрожала и вскрикнула:

— Какъ вы смѣете смѣяться!

— Я? Мнѣ смѣшно видѣть какъ вы предо мною изворачиваетесь. Вѣдь я все знаю, такъ хорошо знаю какъ будто мнѣ все даже заранѣе было извѣстно, а вы взяли и своею жизнью все повторили предо мной. Да, мы были съ вами когда-то очень дружны, но я васъ тогда меньше знала все-таки нежели теперь, за все то время какъ я васъ не видѣла. А все потому что я хорошо знаю своего брата Ивана и понимала какою надо быть чтобы повѣрить ему и что должно съ человѣкомъ произойти если онъ Ивану повѣрить... Обманулъ онъ васъ да не такъ просто, какъ обманываешь другаго если скажешь ему „да“ тамъ гдѣ правда называется „нѣтъ“. Не словами онъ васъ обманулъ, а всѣмъ своимъ существомъ, съ злораднымъ упоеніемъ, каждою чуточкой какая только въ немъ есть. Вы увидѣли что въ немъ все ложь и что обиднѣе Ивана нѣтъ ничего на свѣтѣ. Теперь для васъ все кончено. Вы уже никогда не будете счастливы, потому что до самой послѣдней минуты вашей жизни для васъ будетъ мученіемъ что онъ на

свѣтъ существуетъ. И для этого вовсе не надо было чтобы онъ отдалъ вашего ребенка въ воспитательный домъ.

— Вы и это знаете?! воплемъ вырвалось у Сони.

Она встала блѣдная съ широко раскрытыми глазами.

Катя тоже встала.

— Знаю! сказала она, и снова смѣхъ зазвучалъ въ ея голосѣ. Волненіе Сони ей передалось въ видѣ какого-то пнѣического настроенія. Злоба расколыхалась въ ней. Она сама чувствовала какъ дѣлается похожей на старшаго брата, улавливала въ себѣ его движенія, его интонаціи. Нервно заходила она по комнатѣ, съ наслажденіемъ повторяя: — Знаю! знаю! знаю!

И каждое „знаю“ представилось ей ударомъ молотка который она наносила Сонѣ

— Зачѣмъ вы меня мучите! простонала та.

— Я мучу? Я терзаю? Чтò же прикажете дѣлать! Каждому свое. А когда вы пришли сюда, развѣ вы подумали о томъ, не будетъ ли вашъ приходъ для меня мученіемъ? Развѣ я дура какая что одни только слова понимаю? Достаточно было посмотреть на то какъ вы сюда вошли чтобы почувствовать себя оскорбленною! А кому больнѣе оскорбленіе, вамъ или мнѣ? Подумайте. А я, изволите ли видѣть, мучу васъ, разъ только я начала говорить о томъ чтò было. Да хоть бы я молчала, все-таки оно было. Я-то могу молчать, но вы сами предъ собой молчать не можете. До самой вашей смерти все будетъ въ васъ кричать: „это было, было, было...“

— Вы хуже своего брата! вскричала Соня, — онъ меня мучить, но онъ и ненавидитъ меня.

Катя захохотала.

— А кто вамъ сказалъ что я васъ не ненавижу, по крайней мѣрѣ въ эту минуту? И чтò это значить: „вы хуже своего брата“? Васъ возмущаетъ что я не лицемѣрю и не плачу надъ вашею судьбой. А чорта мнѣ въ ней если плакать мнѣ не хочется! Вы мнѣ сперва докажите что я хуже васъ. Постарайтесь. Я буду вамъ доказывать что вы не лучше. Изъ родительскаго дома мы обѣ бѣжали, только я пошла къ веселому дурачку, а вы къ отъявленному негодю. Я бы такого негодяя и двухъ дней не стала терпѣть, а вы три года приравнивались къ нему и только подъ самый конецъ разсердились да и то сдѣлали это глупо. И чтò пользы въ вашемъ гнѣвѣ? Кто отъ него станетъ лучше? Ни мой братъ, ни вы. Вотъ вернетесь вы въ княжескія хоромы и будете собой жертву

изображать, а небось не придетъ вамъ въ голову что только расплачиваетесь за свое удовольствіе. Скажете, пожалуй, что идеи васъ увлекли. Вранье! Все та же поцѣлуйная чепуха отъ которой наша сестра на стѣну лѣзеть.

— Что же мнѣ по вашему дѣлать? дрожа отъ злости спросила Соня, — думать о томъ чтобы такія какъ вы меня одобрятъ?

— А! Вотъ оно! Наконецъ-то! „Такія какъ вы...“ Договорились вы до того что вы меня презираете. Презирайте, презирайте побольше. Чѣмъ сильнѣе ваше презрѣніе, тѣмъ больнѣе вамъ. Да, именно такъ, потому что какъ бы то ни было, всетаки я теперь начальствую надъ вами, а не вы надо мной. Какъ вы полагаете? Чтò вамъ дѣлать, спрашиваете вы! А я почему знаю, и какое мнѣ до этого дѣло. Поступайте какъ знаете. Ежели вамъ хочется жить, живите... ежели вамъ хочется умереть, умрите... Да нѣтъ, вамъ умирать не захочется. Не такая въ васъ закваска. Будете вы таскаться изо дня въ день со своимъ горемъ, охатъ да вздыхать, сами того не понимая что только въ вашемъ горѣ и держится ваша душа... Вы небось только о томъ и мечтаете что когда-нибудь вы превосходно утѣшитесь и что тогда вамъ будетъ особенно хорошо, потому что вы будете притворяться несчастною, и люди будутъ васъ жалѣть... Охъ, какъ жалость нужна вамъ! Самой себя вамъ жалко. Только потому и не противно что жалко. А знаете какъ разсуждаютъ такія какъ я? Такія какъ я говорятъ: „живи пока живется, а какъ станетъ не по себѣ, ложись въ могилу“. Про себя я знаю что нищенствовать не пойду, не пойду просить: дайте на копѣчку прощенія, дайте на грошикъ жалости.

— Нищенствовать! визгливо засмѣялась Соня, — нищенствовать! Какъ это вѣрно сказано! Вотъ гдѣ я правду нашла.

Быстрымъ шагомъ подошла она къ угловому столику гдѣ стоялъ графинъ.—Это чтò у васъ, вода? Отлично. Въ горлѣ пересохло.

Наливъ стаканъ воды, она достала изъ кармана портмоне, вынула изъ него небольшой бумажный пакетикъ и высыпала изъ него что-то себѣ въ ротъ.

— Чтò вы дѣлаете! вскрикнула Катя.

Соня выпила воды и спокойно объяснила:

— Я отравилась.

— Сюда! На помощь! закричала Катя испуганнымъ голосомъ,—доктора!

Она совершенно обезумѣвшая кинулась въ прихожую, потомъ раскрыла дверь, выбѣжала на лѣстницу.

— Доктора! Скорѣе доктора!

Злобы въ ней больше не было. Она плакала.

.....

Когда Соня пришла въ себя, она увидѣла что находится въ квартирѣ родителей.

Во время перенесенныхъ ею физическихъ мученій она сознанія не теряла, то-есть, не лишилась ни зрѣнія, ни слуха, но переживаемыя мгновенія были для нея безсвязны. Она видѣла и слышала то что кругомъ нея происходило, а между тѣмъ словно не замѣчала происходившаго, съ такимъ чувствомъ какъ будто она олицетвореніе отвратительной боли, все же кругомъ представляется далекимъ, празднымъ, бессмысленнымъ, потому что находится внѣ этой боли. Вспоминаетъ она теперь какъ кричала Катя „доктора, доктора!“ какъ вбѣжалъ Алексъ со словами: „какъ ты смѣла ее до этого довести!..“ Почему онъ явился? Вѣроятно узналъ отъ Сергѣя Виссаріоновича что она у Кати, возмутился, поспѣшилъ за нею, засталъ ужасъ... Два незнакомые доктора съ испуганными лицами... Одинъ изъ нихъ съ какимъ-то побѣдоноснымъ видомъ кричитъ „сулема“, а другой сдираетъ съ нея платье... Все это она видитъ и слышитъ сквозь боль... Она понимаетъ что ее хотятъ спасти, но сама она ни жизни, ни смерти не хочетъ, а только конца страданіямъ... Катя, Алексъ, доктора, всѣ какъ-то ужасно одинаковы для нея... Возмутительно некрасивыя терзанія доводятъ ее до бреда... Все существующее вызываетъ въ ней отвращеніе, а всего для себя отвратительнѣе она сама... Что ее заставляютъ глотать? Что вливаютъ въ ротъ? Ее почти нагую растираютъ... Ей все равно... На свѣтѣ нѣтъ ничего такого что не было бы составною частію ея страданія... Ненавидитъ она себя за то что приняла ядъ, и никакъ не можетъ вспомнить зачѣмъ она это сдѣлала... Сколько времени прошло, она не знаетъ... Видитъ и слышитъ она, а минуты подчасъ словно пропадаютъ, ускользаютъ отъ воспріятія... Больно, невыносимо больно... Схватки накидываются на нее одна за другой какъ смѣняющіеся хищные звѣри... Помнитъ она какъ съ дивана скатилась на коверъ... И ее оставили на коврѣ, отодвинули столъ, опустили около нея на корточки... Тутъ самая большая схватка пришла, вцѣпилась въ нее когтями, и чернота смерти пронеслась передъ глазами. Именно смерть

была видна, что-то невѣроятно злое... Еще схватка, еще, еще... Вдругъ, голосъ раздается: „я ручаюсь за ея спасеніе!“ Кто это сказалъ? У Кати радостное лицо... Холодно стало... Ощущеніе тошноты невыносимо... Но какая-то переѣмна произошла. Мерещится что отошли тѣ звѣри которые накидывались... Громадная усталость надвигается, наступаютъ минуты полубытья... Теплѣе становится... Ее одѣли... да, теперь вспоминаетъ она какъ надѣвали на нее платье... Тогда не обратила она вниманія на то что это платье чужое... Алексъ сказалъ: „я самъ вижу что она спасена...“ Съ кѣмъ онъ говорилъ? Были ли уже при этомъ отецъ и мать? Или она только о нихъ вспомнила и представила себѣ ихъ плачущія лица? Какое пріятное наступило ощущеніе когда ее взяли на руки и понесли внизъ... Такъ радостно было опускаться и думать: „ниже, ниже, ниже“. Потомъ пахнуло свѣжимъ воздухомъ... Было очень темно. Еще темнѣе стало въ каретѣ... Сонливость мѣшала смотрѣть, но она непрерывно разъ двадцать открывала глаза во время переѣзда, и каждый разъ она видѣла темноту. Ей было все равно куда ее везутъ. Ее убаюкивала увѣренность въ томъ что тамъ, куда она ѣдетъ, ей будетъ хорошо... Съ нею Алексъ и докторъ... Они очень добрые, они знаютъ чего ей нужно...

Прибытіе домой... Ласки отца и матери, слова радости и прощенія. Эти слова проходили мимо. Ихъ не было нужно. И безъ нихъ было хорошо. Хотѣлось заснуть. Заснула она. Долго ли спала? Не все ли равно. Теперь она чувствуетъ что все прошлое дѣйствительно прошло. У нея новыя мысли, такія которыя очень долго оставались нетронутыми. Хорошо ей послѣ глубокаго сна.

— Ксенія! проговорила Соня.

Она была увѣрена что двоюродная сестра тутъ около кровати.

— Соня, милая, спи, не утомляй себя разговорами, услышала она голосъ матери.

Мама здѣсь... хоть бы достать ея руку... поцѣловать. Но Соня не можетъ. Едва коснулось ея слуха слово „спи“, какъ сонливость сю снова овладѣла, не настоящей сонъ, а такое ощущение словно все кругомъ ласково притупилось, смягчилось, убаюкиваетъ и общаетъ счастье.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Кн. Д. Голицынъ (Муравлинъ).

Въ скучный вѣкъ питаю ревность
Къ позабытой красотѣ,
Я люблю сѣдую древность
Воскрешать въ моей мечтѣ.
Съ грустной стройностью баллады,
Сквозь загадочный туманъ,
Мнѣ мерещится Еллады
Златокованный обманъ,
И его заботь и ласокъ
Очертанья я ловлю,
И волной нетлѣнныхъ красокъ
Оживлять его люблю.
Но изъ всѣхъ страстей сметенныхъ,
Изъ поруганныхъ святынь,
Изо всѣхъ боговъ сраженныхъ
И отвергнутыхъ богинь,
Ты одинъ всегда прекрасный
Освѣтилъ мой небосклонъ,
Въ тьмѣ вѣковъ святой и ясный,
Ты, богъ солнца, Аполлонъ!
Богъ лазури, свѣтлый геній,
Дай мнѣ звонъ твоихъ рѣчей,
Богъ волшебныхъ пѣснопѣній,
Богъ трепещущихъ лучей!..
Ты умѣлъ, властитель лѣта,
Побѣдивъ смертельный прахъ,
Лить и лить потоки свѣта
Въ очарованныхъ стихахъ!

НА ОХОТѢ.

1.

Блѣдно-лазурное небо, чудный свѣжій воздухъ съ еле замѣтнымъ ароматомъ увядающихъ травъ, но еще яркая сочная зелень на деревьяхъ и ласкающая теплота солнца, въ средней полосѣ Россіи это бываетъ лишь къ концу августа.

Въ одинъ изъ такихъ ясныхъ дней мы сидѣли на маленькой тераскѣ кое-какъ придѣланной къ боку обыкновеннаго крестьянскаго домика.

— Ну, такъ вотъ, говорилъ Александръ Павловичъ, заканчивая разговоръ и обращаясь къ одному изъ двухъ стоявшихъ передъ терасою мужиковъ, — ты, Мартемьянъ, заходи часа черезъ два, пойдешь съ нами, а ты, Иванъ, прибавилъ онъ обращаясь къ другому, — иди на Тиновець и дѣлай все какъ сказано. И слышишь? Никуда не смѣй шляться и пожалуйста ничего не мудри, прогоню совсѣмъ... А завтра, какъ пригонишь къ шалагѣ лодку, съ утра ужь пойдемъ вмѣстѣ. Понялъ?

— Такъ-шъ, язвительно отвѣчалъ называемый Иваномъ длинный худой мужикъ немилосердно сипѣвшій, отчего у него однѣ шипящія замѣнялись другими, — такъ-шъ, шъ вами жначить главный егарь, а я въ родѣ какъ бы пугала: штунай, Иванъ, пужай утокъ на болотѣ! Покорнѣйше благодаримъ!

— Ну, будетъ, будетъ тебѣ, проговорилъ слегка улыбаясь Александръ Павловичъ, — сказано вѣдь что съ утра вмѣстѣ пойдемъ! Вѣчная исторія! продолжалъ онъ нѣсколько тише, обращаясь ко мнѣ и указывая глазами на Ивана.

— Дуракъ какъ есть, подтвердилъ Мартемьянъ: — это вы, Александръ Палычъ, правильно... И чего собачится, самъ не знаетъ. Такъ я сберусь да и прибѣгу, проговорилъ онъ, уходя и дѣлая видъ что совершенно не замѣчаетъ глухаго.

— Главный егарь тоже, пустиль ему вслѣдъ Иванъ, — каторжникъ бѣглый, шантрапа острожная! А мнѣ какъ же?... произнесъ онъ помолчавъ и умоляюще смотря на Александра Павловича.

— Пошелъ, пошелъ, проговорилъ этотъ, начиная терять терпѣніе, — сказано, ну, и кончено! Надоѣлъ...

— Шчаштливо општаваться, горько сказалъ Иванъ и пошелъ прочь, безнадежно покачивая головой и разводя руками.

— А я опять повторю: Иванъ гораздо симпатичнѣе и гораздо тебѣ преданнѣе чѣмъ Мартемьянъ, произнесла Елизавета Гавриловна, рыжеватая блондинка съ великолѣпными зубами и розовымъ, какъ заря, лицомъ, — мнѣ всегда его бываетъ жаль, когда его такъ прогоняють, прибавила она, смотря вслѣдъ еще виднѣвшейся длинной, худой фигурѣ.

— Ну, матушка, мнѣ эта твоя симпатія вотъ гдѣ сидитъ. Каждый разъ какъ возьму съ собой этого дурака, непременно какая-нибудь глупость выйдетъ: то улетется на дальнюю лужу за утками въ то время какъ долженъ ждать въ назначенномъ мѣстѣ, унесетъ съ собою ягташъ и проморитъ полдня голодомъ, то, какъ въ послѣдній разъ, лошадь оставитъ одну, а та сломаешь телѣжку...

— А жрать такъ лучше его и нѣтъ, раздался вдругъ голосъ изъ окна выходившаго на терасу изъ кухни: — да, право, продолжала Груша ободренная общимъ смѣхомъ и выставя на этотъ разъ изъ окна румяное, полное лицо, — я уже прячу все какъ онъ идетъ: чтѣ ни увидитъ все поприѣстъ, глухой чортъ! Небось на работу его и не заманишь, да ужъ и дуракъ же: намедни ему самоваръ велѣла вычистить, чего даромъ-то сюда шататься? такъ вѣдь чистилъ, чистилъ, все утро провозился, кранъ погнулъ, чуть бокъ не протеръ, а самоваръ грязный...

— Нѣтъ, ужъ ты пожалуйста насъ оставь, обратился Александръ Павловичъ къ женѣ, — я и самъ знаю что Мартемьянъ жуликъ, да онъ помощникъ на охотѣ не такой какъ тотъ дикарь.

— Что это Иванъ его все острогомъ попрекаетъ? спросилъ я, — развѣ что-нибудь было?

— Да лѣтъ тридцать назадъ, неохотно отвѣчалъ Александръ Павловичъ, — Мартемьянъ проворовался въ какомъ-то пустякѣ... ружье тамъ у кого-то стащилъ... его судили и, кажется, посадили... Ну, въ деревнѣ этого не прощаютъ. Однако, прервалъ онъ самого себя, — вы идите-ка собираться...

Имѣйте въ виду что часа черезъ три выйдемъ, а охота будетъ серіозная.

— Что же „скрозь“ пойдѣмъ?

— Да, коли силъ хватить, такъ и „скрозь“ попробуемъ, улыбаясь заключилъ Александръ Павловичъ, уходя съ терасы.

Идти „скрозь“ по выраженію Ивана значило продѣлать громадную охоту, начавъ съ Верхняго озера и кончивъ Старицей, и на это мы рисковали лишь очень „втянувшись“, какъ говорятъ охотники, подъ конецъ сезона.

II.

— Ужь былъ, былъ, встрѣтила меня сообщеніемъ бабушка Анисья, крошечную избушку которой я обыкновенно занималъ лѣтомъ:—два раза прибѣгаль, да я прогнала, добавила она, сердито поджимая губы.

— Кто былъ-то? спросилъ я нарочно.

— Да пріятель-то твой... глухой! И чего ты въ немъ нашель? Самый нестоющій мужикъ: самъ за господами шляется, болота мѣсить, а жена голодомъ сидеть... У, опять плетется постылый... Тьфу! заключила съ негодованіемъ добрѣйшая бабушка, увидѣвъ подходящаго Ивана.

— А я къ тебѣ, заговорилъ онъ входя въ маленькую комнату,—не дашь ли, думаю, ты мнѣ мачку да горошку? У меня-то все вышло.

— Куда же такъ скоро? Вѣдь я недавно тебѣ давалъ? удивляюсь я, отлично зная эту исторію еще раньше сообщенную мнѣ бабушкой всегда подробно освѣдомленной о всѣхъ событіяхъ на десятокъ верстъ кругомъ.

— Да Марья, смущенно сипитъ Иванъ,—будь ей не ладно... Не успѣлъ еще спрятать то... не доглядѣлъ, а она возьми да и высыпь все въ песокъ... Провались, говорить, ты и съ утками-то... Ужь я выбиралъ, выбиралъ, много ли изъ песку-то наберешь?... Я, говорить, я ружье кому не то продамъ. Ну, да какъ же, хвастливо продолжалъ Иванъ,—нашла дурака, я теперь въ такое мѣсто спрячу... Вотъ спасибо, вотъ спасибо, восторженно прервалъ онъ себя, получая отъ меня мѣшочекъ дрови и маленькій сверточекъ пороха,—вотъ погоди, ужо я тебя на такія лужи сведу, ихъ никто кромѣ меня не знаетъ... И Мартышка не знаетъ.

Лицо его вдругъ омрачается.

— Что-жь, такъ и не возьметъ? спрашиваетъ онъ, горько кивая головой въ ту сторону гдѣ скрытый деревьями стоитъ домикъ Александра Павловича.—Ты бы попросилъ? А? Можетъ возьметъ? безнадежно говоритъ Иванъ и видя что я не отвѣчаю, идетъ къ дверямъ, шагаетъ за порогъ, но внезапно возвращается.

— Это за мою-то службу, отчаянно сипитъ онъ, пригибаясь къ самому моему лицу и слегка хватая меня за руку, — вотъ всегда онъ со мной такъ. Съ Мартыашкой и ходитъ, Мартыашкѣ и все... Вонъ лѣтось ему куртку подарилъ, нынче трубку привезъ изъ Петербурга... А меня, какъ будетъ увѣзжать, позоветъ скажетъ:—вотъ тебѣ Иванъ десять рублей снеси Марьѣ, да и все тутъ. Что я пьяница какой, чтоли, или несчастный? Я и Мартыашкѣ носъ-то утру, даромъ что у него домъ вонъ какой! Я медаль имѣю, во дворцахъ работаль... Эхъ, да что ужъ тутъ! заключилъ Иванъ и, отчаянно махнувъ рукою, вышелъ изъ комнатки.

Иванъ не мало гордился своею медалью полученной имъ за работу послѣ пожара въ Зимнемъ дворцѣ и былъ дѣйствительно очень хорошій плотникъ, но зарабатывалъ мало, такъ какъ частенько съ работы исчезалъ неизвѣстно куда и, вернувшись голоднымъ и мокрымъ до ушей, безропотно принималъ ругань взбѣшеннаго подрядчика и конечно штрафъ. Ему ничего не стоило прогоняться отъ зари до зари не ѣвши за какимъ-нибудь рѣдкостнымъ куликомъ перелетавающимъ съ отмели на отмель и цѣною цѣлаго дня добыть зоркую и сторожкую птицу, или пролежать нѣсколько часовъ въ грязи болота, поджидая пока прилетятъ утки на утреннюю кормежку и хлопотливую тѣсною толпой наполнять маленькую лужу скрытую въ лѣсной чащѣ. Но за то въ почернѣвшей и покосившейся набокъ избѣ хорошаго плотника красивая и еще не старая Марья частенько сидѣла голодомъ, проклиная Ивана съ его шатаніемъ по болотамъ, а онъ только виновато улыбался...

Я задѣлывалъ послѣдній патронъ, когда легкій осторожный стукъ по стеклу заставилъ меня выглянуть изъ окошечка. Около избы въ какихъ-то лохмотьяхъ, въ калишкахъ прикрученныхъ бичевками къ ногамъ, съ ружьемъ за плечами стоялъ Мартемьянъ и, выказывая полный ротъ мелкихъ темныхъ зубовъ, какъ-то таинственно-добродушно улыбался.

— Патрончиковъ побольше запасаете, заговорилъ онъ,

смотря на полный уже патронташъ лежавшій на столѣ и на тѣсный рядъ блестящихъ гильзъ занимавшихъ маленькій подоконникъ,—это вы правильно: большую охоту продѣлаемъ... Только что я вамъ скажу, продолжалъ онъ, понижая голосъ и оглядываясь кругомъ,—тутъ вотъ рукой подать Липки... озеро такое длинное... Кряковныхъ выводокъ... молодья, какъ есть глупья, а тронь, сейчасъ полетять...

— Какія же теперь молодья? нерѣшительно усомнился я,—сентябрь скоро...

— Это вѣрно! согласился Мартемьянъ,—по времени точно не должно быть, а только, значить, запоздавшія. Ну, и сидятъ, а только ихъ чуть, они и полетѣли... Ей-Богу!

— А какъ же, Александръ Павлычъ? проговорилъ я, чувствуя что не имѣю силъ удержаться отъ искушенія.

— Да вѣдь мы мигомъ добѣжимъ, торопливо почти шепталь соблазнитель,—далеко ли тутъ? Живою рукой вернемся! и, видя еще во мнѣ нѣкоторое колебаніе, добавилъ:—большущія, какъ есть старики...

— Вѣдь это по дорогѣ къ Свѣтцу? спросилъ я и, получивъ утвердительный отвѣтъ, наконецъ рѣшился:—бабушка, когда за мной Александръ Павлычъ пришлетъ на охоту звать, такъ ты скажи что мы съ Мартемьяномъ ждемъ его на дорогѣ... тамъ... около Липокъ... онъ ужъ знаетъ.

Минутъ двадцать спустя мы бѣжали по узкой песчаной дорогѣ среди стараго темнозеленаго бора.

— Ишь, вамъ оно на длинныхъ-то ногахъ и хорошо, говорилъ Мартемьянъ, съ трудомъ поспѣвая за мной,—а было время, бѣгалъ и я такъ-то, даромъ что ноги короткія... Старость... Вотъ еще одну елань пройдемъ, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ,—а тамъ липы начнутся, ровно какъ ихъ насадилъ кто, тутъ и озеро.

— Должно быть по этому оно и называется Липки? замѣтилъ я.

— Это вѣрно, это вы правильно, даже обрадовался Мартемьянъ.—Эки черти эти бабы, гляди сколько лутошекъ наломали да и бросили...

Мы подошли къ липамъ.

Богъ вѣсть какъ попавшія въ темную глубину стараго бора тѣсными рядами стояли юныя деревца, ихъ нѣжные кругловатые листья, пожелтѣвшіе уже отъ августовскихъ утренниковъ, блѣдно-золотистымъ пятномъ выдѣлялись на мрачной зелени окружающихъ елей и, мягкимъ шуршащимъ ковромъ

покрывая землю, примѣшивали свой ароматъ, напоминающій запахъ яблоковъ, къ смолистому дыханію бора.

— Озера-то почитай и нѣтъ, а такъ лужи, заговорилъ снова Мартемьянъ, когда сквозь рѣдѣющіе кусты заблестѣла вода, — вотъ тутъ, въ этомъ концѣ, они и есть, прибавилъ онъ понижая голосъ.

„Должно быть все навралъ, просто на водку получить хочется“, думалъ я, идя по высокому открытому берегу длинной, узкой, повидимому глубокой лужи протянувшейся подковой по опушкѣ липоваго лѣска, „ничего тутъ нѣтъ“...

Водяныя травы уже отцвѣли и опустылись на дно, только широкія листья кувшинокъ да полузакрывшіеся на день бѣло-снѣжные цвѣты ихъ неподвижно лежали на поверхности воды блестящей холоднымъ осеннимъ блескомъ. Видно было какъ въ прозрачной глубинѣ вереницами ходила мелкая рыба и пугливо бросалась въ темноту при нашемъ приближеніи. Но на поверхности длинной изогнутой полосы воды и кругомъ ея царили безжизненная неподвижность и тишина, только въ противоположномъ далекомъ отъ насъ концѣ лужи быстро вспорхнула стайка чирятъ и унеслась куда-то, да въ близкомъ бору рѣзкимъ тонкимъ голосомъ кричалъ голодный ястребъ.

— Отчего это здѣсь такая свѣтлая вода? громко обратился я къ своему спутнику и, желая ему показать что я уже ни на что не надѣюсь, закинулъ ружье за плечо.

— Ключи, началъ было Мартемьянъ, но не договорилъ.

Какъ бы въ укоръ низкому моему подозрѣнію раздалось шуршаніе и легкій трескъ раздвигаемыхъ камышей: молодая крякуша съ громкимъ крикомъ тяжело поднялась на воздухъ и, какъ-то беспомощно трясясь на неокрѣвшихъ еще крыльяхъ, медленно полетѣла на озеро въ пяти шагахъ отъ моего лица.

„Совсѣмъ какъ домашняя... Какъ боится!“ пронеслось у меня въ головѣ.

Я ясно видѣлъ широко раскрытый оливковаго цвѣта плоскій клювъ и даже розовый дрожащій языкъ, рассмотрѣлъ не только скромный узоръ сѣро-коричневыхъ перьевъ, но и круглые оранжевые глаза настолько же полные безумнымъ страхомъ, сколько въ моихъ, по всей вѣроятности, было удивленія и любопытства: я никогда не видалъ такъ близко живой дикой птицы до которой не дотрогивался еще ни одинъ человѣкъ...

— Стрѣлай, стрѣлай!.. Э-э-эхъ! отчаяннымъ голосомъ закричалъ Мартемьянъ. Я схватилъ ружье и выстрѣлилъ почти разомъ изъ обоихъ стволовъ.

— Э-э-эхъ! кричалъ Мартемьянъ,—уйдетъ, какъ есть уйдетъ, коли такъ!.. и выстрѣлилъ наконецъ самъ.

Крякуша мѣшкомъ упала въ осоку. Я бросился туда...

Она лежала на спинѣ, какъ-то неестественно подвернувъ голову и еще вздрагивая ярко-красными лапами. Одно крыло было плотно прижато къ туловищу, другое переломленное дробью безобразно развернулось, открывъ подбой изъ бѣло-снѣжныхъ мелкихъ перьевъ, потускнѣвшіе глаза полузакрылись...

„Смерть!“ какъ молнія блеснула мнѣ мысль, и чрезъ опьяненіе страсти странное, жуткое чувство на мгновеніе сжало сердце.

— Вотъ, ты жалуешься что старъ сталъ и плохо видишь, а какъ хватилъ, шаговъ восемьдесятъ будетъ, говорилъ я немного погоды, когда Мартемьянъ съ неприличнымъ, по моему мнѣнію, равнодушіемъ привязывалъ къ поясу убитую утку,—а мнѣ ужъ очень близко неудобно было стрѣлять.

— Это вы правильно, отвѣчалъ онъ, начиная опять поддакивать и все одобрять,—очень ужъ близко, оно и чудно, а потомъ-то оно и не того... не съ руки выходить... Ну, да мы сейчасъ остальныхъ найдемъ! прибавилъ онъ, очевидно, читая у меня въ душѣ, гдѣ зависть смѣшалась съ потребностью утѣшенія.

— Если и были, такъ улетѣли бы? замѣтилъ я опять съ сомнѣніемъ,—вѣдь мы какъ здѣсь палили?

— Ихъ, чертей, въ первый-то разъ хоть палкой подымай, не летятъ! наставительно произнесъ Мартемьянъ и съ маленькимъ упрекомъ въ голосѣ добавилъ:—вотъ я вамъ говорилъ, а онѣ какъ есть тутъ... Вы ужъ ружье-то на чеку держите... Въ самомъ-то устѣ какъ есть, говорю, идола и сидятъ...

Высокіе, ровные стволы старыхъ сосенъ горѣли краснымъ свѣтомъ подъ косыми лучами заходящаго солнца, когда я измученный, но счастливый вышелъ на дорогу въ бору, гдѣ долженъ былъ пройти Александръ Павловичъ. Патронташъ мой былъ подозрительно легокъ, но за то Мартемьянъ былъ обвѣшанъ утками разныхъ породъ.

— Ишь здоровыя, какъ есть бараны, говорилъ онъ, усѣвшись при дорогѣ и отбирая крупныхъ тяжелыхъ крякушей,—вѣдь вотъ оказія: откуда эти взялись? продолжалъ онъ, указывая на продолговатыхъ изящныхъ шилихвостей,—а этихъ какъ ловко приняли махонькихъ-то: разъ, разъ, двое готовы.

Это относилось къ маленькимъ, миловиднымъ, чиркамъ | по

которымъ мнѣ посчастливилось дважды сдѣлать „дуплетъ“, когда стайка этихъ крошечныхъ уточекъ, кружась подъ вечеръ надъ кормной лужей, два раза налетала на меня.

— Я такъ понимаю, выплеть намъ Александръ Павлычъ! заключилъ свои разсужденія Мартемьянъ, — зачѣмъ безъ него ушли? Оно дѣйствительно и правильно, а только я ему утромъ еще говорилъ что пустое это дѣло затѣваетъ онъ съ вечера по лужамъ идти: стабунились проклятыя, всѣ какъ есть на озерахъ...

— Да вотъ нашли же мы здѣсь?

— Здѣсь! иронически отвѣчалъ Мартемьянъ съ хитрою усмѣшкой, — здѣсь... Здѣсь-то онѣ считанья... Шилохвостыхъ, нечего говорить, не видалъ, и этихъ махонькихъ ужъ такъ Богъ послалъ, а кряковыя... Да я ихъ... хе, хе, хе! залился онъ дряблымъ смѣхомъ; — ихъ еще въ пушку сосчиталъ!.. Пушай, думаю, растутъ... Лужа чистая, открытая, никому и не въ доめкъ что онѣ тутъ есть... Все ходилъ да посматривалъ, а онѣ по зорькѣ-то и выплываютъ на чистинки. А какъ выростутъ, думаю, мы ихъ раскрошимъ, а баринъ, думаю, какъ есть, мнѣ рублевочку пожертвуетъ?..

— Получай!.. могъ только проговорить я въ удивленіи передъ такою хозяйственностью.

Едва успѣлъ Мартемьянъ запрятать рублевку подъ свои лохмотья, какъ недалеко отъ насъ показался Александръ Павловичъ.

— Хороши, хороши! заговорилъ онъ, подходя, съ необыкновенно любезною улыбкой и дѣлая видъ что совершенно не замѣчаетъ груды утокъ живописно лежавшихъ на сѣро-зеленомъ мхѣ, — я жду часъ, жду два, наконецъ посылаю за этимъ чучеломъ (Мартемьянъ пугливо и смущенно заморгалъ маленькими глазками), говорятъ: давно ушелъ! Я посылаю къ вамъ, продолжалъ Александръ Павловичъ, не смотря на меня, — бабушка говоритъ: ушли съ Мартемьяномъ къ Липкамъ... Ну что-жъ мнѣ оставалось дѣлать? Я пошелъ одинъ, обошелъ десятокъ лужъ, и ничего!..

Въ послѣднихъ словахъ ясно слышались досада и зависть страстнаго охотника.

— Это правильно! залепеталъ было Мартемьянъ, — я еще утромъ говорилъ...

— Говорилъ, говорилъ, вскипѣлъ вдругъ Александръ Павловичъ, — чортъ тебя возьми съ твоимъ „говорилъ“. Ты бы лучше слушалъ что тебѣ приказываютъ, да не жульничалъ...

— Однако, началъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ непріятнаго молчанія,—нечего время терять... Экъ, сколько накопили, совершенно неожиданно замѣтилъ онъ, и по добродушному звуку голоса мы съ Мартемьяномъ поняли что гроза прошла.

— Вотъ чтò, продолжалъ Александръ Павловичъ,—по лужамъ идти дѣйствительно не стоитъ, да и поздно. Ты, Мартемьянъ, отправляйся къ лодкѣ, тутъ вѣдь близко, и угони ее хоть на Черненскую, что-ли, и спрячь, чтобы глухой не нашель, а самъ оттуда приди домой да и приѣзжай съ провизіей вмѣсто Максимки: что даромъ мальчишку гонять ночью? Заодно утокъ съ собой захвати чтобы завтра ихъ не таскать. Я думаю, часамъ къ девяти поспѣешь, а мы потихоньку прямо къ шалагѣ поидемъ...

— Еще бы не поспѣть, какъ есть поспѣю, радостно говорилъ Мартемьянъ, торопливо связывая утокъ на бичевку и, собравшись уже въ путь, добавилъ лстивымъ голосомъ:—а тутъ сейчасъ, какъ черезъ Миневку перейдете, немного вправо взять... на вырубкѣ выводъ тетеревей богатѣющей...

— А ты не врешь? строго спросилъ Александръ Павловичъ, но глаза его заблестѣли.

— Когда я вралъ? Чтò ужъ это?.. ворчалъ Мартемьянъ, снова чувствуя себя хозяиномъ положенія и потому притворяясь обиженнымъ.

— Зачѣмъ лодку отъ Ивана прятать? спросилъ я, когда мы, рѣшивъ зайти на вырубку, быстро пошли по песчаной дорогѣ.

— Онъ безъ лодки не посмѣетъ явиться, отвѣчалъ смѣясь Александръ Павловичъ,—и проищеть ее цѣлый день, а мы въ это время поохотимся. Утки повидимому стабунились и сбились на озера, гдѣ ихъ не возьмешь, летаютъ на лужи только утромъ кормиться... Вотъ мы, чуть свѣтъ, поидемъ на Лебяжью лужу, утки ее въ это время очень любятъ: огромная и кормная лужа въ глухомъ лѣсу... И будемъ подсиживать. Иванъ тутъ непременно ужъ чѣмъ-нибудь помѣшалъ бы... Эхъ, жаль, поздно! снова съ досадой въ голосѣ прервалъ вдругъ себя Александръ Павловичъ:—должно быть не найдемъ тетеревей, пожалуй, темно будетъ!

Красный свѣтъ горѣвшій на стволахъ сосенъ погасъ; ярко освѣщены были лишь зеленыя вершины; въ пяти шагахъ отъ дорожки очертанія деревьевъ и вѣтвей становились неясными, еще немного далѣе они начинали сливаться въ при-

чудливыя тѣни, а тамъ, въ лѣсной глубинѣ, уже царила темная, непроглядная ночь. Мы, молча, шли быстрыми большими шагами.

— Ну! вдругъ проговорилъ мой спутникъ, пытаюсь шутить:—кончено! Послѣдній лучъ надежды исчезъ... Даже на вырубкѣ стрѣлять нельзя!

Мы шли среди такого густаго, высокаго лѣса, что не могли видѣть, зашло ли солнце: только узкая полоска голубаго неба виднѣвшаяся надъ нашими головами вдругъ стала сѣрой и ночныя тѣни, придвинувшись изъ глубины лѣса, близко, близко обступили дорожку. Ровный, протяжный, немного глухой, но мощный шумъ не умолкалъ ни на мгновение, хотя мы не чувствовали ни малѣйшаго вѣтра. Здѣсь не было нѣжнаго шелеста мелкиихъ листьевъ березы, пугливаго трепета осины, задумчиваго шепота крѣпкой темно-зеленой листвы могучаго дуба, не было слышно постепенно смолкающаго, какъ въ лиственномъ лѣсу при закатѣ солнца, чириканья засыпающихъ птицъ... Какъ бы вполголоса напѣвая торжественный, нѣсколько мрачный гимнъ, медленно погружался въ сонную темноту старый дремучій боръ... Мы шли, съ каждою минутой все менѣе ясно различая окружающее, наконецъ перестали видѣть другъ друга. Дорожка сузилась до крайности, и я по слуху шелъ за Александромъ Павловичемъ, пробираясь между толстыми стволами деревьевъ, которые еле-еле виднѣясь въ темнотѣ казались чудовищными великанами.

— Подумайте только что лѣтъ двадцать назадъ такой боръ начинался отъ самаго села! вдругъ раздался изъ темноты голосъ Александра Павловича, — а въ будущемъ году уже рѣшено и этотъ срубить.

— А вотъ и Миневка! продолжалъ тотъ же голосъ.

Послышалось какое-то хлопанье, бульканье, журчанье, какъ будто сотни маленькихъ быстрыхъ струй падали съ камня на камень и бѣжали, бѣжали, наталкиваясь во мракѣ на невидимыя препятствія.

— Развѣ она такая быстрая? спросилъ я.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Александръ Павловичъ котораго мнѣ теперь почему-то стало видно, — тутъ много повалившихся старыхъ деревьевъ, вода идетъ черезъ нихъ, поэтому такъ и журчить... Осторожнѣе идите! продолжалъ онъ, вступая на два тонкія бревна изображавшія мостъ, — перила справа... Держитесь!

На маленькой прогалинкѣ сравнительно было еще доволь-

но свѣтло, но когда я во время перехода посмотрѣлъ на темную воду мрачно блестящую подъ ногами, я увидѣлъ что на небѣ уже зажглись первыя блѣдныя звѣзды.

На другомъ берегу рѣченки лѣсъ сталъ рѣдѣть, мельчать, и минуты черезъ три мы вышли на вырубку.

— Два года назадъ здѣсь былъ такой же боръ, какъ мы сейчасъ прошли! сказала Александръ Павловичъ.

Теперь тутъ было кладбище: точно надгробные памятники невѣдомаго народа стояли рядами не совсѣмъ еще потемнѣвшіе пни; маленькіе, густые кустики, прорастая кругомъ каждаго, начинали закрывать ихъ своею зеленью, но всетаки огромная вырубка имѣла мертвенный и унылый видъ. Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ по ея окраинѣ, какъ изъ-подъ самыхъ нашихъ ногъ съ оглушающимъ трескомъ десятокъ темныхъ большихъ клубковъ взлетѣлъ на воздухъ... Загремѣли, блеснувъ краснымъ огнемъ, два выстрѣла, откуда-то уже издали донеслось рѣзкое хлопанье упругихъ крыльевъ, затѣмъ все стихло.

— Вы что же не стрѣляли? Какъ славно порвались!.. Вѣдь совсѣмъ тьма, такъ, на удачу стрѣлялъ! счастливымъ голосомъ говорилъ Александръ Павловичъ, подбирая черныша, лежавшаго между пнями, и сдѣлавшись необыкновенно словоохотливымъ.

— Да я не ожидалъ что такъ близко... То-есть, я не думалъ... что именно... здѣсь... смущенно отвѣчалъ я, стараясь скрыть что просто-на-просто испугался шумнаго взлета тетеревей.

III.

— Ну, теперь къ Свѣтцу! говорилъ Александръ Павловичъ пришедшій въ великолѣпное настроеніе духа:— мы ради этихъ тетеревей сдѣлали порядочный крюкъ, но стояло!.. Мартемьянъ съ припасами какъ разъ будетъ уже тамъ, славно закусимъ, да и свѣжо становится...

При этихъ словахъ я вдругъ почувствовалъ что я страшно голоденъ. Свернувъ съ вырубки, мы шли опять лѣсомъ подрастающимъ и густымъ какъ щетка, наполненнымъ медовымъ запахомъ молодыхъ сосенъ; темнота ночи быстро смѣняла вечернюю мглу.

— Какіе темные вечера... Что значить осень!.. началъ было Александръ Павловичъ.

— А какъ вы думаете? перебилъ я его, уступая неужели потребности хоть поговорить о вѣдѣ,—что тамъ въ корзинѣ? Жареные цыплята будутъ?

— Будутъ, будутъ! отвѣчалъ онъ со смѣхомъ, по звуку котораго я понялъ что и ему хочется ѣсть.

Мы все шли куда-то по широкой темной дорогѣ.

— Прибавимъ-те-ка шагу! сказалъ Александръ Павловичъ,—вѣдь вы, вѣроятно, послѣ утокъ по обыкновенію весь мокрый?

Я молчалъ, сердито думая что мокрый-то я, и проваливаюсь по уши въ болото я по своей волѣ, а слѣдовательно, другимъ до этого нѣтъ никакого дѣла. Мученія голода становились нестерпимыми, какія-то судороги сводили мнѣ внутренности. Безпричинная злость меня такъ и разбирала.

— Александръ Павловичъ! обратился я къ своему спутнику,—нѣтъ ли у васъ хлѣба въ ягташѣ?

— Нѣтъ! сухо отвѣчалъ онъ, но затѣмъ не удержась язвительно добавилъ:—значительная уступка: съ цыплятъ на хлѣбъ!

Злобно молча мы все шли, шли... Вдругъ сухія листья зашуршали подъ ногами, въ лицо пахнуло сыростью, темные силуэты съ правой стороны дороги стали измѣнять свои очертанія: это были уже не сосны.

— Ну, вотъ! сказалъ Александръ Павловичъ, вздыхая съ облегченіемъ,—идемъ по берегу Свѣтца... Озеро саженьхъ въ двадцати отъ насъ направо. Странно, продолжалъ онъ,—неужели Мартьянъ не догадался развести огонь? Отсюда было бы видно...

Минуть черезъ пять мы вышли на небольшую полянку правильнымъ полукругомъ вдававшуюся отъ озера въ густой высокій лѣсъ.

— Никога! проговорилъ Александръ Павловичъ успѣвшій возвратитъ къ себѣ обычное добродушіе, подходя къ какому-то холмику стоявшему въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега:—ни Мартьяшки, ни Ваньки Александрова. Этотъ какъ на зло куда-то утащился...

Холмикъ оказался солидно построенною землянкой съ деревянною дверью запертою плохенькимъ висячимъ замкомъ.

— Интереснѣйшій типъ этотъ Ванька... Я вамъ уже говорилъ что онъ круглый годъ живетъ здѣсь... Вѣдь вы его еще не видали? пытался развеселить меня Александръ Павловичъ, но для:

меня не были интересны теперь никакіе типы въ мірѣ: я думалъ что если человѣкъ живетъ здѣсь годъ, то у него должно быть что-нибудь поѣсть.

— Да вы не давали Мартемьяну денегъ? вдругъ спросилъ Александръ Павловичъ.

— Далъ... немного, отвѣчалъ я нѣсколько недоумѣвая.

— Ну, значить, конечно: напился... Приѣдетъ къ утру, а то и совсѣмъ не приѣдетъ... Чортъ знаетъ что!

— Какъ же быть?

— Давайте хоть костеръ разложимъ, все веселѣй ждать будетъ.

Я услышалъ легкій трескъ ломающихся сухихъ вѣтвей, но самъ въ это время уже стоялъ передъ землянкой и свертывалъ замокъ съ двери.

— Вы съ ума сошли? встрѣтилъ меня Александръ Павловичъ, когда я вернулся къ разгорающемуся костру съ половиною каравай свѣжаго ситника завернутаго въ грязнѣйшую тряпицу, — развѣ можно это ѣсть?

— А что? отвѣчалъ я съ полнымъ ртомъ, — дивный хлѣбъ.

— Да вѣдъ заразиться можете Богъ знаетъ чѣмъ... Какихъ только микробовъ нѣтъ въ этой тряпицѣ! говорилъ Александръ Павловичъ читавшій ботанику въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ, — и вы не боитесь? Правдѣ, лучше бы не ѣли, настаивалъ онъ, не отводя отъ меня глазъ.

Я отрицательно качалъ головою и запихивалъ въ ротъ огромные куски.

— А дайте-ка и мнѣ кусочекъ! совершенно неожиданно закончилъ профессоръ.

И мы, хохоча какъ дѣти, по братски доѣли каравай до послѣдней крошки.

Утоливъ голодь, я почувствовалъ себя снова бодрымъ и весело принялся таскать на огонь сосновые сучья; они вспыхивали ярко съ громкимъ сухимъ трескомъ и затѣмъ горѣли ровнымъ красноватымъ пламенемъ.

— Опять пляска дикихъ! какъ-то слабо засмѣялся Александръ Павловичъ, когда я принялся прыгать кругомъ костра, стараясь просушить сырое платье.

Лѣсъ высокою черною стѣной стоялъ кругомъ, издавая все тотъ же глухой шумъ; ночныя тѣни наполнили всю поляну, тѣсною толпой обступили землянку освѣщенную нашимъ костромъ, но ничего не могли сдѣлать съ озеромъ: тамъ былъ какой-то свѣтъ... Звѣзды ли, смотрясь въ темную глубину,

мерцали тихимъ сіяніемъ, красноватый ли отблескъ костра дрожалъ на зеркальной глади воды, но свѣтъ былъ и можно было различить извилистыя очертанія озера расходившагося тутъ тремя отрогами и даже маленькія рыбачьи лодки стоявшія у берега въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ.

— Что съ вами? спросилъ я своего спутника въ изнеможеніи откинувшагося на ворохъ сухой осоки около костра.

— Усталъ смертельно! отвѣчалъ онъ закрывая глаза.

Костеръ пылалъ, платье мое почти просохло. Я пошелъ къ озеру неподвижно блестящему въ темной рамѣ лѣсистыхъ береговъ. Гдѣ-то близко-близко сонными голосами крикали утки, какая-то необыкновенно маленькая сова безшумно носилась надъ прибрежными кустами, мелодично посвистывая.

Я стоялъ и слушалъ.

— Э... э... э... э... до... о... о-ля горькая... я... донесся вдругъ до меня изъ темноты лѣса дряблый голосъ Мартемьяна, затѣмъ послышались глухой звукъ колесъ катившихся по песку и шагъ пофыркивающей лошади. Черезъ минуту Мартемьянъ, оставивъ лошадь съ телѣжкой въ темнотѣ, самъ вступилъ въ ярко-освѣщенное костромъ пространство, неся корзину съ провизіей.

— А, приплелся! слабымъ голосомъ сказалъ Александръ Павловичъ, слегка приподнимаясь и открывая глаза, — половина двѣнадцатаго... Мерзавецъ! добавилъ онъ, снова опускаясь на свое ложе.

— Это вы правильно! по привычкѣ залепеталъ Мартемьянъ, — оно точно... не извините... я... того... запоздалъ, а только сами изволите видѣть... темка какая. Шагомъ ѣхалъ... ничего какъ есть не видать... ну, и того...

— Будетъ тебѣ лопотать, прервалъ я, подходя и видя что Александръ Павловичъ не обращаетъ вниманія на его болтовню, — лучше торопись съ самоваромъ. Голодомъ насъ заморилъ!..

— Я сичасъ, сичасъ... Ахъ, Господи! заторопился Мартемьянъ.

Онъ былъ совершенно пьянъ, но ходилъ твердыми шагами и дѣйствовалъ очень ловко, только болталъ не умолкая.

— Эхъ, хороша вода здѣсь! говорилъ онъ, идя съ ведромъ къ берегу, — а только я... того... на самую какъ есть струю поѣду, тамъ и зачерпну... Я вѣдь не какъ-нибудь, я плохо не люблю, я люблю чтобы правильно!.. продолжалъ онъ, отталкиваясь отъ берега въ маленькой полузалитой водой лодчонкѣ.

При видѣ желанной корзины я вновь почувствовалъ страшный голодъ и подъ его вліаніемъ проявилъ необыкновенную дѣятельность, такъ что когда Мартемьянъ вернулся съ водой, лошадь была уже распряжена, съ телѣжки принесенъ коверъ, а сами мы лежа на немъ наслаждались разными разностями найденными въ корзинѣ. Александръ Павловичъ, впрочемъ, ѣлъ мало и, ожившись не надолго за чаемъ, скоро опять впалъ въ дремоту и, завернувшись въ пледъ, неподвижно лежалъ съ закрытыми глазами. Мартемьянъ, въ виду холодной ночи получившій еще чашку водки, окончателно посоловѣлъ, притихъ и пресмѣшно щурилъ на огонь маленькіе синенькіе глазки. Немного погодя онъ пошелъ къ телѣжкѣ и, вернувшись съ большимъ коричневымъ кафтаномъ, принялся, завертываясь въ него, укладываться на ворохъ сухой осоки.

— Одѣлись бы вы, говорилъ онъ соннымъ голосомъ,—оно того... гляди какой холодъ.

Но я поддерживалъ жаркій огонь и только на плечахъ чувствовалъ пріятную свѣжесть. Легкія тучки пошли по небу и закрыли звѣзды. Ночь темная, непроглядная ночь висѣла надъ нами и совершенно закрыла лѣсъ... Озеро блестѣло страннымъ свѣтомъ.

— Мартемьянъ! сказалъ я громко,—отчего это на озерѣ гораздо свѣтлѣе чѣмъ здѣсь? Смотри какая тьма кругомъ, а тамъ кое-что видно...

— Свѣтецъ какъ есть! отвѣчалъ засыпая, повидимому, Мартемьянъ,—вотъ значить и того, свѣтится...

Я подкладывалъ на костеръ толстые сосновые сучья, но иногда попадались не совсѣмъ засохшія еще зеленые вѣтви, тогда ѣдкій дымъ покрывалъ огонь, и ночь, точно коварный врагъ выждавшій для нападѣнія удобный мигъ, вдругъ окутывала мракомъ нашу маленькую группу; но когда пламя, забравъ силу, вновь вспыхивало, колеблясь яркими языками, тотчасъ же толпа чудовищныхъ тѣней пугливо металась, отбѣгала отъ костра, сливаясь съ окружающею темнотой, пряталась туда, гдѣ кто-то все шептался и тихонько бормоталъ точно сварливый старикъ которому не удается улечься хорошенько...

О, поэзія! О, красота! О, волшебное могущество чарующей наивной сказки!.. Гдѣ тѣ свѣтлыя времена когда въ прозрачной глубинѣ водъ и въ темной чащѣ лѣса вездѣ, вездѣ царили прекрасныя подчасъ грозныя божества? Человѣкъ теперь будто бы покорившій міръ только склонялся и трепеталъ предъ невѣдомыми силами, но онъ вѣрилъ и любилъ, и жилъ пол-

ною, кипучею жизнію. А мы? Счастливы ли мы, смѣнившіе все это на...

— Жень! проговорилъ вдругъ Александръ Павловичъ, приподнимаясь на локтѣ и смотря на меня странно-блестящими глазами, — сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать одинъ. Гм... Скоро будетъ, то-есть, черезъ пять мѣсяцевъ, отвѣчалъ я въ недоумѣніи, — что вамъ такъ понадобилось? Я думалъ вы спите...

— Неужели и васъ ждеть то же? продолжалъ онъ, — вотъ смотрите какъ выматываетъ изъ насъ силы Петербургъ... Я былъ такимъ же какъ и вы когда пріѣхалъ туда... Теперь мнѣ тридцать девять лѣтъ... Я усталъ какъ анаема, и... два часа напрасно стараюсь заснуть!.. Но зато я професоръ и дѣйствительный статскій совѣтникъ... О, проклятая жизнь!

Онъ замолкъ и, тяжело вздохнувъ, снова закрылъ глаза; костеръ, слегка потрескивая, бросалъ красноватый отблескъ на его блѣдное, усталое лицо съ черною сѣдьющею бородкой. Заснувшій боръ гудѣлъ тихимъ, тихимъ шумомъ. Вдругъ совершенно ясно раздался громкій хриплый крикъ крупнаго болотнаго кулика... Я въ изумленіи прислушался, но къ еще большему моему удивленію Мартемьянъ повидимому крѣпко спавшій вскочилъ, да такъ и замеръ въ отчаянно-неудобной позѣ, какъ-то на колѣнахъ, наклонившись головой впередъ...

„Должно быть правда что онъ былъ красивъ въ молодости?“ невольно подумалъ я...

Что-то взволновало этого маленькаго грязнаго человѣка, разгладило какъ будто помятыя черты его поблекшаго лица и зажгло страннымъ блескомъ расширившіеся глаза.

— Чу, чу! зашепталъ онъ громкимъ шепотомъ, приставляя руку то къ одному уху, то къ другому, — чу! Какъ есть кулики въ походъ пошли... Оставь, оставь! озлобленно продолжалъ онъ тѣмъ же шепотомъ, забывъ объ обычномъ подобострастіи, когда я потянулся было за ружьемъ, — ты знай, слушай... Все одно ничего не увидите! заключилъ онъ, немного опомнясь.

Хриплый крикъ повторился, казалось, надъ нашими головами. Прошло еще мгновеніе и, перебивая другъ друга, сливаясь въ дикую странную мелодію, на всѣ тоны и лады зазвучали сотни птичьихъ голосовъ не кричавшихъ, а только перекликавшихся, какъ будто бесѣдовавшихъ на невѣдомомъ языкѣ. Тщетно я вглядывался въ темноту: несмотря на всѣ усилія, ничего не было видно... Тамъ въ холодной, темной вышинѣ тре-

петала жизнь; тамъ, упругими крыльями разсѣкая воздухъ, сотни живыхъ существъ неслись въ страну тепла и свѣта, сотни маленькихъ горячихъ сердець билась... Чѣмъ? Страхомъ, неясными стремленіями, а кто знаетъ, быть можетъ надеждою и отчаяніемъ, любовью и ненавистію...

Они, конечно, видѣли нашъ костеръ и насъ, столь странныхъ и страшныхъ для нихъ, но какъ отразилось все это въ смѣшныхъ длинноносыхъ головкахъ, какія впечатлѣнія сообщали другъ другу, торопливо и озабоченно пища, пернатые собесѣдники? Тише, тише звучали птичьи голоса, замолкая постепенно какъ говоръ удаляющейся толпы; еще разъ донесся хриплый громкій крикъ, потомъ все смолкло.

— Должно, болотный передовымъ идетъ! сказали Мартемьянъ, все еще стоя на колѣнахъ и блестя глазами, — знаете, такіе большущіе бываютъ, сѣрые, носатые... Вѣдь вотъ смотри ты, птица... продолжалъ онъ вставая, но не договорилъ... Тамъ гдѣ длинная узкая заводъ громаднымъ треугольникомъ вдавалась противъ нашей полянки въ берегъ озера, въ темнотѣ вдругъ блеснула красная молнія, а черезъ нѣсколько мгновеній до насъ донесся оттуда гулъ выстрѣла и звонкимъ эхомъ зарокотала въ лѣсу.

— Навѣрное это глухой палить! проговорилъ Александръ Павловичъ очнувшійся во время полета куликовъ отъ своей дремоты.

— Некому больше и быть: какъ есть онъ, подхватилъ Мартемьянъ и добавилъ съ завистію, — въ темнотѣ видитъ глухой чортъ. Не услышитъ, такъ увидитъ. Лѣтось онъ такъ же вотъ ночью гуся изъ стаи вышибъ... И счастье же дураку, право!

Мартемьянъ, положивъ уголекъ на маленькую трубочку, торопливо раскуривалъ ее, видимо желая разказать еще что-то.

— Ну, теперъ про гуся и прочее! иронически усмѣхнулся Александръ Павловичъ, приготавливаясь опять дремать.

— Это вы правильно! съ виноватымъ смѣхомъ и конфузясь проговорилъ Мартемьянъ.

Ему было отлично извѣстно что я также наизусть знаю всѣ его разказы, но разъ заходила рѣчь о способности глухаго видѣть въ темнотѣ, онъ, Мартемьянъ, чувствовалъ неудержимую потребность вновь изложить, по крайней мѣрѣ, важнѣйшіе относящіеся сюда случаи: одно слѣдовало за другимъ какъ желѣзо за магнитомъ.

— Ходили это мы за зайцами, началъ онъ немного помолчавъ и все еще виновато улыбаясь, — я, Оедоръ Никола-

ичь, учитель нашъ, да гость еще къ нему какой-то прїѣзжалъ изъ города... И привяжись это къ намъ глухой: я, говорить, вамъ жайчѣй ташкать буду. Ну, думаемъ, таскай, чортъ съ тобой! И набили мы ихъ, какъ есть, кучу, да и припоздали: темка ку-у-ды противъ теперешней! На небѣ звѣздъ, то-ись, какъ насыпано, а въ лѣсу хотъ глазъ выколи, да стужа... Чтѣ дѣлать? Пойдемъ, говорю, къ Ванькѣ Александрову, благо близко: у него при землянкѣ всякій инструментъ есть, да до свѣту и заночуемъ. И пришли, значить, какъ есть, на это самое мѣсто. Ну, извѣстное дѣло, огни разожгли, „зайцей“ варить стали, выпили по малости... Хи-хи! И тепло, и свѣтло, сидимъ да гуторимъ, а небо, говорю, я-я-ясное-ясное и звѣздъ, то-ись, видимо-невидимо... И вдругъ, братецъ ты мой...

На этомъ мѣстѣ Мартемьянъ обыкновенно сильно оживлялся. Онъ дѣйствительно и теперь вскочилъ и замахалъ руками.

— Вдругъ слышу я вонъ тамъ, откуда кулики давеча летѣли: га-га-га!.. Ихъ, горластыхъ, за версту слышно. Гуси! говорю, Оедоръ Николаичъ, гуси! Глухой-то и услышь: хватъ за ружье да и въ лѣсъ... Постой, кричу, постой, глухой чортъ, и я съ тобой! Куды тамъ, развѣ за нимъ поспѣешь... Только вдругъ слышу: бухъ! Добрался я до него, оно отъ огня-то... того... хуже видно. Убилъ ли, говорю, хотъ чтѣ? Не жнаю, говорить, убилъ ли, нѣтъ ли, а кажись, убилъ... А онъ, почитай, рядомъ вдругъ какъ затрепещется... Здоровенный!..

— Гусь? спросилъ я, заранѣе зная отвѣтъ.

— Какъ есть гусь!.. Большичинный!..

— Отдѣленіе первое! слабо усмѣхаясь проговорилъ Александръ Павловичъ.

Не обижаясь тѣмъ что и я смѣялся, Мартемьянъ спокойно выколотилъ свою трубочку о лежавшій около него обрубокъ.

— А еще съ нимъ было, продолжалъ онъ мечтательно глядя на огонь крошечными, сладкими глазками, — по осени тоже... Годовъ, поди, восемь тому назадъ: барыня, Елизавета Гаврильевна, вовсе молоденькія были. Запримѣтилъ онъ ночью, глухой чортъ, какъ кулики цѣльной, значить, стаей, вотъ на манеръ давшней, на мель опустились... Ужь долго ли, коротко ли на другой день онъ за ними гонялся, а только и помоги ему нечистая сила трехъ подшибить. Да не вовсе, а крылья перебилъ имъ. Ну, значить, сгребъ онъ ихъ да съ радости-то и приволоки ихъ къ барынѣ, Елизаветѣ Гаврильевнѣ.

Александра Палычъ, продолжалъ Мартемьянъ, очевидно, не сознавая что тотъ самъ его слушаетъ, — въ тѣ поры въ городѣ были, а барыня, Елизавета Гаврильевна, на скамеечкѣ сидѣли... Ну, приходитъ это, значить, глухой и кулики въ тряпкѣ, все какъ слѣдуетъ быть. Ахъ, говорить барыня, да они живые, какъ же, Иванъ, это такъ? Зачѣмъ же ихъ намъ? А глухой-то чортъ: что же, говорить, развѣ долго ихъ мертвыми ждѣвать? Пошелъ за уголь, да головами-то ихъ объ избу стукъ, стукъ! А барыня, Елизавета Гаврильевна, какъ заплачуть... Мартемьянъ, кличуть, прогони ты этого дурака, онъ мнѣ всю душу вымоталъ... Ужь я его по шеѣ-то, да по шеѣ... Серезеньку онѣ тогда ждали... закончилъ онъ совершенно соннымъ, но счастливымъ голосомъ.

— Этотъ идіотъ, дѣйствительно, тогда Лизу чуть не до истерики довелъ, по обыкновенію пояснилъ мнѣ Александръ Павловичъ, хотя я не хуже его зналъ всю эту исторію и самое поясненіе слышалъ въ десятый, вѣроятно, разъ. Магнитъ дѣйствовалъ на желѣзо, конечно, и тутъ для каждаго по своему.

Мартемьянъ, продолжая блаженно улыбаться и что-то шепча, очевидно какой-то разказъ исключительно уже для собственнаго удовольствія, завернулъ въ свой коричневый кафтанъ и черезъ минуту заснулъ крѣпкимъ сномъ.

— Одѣньтесь и вы, соннымъ голосомъ сказалъ мнѣ Александръ Павловичъ также уже лежавшій на коврѣ.

Я взялъ пледъ и завернувшись въ него усѣлся около костра. Только теперь я почувствовалъ что въ сущности я давно озябъ и, пожалуй, усталъ... Разсыпаясь искрами, прогорали толстые сосновые сучья, сверкающія змѣйки вились, бѣгали по ихъ поверхности, пурпурнымъ пламенемъ дрожала наполненная жаромъ середина костра.

„Золото и кровь“... безсвязно думалъ я, смотря слипающимися глазами на груды пылающихъ углей: „что тамъ такое говорилъ Александръ Павлычъ? Ахъ, да: жизнь!“... Нѣжащая теплота разливалась по моему тѣлу...

— Жизнь, тихо гудѣлъ изъ темноты старый боръ, — вѣчный шумъ, однообразный, скучный шумъ, вотъ жизнь...

— Намъ страшно, зима идетъ, мы забнемъ! трепетно шептали прибрежныя осины и тополи.— Но мы будемъ ждать новаго солнца и весны...

— О, весна! заплѣли сотни тонкихъ серебристыхъ голосовъ среди мелкихъ листковъ березъ, — весною не думаютъ о

томъ, что такое жизнь... Весною тепло и ярко свѣтитъ солнце, ласково и ясно улыбается небо, весной цвѣтеть ландышъ, кусты черемухи осыпаны душистымъ снѣгомъ и соловей поетъ въ свѣжемъ сумракѣ ночи... Весна это праздникъ юности и красоты, время радостныхъ надеждъ на что-то... На радость... на счастье... на любовь!..

Костеръ вдругъ погасъ

— Кря, кря, кря! раздалось у меня надъ ухомъ.

Я открылъ глаза. Блѣдный свѣтъ чуть брежлившаго утра смѣнилъ ночную темноту, надъ озеромъ висѣла бѣлая полу-прозрачная дымка; въ десяти шагахъ за лодками стоявшими у берега купалась утка, плескалась, кувыркалась, пускала широкіе круги по блестящей поверхности воды и во все горло кричала... За нею виднѣлась другая, третья... цѣлый табунъ. Я, сдерживая дыханіе, подползъ къ ружью стоявшему въ трехъ шагахъ отъ меня, и кое-какъ прицѣлившись выстрѣлилъ разъ за разомъ. Точно удары большихъ пушекъ тяжело загремѣли выстрѣлы, гулкое эхо понеслось по зеркальной глади озера, зарокотало со всѣхъ сторонъ въ лѣсу и замерло въ туманной дали.

— Что случилось? Кто стрѣлялъ? закричалъ Александръ Павловичъ, вскакивая и хватая ружье.

— И-и-и... Господи, что это?.. Господи!.. какимъ-то заячьимъ голосомъ вопилъ перепуганный до полусмерти Мартемьянъ.

— Извините! говорилъ я смущенно. — Утки подплыли... Я не думалъ что такъ громко выйдетъ... Извините!

— Убили по крайней мѣрѣ? спросилъ Александръ Павловичъ, начиная приходить въ себя, но еще недовольнымъ тономъ.

Но я тщетно смотрѣлъ въ воду, ища убитыхъ: тамъ плавало чуть-чуть покачиваясь нѣсколько пушинокъ.

— Оно... того... утѣшалъ меня оправившійся отъ испуга Мартемьянъ, — на здрѣкъ-то оно обманываетъ. Кажется совѣмъ близко, анъ, смотришь, далеко... Это вѣрно.

— Ну, все къ лучшему, прервалъ его Александръ Павловичъ. — Теперъ скорѣе на Лебяжью лужу... Еще, пожалуй, проспали бы!

Минутъ черезъ десять быстрой ходьбы по просыпающемуся лѣсу мы лежали на громадной кочѣ передъ большою мрачною лужей; высокій лѣсъ окружавшій ее со всѣхъ сторонъ закрывалъ воду своею тѣнью.

— Не шевелитесь: подплывают! шепнул мнѣ Александръ Павловичъ.

Мы неподвижно лежали ничкомъ на сырой жесткой травѣ. Громадный табунъ утокъ медленно подвигался къ намъ. Ставовилось совсѣмъ свѣтло.

— Нѣкоторыя уже вылиняли, прошепталъ Александръ Павловичъ.

Я тоже различалъ темно-зеленыя головы селезней.

— Еще шаговъ двадцать, и стрѣлять можно будетъ... Ай! вдругъ вскрикнулъ онъ и, какъ ужаленный, вскочилъ на ноги.

За нимъ невольно вскочилъ и я...

Утки взметнулись, точно поднятыя бурей, раздался плескъ воды, трескъ крыльевъ, отчаянный крикъ перепуганныхъ птицъ, и стая, свиваясь темнымъ клубкомъ, уже неслась надъ лѣсомъ. Оттуда грянуль выстрѣль.

— Уродъ! въ бѣшенствѣ кричалъ Александръ Павловичъ, — на кой чортъ ты здѣсь? Какъ ты смѣлъ дергать меня за ногу?

— Сами же съ утра позволили съ вами ходить? съ виноватою улыбкой говорилъ Иванъ, — думалъ, если выстрѣлить невзначай, хуже напугаю... Вотъ грѣхъ!

— Если когда-нибудь еще ты сдѣлаешь подобную мерзость, виѣ себя вопилъ Александръ Павловичъ, грозя Ивану кулакомъ, — я тебѣ... я тебѣ... голову оторву! неожиданно добавилъ онъ и, сообразивъ что перехватилъ, размѣялся...

Когда, продолжая проклинать Ивана, мы вышли изъ болота, на пожнѣ насъ уже ждалъ Мартемьянъ съ красавцемъ селезнемъ на поясѣ. Бархатно-зеленая голова, темно-малиноваго цвѣта грудь и сизыя крылья убитой птицы яркими пятнами выдѣлялись на сѣрыхъ лохмотьяхъ Мартемьяна. При видѣ Ивана онъ залился смѣхомъ.

— Такъ и есть, думаю! твердилъ онъ, едва выговаривая сквозь смѣхъ слова, — какъ взлетѣли утки-то... хи, хи!.. никто, думаю, какъ глухой спугнулъ! Ахъ, хи, хи, хи, хи!..

— Какъ же ты смѣлъ явиться безъ лодки! строго обратился Александръ Павловичъ къ Ивану.

— Зачѣмъ безъ лодки? отвѣтилъ тотъ попрежнему съ виноватою улыбкой, но уже нѣсколько самодовольнымъ тономъ, — я пригналъ... какъ приказывали.

— Какъ пригналъ?! Гдѣ же ты ее взялъ?

— Пришелъ я къ Долгому, продолжалъ Иванъ, — нѣту лодки. Думаю, не иначе какъ Мартышка на зло пригналъ. По-

шель по берегу, Шахѡвъ рыбу ловить. Я говорю: Шахѡвъ, не видалъ нашихъ? Нѣтъ, говорить, только Мартемьянъ на лодкѣ проѣхалъ. Ну, вотъ, думаю, самое оно есть. А назадъ, говорю, не проѣзжалъ. Нѣтъ, говорить, не проѣзжалъ. Думаю, некуда больше поставить, какъ на Черненькую. И нашелъ. А пригналъ ее къ шалагѣ, смотрю, лошадь привязана, и костеръ курится, и все... Думаю, не должны далеко быть, и сейчасъ шарь-шарь по травѣ, а по росѣ слѣдъ-то и гдѣтъ... Вотъ и нашелъ, закончилъ улыбаясь Иванъ.

— Чортъ тебя возьми! проговорилъ Александръ Павловичъ, слясь сдержать смѣхъ, — опять испортилъ охоту, проклятый дуракъ!

— Это вы правильно, глушій какъ есть человѣкъ! скрѣпилъ Мартемьянъ.

А я хохоталъ, хохоталъ, хохоталъ...

А. Дементьевъ.

РАЗКАЗЫ СЛАВЯНСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

ДЯДЯ ПЕТРО.

РАЗКАЗЪ ИЗЪ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ, *Веселиновича.*

(СЪ СЕРБСКАГО).

Третій день шелъ снѣгъ; навалило его уже выше колѣна, а онъ, кажется, и не думалъ переставать. Все приняло одинъ цвѣтъ, небо и земля. Сѣверный вѣтеръ окрѣпъ и дулъ съ такою же силой, какъ и три дня назадъ.

На улицѣ не было живой души; все ушло подъ защиту: скотъ въ хлѣва и подъ навѣсы, люди въ дома. Единственнымъ признакомъ жизни былъ бѣлый дымъ поднимавшійся изъ низкихъ трубъ сельскихъ домиковъ.

Я былъ одинъ въ судебной камерѣ и разсматривалъ нѣкоторыя дѣла; писарь отлучился въ архивъ, слышенъ его шорохъ, вѣрно что-то ищетъ.

Открываетъ дверь сторожъ и докладываетъ:

— Дядя Пера (Петръ) проситъ позволенія войти.

— Какой дядя Пера?

— Міятовичъ.

— Впусти его.

То былъ старикъ за 60 лѣтъ. Волосы на головѣ сѣдые, а брови и усы черные; роста средняго, немного согбенный станъ. Верхняя одежда изодрана, на головѣ выпцвѣтшая мѣховая шапка повязанная бѣлымъ платкомъ. Войдя въ комнату, онъ снялъ шапку, отряхнулъ съ нея снѣгъ, потомъ началъ очищать свои заиндевѣвшіе и обмерзшіе усы и только тогда поздоровался со мною. По его голосу и взгляду я видѣлъ

что онъ взволнованъ. Отвѣтивъ на его привѣтствіе, я пригласилъ его сѣсть.

— Не хочу садиться!

— Что добраго скажешь?

— Какое тутъ добро! Далеко оно отъ добра...

— А что такое, дядя?

— Ничего... отвѣтилъ онъ, а самъ отвернулся и поднесъ платокъ къ глазамъ.—Это мерзко, стыдно! Прости что вотъ пришелъ къ тебѣ разказать. Но, думаю себѣ: ты нашъ заступникъ, мы, значить, тебя выбрали которые вѣрили тебѣ, потому ты добръ къ намъ и все было такъ хорошо до сихъ поръ...

Вижу что дядя Пера еще дома приготовилъ эту рѣчь какъ вступленіе къ своему разказу и далъ ему договорить. Но дядя самъ оставилъ предисловіе и перешелъ къ дѣлу.

— Пришелъ я къ тебѣ, такъ какъ ты можешь судить его, пригрозить, запретить ему.

— Кому?

— Моему сыну... не сынъ онъ мнѣ... Спасою!

— А что онъ тебѣ сдѣлалъ?

Старикъ опять поднесъ платокъ къ глазамъ, стиснулъ шапку въ лѣвой рукѣ и опустилъ глаза.

— Срамъ, позоръ! Стыдно мнѣ разказывать тебѣ... лучше бы мнѣ умереть! И это онъ мнѣ, своему родителю! А онъ у меня вѣдь единственный сынъ... Вотъ какъ на рукахъ носилъ его! Еслибы можно, носилъ бы его въ утробѣ своей, никогда не было бы мнѣ тяжко...

Пера былъ сильно взволнованъ. Синія его губы нервно сжимались и раскрывались, въ глазахъ стояли слезы; видно было что едва удерживается отъ плача.

— Сядь, дядя! говорю ему.

Онъ взялъ стулъ и сѣлъ.

— Пиши! говоритъ мнѣ.—Пусть всѣ знаютъ объ этомъ позорѣ, какъ отецъ жаловался суду на сына за то что тотъ выгналъ его изъ роднаго дома. Смотрите! Я строилъ это домъ, думаю: нужно вѣдь, какой же былъ бы я отецъ, ес. бы не соорудилъ дома! Покрылъ его такъ хорошо черепиц и все въ немъ устроилъ, какъ слѣдуетъ, думаю: своему : сыну.

Тутъ онъ замолчалъ и отвернулся. Я видѣлъ какъ с. глотаешь слезы.

— Пиши!

Я взялъ листъ бумаги и началъ писать: Такого-то... Показаніе. Онъ всталъ.

— Пиши: Пера Мятровичъ пришелъ жаловаться на сына, Спасоя котораго онъ вспоилъ - вскормилъ... Да, да! воспиталъ его, берегъ его какъ зѣницу ока, думалъ: и онъ меня будетъ такъ подъ старость... А теперь вотъ что вышло!.. Говорить мнѣ... знаешь что мнѣ говорить? Ты, говорить, глушь! погубишь, говорить, домъ и все имѣніе. Я де пойду въ судъ и потребую чтобы все было отобрано у тебя. А ты теперъ вонъ! ступай! И это говорить мнѣ моя кровь!

Старикъ началъ ходить по комнатѣ; подошелъ къ окну, вытеръ шапкой запотѣвшее стекло и будто заглядываетъ во дворъ. А на самомъ дѣлѣ онъ плакалъ, потому что безпрестанно подносилъ къ глазамъ платокъ. Долго молчалъ онъ. Наконецъ, я окликнулъ:—Дядя Перо!

— А! отозвался онъ и повернулъ ко мнѣ голову. Глаза его были заплаканы.

— Ну, дядя, рассказывай мнѣ все, какъ было. Садись!

— Буду рассказывать, проговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Я самъ нажилъ, какъ это знать и все село, то имѣніе. Всего у меня, слава Богу, достаточно; жилъ какъ маленькій царь. Одинъ лѣсъ стоитъ теперь 500 дукатовъ. Я вырастилъ этотъ лѣсъ, какъ и сына; радовалъ меня въ немъ каждый дубокъ; все я самъ подчищалъ, вырубалъ всякое терніе, и каждое дерево выросло какъ стрѣла; на всякую постройку въ моемъ лѣсу найдешь подходящий матеріалъ. Думалъ: все это ему, моему дѣтищу; не будетъ мучиться, какъ мучился я; все у него будетъ готовое.

— Что-жь, онъ осмѣлился отчуждать что-нибудь изъ имѣнія? спросилъ я, желая узнать изъ-за чего у нихъ ссора.

— Что такое?

— Не продалъ ли онъ землю?

Пера отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ! Мнѣ кажется, о землѣ я такъ не сокрушался бы, но лѣсъ...

— Такъ онъ лѣсъ продалъ?

— Нѣтъ! но все-равно что продалъ: хочеть вырубить его. А я не могу этого видѣть, лучше мнѣ умереть, пусть лучше убьютъ меня!

— Кто же купилъ его?

— Если-бъ порядочный человѣкъ, еще бы не жалко было, а то банкротъ, который ничего не заплатитъ, Тошагъ.

Тошанъ голъ какъ соколъ; погубилъ все свое, а теперь губить и другаго.

Старикъ помолчалъ немного.

— Знаешь, когда я услышалъ про это, у меня закружилась въ головѣ вся хата. Сказала мнѣ про это Станія, его жена. Я разсвирѣпѣлъ: какъ? продалъ, а меня даже не спросилъ! Едва дождался, пока сынъ воротился изъ корчмы, чтобы самого спросить, какъ-де онъ смѣлъ, его ли это имѣніе. Ужъ поздно вечеромъ является. Поздоровался, какъ ни въ чемъ не бывало. „А что, сынокъ, правда ли что ты продалъ лѣсъ на срубъ?“ „Да,“ отвѣчаетъ. „А имѣлъ ты на это право?“ „Стало быть имѣлъ.“ „А чей это лѣсъ?“ „Мой“, говоритъ. „А не мой?“ „Былъ твой, пока я былъ несовершеннолѣтнимъ, а теперь мой.“ Загорѣлись у меня глаза, но я овладѣлъ собою. „Какъ же, сынокъ, а я то что-жъ такое? мнѣ и говорить нельзя?“ „Нѣтъ!“ Тутъ я вспыхнулъ: „не смѣешь ты, это мое! Пока живъ, я хозяинъ всему! Твоя сдѣлка съ тѣмъ голодранцемъ для меня ничего не значить.“ „Успокойся, батюшка, дѣло твое криво. Я ужъ продалъ, заключилъ условіе и задатокъ получилъ.“ „А гдѣ-жъ задатокъ?“ „Истратилъ; это было еще на прошлой недѣлѣ.“ „Возврати ему задатокъ, какъ знаешь, а я своего лѣса не дамъ.“ „Дашь!“ „Не дамъ!“ Закричалъ я. Онъ схватилъ пруть и... по спинѣ меня... это меня-то, отца! Клянусь Богомъ! Шлепъ! вотъ тебѣ.

Лицо старика приняло какое-то странное выраженіе, щеки пылали, и слезы текли ручьемъ. Помолчавъ немного, онъ упавшимъ, хриплымъ голосомъ произнесъ:

— Да ты не пишешь...

— Ничего, разказывай. Когда все кончишь, тогда я напишу.

— Больно было мнѣ, но не отъ удара, нѣтъ! Еслибы даже домъ обрушился на меня, я и тогда не почувствовалъ бы такой боли. Но онъ, Спасой... поднять на меня руку, ударить... Слыхалъ ты это? Еслибы сказали что сегодня настанетъ конецъ свѣта, и ты, Пера, останешься одинъ, я скорѣе повѣрилъ бы этому, чѣмъ тому что мой Спасой подниметъ руку на... Ушелъ къ себѣ въ комнату, сѣлъ и думаю: согрѣшилъ я, что ли, предъ Богомъ что со мною такъ поступаютъ? Не вѣрю, знаешь, самъ себѣ, и если-бъ не зудѣло мѣсто по которому онъ ударилъ прутомъ, я сказалъ бы цѣлому свѣту: ждете, не ударилъ меня Спасой! Всю ночь я не сомкнулъ глазъ. Пусто какъ - то въ душѣ... какъ будто кто умеръ у меня, не дай Богъ; да и самъ я будто не

живой. Разсвѣло. Я сижу себѣ и курю. Вошелъ въ комнату Спасой, сталъ у печки и смотритъ на меня какъ на врага. Я склонилъ голову и плачу, не умѣю ничего сказать ему. „Слышишь? если ты такъ... хочешь по своему, то вонъ сію же минуту!“ У меня помутилось въ глазахъ, я вспыхнулъ какъ огонь, спрашиваю: „кто вонъ?“ „Ты“, говоритъ. „Ты вонъ, щенокъ ты этакій!“ Крикнулъ я. И мигомъ схватилъ его за горло. Смотрю, не обороняется. Я оттащилъ его на средину комнаты. Но тутъ дикая сила взяла верхъ: онъ схватилъ и бросилъ меня на землю какъ кубышку. Вбѣжала съ плачемъ невѣстка и тоже набросилась на меня: „Ахъ ты, старый дурень!“ Ей Богу правда: звала меня дурнемъ. „Ахъ ты, гадина!“ закричалъ я, хватилъ ее по головѣ, кичка полетѣла въ уголь... Она опять лѣзетъ ко мнѣ, я поджидаю, приготовился ударить. Но въ это время онъ схватилъ стулъ и по рукавъ меня. У меня опустились руки, а она въ это время сзади дала мнѣ такую пощечину... Больно мнѣ было... Повѣсилъ я головушку, какъ будто отсѣкъ ее мнѣ св. архангелъ.

Поздри у старика начали раздуваться; онъ то блѣднѣлъ какъ полотно, то краснѣлъ какъ вареный ракъ. Всталъ и началъ ходить по комнатѣ. Я не говорилъ ни слова, не понуждалъ его и къ дальнѣйшему разказу, выжидалъ, пока онъ немного успокоится. Долго ходилъ онъ. Вдругъ обернулся ко мнѣ и заплакалъ.

— Развѣ не было бы лучше еслибы взялъ меня Господь и избавилъ отъ такой горькой жизни? Развѣ не лучше бы было, молю, прошу тебя, скажи! Взялъ у меня силу, скоро отниметъ и разумъ...

И началъ тереть платкомъ глаза.

— Къ чему плакать? Старый ты человекъ, а плачешь. Развѣ не знаешь людей?

— Да, конечно, и они люди. Богъ съ ними! Чтѣ было, то было. Они молоды, сильны, я старъ. Но вѣдь они выгоняютъ меня изъ дому!

— Выгоняютъ?

— Выгоняютъ.

— Этого они не смѣютъ дѣлать.

— Вотъ за этимъ-то я и пришелъ къ тебѣ. Ты наше начальство, власть; всѣ мы тебя выбрали, я тоже. Такъ вотъ посмотри, какъ въ законѣ писано. Если ему закономъ дано такое право, такъ я и буду знать: пойду въ лѣсъ, выберу дерево и повѣшусь!

— Не можеть онъ тебя выгнать, дядя Перо, не смѣеть.

— Не можеть? А какъ же онъ меня выгналъ?

— Развѣ выгналъ?

— Двѣ ночи ночеваль я въ соломя. Въ такую стужу, въ такомъ горѣ... И онъ протянулъ ко мнѣ обѣ руки.—Смотри, дрожать отъ холода и старости. А вотъ смотри! И онъ вырваль полную горсть волосъ съ головы и плюнулъ на нихъ.—Позоръ на васъ, стыдъ, сѣдые волосы! Не отъ ума, знать, побѣлѣли! А теперь ты вотъ сталъ рабомъ, голодай, дрожи, старая скотина!

Глаза у него выкатились; смотреть на меня, такой страшный.

— Дядя Перо!

Молчить.

— Дядя Перо!

— Чтò? отвѣчаетъ онъ глухо, хрипло.

— Не смѣй, нельзя этого дѣлать!

— Чтò? не хорошо? правда? Не хорошо и то что я подъ старость остаюсь безъ куска хлѣба, на дворѣ, въ такую зиму...

Вѣтеръ загудѣлъ по крышѣ.

— Слышишь? Такъ-то двѣ ночи гудѣло и стонало въ моихъ ухахъ, и я молчалъ... Пиши! Пропиши все: и какъ я плакалъ, и какъ рвалъ на себѣ волосы, все напиши. И поступи по закону. Скажешь: „иди, дядя Петръ, убей себя,“ я сдѣлаю это сейчасъ; „иди, дядя, повѣсься,“ я сію минуту исполню. Только пусть будетъ по закону. Я... моя нога никогда еще не переступала этого порога чтобы судиться съ кѣмъ. А теперь я вынужденъ. И съ кѣмъ судиться? Со своею кровью, своимъ сыномъ, съ своимъ Спасою!

Все время пока говорилъ старикъ смотрѣлъ на меня страшнымъ взглядомъ. Теперь онъ закрылъ руками глаза и зарыдалъ.

— Былъ я здоровъ, могъ работатъ за четверыхъ. Теперь ничего не могу, отяжелѣлъ весь, какъ колода. И болитъ у меня все: руки и ноги, и тутъ и тамъ, колетъ въ бокахъ какъ ножомъ, вздохнуть нельзя. А что жъ, ты началъ писать?

— Да.

— Все напиши, скажи, какъ я плакалъ, про все...

— Все запишу.

Я писалъ, онъ молчалъ.

— Можно курить? спрашиваетъ.

— Можно.

— Дай мнѣ табаку на трубку, а то у меня нѣтъ.

Я подаль ему портъ-табакъ. Онъ набилъ трубку, открылъ дверцы желѣзной печки, досталь оттуда огня, закурилъ и замолкъ.

— Дядя!

— А!

— Вотъ я прочту тебѣ.

— Ну-ка.

Я прочиталь все его показаніе.

— Такъ ты говорилъ?

— Да; но еще не все тебѣ сказалъ.

— Чтѣ еще хочешь прибавить?

— Она, невѣстка, во сто разъ хуже его. Это все ея дѣло. Это она все подговариваетъ сына чтобы билъ меня. И дѣтей отчуждаетъ отъ меня. Прежде, бывало, дѣти любили меня, какъ свои очи: „дѣда, дѣда!“ А теперь боятся, хоронятся отъ меня. Старшій, Симица, еще кричитъ на меня: „уходи ты, старый!“ Жалко мнѣ что она ихъ этому научаешь; мало того: еще оскорбляетъ меня позорно. Напиши что все это она надѣлала, Богъ ей судья! Она и прежде возбуждала сына противъ меня; но я ей не давалъ и пикнуть или оскалить зубы, вотъ она теперь и вымещаетъ. Слышу я разъ утромъ, это было, знаешь, въ то утро, какъ она говорить ему: „не хочу я его и видѣть, и слышать! Если ты съ нимъ, тогда я не хочу съ тобою! Оставляю, говорить, и тебя, и дѣтишекъ и пойду въ люди. Я рада служить другому, чѣмъ зваться твоею, коли ты такой!“ Такъ и сказала ему, это истинная правда! Могу присягнуть въ ста монастыряхъ.

Я позвонилъ сторожа и далъ ему песочницу чтобы насыпалъ песку. На дворѣ все валилъ снѣгъ.

— Да и мететь же! проговорилъ служитель.—Если будетъ такъ идти, то къ утру станеть снѣга по поясъ.

— Будеть, будетъ... проговорилъ старикъ и покачалъ головой.—Скотинка и та имѣеть защиту, а у меня нѣтъ пристанища!

Онъ сѣлъ на стулъ, какъ-то весь опустился и прослезился снова.

— Вотъ чтѣ, дядя!

— Чтѣ, братъ?

— Есть у тебя свидѣтели что онъ выгналь тебя изъ дома?

— Есть, какъ же. Это знаютъ всѣ. Вотъ: Джура, Радванъ, Иванъ... Нужно еще?

— Нѣтъ, достаточно.

Я докончилъ протоколъ и прочиталъ ему опять.

— Имѣешь ли еще что добавить?

— Нѣтъ.

— Ну, хорошо. Я велю позвать его сейчасъ въ судъ и прикажу ему все, какъ законъ требуетъ.

— Такъ, такъ! Ну, прощай.

Онъ остановился у дверей и началъ повязывать платкомъ голову. Вошелъ служитель чтобы посмотрѣть огонь въ печкѣ. Когда онъ открылъ дверь, со двора пахнулъ сильный вѣтеръ въ камеру.

— Ухъ! проговорилъ Пера.—Такой холодъ, а я опять долженъ ночевать въ соломѣ! Онъ схватился обѣими руками за голову, поднялъ глаза къ небу: „Дай, Богъ, сынокъ чтобы ты ни въ чемъ не нашелъ счастья! Дай Богъ, чтобы и ты, когда посѣдѣешь, скитался по чужимъ людямъ, отъ немилаго къ недорогому, прося крова и куска хлѣба! Чтобы и ты встрѣтилъ такъ мало жалости, чтобы и твои дѣти тебя въ такой холодъ“... Вдругъ онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, какъ обожженный.—Ухъ! Что я! Вскрикнулъ онъ.—Ухъ!... Не слушай меня, Боже! Не слушай, Господи! Молю Тебя, не слушай. Согрѣшилъ, Господи, не вырви мнѣ языка! Меня, меня возьми, Господи, меня старика несчастнаго которымъ тяготится и сыра земля!..

Потомъ онъ обратился ко мнѣ:

— Слушай, батюшка! Молю тебя, отдай мнѣ эту бумагу! Что стоитъ, я заплачу. Вотъ тебѣ двадцатка... И онъ началъ искать у себя монету.—Знаешь, глупъ я! Себя не помню. Правду сынъ говоритъ: поглупѣлъ я. Лѣта мои... Состарѣлся и умъ ослабѣлъ. Ну, какой я отецъ! И гдѣ это родитель проклиналъ свое дитя! Правду говоритъ онъ: обезумѣлъ я... И старикъ началъ креститься.—Господи, отжени злыя мысли! Нечисто у человѣка сердце, поганый языкъ!

Онъ опять обратился ко мнѣ, трясясь весь какъ въ лихорадкѣ.

— Слышишь! вотъ тебѣ двадцатка! отдай мнѣ эту бумагу, отдай! на что она тебѣ? я не хочу жаловаться на сына. Много ли значить потерпѣть недолго? Онъ придетъ въ себя, я знаю. Не захочетъ онъ допустить чтобы отецъ погибъ отъ холода и голода.

Видъ его былъ страненъ. Это серіозное лицо имѣло теперь пугливое выраженіе; мускулы его подергивались, глаза робко перебѣгали съ предмета на предметъ.

— Отдашь бумагу?

— Возьми.

— Спасибо тебѣ! Знаешь что? Ты ему ничего не говори про это! Притворись, будто я тебѣ ничего не разказываль. Сдѣлаешь?

— Хорошо!

— Благодарю!

Онъ взялъ листъ и изорвалъ его въ мелкіе куски.

— Такъ! никто не долженъ про это знать что я жаловался! И ты никому не скажешь? да?

— Не скажу, дядя Перо, не скажу.

— Такъ, мой родной! Ну, теперь я пойду! пойду прямо домой. Пусть онъ продаетъ! Есть, слава Богу, что и продать, останется и намъ. Только бы далъ Богъ здоровья! Вѣдь такъ, батюшка? И не дождавшись моего отвѣта, продолжалъ:— боюсь я только Бога... не внялъ бы Онъ моимъ давешнимъ словамъ! Ужъ очень я былъ лютъ; а когда я разсержусь, не помню что говорю. Согрѣшаетъ человекъ во всякое время... А гдѣ моя палка? Ага, вотъ она. Пойду теперь домой... Такъ ты о томъ не говори же никому, даже и ему. Прощай и будь здоровъ.

— Дай Богъ здоровья и тебѣ, дядя Перо!

Онъ отворилъ дверь и вышелъ.

Глубоко тронула меня эта сила любви родительской...

Я всталъ, открылъ дверь и посмотрѣлъ на улицу: дядя Перо сгорбился, закрылся плотно въ свои лохмотья, опустилъ голову и бодро шагаль по снѣгу, опираясь на палку.

Насилу убѣдилъ я Спасоя чтобы онъ принялъ отца въ домъ. Теперь онъ тамъ; но какъ ему живется, одинъ Богъ знаетъ...

ГОРОДСКОЙ.

РАЗКАЗЪ ИЗЪ СЕЛЬСКАГО БЫТА, *Петровича-Брала.*

(СЪ СЕРЬСКАГО).

I. *Іереміи* *).

Пріѣхалъ я изъ города домой передъ св. Іереміею что бываетъ 1 мая, такъ какъ это день моего рожденія. Сяжу себѣ въ комнату, а мать прибираетъ въ домѣ. Сяжу и думаю какъ я хаживалъ когда-то по селу съ „іереміями“. Господи Боже, какъ быстро летитъ время! Помню себя такимъ смѣлымъ, воинственнымъ, а теперь? Бѣгаешь, бывало, по солнцу; мнѣ и теперь это нравится, а тогда было еще пріятнѣе. Сядешь верхомъ на палку и скачешь бывало по столбовой дорогѣ какъ на живомъ конѣ, а теперь? А какъ я радовался св. Іереміи! Во-первыхъ, это день моего рожденія, и мать ужь непременно пекла кныши и пироги; во-вторыхъ, я любилъ участвовать въ „іереміяхъ“. Не знаю, существуетъ ли еще этотъ обычай, и хочу спросить у матери.

— Мама, кричу ей.

— Что, мой славный?

— Приди сюда на минутку.

Мама оставила дѣло и вошла въ мою комнату. Право, мнѣ кажется что другой такой матери какъ моя нѣтъ на свѣтѣ. Я еще не раскрылъ рта, а она уже знаетъ что мнѣ нужно.

— Что, мой голубь?

— Бываютъ ли еще у васъ іереміи?

— Бываютъ, моя птица, какъ же. Я ужь приготовила для нихъ яицъ, сала и водки наточила.

— И все дѣлается такъ же какъ и прежде?

— Да, по старому.

Въ эту минуту что-то закипѣло на огнѣ, и мать побѣжала въ кухню, а я вышелъ на дворъ. Вспомнилъ тутъ какъ нѣкоторые сельчане давали іереміямъ, когда я ходилъ съ ними, болтуны, испорченныя яйца изъ-подъ насѣдки; какъ однажды мать побила меня за то что все мое платье было испачкано яйцами.

*) Такъ называются и народный праздникъ, и участники его, парни и дѣвушки.

- А сидять у тебя, мама, куры? спрашиваю ее.
- Сидять, славный мой. А что?
- Да такъ, говорю.—А давно ты ихъ посадила?
- Давно-таки, голубчикъ.

Я отправился прямо подъ навѣсъ, согналъ съ гнѣзда одну квочку, выбралъ изъ-подъ нея всѣ яйца, а туда положилъ другія, свѣжія, а тѣ отнесъ въ комнату и замѣнилъ ими приготовленныя матерью. Она видитъ что я дѣлаю, и только улыбается, а сама, вѣрно, думаетъ: „Эхъ, славный мой! Волкъ шерсть мѣняетъ, а повадку свою не оставляетъ, такъ и ты: даромъ что учишься въ городѣ наукамъ, а сердце у тебя и повадки деревенскія“.

Только-что сложилъ я яйца, входитъ отецъ. Признаться, боялся я его какъ полицейскаго, хотя мнѣ было ужъ семнадцать лѣтъ.

- Что дѣлаешь?
- Да вотъ сижу отъ нечего дѣлать.
- А знаешь что завтра?
- Знаю.
- Будешь угощать.
- Мама будетъ вмѣсто меня.
- Пожалуйста приготовьте, ты и мама, завтра уши, шутить отецъ.

Я отвѣчалъ кроткою улыбкой.

- Папа?
- А?
- Будутъ ли нынѣшнею ночью іереміи?
- Будутъ. А что, не хочешь ли ты съ ними?
- Да, я бы... если...
- Смотри, опасная это забава, будутъ ночью и убійства.
- Почему это такъ?
- Молодежь нашей стороны условилась идти въ другую половину села на Зимовники; тѣ, конечно, не пустятъ, ну и будетъ битва.

Я убоился не на шутку и остался этотъ вечеръ дома. Легъ я, пошелъ спать и отецъ; только мать еще возилась въ хатѣ. Спустя нѣкоторое время улеглась и она чтобы отдохнуть послѣ тяжелыхъ хлопотъ. Вѣдь вотъ эти женщины, кажется, ничего такого не дѣлаютъ, а онѣ, бѣдныя, съ ногъ валяются; а мы, мущины, сидимъ какъ лѣнтяи, да еще сердимся и кричимъ на нихъ... Впрочемъ, такой, какъ у меня, нѣтъ матери.

Все утихло; не угомонился только одинъ домовою сторожь-сверчокъ. Я углубился въ созерцаніе дивной лунной ночи, а тихій вѣтерокъ лаская шевелилъ пряди моихъ волосъ; звѣзды какъ лампы мерцали на небѣ. Я думалъ о „іереміяхъ“. Отчего они до сихъ поръ не являются? Въ былое время, когда я былъ парнишкомъ, мы въ это время уже бѣгали по селу. Помню, будто это было вчера, какъ я однажды погнался за Долою Савиной, какъ мы заблудились въ лѣсу и едва къ утру вернулись домой. А какой я былъ герой! Идемъ мы разъ съ Долой по лѣсу, вдругъ передъ нами на дорогѣ огромная змѣя, такая страшная что волосы у меня стали дыбомъ. Дола испугалась и спряталась за мою спину, а я схватилъ сухой сукъ и началъ наносить гадюкѣ удары, нападаая съ разныхъ сторонъ, пока не убилъ. А Дола дрожить вся и только просить чтобы я не бросилъ на нее змѣи.

Вдругъ слышу шумъ, дребезжаніе и стукъ съ горы. Догадываюсь что это іереміи: они обыкновенно колотятъ въ металлическую посуду, звонятъ колокольчиками (отвязанными отъ коровъ), играютъ на кобзѣ, поютъ, кричатъ: чего не дѣлаютъ чтобы прогнать всякую нечистую силу отъ дома! Немного погодя послышалась пѣсня свирѣли, покрикиванія, и опять все стихло. Затѣмъ опять стукъ, гулъ, все ближе и ближе. Когда доносился до меня ликующій крикъ какого-нибудь парня, какъ взыгрывало, скакало въ груди мое сердце... какъ жеребенокъ въ затворѣ! Чтò значить привычка, вторая натура! Сколько лѣтъ живу я въ городѣ, а мои желанія и мысли въ деревнѣ. Пойдешь налѣво, навстрѣчу тебѣ быстрые, журчащіе горные ручьи, такъ и манять къ себѣ, такъ и хочется напиться изъ нихъ воды или поиграть прозрачнымъ какъ кристалъ пескомъ и камешками. Направо, ахъ, какъ удержаться отъ желанія повалиться въ этой густой тѣни, распѣвая:

Село мое, буди ми весело.

Идешь впередъ, передъ тобою воздвиглись подъ самое небо горы и хребты, какъ будто за ними уже и край свѣта: такъ бы и сѣлъ тамъ на краю обрыва, болталъ бы ногами да плевалъ въ пропасть. Боже мой, какъ хорошо въ родномъ селѣ! Все здѣсь для меня старо, все это я видѣлъ, но и опять все ново, мило, и я упиваюсь любовью, не могу наглядѣться на эти нивы, дубравы!

Долго я вертѣлся на кровати, наконецъ не вытерпѣлъ, долженъ былъ встать.

— А вѣдь это іереміа, проговорилъ отецъ котораго разбудилъ крикъ.

— Да, отвѣтила мать. — Нужно встать, они уже возлѣ насъ.

— И я, мама! вскочилъ я съ кровати.

Мать встала, зажгла огонь и вышла въ другую комнату. Въ это время іереміа открыли ворота, вошли во дворъ и загѣли:

Вставай, вставай, царнца,
Ереміа ужъ пришли.
Ползите змѣи въ воду,
Бѣжите вилы *) въ горы.

Мы съ матерью вышли изъ дома, стоимъ у крыльца.

— Эй, хозяинъ! крикнули изъ толпы.

— Слышу. Чтò? отозвался изъ окна отецъ.

— Выйди, покажись, да вынеси что-нибудь іереміямъ.

— А вотъ тамъ хозяйка, отвѣтилъ онъ.

Мать уже вынесла имъ яиць, кусокъ сала и водки.

— А гдѣ вашъ „городской?“ спрашиваетъ ее кто-то.

— Дома.

— Пусть выйдетъ къ намъ въ коло, говоритъ одна дѣвушка.

Это была Дола Савина.

— Можно, папа? спрашиваю, а самого такъ и тянетъ къ нимъ.

— Иди, братъ, иди, только будь осторожень!

— Не безпокойся!

Я мигомъ подлетѣлъ къ толпѣ.

— Здравствуйте!

— Здравствуй! Какъ поживаешь?

Окружили меня и начали стегать крапивою.

— Да ну-те, оставьте! кричу имъ.

Но, увы, какъ стада не остановишь крикомъ, такъ и ихъ. Обожгли меня всего. А Дола хлестнула меня даже по лицу. Къ моему счастью, началась игра, заигралъ на свирѣли Бельо, и всѣ побѣжали въ коло; я остался одинъ. Мать стоитъ любителю, все улыбается. Я подошелъ къ ней и прислонился къ стѣнѣ.

— Что жъ ты, мой голубь, не играешь съ ними? Али уже отвыкъ? спрашиваетъ меня.

Я покачалъ отрицательно головою, дескать, нѣтъ, и пошелъ

*) Родъ русалокъ.

въ коло. Передо мной Дола. Я невольно какъ-то, ей-Богу, сталъ рядомъ съ нею, взявъ ее за руку. Видѣлъ я какъ мать улыбулась, ушла въ домъ, воротилась съ отцомъ, стали оба на порогѣ и глядятъ на насъ, а у меня мурашки подъ кожею, страшно мнѣ что стою рядомъ съ Долой. Знаю я отца: начнетъ послѣ привязываться. А было время, когда я ничего не боялся, по цѣлымъ днямъ просиживалъ съ нею, и ничего, а теперь, братъ, страхъ меня беретъ отъ прикосновенія къ ней: что-то горячее такъ и пышетъ отъ нея на меня, и въ то же время что-то тянетъ меня къ ней...

Кончилось коло, и опять загремѣли тазы, кружки, задрезжали звонки, заиграли кобзы, отозвались пастушьи свирѣли, и іереміи двинулись дальше. Дѣвушки отдѣлились и загѣли:

Царица, спи, почивай!
Ереміи ужъ ушли,
Нечистъ отъ васъ отнесли,
А оставили вамъ счастье.

Я подбѣжалъ къ отцу, прошу его позволенія пойти немного съ ними. Могъ бы и не спрашивать его, но вѣдь отецъ... Откуда ни возьмись и Дола тутъ.

— Пустите его съ нами, говоритъ отцу, — далеко не пойдемъ, только до нашего двора.

— Ну, хорошо, пусть пойдетъ ненадолго, согласился отецъ.

Не знаю, какъ очутилась у меня въ рукахъ крапива. Я шлепъ ею Долу по рукѣ, а самъ побѣжалъ за іереміями. Она взвизгнула и пустилась за мной. Слышу какъ говоритъ отецъ:

— Посмотри, посмотри, старуха, на нашего хозяина!

Оба засмѣялись.

Я шмыгнулъ въ толпу, и Дола нашла меня не скоро. Направились мы къ Чугричамъ, отыграли тутъ коло и съ шумомъ-гамомъ пошли дальше. Вездѣ мы получали то сало, то яйца, то сыръ, а водки у насъ было по горло.

Такъ отъ хаты къ хатѣ дошли, наконецъ, до попова дома.

— Эй, отецъ Маркъ! крикнулъ Бельо, сидя на воротахъ, потому что они были замкнуты.

— Отецъ Маркъ!

Опять нѣтъ отвѣта.

— Оставьте его, говорю я, — можетъ быть человѣкъ не хочетъ насъ принять.

— Э, не хочеть... Долженъ! возражаетъ Бельо и кричить: — Отвори намъ, отецъ Маркъ! Мы хотимъ оставить тебѣ всѣхъ змѣй и вилъ въ твоемъ домѣ.

Дверь въ домѣ открылась и показался попь въ одномъ бѣльѣ.

— Чтѣ вамъ нужно? спрашиваетъ онъ сердито.

— А знаешь, попь, чтѣ у насъ сегодня? говоритъ Петричь Милутиновъ.

— Знаю.

— Отчего же не отворяешь, коли знаешь? кричить кто-то изъ толпы.

— Вотъ я васъ! сердится бѣдный попь.—Возьму дубину, выйду за ворота, дамъ я вамъ іереміи и всю нечисть съ вилами!

Знаю я попа; онъ и раньше не любилъ этого обычая за то собственно что всегда бьются, когда встрѣтятся іереміи. Пять лѣтъ назадъ, когда я послѣдній разъ ходилъ съ ними, встрѣтили мы внизу у рѣки другихъ, ну, кровь лилась по улицѣ... такъ ожесточенно дрались.

— Ну же, выноси откупъ! предлагаетъ Бельо,—а не то худо тебѣ будетъ, забросаемъ камнями!

Ужъ таковъ нашъ селянинъ: когда чтѣ вошло въ обычай, не отучишь, хоть сѣки его. Не успѣлъ Бельо произнести угрозу, какъ изъ толпы уже полетѣли камни въ двери. Попь убѣжалъ. Посыпались теперь камни въ стѣны поповскаго дома, такой стукъ, какъ изъ пушекъ стрѣляютъ! Станой Маричинъ зашелъ съ другой стороны и сыпнулъ камнями въ оконныя стекла, въ толпѣ поднялся такой оглушительный крикъ, ревъ... Одни кричатъ: валяй, бей! Другіе: не смѣйте, не надо! вѣдь попь... Третьи: важное дѣло попь! бей! И камни все летятъ... Даромъ что всѣхъ насъ до одинаго крестилъ этотъ попь, а коли, дескать, не хочеть плясать подъ нашу дудку, пусть самъ на себя пеняеть. Стояли мы такъ у дома, пока не вышелъ попь съ револьверомъ въ рукахъ; пафъ! пафъ! пафъ! Мы натянули потуже шапки на головы и драла въ гору. Возлѣ Рудиныхъ собрались всѣ и направились къ Турчичамъ.

— Вотъ такъ угостилъ насъ попь! посмѣялся кто-то.

— Отплатимъ мы ему за это, погоди! говоритъ Бельо.

— Хороши и мы: беспокоимъ его въ такое время! Вѣдь онъ попь, а мы чтѣ?

— Важное дѣло, попь! Хоть бы и владыка, а если не хочеть ладить съ сельчанами, такъ ему и надо!

Оглянулся я, смотрю ко мнѣ крадется на цыпочкахъ Дола.

— Чтѣ тебѣ? спрашиваю.

— Хочу сказать тебѣ что-то.

Я остановился, а она подошла поближе и ударила меня крапивою по лицу.

— Это тебѣ возвращаю долгъ, и побѣжала.

— И ты, Перо, это терпишь! крикнули мнѣ со всѣхъ сторонъ.

Я застыдился. Гляжу на Долу которая летитъ какъ ласточка, и самъ пустился за нею. Ажъ вспотѣлъ, пока догналъ ее. Бѣжить она какъ серна, когда за нею гонятся охотники, а я за ней, какъ козель за стадомъ. Все ближе и ближе и ближе, пока наконецъ не настигъ ее у потока.

— Зачѣмъ меня хлестнула? спрашиваю.

— А ты меня зачѣмъ?

— Я нечаянно, не хотѣлъ... И схватилъ ее сзади и, простите, обнялъ. Она спрятала руки подъ передникъ, такъ что я не могъ ожечь ихъ крапивою, а хлестнуть ее по бѣлому какъ молоко лицу мнѣ было право жаль; вѣдь оно покрылось бы пузырьками. Стояли мы такъ съ минуту. Спрашиваю ее:

— Отдать тебѣ долгъ?

— Не нужно, довольно: ты меня, я тебя.

Тутъ она встряхнула плечами какъ бы для того чтобы сбросить мои руки. Я ощущалъ какъ билось ея сердце. Помутилось у меня въ глазахъ и въ головѣ, я задрожалъ весь и невольно прижалъ ее къ себѣ сильнѣе.

— Пусти меня, глупенькій! говоритъ она и смотритъ на меня своими большими черными глазами.

При лунномъ свѣтѣ я ясно видѣлъ какъ ласково они смотрѣли на меня. Хотѣлъ было не пускать ее, пока не ожгу крапивою, но руки сами соскользнули какъ вотъ сани по льду. Пошли мы потихоньку за остальными все молча. Боже, думалъ я, какіе у нея черные глаза и эти брови, какъ двѣ півьки, надъ ними! А этотъ носикъ поднявшійся надъ румяными щечками, такъ тонко очерченный, будто изъ воска вылѣпленъ! А ея бѣлое какъ снѣгъ лицо, свѣтлый лобъ будто весенній солнечный день! Наконецъ этотъ воздухъ около нея, чисто утренній майскій воздухъ! Смотрю я на все это робко, искоса изъ-подъ бровей, и умиляюсь. Да какъ и не умилиться, братъ! Пойди-ка, найди въ городѣ такую здоровую, сказочно-красивую дѣвушку! Тамъ все какія-то сухопарыя, костлявыя или толстыя, неповоротливыя, аляповатыя, такъ что не захочешь взять и орѣха изъ ихъ рукъ.

Идемъ мы молча. Богъ ее знаетъ о чемъ думаетъ она. По временамъ взглянетъ на меня своими глазами чернѣе тем-

ной ночи, свѣтлѣ всякаго солнца, взглянетъ и прикусить зубами свою алую губку... А у меня сердце бьется какъ шальное, гляжу на нее жадными глазами и ужь думаю: „прости Господи, не грѣхъ ли такъ глядѣть на нее...“

— Какъ ты поживаешь? спрашиваетъ меня, когда мы по-
дошли къ другимъ.

— Слава Богу, хорошо.

— Когда ты окончишь эту школу?

— Въ этомъ году.

— А чему тамъ учишься въ школѣ?

— Всему чтѣ нужно селянину. Я вѣдь въ земледѣльческой ратарской школѣ. Твой отецъ и мой ратар. Они землю па-
шутъ, потому и называются ратарами, пахарами.

— А мой отецъ говоритъ что они „радикалы“.

— Это все равно, всѣ мы ратары; и тѣ, чтѣ называются „радикалами“, тоже Сербы какъ и мы; а „либералы“ это, знаешь, толстые, здоровые люди, чтѣ живутъ въ свое удоволь-
ствие; а „напредники“ то, должно быть, какой-то родъ кавалеріи, которая идетъ впереди, но все это Сербы, пахари.

— А... а... Скажи пожалуйста, Перо, какъ, въ городѣ есть дѣвушки?

— Да... немного.

— Значить ты поэтому не скучаешь по селу?

— Нѣтъ, Дола, ничуть.

Я спохватился и прикусилъ себѣ съ досады языкъ за то что сказалъ это.

— Нѣтъ, ей Богу, я не смотрю на нихъ! Еслибъ ты видѣла каковы онѣ, ты лопнула бы отъ смѣха; стянетъ себя у пояса, настоящее веретено, да вылупитьъ очи, сова совою... такія уродины!

— Молчи, молчи...

Въ это время мы догнали свою компанію. Разговоръ былъ невозможенъ за оглушительнымъ шумомъ какой подняли іереміи своими погремущками, разною посудой. Вновь полученные дары присоединили къ добытымъ; несли ихъ нѣсколько чело-
вѣкъ: одинъ яйца въ корзинѣ, другой баклагу съ водкой (около ведра), двое или трое таскали въ мѣшкахъ на спинѣ сало и разное копченое мясо. Началось коло, заигралъ Бельо и волынщикъ, дароносцы оставили провизію и вмѣстѣ съ другими побѣжали въ кругъ. Я сначала любовался „колово-
дею“, какъ это онѣ хорошо выплясываетъ, и какъ то не-

волью схватилъ за руку Долу которая влекла меня къ себѣ какъ магнитъ. Ахъ, какъ она пляшетъ! Словно вила по току, будто и не прикасается къ землѣ. Ужь одна эта грація воспитительна, не говоря о ней самой.

— За поясъ! за талью! крикнулъ кто-то.

И всѣ пары должны были взяться за поясъ. Правда, это не обязательно, но ужь такъ принято. Мы, парни, любимъ это, и если хоть одна изъ дѣвушекъ согласилась на это, остальные должны ей послѣдовать.

Я засунулъ руку подъ ея кофточку, такъ что чувствовалъ какъ у нея подергиваются мускулы отъ моего прикосновенія. Она тоже продѣла свою руку подъ мой камзолъ; я вздрогнулъ, весь подпрыгнулъ, чуть не отдалилъ ей ногъ. Пляшемъ мы такъ. Вздумалось мнѣ легонько пощекотать ее.

— Ай! вскрикнула она.—Ты меня сбиваешь съ ноги...

— Это я нечаянно... Жарко мнѣ...

Чувствую что ея рука шевелится подъ моимъ камзоломъ. Я смотрю на нее, она танцуетъ, братецъ ты мой, какъ вода на ладони, а я покашливаю, догадываюсь что хочетъ ущипнуть меня.

Белью вдругъ приказалъ другой танецъ, и музыка перестала. Я замаялся немного, остановился, смотрю что будетъ.

— Пляши же, что стоишь? говоритъ мнѣ Дола.

Я подскочилъ, ударилъ ногою объ ногу, пристукиваю, ажъ земля трясется; пустилась и она со мною въ запуски.

— Покажу тебѣ, думаю, что и я умѣю. Прижалъ ее къ себѣ еще ближе... Руки наши обвивавшія станъ соединились; мы подладили въ ногу, подъ тактъ, и пустились... Пляска наша походила на волны, когда высоко вздымаетъ ихъ буря и потомъ опускаетъ въ пропасть. Мнѣ казалось что я не существую отдѣльно, что я весь слился съ Долой; и только когда я сбивался съ такта и плясалъ не въ ногу, чувствовалъ что насъ двое, что я возлѣ нея. А она... разыгралась какъ ягненокъ на пригрѣвѣ, раскраснѣлась, запыхалась, а ея дѣвственная грудь вздымалась и опускалась какъ челнъ на Моравѣ. „Постой, думаю,—покажу и я какъ пляшутъ“. Прижалъ ее еще сильнѣе, такъ что плечи совсѣмъ прикасались другъ къ другу; я почувствовалъ приливъ новой силы, вскрикнулъ, подскочилъ... но въ это мгновеніе Белью остановилъ коло.

— Конецъ! наплясались! говоритъ она.—А хорошо ты плясешь! Никто-бъ и не подумалъ что ты городской.

— Да я и не городской.

— Но живешь въ городѣ.

— Скоро это пройдетъ, и я ворочусь опять къ вамъ.

Мой побратимъ Джурджія поднесъ всѣмъ намъ еще по чаркѣ, и мы пошли дальше. Дорогой спрашиваетъ онъ меня: „Ну, какъ тебѣ показались наши дѣвицы“ „Да, славныя!“ „А какая больше всѣхъ нравится!“ „Трудно сказать... много... на-примѣръ, Дола Савина... потомъ...“ „Довольно, довольно! перебилъ онъ. Я такъ и зналъ, что Дола тебѣ понравится.“ „Нѣтъ, знаешь...“ „Молчи, братъ, молчи!..“

А побратимъ мой вотъ ужъ годъ какъ ухаживаетъ за Дорой Новаковичевой, самъ мнѣ сказалъ про это. „А гдѣ-жь твоя Дора?“ спрашиваю. „Вонъ тамъ“. И молодецъ побѣжалъ къ ней, ударилъ ее крапивою и пустился прочь. По обычаю, она должна была возвратить ударъ и гнаться за нимъ. Летитъ мой побратимъ ужъ черезъ ливаду, а Дора за нимъ, далеко отстала. Когда они приблизились ужъ къ лѣсу, онъ остано-вился, дождалъ ее, и скоро они скрылись за деревьями. Такъ это принято у насъ. Нѣкоторые озорники бѣгаютъ даже по нивамъ чтобы завести „дѣвойку“ какъ можно дальше, и возвра-щаются назадъ послѣ того, какъ іереміи успѣютъ обойти два-три дома. Такъ и мой побратимъ вернулся съ Дорой, когда мы были уже на краю лѣтняго поселка.

Обошли мы, такимъ образомъ, всю нашу сторону. Кто-то предложилъ идти въ другую половину села, на „Зимовники“. Мнѣ не хотѣлось этого; я помнилъ предостереженіе отца что будетъ кровопролитіе. Но Дола приглашала... и я готовъ былъ идти куда угодно, еслибъ даже мнѣ первому пришлось погибнуть.

Идемъ мы такъ дальше, пляшемъ, поемъ, шумимъ какъ на ярмаркѣ, какъ вдругъ внизу послышался намъ крикъ гамъ: это другіе іереміи изъ Зимовниковъ. Наши стали какъ вкопанные.

— Чтò намъ дѣлать? шепчутся парни чтобы не слышали ихъ дѣвойки и не замѣтили ихъ трусости.

— Убѣжимъ... говоритъ одинъ.

— Нельзя, такъ не годится, а вернемся спокойно на-задъ, говоритъ другой.

— Бѣглецова мать не плачетъ, бѣжекъ не честень, да здоровъ, прибавляетъ третій.

— Нѣтъ, сказалъ рѣшительно Бельо бывшій какъ бы командиромъ всего кола, — дождемся ихъ тутъ.

— Но, вѣдь, они будутъ драться!

— Навѣрно не осмѣлятся когда увидятъ сколько насъ. Ну, а если поссоримся, будемъ биться: насъ достаточно, пусть каждый постоитъ за себя.

Дѣвушки притихли, дрожать; у всѣхъ мурашки подъ кожей. А что если тѣ, нижніе, отнимутъ ихъ у насъ... вѣдь стыдъ и срамъ будетъ для всѣхъ насъ! Притихли и парни; всѣ прислушиваются и будто считаютъ біеніе сердцець.

— Что жь это вы приумолкли! говорятъ Бельо. — Неужели боитесь ихъ? Стыдно вамъ! Не посмѣютъ они напасть на насъ! Я самъ убью перваго, кто подвернется мнѣ подъ руку.

Мгновенно всѣ приободрились, заиграли волынки, зазвенѣла разная посуда, дѣвушки запѣли, и всѣ мы двинулись впередъ, какъ войско на войнѣ, когда музыка играетъ веселый маршъ, и оно, видя предъ собой врага, устремляется на него, горя желаніемъ уничтожить его.

Зимовниковые іереміи подходили къ намъ все ближе и ближе; появились уже пары съ крапивой. Наконецъ сошлись, стоимъ одни предъ другими. Замолкли мы, молчатъ они; шепчутся обѣ стороны. Смотримъ, ихъ дѣвушки отдѣляются, отходятъ въ сторону.

— Дѣвицы, въ сторону! крикнулъ Бельо нашимъ. Тѣ отошли поближе къ огорожѣ. Уходя Дола шепнула мнѣ тревожно: „Береги себя, Перо! будетъ бѣда!“

У меня подогнулись колѣна, я чуть не упалъ. Но въ мигъ я овладѣлъ собою. „Что она еще напоминаетъ! Неужели боится за меня! Да развѣ я не селянинъ? Развѣ я не умѣю постоять за свою честь? Что она думаетъ про меня! Дескать городской, изнѣжился въ городѣ и теперь пропадетъ отъ карликовъ, карапузовъ! Нѣтъ, тетка, я не страшусь опасности!“ Подумалъ такъ и сталъ съ другими въ первомъ ряду.

Смотримъ мы на противниковъ, а они на насъ; о чемъ-то шепчутся. Вотъ, наконецъ, отдѣляется отъ нихъ одинъ, дѣлаетъ пять шесть шаговъ впередъ. Мѣсяцъ уже заходилъ, но видно было что это былъ здоровенный парнище: высокъ, плечистъ, за поясомъ блеститъ револьверъ, феска сдвинута на бокъ, настоящей арапинъ-головорѣзь.

— Что вамъ здѣсь нужно? крикнулъ онъ глухимъ басомъ, будто изъ бочки. По голосу я тотчасъ узналъ Джикича; это тотъ Джикичъ который никого не боится, которому я писалъ письма и квитанціи, который не разъ приносилъ мнѣ въ го-

родъ бѣлье и платье и всегда получалъ за это бакшинъ. Зналъ я его очень хорошо, и онъ меня.

Услышавъ его голосъ, наши такъ и окаменѣли. Кто осмѣлится и пискнуть предъ нимъ! Вѣдь онъ сокрушить, расплющеть каждаго.

— Зачѣмъ вы пришли сюда? спрашиваю васъ. И онъ вынулъ изъ-за пояса револьверъ.

Наши стали безпокойно посматривать по сторонамъ. Никто ни звука. Когда на человѣка наведено смертоносное дуло, у него два выхода: или впередъ, или назадъ безъ оглядки, спасайся пока живъ.

— Давайте убѣжимъ! шепнулъ Бельо, и всѣ попятились назадъ.

— Давайте, подтвердили нѣкоторые, и всѣ готовы были улизнуть, бросить дѣвушекъ... Срамъ! Но въ это мгновеніе я выступилъ впередъ: не могъ я допустить такого позора, хотя мнѣ и грозила опасность быть убитымъ.

Наши смотрятъ на насъ молча; а у меня сильно бьется сердце, прыгаетъ какъ вороной конь предъ неприятельскими штыками, гонить кровь по всѣмъ жиламъ. Слышу: вскрикнула Дола. Это ободрило меня еще больше; пусть, дескать, знаетъ что и я не страшусь и смерти не боюсь.

— Чтѣ это ты, Джикичъ, вооружился и кричишь такъ грозно? спрашиваю его, видя что онъ всматривается въ меня. Онъ сперва не узналъ меня, поднялъ револьверъ и кричить:

— Чтѣ тебѣ здѣсь нужно?

— Тебя мнѣ нужно, отвѣчаю ему спокойно и подхожу ближе.

— Это ты, Перо?

— Да, я, пришелъ посмотрѣть вашихъ дѣвицъ, каковы онѣ.

— Наши хороши, не знаю какъ ваши.

-- И наши славныя.

— Не знаю, а хотѣлъ бы посмотрѣть на нихъ.

Наши іереміи устремили на меня умоляющіе взоры какъ на икону, прости Господи. Джикичъ оборачивается къ нимъ, какъ бы не желая и разговаривать со мною.

— Полно, не затѣвай ссоры, говорю ему.

— Отойди въ сторону, а то какъ бы тебя не треснулъ кто! прервалъ онъ меня.

— Да ты это серьезно думаешь? спрашиваю его, видя что онъ не шутитъ.

— Конечно! отвѣчаетъ и кричитъ нашимъ: „Ей, вы ку-

кушки! выходи кто-нибудь на бой! Хорошо бѣгать съ дѣвойками, тутъ вы юнаки, будьте же героями и въ бою!“

Никто ему не отвѣчаетъ, всѣ глядятъ себѣ подъ ноги, а одинъ такъ уже прыснулъ вверхъ на гору. Это разозлило меня, закрипѣлъ я зубами...

— Вотъ я и вышелъ къ тебѣ! Чтò тебѣ нужно?

Слышала, какъ опять вскрикнула Дола, какъ сказала: „не дайте ему погибнуть!“ Но это меня только подзадорило: погибать, такъ погибать, лишь бы убережь честь... Головорѣзъ онѣмѣлъ, ни слова: видитъ что я вышелъ противъ него съ пустыми руками и ничуть не боюсь.

— Чтò тебѣ нужно? довышаю я голосъ. — Желаетъ драться, биться? Чего ради? Развѣ мы Турки, а вы Сербы, или мы Мадыяры, Нѣмцы? Развѣ мы не изъ одного села, не одной общины? Одинъ и тотъ же у насъ попъ, староста, учитель, одна церковь, а мы будемъ враждовать!

Онъ молчитъ, а я, воспаляясь все больше, продолжаю:

— Ты такой, слава Богу, здоровый и сильный, вмѣсто того чтобы содѣйствовать примиренію, чтобы намъ сойтись вмѣстѣ, да повеселиться, ты затѣваешь ссору... Не хорошо это, совсѣмъ неприлично! Чтò дѣлалъ бы ты, еслибы былъ здѣсь твой младшій братъ, вышелъ бы къ тебѣ и сказалъ: „я, братъ, хочу пить?“ Неужели ты не далъ бы ему воды? А вѣдь мы здѣсь всѣ братья! Вотъ, напримѣръ, я и ты .. ни родня мы, ни сваты, а когда ты приходишь въ городъ, я тебя принимаю, выпиваемъ по одной, другой, третьей, бесѣдуемъ какъ братья. А ты вотъ выдумалъ чтò... драться! Скажи по совѣсти, не стыдно тебѣ?

— Но такой у насъ обычай, заговорилъ онъ заикаясь:— если встрѣтятся іереміи, должны драться непременно.

— Обычай, обычай? Кто обязалъ васъ драться, когда вы изъ одного села, почти изъ одного дома? Изъ-за чего губите себя понапрасну, прямо-таки даромъ? Оставьте вы драку, а лучше подружиться да по-людски повеселимся, побѣсимся до самой зари.

Всѣ молчали. Джикичъ засунулъ револьверъ за поясъ и почесалъ затылокъ. Я вижу это и продолжаю:

— Чтò же вы молчите? Чтò для васъ лучше: оставить здѣсь искалѣченныхъ, даже убитыхъ товарищей или сообща мирно и любовно повеселиться? Смѣшаемте наши и ваши дары и подѣлимъ ихъ. Однихъ нашихъ яицъ столько что достанется

каждому по десятку. А сало и прочее... на что оно намъ? Отдадимъ какому-нибудь бѣдняку, пусть и онъ пользуется, вѣдь это намъ ничего не стоитъ: ходили мы по селу не ради наживы, а чтобы повеселиться, не такъ ли?

— Такъ, такъ! шепчуть на ихъ сторонѣ.

— Ну, вотъ у насъ есть Бельо и еще одинъ волынщикъ. Когда заиграютъ вдвоемъ, заслушаешься, не говоря уже о томъ, какъ пріятно танцевать подъ ихъ музыку. А послѣ ваши музыканты, и пойдетъ у насъ такое веселіе, какого нѣтъ и у царя. Поднимемся на гору и будемъ играть на прохлаждѣ до зари. Что жъ, согласны?

— Помиримся, помиримся! загалдѣли дѣвчата съ обѣихъ сторонъ и сошлись, перемѣшались.

— Слушайте меня! крикнулъ я, и дѣвицы затихли. — Вотъ и дѣвицы согласны соединиться. Если такова ихъ воля, за что намъ теперь драться? Чтобы плакала и причитала чья-нибудь мать? Можно все устроить полюбовно, безъ ссоры, побожьему. Вотъ обойдемъ Аджичеву хату, выберемъ на просторъ и... заволнуются дѣвичьи платья, а мы шапки на бокъ, стукнемъ о землю, ударимъ ногою объ ногу... да у насъ будетъ веселѣе чѣмъ на ярмаркѣ! Что скажете?

— Давайте соединимся! закричали наши.

— Подружмся! подхватили съ другой стороны. Отъ дружнаго крика чуть не обвалилось небо.

— Ну, такъ начнемъ? спрашиваю ихъ.

— Начинайте, начинайте!

— Играй, Бельо! выкрикиваетъ другой музыкантъ и тянетъ изъ баклаги.

— На гору всѣ вмѣстѣ, „стройся! во фронтъ!“ командуетъ кто-то.

Ужъ такъ-то мнѣ пріятно что примирилъ ихъ, просто расту отъ радости. Самъ не знаю какъ подбѣжалъ я къ Джикичу и обнялся съ нимъ. Всѣ перемѣшались. Увидѣвъ насъ въ объятіяхъ, они подумали что это такъ гдѣ-то принято, и всѣ начали обниматься. Смѣшно и умилительно! Я думаю, глядя на эту картину, улыбнулся бы даже и тотъ у кого только-что умеръ отецъ. Вмѣсто драки цѣлуютъ кто кого попало; вмѣсто ссоры слышенъ шопотъ дѣвчатъ: „спасибо ему!“ и „цмокъ, цмокъ“! У кого сердце было какъ ледъ, теперь разгорѣлось, какъ печка, и пышетъ любовью; кто дрожалъ отъ холода и страха, теперь обнимаетъ и цѣлуетъ перваго подвернувшася подъ руку.

— Молодецъ, Перо! говорить мнѣ кто-то цѣлуясь со мной.

— Развѣ не лучше такъ-то? говорю я будто покойно, а самъ полетѣлъ бы къ небу отъ радости, заплакалъ бы какъ ребенокъ, еслибы это не считалось неприличнымъ.

— Куда же мы пойдѣмъ играть? спрашиваютъ меня.

— На гору, говорю я. Чувствую что смотрятъ на меня какъ на старшаго; волосы у меня наежились, а сердце, Боже мой, такъ бьется, такъ бьется.

Пошли мы толпою на гору. Тотъ опять кричитъ: „стройсе, стройсе! во вронть!“ Видя что его никто не слушаетъ, заоралъ онъ уже во все горло. Дѣвушки побѣжали впередъ, мы загудѣли за ними. Да, братъ, пріятно было слышать и видѣть что теперь у насъ одно тѣло и одна душа. Никто не могъ и подумать что мирно сойдутся іереміи, такъ какъ испоконъ вѣка лилась кровь при ихъ встрѣчѣ. А теперь все вдругъ переиначилось! И попъ бранился, и староста наказывалъ, ничего не могли сдѣлать. А вотъ я... И съ какимъ благоговѣніемъ всѣ смотрятъ теперь на меня какъ на св. Никола, прости Господи!

А Дола? Она не поетъ, все глядитъ на меня, такъ и впиалась очами. Чтò она теперь думаетъ? Она считала меня слабымъ, пугливымъ, изнѣженнымъ какъ всѣ городскіе. Чтò скажетъ теперь? Я ей показалъ что не боюсь ихъ Джикича, его револьвера, установившагося обычая, я все побѣдилъ съ пустыми руками... Недаромъ у насъ говорится: „умѣнье лучше имѣнья“.

Вотъ пришли ужъ и на гору.

— Ну, что жъ, начнемъ? спрашиваетъ кто-то. Всѣ смотрятъ на меня. Я молчу, хочу удостовѣриться, ко мнѣ ли именно обращаются.

— Начнемъ, что ли, Перо?

— Хорошо, хорошо. Играй, Бельо, и ты, Лазо!

— А кто будетъ распоряжаться игрою, кто колдоводъ?

— Кого вы хотите?

— Тебя... ты... закричали.

Я не далъ себя долго упрашивать, подхватилъ Джикича, за нами парни и дивчата, и коло составилось. Только Дола съ нѣкоторыми подругами стоитъ еще возлѣ огорожи. Жаль мнѣ стало что не позвалъ ее раньше: неловко, всѣ на тебя смотреть...

— Пойдемъ, говорю ей.

Этого для нея было достаточно. Она кивнула головою, улыбулась, побѣжала ко мнѣ, и мы взялись за руки.

Городскіе балы, разговоры, танцклассы и другіе за-тѣи, все это нуда, вздоръ въ сравненіе съ деревенскимъ ко-ломъ. Нѣтъ тутъ такихъ церемоній: „прошу васъ, сударыня, царица сердца, на кадрилъ“, или: „приглашаю васъ на польку“, а она: „я уже ангажирована, извините“. Нѣтъ, никто тутъ не спрашиваетъ, съ кѣмъ что и какъ пляшешь; какъ тебѣ удобнѣе, вольнѣе, такъ и прыгай, и топай ногами, лишь бы только въ тактъ, подѣ дудку.

Играли мы такъ до самой зари. Мы, парни, какъ-то охладѣли къ утру, а дѣвчата, дьяволь ихъ возьми, просто незна-ють устали. Когда взошло уже солнце, я крикнулъ:

— Довольно, пора расходиться!

— Пора, пора, разойдемся!

Нѣсколько человѣкъ поднесли ко мнѣ собранные дары.

— Что это значить?

— Все это твое! говорилъ Джикичъ,— потому что ты все дѣло уладилъ. Я переговорилъ съ ребятами, и всѣ съ удо-вольствіемъ отдають тебѣ собранное за то что ты насъ при-мирилъ, и теперь никто не будетъ бояться встрѣчи съ дру-гими іереміями. Ты вотъ уничтожилъ обычай драться, такъ установи другой: чтобы всѣ дары доставались одному, самому полезному.

— Именно такъ, иначе никакъ! подтверждаютъ другіе.

— Послушайте меня! кричу я, и мигомъ водворяется ти-шина, слышно какъ пролетаетъ муха.—Вы поступаете непра-вильно. Я измѣнилъ одинъ обычай, потому что это было глупо. Но даровъ принять я не могу; старый порядокъ хорошъ, пусть такъ и останется. Я знаю никто на то не жалуется, не сердится когда его ударятъ яйцомъ... Ей Богу, не приму, хоть убейте!

— Долженъ принять, обязанъ! кричатъ одни.

— Отнесемте ему домой! говорятъ другіе.

Вижу что волею неволею долженъ принять.

— Ну, хорошо! Значить я могу распорядиться дарами какъ захочу?

— Можешь, отвѣчаетъ Джикичъ:—бери все домой, мы проводимъ и поможемъ тебѣ.

— Согласенъ. У насъ дома, слава Богу, есть и водка, и йцца, и сало, всего вдоволь; мнѣ ваши дары не нужны, но я приму ихъ если ужъ обязанъ, только съ условіемъ что вы по-слушаетесь меня еще одинъ разъ.

— Послушаемся, говори!

— Я не желаю брать собранное вами домой, мнѣ это совсѣмъ не нужно. А лучше раздѣлимъ яйца между собою по старому обычаю, водку разопьемъ всѣ сообща, а сало и разную ветчину отдадимъ какому-нибудь бѣдняку.

Многіе глухо заворчали, зароптали, значить не соглашались; но я настаиваю.

— Если не согласны на это, если хотите измѣнить обычаю, то лучше было бы намъ драться, а мнѣ лучше было бы умереть на мѣстѣ. Ну, что вамъ стоитъ сдѣлать такъ, какъ я говорю? Не срамите меня да и заведеннаго порядка не нарушайте. Сдѣлайте помоему, это будетъ самое лучшее!

— Согласимся? спрашиваетъ Джикичъ.

— Согласны, конечно! въ добрый часъ! загадѣли остальные. — Пусть будетъ такъ какъ онъ говорить.

Вижу что меня слушаются какъ старшаго, мнѣ стало какъ-то даже стыдно, ей Богу, и кровь бросилась въ голову. Пересчитали яйца, было ихъ больше 600. Велю раздѣлиться: дѣвушкамъ стать по одну сторону, парнямъ по другую; хлопнулъ въ ладоши, и мигомъ все готово. Сталъ я вызывать ребятъ по одному, давая каждому по десятку яицъ. Дошла очередь до дѣвчатъ.

— Эй, ты, какъ тебя? Миленія, Станія, Петрія. Джурджія... дразню каждую, будто не знаю ея имени. Подошли всѣ, осталась одна Дола.

— На! Дола! и насыпалъ ей полный передникъ яицъ, все что осталось.

— А... вотъ ея имя такъ знаешь! подшучиваютъ лукаво не безъ зависти дѣвицы, а парни только улыбаются.

Покончивъ съ яйцами, говорю далѣе:

— А на счетъ водки согласны со мною?

— Еще бы!

— Всѣ?

— Разумѣется, всѣ! раздаются мужскіе и женскіе голоса.

— Будемъ пить всѣ по порядку кто сколько можетъ не отрываясь, однимъ духомъ.

— А я буду слѣдить за порядкомъ, вызывается тотъ что безуспѣшно командовалъ: „стройсе во вронть“!

— Ну, такъ начнемъ! и я потянулъ изъ баклаги сколько могъ, подозвалъ Джикича, потянулъ и онъ, и такъ всѣ по порядку, пока мы, парни, не опорожили посуды.

— Теперь пусть подходятъ дѣвицы, крикнулъ я.

Онѣ толкаютъ другъ дружку, какъ бы ни одна изъ нихъ не хотеть. „Пейте за насъ вы“, говорятъ.

— Такъ нельзя, нужно пить! Какая откажется, будемъ ее судить, говоритъ Джикичъ и замахивается дубиной.

— Ну, Милица, подходи! зову одну изъ дѣвушекъ.

Она и хотеть, и боится. Но прикрикнулъ Джикичъ, и она должна была волею неволею.

Выпили такъ по глотку и дѣвчата. Послѣднею подошла Дола; она только понюхала посуду и отошла.

— Пей! крикнулъ Джикичъ.

— Не могу, говоритъ она.

— Оставьте ее! Что жъ дѣлать если не можетъ! сказала я и поболталъ посуду; въ ней еще много, больше половины. Нѣсколько парней допили остатокъ.

— А что жъ дѣлать съ саломъ и ветчиной? спрашиваютъ меня одни.

— Куда дѣвать сыръ и каймакъ? обращаются другіе.

Я подумалъ, подумалъ, вызвалъ нѣсколько надежныхъ парней и велѣлъ имъ отнести все бѣдной сиротѣ теткѣ Перкѣ: тамъ все будетъ принято съ благодарностію и благословеніемъ. Человѣкъ пять взяли всю провизію, отнесли и скоро воротились, ибо изба сироты была недалеко отъ насъ.

— Знаешь, Перо, что сказала тетка Перка?

— Что?

— Чтобы Дола поцѣловала тебя въ глаза, чтобы ты женился на ней, а она будетъ плясать у тебя на свадьбѣ. Обрадовалась, Боже мой, какъ Рождеству Христову.

Я покраснѣлъ весь, а Дола отвернулась и кусаетъ нижнюю губку. Это у нея такая привычка: когда разсердится или обрадуется чему, губки надуются и покраснѣютъ. Неловко мнѣ стало за нее и за себя, и я мигомъ распорядился чтобы Бельо и Лазо играли танецъ, и всѣ стали въ коло. Едва окончилась эта послѣдняя пляска, какъ полетѣли яйца... Подбѣжала какая-то дѣвушка къ Джикичу и хлопъ его яйцомъ. Тотъ спѣлъ только шепнуть мнѣ: „будь здоровъ“! и потурилъ за сею. Такимъ же образомъ другая, третья, четвертая пара, и съ разбѣжались, а платье у всѣхъ желтое отъ разбитыхъ яицъ.

Смотрю какъ мой побратимъ пустился за своею Дорой. Въ эту минуту на моей спинѣ лопається яйцо. Оглядываюсь, Дола летитъ уже внизъ подъ гору.

— Прощайте! крикнулъ я остановившимся іереміямъ, и

пустился за Долой, швыряя въ нее на бѣгу яйцами, а тѣ хочутъ.

— Будь здоровъ, городской кавалеръ! кричатъ мнѣ вслѣдъ. — Припусти побыстрѣй чтобы далеко не убѣжала!

Догналъ ее не скоро у самой рѣки. Она утомилась и сѣла подъ грушей у дороги. Я подошелъ и сѣлъ рядомъ. Неловко какъ-то было мнѣ наединѣ съ нею, все чегс-то боюсь, дрожу; страшно мнѣ посмотрѣть ей въ глаза, какъ будто она меня такъ вотъ и проглотитъ; а съ другой стороны, чувствую что мы другъ другу не чужіе, что я она, она я.

— Зачѣмъ меня ударила? началъ я.

— Такъ!

А сама улыбается.

— Теперь вотъ я тебя.

— Ударь коли осмѣлишься, у меня еще пять, а у тебя только одно.

Говоря правду, я не думалъ объ этомъ, а хотѣлось мнѣ поговорить съ нею. Солнце уже давно разогнало своими золотыми лучами весь туманъ надъ Моравой, росистая трава чудно переливалась подъ теплымъ солнышкомъ всеми цвѣтами радуги, какъ будто была усыяна жемчугомъ и драгоценными камнями; воздухъ благоухалъ какъ-то особенно пріятно, будто мы были въ церкви; щебетали тамъ по кустамъ птички, а тутъ вблизи заливался соловей, какъ бы пѣлъ гимнъ какому-то невидимому существу, какому-то богу Аполлону или богинѣ Венерѣ... Звукъ его чередуются въ дивной гармоніи какъ у вѣщаго музыканта; то тихіе и кроткіе, но жизнерадостные какъ невѣста когда ее ведутъ къ вѣнцу; то сильные и бурные такъ и разливаются въ свѣтлой утренней тишинѣ. Упоенный всеѣмъ этимъ я наклонился головой къ Долѣ, взялъ ее за руку... но тотчасъ же выпустилъ ее, будто меня оттолкнула электрическая сила. Я смѣшался и едва прошепталъ:

— Чтò, Дола...

— А?

— Чтò ты сказала когда подошелъ къ намъ Джики-

— Чтòбъ ты берегся, говоритъ она глядя въ землю, а самой грудь такъ и вздымается.

— А чтò?

— Да такъ... могла завязаться драка.

— А отчего ты вскрикнула когда я вышелъ къ нему?

— Такъ... того... испугалась...

— Развѣ ты боялась за меня?

— Да... нѣтъ... я только думала что подеретесь... А вѣдь онъ какой!

— Ну и подрались бы...

— У, не дай Богъ! кто-нибудь паль бы мертвымъ.

— А еслибы убили меня?

Она только поглядѣла на меня, но много сказала этимъ взглядомъ. Вся ея душа, все сердце были въ глазахъ. Этотъ взглядъ придалъ мнѣ бодрости; посмотрѣлъ и я ей въ очи чтобы перелить черезъ нихъ свою душу, чтобы у насъ было одно тѣло и одна душа.

— Молчи ради Бога! шепнула она.

— Чтò, пожалѣла бъ меня?

— Я?.. видишь ли... мнѣ было бы неприятно... вѣдь я, помнишь, просила твоего отца отпустить тебя.

Мы замолчали. Я таялъ среди всѣхъ этихъ прелестей природы, а тутъ еще рядомъ со мною сидѣлъ вѣнецъ Божьяго созданія, и мнѣ невольно пришло на память: „великъ еси, Господи“... не грѣхъ ли это? Я поднялъ голову, и глаза наши встрѣтились. Она слегка покраснѣла, а моему сердцу, казалось, было тѣсно въ груди.

— А молодець ты! прошептала она.

— Почему?

— Не побоялся выйти къ Джикичу.

— Да чтò онъ, вампиръ, что ли? Развѣ онъ не человѣкъ?

— Правда, но... и говоришь ты хорошо!

— Да? въ самомъ дѣлѣ?

— Право... какъ это ты смѣло, развязно... и рѣчь твоя, будто медовая, такъ каждое слово и прилипаетъ.

— А ты небось дрожала: куда ему городскому! Вотъ видишь, а городской-то не боится и силача Джикича... Да что, еслибы даже еще двое такихъ, я и тогда бы... Знаешь, неприятно было мнѣ когда ты мнѣ напомнила объ осторожности.

— Но я... боялась чтобъ тебя не ударили... лучше бъ ужъ меня чѣмъ тебя.

— Правда?

— Ей Богу! Испугалась я когда это ты вышешь... Меня что-какъ ножомъ кольнуло вотъ сюда! при этомъ она показала кою на сердце.

Гляжу, а у нея дрожать вздуніяся губки, опустились и оединились брови, но лобъ попрежнему свѣтелъ, только на единѣ маленькая складка. Я не могъ сказать ей ни слова. Чанно какъ-то: будто я не я, а она не Дола; будто что-

то третье овладѣло нами, наполнило насъ сладкими ощущеніями, согрѣвало насъ независимо отъ майскаго солнца. У меня опять кровь прилила къ лицу, ничего я не вижу, одну только ее... ее и какихъ-то маленькихъ ангеловъ что летаютъ вокругъ нея и пальчиками шаловливо указываютъ на меня. Мнѣ хотѣлось ее обнять, страстно прижать къ своей груди и поцѣловать со всѣмъ жаромъ пылающаго сердца... но... прости мнѣ, Господи, не знаю что творю... Она взглянула на меня, и я застыдившись опустилъ глаза.

— Перо, пойдемъ! Насъ могутъ увидѣть; пастухи ужъ гонять скотъ.

— Пойдемъ, говорю я, вставая.

Идемъ мы молча, хотя въ груди будто кипитъ что-то. Вдругъ она потянула меня за ухо.

— Ты долженъ угостить! говоритъ она.

— Почему?

— А что у насъ сегодня?

— Св. Іереміи... а!.. Но пойдемъ къ намъ домой, тамъ угощу, спохватился я, понявъ ее намекомъ на день моего рожденія.

— Мама не позволитъ, а я бы пошла.

— Вотъ не позволитъ! а ты попроси ее.

— Не согласится, ужъ я ее знаю... Ты, знаешь что, купи мнѣ въ городѣ калачъ и другимъ разомъ принеси мнѣ.

— Хорошо, если хочешь, даже два.

— Нѣтъ, не нужно калача, а вотъ это... знаешь такое зеркальце какъ у тебя.

Я вынулъ изъ кармана зеркальце и говорю ей:

— На, возьми если хочешь это, а я куплю себѣ другое.

Она взяла и спрятала его за пазуху чтобы не увидѣла мать и послѣ не журила ее.

Въ это время мы дошли до перекрестка и разстались. Я нѣтъ-нѣтъ да и оглянусь на нее: какая легкая, граціозная у нея походка какъ у серны! Сталь я у огорожи и все гляжу на нее не наглядясь, пока она не вошла въ ворота. Тутъ она обернулась и не видя меня вошла во дворъ, скрылась для меня, и я пошелъ дальше. Въ душѣ я ощущалъ какую-то пустоту, мнѣ чего-то не доставало, какъ будто у меня не всѣ козы были въ загонѣ. Иду себѣ, а мысли мои сосредоточены на ней; мнѣ все кажется что Дола впереди или позади меня, оглядываюсь, смотрю, улыбаюсь.

Когда я пришелъ домой, отецъ съ матерью уже пили кофе.

— Гдѣ ты былъ до сихъ поръ, красавецъ? спрашиваетъ отецъ.— Неужели все съ іереміями?

— Да, только что разошлись, подтверждаю я и сажусь.

— Ну, слава Богу, говорить мама.— А не дрались вы?

— Нѣтъ, а за малымъ дѣло не стало.

— Дай же и ему кофе: видишь облизывается, сказалъ отецъ.

— Не хочу я, нѣтъ у меня никакого желанія.

— Чтò съ тобою, моя птичка? Выпей хоть чашечку! Кофе такой вкусный.

— Не могу, мама.

— Оставь его коли не хочеть, вмѣшивается отецъ:— ему вкуснѣй та которую онъ хлесталъ крапивою.

Я улыбнулся и убѣжалъ въ свою комнату чтобы раздѣться и немного вздремнуть. Старики засмѣялись мнѣ вслѣдъ.

— Эй, юначе, разбудилъ меня въ полдень отецъ, иначе я проспалъ бы дольше.

Я вскочилъ.

— Чтò такое? спрашиваю.

— Чтò ты дѣлалъ сегодня ночью? говорить отецъ; мать глядитъ на меня молча, а у самой глаза полны слезъ.

— Я? ничего.

— Да съ іереміями чтò ты сдѣлалъ?

— Ой, голубь мой! вмѣшалась мама:— такъ они дрались?

— Ну, еслибы и дрались, что-жь тебѣ то? говорю ей.

— Ахъ, сердечный мой, не ушибли ли тебя?

— Чтò ты тамъ, бабка! Да онъ у насъ такой юнакъ что не найдешь ему ровни! Былъ тамъ противъ нихъ Джикичъ (при этомъ словѣ мама затряслась), выхватилъ револьверъ и вызывалъ на бой; а нашъ красавецъ съ пустыми руками: „вотъ, говорить, я! бей или я тебя!“ Но въ концѣ концовъ примирились.

Бѣдная мать начала ощупывать мнѣ все тѣло, ища на немъ больнаго мѣста.

— Такъ вы дрались?

— Да нѣтъ же! поясняетъ отецъ:— онъ такъ устроилъ дѣло что всѣ только ахнули отъ удивленія, помирились, перецѣловались и проплясали до самаго утра.

Послѣ этого я чуть не задохнулся отъ поцѣлуевъ обрадовавшейся матери.

— Однако, какъ это у тебя хватило духа выйти противъ Джикича? Я бы не осмѣлился, ей Богу, говорить

— А чего-жь робѣть? Я вѣдь не „городской“, какъ говорить она; я селянинъ.

— А кто это, славный мой, она что дразнить тебя городскимъ? спрашиваетъ мать.

— Да та... знаешь... Савина. Старики улыбнулись и перемигнулись.—Туда же, вздумала еще предостерегать меня! Будто я не умѣю постоять за свою честь!

— Bravo, юначе! хлопнулъ меня по плечу отецъ.—Попъ вотъ надрывался убѣждаючи чтобы не дрались іереміи при встрѣчѣ, и ничего не могъ сдѣлать, домъ-то ему разнесли нынѣшнею ночью, а ты примирилъ ихъ въ одинъ мигъ.

Мама даже заплакала отъ радости, а отецъ только смотритъ на меня такъ любовно, а у самаго тоже навертываются слезы; но, конечно, онъ не заплакалъ.

— Дай же, мать, нашему городскому горяченькаго кофе; вѣдь онъ съ ночи не ѣлъ ни кроши. А тамъ осенью, коли дастъ Богъ, сыграемъ свадьбу чтобы та не дразнила его больше...

Мать побѣжала на кухню и мигомъ сварила кофе; мы съ отцомъ выпили по чашкѣ въ первый разъ вмѣстѣ: до того времени я никогда не пилъ въ его присутствіи...

Весь день въ селѣ только и было разговора что іереміи не дрались, что я примирилъ ихъ, что за это я юнакъ, молодецъ. Даже попъ, даромъ что ему побили всѣ стекла, не могъ, говорить, надивиться, какъ это я сразу уничтожилъ давній обычай. Встрѣтился онъ съ отцомъ, да и говоритъ:

— Твой-то, городской, умиротворилъ іереміевъ?!

— Да, батюшка. Шутка ли? Недаромъ онъ живетъ въ городѣ, знаетъ всѣ буквари и календари на память.

— Ну, если такъ, братъ, то не буду даже жалѣть что разбили мнѣ хату, почию. Приятно мнѣ то что онъ сдѣлалъ; отъ радости я готовъ обнять его при встрѣчѣ.

Нечего и говорить какъ все это было приятно мнѣ. Одно только бѣсило меня, именно, что называли меня „городскимъ“. Увидить кто меня, сейчасъ: „Здорово, городской! Что подѣльваешь? Честь и слава тебѣ за то что ты сдѣлалъ съ іереміями“. Сердился я, злился, а потомъ привыкъ къ этому прозвищу, будто меня называли Петромъ.

Всю недѣлю просидѣлъ я дома и только въ слѣдующій понедѣльникъ отправился въ городъ, въ школу. Наукъ въ ней было, братъ, до чорта: зналъ я какъ садить и дергать лукъ, разводить виноградъ, плодовые деревья, цвѣты, какъ ухажи-

вать за скотомъ, откармливать птиць; училъ тамъ, братецъ ты мой, какую-то геометрію и многое другое потребное для селянина.

II. Престольный праздникъ и ярмарка.

Передъ св. Ильею пророкомъ пришёлъ зачѣмъ-то въ городъ мой побратимъ, и мы зашли въ кофейню. Спрашиваю его о томъ, о другомъ; онъ рассказываетъ про все, между прочимъ говорить что мои здоровы и приглашаютъ придти къ Успенью.

— А какъ поживаетъ, милый братецъ, она?

— Кто? спрашиваетъ, будто не догадываясь, кого я подразумѣваю.

— Ну, та... помнишь, на іереміяхъ?

— А, Дола?

— Да, какъ она?

Онъ тотчасъ полѣзъ въ карманъ и вынулъ яблоко, румяное какъ майская заря, и свѣжее и сочное какъ Дола.

— На, говорить,—это она прислала тебѣ и кланялась.

— Спасибо, благодарю! взялъ яблоко и положилъ въ карманъ.

— А что ты пошлешь ей? спрашиваетъ побратимъ. Я подумалъ, вышелъ въ сосѣдную лавочку, купилъ за 50 паръ *) сережки и воротился къ побратиму.

— Вотъ, передай это ей.

Разказывалъ мнѣ послѣ побратимъ что долго она прятала ихъ и только недавно стала надѣвать, боялась матери, а тайкомъ все цѣловала ихъ.

На Успенье у насъ престоль и ярмарка. Я взялъ отпускъ и пришёлъ домой еще наканунѣ праздника. Отецъ и мать ухаживаютъ за мной, берегутъ какъ зѣницу ока. Боже мой, что это были за люди! годились бы въ повѣсть!

Домъ у насъ большой, а бѣдная мама одна по хозяйству, и работаетъ неутомно какъ кротъ: съ утра до ночи на ногахъ, все бѣгаетъ, хлопочетъ. Правда, есть у насъ работникъ, но какая ей отъ него помощь, тѣмъ болѣе что отецъ постоянно отзываетъ его. Иногда, набѣгавшись, нахлопотавшись, присядетъ на скамью подъ орѣхомъ, вздохнетъ и прошепчетъ:

*) Около 20 коп.

„Господи, хоть бы Перо пришелъ изъ города! Сердцу какъ-то легче станеть“; или: „когда же мнѣ будетъ перемѣна?“ Еслибы вы посмотрѣли на нее въ эту минуту, вы невольно сняли бы предъ нею шапку и поцѣловали ей руку... Ея всегда веселое, улыбающееся лицо принимаетъ грустное, меланхолическое выраженіе, она вся преобразается, смотритъ какъ Богородица (прости, Господи). Увидить ее въ такія минуты отецъ и бывало крикнетъ изъ погреба или изъ амбара: „что, старуха, устала? потерпи, подожди немного; скоро, дастъ Богъ, будетъ тебѣ помощница, перемѣна“: или: „что это, бабка, раньше меня устала? и не стыдно тебѣ! я вѣдь старше тебя, а держусь какъ левъ“. Она улыбнется, вскочитъ со скамьи и опять засуетится такъ проворно какъ дѣвица. А иногда сядетъ на скамью отецъ, нальетъ изъ боченка старой водки, позоветъ мать, и выпьютъ послѣ трудовъ по одной.

— Спасибо тебѣ что вспомнилъ про водочку... о... ох! ну, помоги, Боже! будь здоровъ!

— Дай Богъ тебѣ здоровья! приговариваетъ отецъ: — нужно намъ самимъ подбадривать себя, а то когда еще придетъ къ намъ наша перемѣна... та Савина.

Вотъ пришло Успенье. Съ ранняго утра церковь полна народа; многіе пришли издалека, изъ-за горъ, славится нашъ престоль. Пряничники распялили шатры и разложили пряники и всякія другія лакомства. Далѣе палатки со всякимъ жаркимъ. Тамъ какой-то австріякъ привезъ комедію и кричитъ надрывается: „пожалуйте, добрые люди! невиданное чудо! увидите, какъ блохи ходятъ, человѣка о трехъ головахъ: одной нѣтъ, а другая отпала; увидите знаменитую вилу Равіойлу которую смирилъ кралевиць Марко; покажутъ вамъ дивный Царьградъ, много всякихъ чудесъ, какихъ вы не знали. Приходите, смотрите и дивуйтесь! Не дорого, 20 паръ!“ Словомъ, ярмарка чудо!

Я принарядился: новая у меня вышитая рубаха, пестрые чулки, новые ботинки, лечу и земли подъ собою не чую. Еслибы кто изъ города увидѣлъ меня, не призналъ бы. Около полудня окончилась церковная служба, разошлись по домамъ, пообѣдали, и начались игры. Составилось коло. Дола, конечно, сейчасъ ко мнѣ... Смотритъ на меня исподлобья, а заговорить боится, ибо за нею слѣдятъ родные. При одномъ поворотѣ хоровода она кивнула мнѣ головою и отошла къ ручью... напиться. Я, немного обождавъ, за нею. Сѣли мы у ручья.

— Какъ поживаешь, Дола?

— Ничего, слава Богу, хорошо. Какъ ты, городской?

„Опять „городской!“ подумалъ я съ досадой.

— Живу и мучусь какъ и всякъ человекъ, отвѣчаю я.

— Какъ же, мучишься! добро тебѣ въ городѣ...

— Не дай Богъ дольше мнѣ оставатся тамъ!

— Отчего такъ?

— Не нравится мнѣ тамъ.

— Будто ужъ и не любо?

— Право слово! все думаю о селѣ, объ отцѣ, мамѣ.

— А еще о комъ? спрашиваетъ она лукаво.

— О матери, повторяю я.

— А еще?

— О папѣ.

— Знаю я; еще о комъ? допрашиваетъ она, и я чувствую какого отвѣта ей хочется.

— Ну, о побратимѣ, говорю я, улыбаясь.

— И больше ни о комъ?

— Думаю о... а какъ хорошо идутъ тебѣ эти серьги!

— Да, отвѣтила она и вся покраснѣла, отвернувшись отъ меня и потупила глаза, а у меня затряслись колѣна, будто кто ударилъ меня по нимъ. Она нѣтъ-нѣтъ да и взглянетъ опять на меня, и ея глаза такъ и сіяютъ, пронизываютъ меня, поглощаютъ. Казалось мнѣ что теперь она еще красивѣе чѣмъ была весною, что коса ея стала чернѣе, лицо бѣлѣе молока, румяныя щеки какъ петровское яблоко, а станъ... такого другаго нѣтъ на свѣтѣ.

Воротились мы, наконецъ, къ колу, но мнѣ не хотѣлось играть. Зовутъ меня парни, кличутъ двоюродныя сестры, все напрасно: я весь впился глазами къ Долу которая прислонилась къ одному шатру и глядитъ на меня.

Какъ подкошенный луговой цвѣтокъ, я какъ-то завялъ, возвратясь отъ ручья, и стоялъ склонивъ голову. Какъ учитель открываетъ ученику что-нибудь новое, дотолѣ невѣдомое, такъ и мнѣ открылось новое небо предъ очами, а на этомъ новомъ небѣ красовалась Дола какъ царица и хозяйка моего дома. Пошевелинется она у шатра, а я уже боюсь какъ бы она не ушла; заслонить ее хорюдой, я жду не дождусь, пока она опять откроется моимъ очамъ. Переходя съ мѣста на мѣсто чтобы при мельканіи хорюода не терять изъ вида Долу, я незамѣтно подошелъ къ самой церкви, гдѣ въ тѣни стояли только бабы да старухи, любуясь разыгравшеюся молодежью. Тутъ замѣтила меня мама и подошла ко мнѣ.

— Какъ себя чувствуешь, моя птичка?

— Кто? я? переспрашиваю ее, очнувшись отъ сновидѣнія, — ты меня спрашиваешь? Ничего.

— А что же ты не играешь въ хороводѣ?

— Не хочется... Да и она не играетъ.

А самъ опять гляжу на Долу: что-то такъ и тянетъ меня къ ней.

— Это она, голубь мой, что стоитъ вонъ тамъ у шатра?

— Да, она... не хочется мнѣ играть... не люблю игры... я лучше вотъ тутъ.

Дола замѣтила что на нее смотритъ моя мама, удалилась отъ своей матери, стала въ коло и незамѣтно кивнула мнѣ головою чтобы присталь и я.

— Вонъ она, пошла въ хороводъ! съ видимою радостію говорить мама.

— Сядь, мама! Зачѣмъ ты встала?.. Да и я не хочу стоять какъ бабы, пойду играть.

Слышала я только какъ прошептала мама: „если дастъ Богъ, мой славный, осенью будемъ плясать на свадьбѣ“, и больше ничего, потому что мигомъ я очутился уже возлѣ Доли.

Играетъ нашъ музыкантъ Бельо какъ бѣшеный, и огромное коло растянулось ажъ до школы. Изрѣдка какой-нибудь парень пропляшетъ одиночнаго трепака, „подскочицу“, и опять быстро въ тактъ задвигается коло. Вотъ мы предъ однимъ шатромъ, черезъ минуту ужъ предъ третьимъ. Но я ходилъ съ поникшей головой, мысли мои летали далеко отъ хоровода, и я не замѣтилъ какъ пересталъ играть Бельо.

Парни вытираютъ потные лбы, дѣвчата обмахиваются платочками чтобы охладиться. Взглянулъ я на Долу: на лбу ни капли пота, только зарумянилась пуще прежняго какъ истая роза. Подняла голову и она, посмотрѣла на меня, улыбнулась и отошла къ дѣвицамъ, а я воротился къ парнямъ.

Больше я не могъ играть въ тотъ день. Да и это было послѣдній разъ что я игралъ холостымъ парнемъ.

ЛЮБОВЬ КЪ РОДИНѢ.

ЛИРИЧЕСКАЯ ДУМА, *Шандора-Дальскаго.*

(СЪ ХОРВАТСКАГО).

Митингъ въ одномъ хорватскомъ городѣ. „Живіо! живила домовина!“ (да здравствуетъ отечество) кричить съ воодушевленіемъ, во все горло простой Хорватъ; отъ духоты и восторга горять его впалыя очи. И еслибы въ эту минуту кто подошелъ къ нему и предложилъ положить животъ за отечество, онъ не удивился бы ни мало, не колебался бы, не медлил бы ни мгновенія. Ничего другаго не можетъ онъ и дать: въ цѣломъ пространномъ отечествѣ не принадлежитъ ему ни пяди земли, ни соломинки на самой убогой крышѣ. Нѣтъ у него рѣшительно ничего. Когда его односельчане раздѣлили между собою пастбище, онъ не могъ держать даже козы и вынужденъ былъ работать, не покладая рукъ, чтобы изрѣдка купить дѣтамъ молока.

Но что за бѣда! Добрымъ, неиспорченнымъ своимъ сердцемъ онъ любитъ отечество которое предоставляетъ ему пользоваться только общественными дорогами да мостовыми. И эта любовь возмѣщаетъ ему все. Глядя на ея красоты, видя ея плодородіе, онъ чувствуетъ себя богачемъ и въ святомъ восторгѣ поетъ хорватскій гимнъ: „*Лъпа наша домовина!*“

Теки, Сава, шуми, Драва,
Не поглотитъ васъ Дунай,
И скажите всему свѣту:
Любить Хорватъ свой народъ,
Мила ему домовина,
Пока бьется его сердце,
Пока свѣтитъ наше солнце.

Самъ съ пустымъ желудкомъ подъ плачъ голодныхъ дѣтей онъ съ радостію подсчитываетъ сколько денегъ получить родина отъ вывоза хлѣба, какъ обогатится „народъ“.

„Живила! живила домовина!“ кричитъ онъ во все горло... А рядомъ съ нимъ въ тѣсной, возбужденной шумной толпѣ стоитъ элегантнѣйшій, богатѣйшій, знатнѣйшій господинъ, владѣлецъ многихъ домовъ, фабрикъ, помѣстій, одинъ изъ тѣхъ избранныхъ которымъ отечество полными горстями насыпало всякаго добра и дало наилучшія земли.

Сначала съ презрительною усмѣшкой слушалъ онъ восторженные возгласы народа; но потомъ лицо его приняло сердитое выраженіе, наконецъ, его обуялъ страхъ.

„Чортъ меня принесь сюда! Еще подумаютъ что и я принадлежу къ этимъ восторженнымъ чудакамъ...“ думалъ онъ про себя, прячась за чужія плечи.

И дѣйствительно такое предположеніе было бы совсѣмъ безосновательно. До сихъ поръ при всякомъ удобномъ случаѣ онъ старался показать что онъ человекъ умѣренный, степенный, практичный, преданный венгерскому правительству; ничего онъ такого не затѣвалъ, и еще недавно въ венгерскомъ парламентѣ преспокойно подалъ свой голосъ за торговый договоръ съ сосѣднею державой въ великій ущербъ своей славянской родинѣ, но за это онъ получилъ большой орденъ. Значить нечего было ему бояться за свою официальную репутацію. Но опять... у всякаго есть враги; можетъ случиться что и про него доложить кому слѣдуетъ что онъ сочувствуетъ тѣмъ крикунамъ-патріотамъ... А какъ разъ теперь онъ добивается высокаго дворянства, баронскаго, а то, пожалуй, и графскаго титула. Батюшки! да, вѣдь, тогда мечты его разлетятся прахомъ!

— Нужна мнѣ родина! сердито проворчалъ онъ и быстро началъ выбираться изъ тѣсной толпы чтобы идти домой, гдѣ его ожидалъ столъ уставленный всѣми „земными благами“ родины.

А тотъ другой все еще кричалъ надрываясь за дорогое отечество, и уже поздно вечеромъ воротилъ на свою квартиру изъ которой долженъ былъ теперь же выселиться, такъ какъ нечѣмъ было заплатить за нее. У него съ дѣтьми не было своего крова; дорогое отечество распростерло надъ нимъ свое звѣздное небо, ахъ, въ ту ночь такое холодное...

Но любить онъ свою родину. И только откуда-то издалека, издалека доходить до него едва внятный вопросъ: какъ же это такъ? Нѣтъ у него ни пяди земли, ни крова, а родина есть?

КАКЪ ЧИТАЮТСЯ СТИХИ.

РАЗКАЗЪ С. Уеха.

(СЪ ЧЕШСКАГО).

Марлитъ принадлежитъ къ числу любимыхъ моихъ писательницъ; уважаю ее ужъ за одно то что она съ такимъ воодушевленіемъ разказываетъ намъ про любовь молоденькихъ дѣвушекъ къ пожилымъ мущинамъ моего возраста. Женщина, конечно, лучше всего понимаетъ дѣвичье сердце; поэтому я не отрицаю удивительной склонности женской весны къ мужской осени, думаю что это не простой вымыселъ только писательницы ищущей новыхъ мотивовъ, и при чтеніи ея романовъ душу мою озаряетъ сладкая надежда что, можетъ быть, и мои осеннія морщины разглядятся отъ жаркаго, молодящаго поцѣлуя какой-либо воплощенной весны...

Впрочемъ, не о себѣ я поведу рѣчь. Хочу представить вамъ двѣ особы сидящія передъ скромнымъ домикомъ сельскаго священника, густо завитымъ дикимъ виноградомъ, за березовымъ столикомъ, на березовомъ диванѣ, въ садикѣ, въ живописной окрестности: вблизи два лѣсные ландшафта, а между ними часть отдаленнаго чешскаго Средогорья покрытаго какъ бы синимъ туманомъ.

Одна изъ этихъ особъ высокій блѣднолицый, серіозный мущина, съ рѣзко очерченнымъ орлинымъ носомъ на которомъ блестятъ въ золотой оправѣ очки; черные его волосы на головѣ и бородѣ уже начали серебриться, признакъ грядущей зимы жизни, но зимы пока еще отдаленной: на видъ ему сорокъ съ небольшимъ лѣтъ.

Возлѣ мущины свѣженькая, красивая дѣвушка, лѣтъ шестнадцать, въ свѣтло-зеленомъ домашнемъ платьѣ которое, правда, не свидѣтельствуетъ о прилежномъ изученіи моднаго журнала, но такъ мило идетъ къ ней. Когда она по временамъ, отрываясь отъ вышиванья, поднимаетъ свое личико, вамъ кажется, будто изъ густой зеленой травы выдѣляется хорошенькій весенній цвѣточекъ. Теперь головка ея поднимается все чаще, и голубые глазки съ выраженіемъ маленькаго лукавства и насмѣшки украдкой искоса посматриваютъ на важнаго господина который поочередно то разглаживаетъ свою бороду, то поправляетъ очки на орлиномъ носу.

Сидятъ они такъ молча ужъ долгое время. Вокругъ мирная тишина благодатнаго лѣтняго вечера; слышно только тихое жужжанье насекомыхъ въ травѣ; по временамъ перепорхнеть съ вѣтки на вѣтку птичка надъ ихъ головами, да иногда донесется откуда-то издали, съ поля или изъ лѣса, слабое ауканье. Но эта глубокая, торжественная тишина начинается, видимо, стѣснять мушину въ очкахъ. На его слегка зарумянившемся лицѣ замѣтно смущеніе, нервно теребитъ онъ свою черную бороду, придавая ей по временамъ причудливую форму, и съ беспокойствомъ посматриваетъ на дѣвушку, какъ бы въ надеждѣ что она разрѣшитъ, наконецъ, эту томительную для него, подавляющую тишину. Но дѣвушка молчитъ и все ниже опускаетъ свою красивую головку, продолжая работать.

Вотъ въ какомъ положеніи очутился профессоръ Острый, пріѣхавшій на каникулы къ своему другу, сельскому священнику. Жилъ онъ въ деревнѣ уже двѣ недѣли. Рано утромъ уходилъ онъ, обыкновенно, съ книгою подъ мышкой въ лѣсъ; за обѣдомъ завязывался ученый споръ съ хозяиномъ; послѣ обѣда опять съ книгой въ лѣсъ до вечера; послѣ ужина опять ученая бесѣда со священникомъ. Сегодня это первое отступленіе отъ пріятнаго порядка приведшее профессора въ вышеописанное положеніе въ садикѣ, а причиною всего была молоденькая племянница священника, Ружена.

Извѣстно, каждая дѣвушка немного кокетничаетъ, хотя бы невинно. Головка ея постоянно прядетъ, даже безсознательно, сътъ любви и нѣжно опутываетъ ею cadaго приличнаго на видъ мушину появляющагося на ея горизонтѣ. Такъ и Ружена. Выросла она, какъ лилія въ монастырской кельѣ, подъ непрерывнымъ надзоромъ серіознаго дяди и набожной матери завѣдывавшей его хозяйствомъ, въ тихомъ священническомъ домѣ, почти вдали отъ свѣта; тѣмъ не менѣе голова ея была полна тѣхъ же мыслей что и у дѣвицъ воспитанныхъ на романахъ и среди суетныхъ свѣтскихъ забавъ. Профессоръ Острый не церестушилъ еще за ту жизненную грань за которой мушина и безъ обручальнаго кольца, какимъ онъ былъ, перестаетъ занимать дѣвичьи мысли, а его серіозность и холодная сдержанность подзадоривали молодую невинную кокетку тѣмъ болѣе. Любовныхъ силковъ на него она, можетъ быть, и не разставляла, но тѣмъ не менѣе напругала всѣ силы чтобы онъ не занимался только ея дядей да своими книгами, а хоть бы немножко вниманія удѣлилъ и

ей, маленькой, прелестной особѣ. Робко мечтала она о какомъ-нибудь романтическомъ эпизодѣ въ своей однообразной жизни, въ которомъ профессоръ игралъ бы роль благороднаго рыцаря, а она была бы его дамой, хоть бы такъ, шутя. Ткала она эту сѣть осторожно, но не переставая, и вотъ сегодня она въ первый разъ опутывала ея свою жертву. Священникъ съ сестрой уѣхали за чѣмъ-то въ городъ, и когда Острый вечеромъ воротился изъ лѣса, засталъ Ружену одну въ садикѣ за столомъ за которымъ онъ обыкновенно ужиналъ съ пріятелемъ. Поздоровался съ ней нѣмымъ поклономъ и присѣлъ на березовый диванъ. Чтò было послѣ, въ теченіе долгихъ минутъ, объ этомъ вкратцѣ сказано выше.

Спустя долгое время профессоръ снялъ очки, вытеръ ихъ тщательно, надѣлъ осторожно, истово на носъ, откашлялся и... и снова молчалъ. Опять теребилъ себѣ бороду которая превратилась въ какой-то дикій черный хаосъ. Все чаще обращалъ онъ свои взоры въ сторону молчаливой дѣвушки которая искоса тоже поглядывала на него съ выраженіемъ нѣкотораго злорадства. Наконецъ, руки его опустились на колѣна, засвѣтились глаза подъ очками, и изъ устъ вырвался вопросъ:

— Вы, конечно, подчасъ скучаете, барышня?

Этотъ неожиданный вопросъ поставилъ теперь Ружену въ затрудненіе; она покраснѣла и, заикаясь, проговорила:

— Да... иногда.

— Хотѣлъ я вамъ предложить, продолжалъ медлительно Острый, вынимая изъ боковаго кармана изящно переплетенную книжечку, — вотъ этотъ томикъ стихотвореній... одного изъ передовыхъ нашихъ поэтовъ...

— Ахъ, благодарю! прошептала дѣвушка и протянула руку за книжкой; при этомъ она робко посмотрѣла на профессора, почти украдкой, и замѣтила яркій румянецъ на его полуниспуганномъ лицѣ.

Въ это время загрѣмѣлъ передъ домомъ экипажъ, и черезъ минуту въ садикъ вошелъ священникъ...

Нѣсколько часовъ спустя, очутившись въ своей спальнѣ одна и зажегши свѣчу, Ружена торопливо вынула данную ей книжку и раскрыла ее въ большомъ волненіи. Еще раньше она замѣтила что изъ золотаго обрѣза высовывалась папковая заложка, и предположила что въ этихъ мѣстахъ книги кроется нѣчто поразительное. На заложеной страницѣ ей бросились въ глаза слѣдующіе стихи сильно подчеркнутые краснымъ карандашемъ:

Иди спат, ма голубице чиста,
А ве сну аспонь на грудь мою
Влежъ блага снитку зеленоу!

(Иди спать, моя голубица чистая, и во снѣ хоть на грудь мою положи зеленую вѣтку блаженства).

Нѣсколько разъ прочла Ружена эти стихи, книжка выпала изъ рукъ, и въ головѣ зароились и вихремъ неслись разные мысли: поведение профессора представилось ей теперь въ совершенно новомъ, неожиданномъ-негаданномъ свѣтѣ. Его смущеніе... пламенный румянецъ... дрожащая рука... предложеніе книжки... эти стихи на которые онъ такъ явно обращалъ ея вниманіе заложкой и карандашемъ, не было сомнѣнія что Острый только воспользовался поэтомъ чтобы его подходящимъ стихомъ выразить свои чувства которыя онъ уже давно скрывалъ подъ маской холодности и высказать которыя не доставало у него отваги. Раскидывала она умомъ такъ и этакъ, получалось все то же поразительное умозаключеніе. А оригинальное признаніе въ любви бурно взволновало ея грудь тайными, невѣдомыми доселѣ чувствами. Образъ Остраго пронесился теперь передъ нею въ новомъ волшебномъ свѣтѣ который сгладилъ всѣ морщины и тѣни съ его лица и обнаружилъ въ его благородныхъ чертахъ прелести которыхъ она до сихъ поръ не видѣла: очки исчезли, на головѣ волнистыя тѣмныя кудри, а черныя очи, съ выраженіемъ грусти и тоски, устремлены на нее, какъ будто онъ, стоя надъ пропастью, молить ее о той спасительной зеленой вѣтви любви... Конечно, такія поэтическія грезы не привели „къ покойной ночи“, и дѣвушка, прометавшись всю ночь подъ бурей ощущеній и мыслей, встала рано и вышла изъ спальни съ блѣднымъ лицомъ и темными полосами подъ воспаленными глазами.

За обѣдомъ профессоръ былъ какъ-то молчаливъ. Она тоже только изрѣдка бросала на него робкій взглядъ; ей казалось что и на его лицѣ слѣды безсонной ночи.

Возвращаясь вечеромъ съ прогулки, Острый встрѣтился съ Руженой въ садикѣ. Конфузливо, съ зардѣвшимся лицомъ съ опущенными глазами, дрожащею рукой она передала е

— Ахъ, уже прочитали? спросилъ онъ заикаясь.

Она молча кивнула головой.

— А какіе стихи понравились вамъ больше всего?

— Вы сами отмѣтили ихъ, прошептала дѣвушка и е

ниже склонила свою голову.

— Въ самомъ дѣлѣ? Тотъ первый стихъ? воскликнулъ професоръ. Глаза его заискрились, онъ открылъ книгу и положилъ палецъ противъ подчеркнутаго стиха.— Въ самомъ дѣлѣ? Мнѣ также нравится онъ больше всего и собственно потому что въ немъ я нашелъ единственный во всей книгѣ правильный, прекрасный *супинъ*, достигательное наклоненіе, родственное неопредѣленному. Помните выраженія старославянскаго языка, въ Остромировомъ евангеліи: иду ловить рыбу, приидохомъ поклонится. Видите ли, я хочу написать на каникулахъ разсужденіе „О супинѣ въ чешскомъ языкѣ“ и прочелъ ужъ множество новыхъ книгъ съ карандашемъ въ рукѣ, подчеркивая примѣры. Но такой чистый, блестящій супинъ, какъ здѣсь „Jdi spat“ въ произведеніяхъ нашихъ современныхъ поэтовъ и писателей величайшая рѣдкость, какъ бѣлый воронъ. Эта прекрасная, мягкая грань на великолѣпномъ драгоценномъ камнѣ нашего языка почти совсѣмъ уже стерлась въ грубой рѣчи простаго народа, и вотъ даже поэты которые должны были бы писать самымъ чистымъ языкомъ, съ сохраненіемъ его мельчайшихъ оттѣнковъ, даже они, въ большинствѣ, не понимаютъ прелести этой старинной формы. Нѣкоторые изъ нихъ избѣгаютъ супина, какъ чортъ креста, другіе употребляютъ его неправильно, и такое блестящее исключеніе, какъ понравившійся и вамъ стихъ, величайшая, величайшая рѣдкость.

СЧАСТЛИВАЯ ВЫДУМКА ЖИВОПИСЦА.

РАЗКАЗЪ С. Чеха.

(СЪ ЧЕШСКАГО).

Въ жаркій лѣтній полдень шли по пыльной столбовой дорогѣ два молодые человекѣ. Одинъ былъ высокаго, даже очень высокаго роста, съ продолговатымъ выразительнымъ лицомъ которому придавали особенную романтическую прелесть черныя спадавшія до плечъ кудри, волнистая борода и красиво закрученные усы. Съ перваго же взгляда вы признали бы въ немъ живописца. Загорѣлая кожа, измятая одежда и зеленая вѣтка съ увядшимъ лѣснымъ цвѣткомъ на шляпѣ свидѣтельствовали что онъ возвращается изъ далекой экскурси въ горы синѣющія тамъ за лѣсами на отдаленномъ горизонтѣ.

Другой молодой человекъ значительно отставшій отъ перваго и, видимо, съ трудомъ подвигавшійся впередъ былъ приземистъ, неуклюжъ, а его круглое, одутловатое лицо съ низкимъ лбомъ свидѣтельствовало скорѣе о святой, блаженной простотѣ, чѣмъ о художнической душѣ. Къ этому лицу совсѣмъ не шли пышная бархатная фуражка и различные рисовальные приборы, цѣлая переносная мастерская, торчавшіе во всѣхъ направленіяхъ за его сгорбленную спиной.

Чтобы вы не низвели эту другую особу на степень простаго слуги, я долженъ замѣтить что носитель художнической мастерской былъ другомъ черноволосаго живописца и сталъ таковымъ слѣдующимъ образомъ. Въ качествѣ сына квартирнаго хозяина онъ приходилъ въ различныя столкновения съ квартирантомъ-живописцемъ, которые скоро и пробудили въ немъ горячую любовь къ высокому искусству. Нашъ живописецъ безкорыстно принялъ участіе въ молодомъ ревнителѣ и посвятилъ его бесплатно въ первыя начала своего художества, какъ-то: перестановка постаментовъ, метенье мастерской, бѣганье за красками и т. п. И когда усердный ученикъ передъ отправленіемъ художника въ горы робко сообщилъ ему что накопилъ достаточно карманныхъ денегъ и могъ бы сопровождать его, что такое путешествіе рядомъ съ учителемъ доставило бы ему величайшее удовольствіе, живописецъ посмотрѣлъ на его широкую спину... и далъ свое согласіе.

Теперь мы встрѣчаемся съ ними уже на ихъ обратномъ пути. Долженъ прибавить что возвращались они съ полнымъ

портфелемъ разныхъ набросковъ, этюдовъ, но съ совершенно пустыми карманами. Послѣдній остатокъ сбереженій ученика оставили они сегодня утромъ въ гостиницѣ, въ подгорномъ мѣстечкѣ, послѣ великолѣпнаго завтрака.

Дошли они до старой развѣсистой липы приманившей ихъ своею густою тѣнью. Художникъ усѣлся между двумя ея корнями, а кудрявою головой оперся объ ея жесткій стволъ съ такимъ сибаритскимъ выраженіемъ, какъ будто онъ покоился на мягкомъ роскошномъ креслѣ. Онъ лѣниво прищурилъ глаза и съ нѣмымъ наслажденіемъ любовался окрестными видами. Ученикъ сложилъ на земь мастерскую, сѣлъ рядомъ, оперся локтями о колѣна и уныло опустилъ голову, обнявъ ее ладонями.

— Смотри, Бобшъ, заговорилъ черезъ минуту художникъ:— какъ много прелестей кроется даже въ такой повседневной картинѣ! Погляди вотъ хоть на этотъ сочный цвѣтъ голубаго неба... Какъ онъ ниже къ гори́зонту постепенно блѣднѣетъ, все болѣе и болѣе разрѣжаясь, и какъ въ самомъ низу въ бѣловатой полосѣ вырисовываются стройная колокольня церкви, крыши мирной деревни. А вотъ когда склонится къ нимъ солнце...

— Ахъ, Боже мой, гореваль про себя Бобшъ:—ночлегъ еще ничего! Можно отлично выспаться и подъ навѣсомъ или въ копнѣ сѣна. Сѣно мягкое и пахнетъ такъ пріятно. Но ужинъ... Господи, ну какъ безъ ужина!

— А вотъ, когда склонится солнце, продолжалъ шутливо-восторженно живописецъ,—та стройная башенка будетъ отдѣлена огненною полосой, золотой крестъ на ней чудно засіяетъ въ небесномъ свѣтѣ, а галки летающія вокругъ ея купола заблестятъ какъ фениксы, сказочныя огненные птицы...

— А до Праги еще три дня, если не больше, причиталь ужъ довольно громко Бобшъ,—какъ мы туда доберемся?

Художникъ посматрѣлъ съ отцовскою строгостью на измученнаго ученика.

— Послушай, Бобшъ! заговорилъ онъ медленно, растягивая рѣчь, очевидно, желая позабавиться.— Знаешь ты взгляды великаго Руссо на деньги, на этотъ жалкій мѣталъ, дьявольскій звонъ котораго разрушаетъ первобытную, природную гармонію человѣческой жизни? Знаешь ли, съ какимъ воодушевленіемъ рисуешь женеvскій философъ прелести путешествія безъ денегъ? Какъ онъ восторгается божественными концертами, какіе давали ему бесплатно пернатые пѣвцы въ зелени деревьевъ, жужжащіе шмели около роскошныхъ цвѣтовъ, потокъ дробящійся о колесо уединенной мельницы; ночлегами подъ соло-

менной крышей на благовонномъ сѣнѣ, мечтательною дремотою послѣ обѣда состоящаго изъ хлѣба и сыра, который ему предлагали простые гостепріимные поселяне?

— Что жь, сыръ я ѣмъ охотно, люблю его съ дѣтства, возразилъ почти плаксиво Бобшъ,—только я сомнѣваюсь чтобы намъ предложилъ его кто-нибудь даромъ. Если знаете по латыни, лучше всего, пожалуй, обратиться къ священнику.

— Бобшъ, Бобшъ! укорялъ его шутливо-серіознымъ тономъ живописецъ.—Такъ-то ты понимаешь возвышенность искусства! Хочешь принизить божественную музу до нищенки! Хотѣлъ я что-нибудь сдѣлать изъ тебя, поднять тебя изъ праха повседневности... Но теперь я отчаиваюсь. У тебя нѣтъ ни капли изобрѣтательности, находчивости. А вѣдь наше приключеніе самый обыкновенный случай. Три дня еще намъ до Праги, на всѣ три дня я долженъ обезпечить не только себя, но и тебя пищею, питьемъ и ночлегомъ. Денегъ, правда, у меня нѣтъ, но я долженъ ихъ достать. Какимъ способомъ? Продать нѣкоторые эскизы? Но въ деревнѣ никто не дастъ за нихъ приличной цѣны. Размалевывать потолки и писать вывѣски? До этого я не унижусь. Ну, какъ же? Нужна счастливая выдумка, больше ничего. Видишь ли, мы, художники, тѣмъ и отличаемся отъ бездушныхъ ремесленниковъ: тѣ не нуждаются въ оригинальныхъ выдумкахъ, и у нихъ есть деньги; а у насъ нѣтъ денегъ, но мы можемъ измышлять что-нибудь оригинальное. Что и я нападъ на счастливую мысль, за это я тебѣ ручаюсь своею художническою честью.

Послѣ такой досужей болтовни живописецъ поднялся съ театральною гордостію и зашагалъ впередъ по дорогѣ. Бобшъ съ мастерскою печально послѣдовалъ за нимъ: уваженіе, довѣріе къ учителю и другу все же не могли заглушить тревогу его скорбной души.

Подъ вечеръ пришли они въ какое-то село, возбудивъ своимъ оригинальнымъ видомъ всеобщее любопытство. Почти передъ всѣми хатами стояли кучками мужчины, женщины, дѣти и глазѣли на пѣтниковъ, выражая свои впечатлѣнія живыми тѣлодвиженіями и бойкимъ щебетаніемъ, пока они не скрылись за дверьми гостиницы стоящей на краю деревни. Съ быстротою молніи разнеслась между обывателями вѣсть что появился путешествующій живописецъ со слугой.

Вечеромъ собрался въ гостиницѣ вокругъ почетнаго стола цвѣтъ сельскаго общества. Тутъ сидѣлъ упитанный, выхоленный католическій священникъ, управляющій въ желтомъ па-

рикѣ и съ ярко-краснымъ лицомъ, сельскій староста, нѣсколько видныхъ сельчанъ и на самомъ послѣднемъ мѣстѣ учитель, худое, безцвѣтное и сокрушенное лицо котораго свидѣтельствовало о скудости желудка и всѣхъ мясистыхъ частей тѣла.

Всѣ съ напряженнымъ любопытствомъ смотрѣли на длинныя черныя кудри, роскошныя усы и бакенбарды художника, на его конусообразную шляпу съ вѣткою и увядшимъ цвѣткомъ, на странную фуражку его слуги и на рисовальные приборы сложенные возлѣ нихъ на скамейкѣ. Но никто не осмѣливался разспросами помѣшать имъ въ ихъ серіозномъ занятіи.

Оба ѣли и пили съ необыкновеннымъ усердіемъ, но неодинаковымъ способомъ. Живописецъ съ граціозною ловкостію справлялся съ ногою жирнаго каплуна бывшаго украшеніемъ гостиничнаго двора, и опорожнялъ бутылку отличнаго вина, сберегавшагося хозяиномъ для торжественнаго случая, съ такою изящною улыбкою чревоугодника, все лицо его такъ сіяло отъ избытка удовольствія что еслибы онъ увидѣлъ себя въ эту минуту, невольно схватилъ бы кисть и началъ бы писать свой портретъ. Бобшъ, напротивъ, ѣлъ съ какою-то отчаянною жадностію, тревожно отрывая взоры отъ своей тарелки и поглядывая на божественнаго каплуна, какъ бы боясь что въ слѣдующее мгновеніе его уберутъ со стола.

Кончился лукуловскій обѣдъ. Живописецъ взявъ зубочистку и, орудуя ею съ барскою беззаботностію, обратился къ почетному обществу съ вопросомъ:

— А здѣшная община должна быть богата?

— Ну... не изъ самыхъ бѣдныхъ; правда, есть бѣднѣе ея, отвѣтилъ за другихъ съ кокетливою улыбкой староста.

— А чье это помѣстье?

— Его свѣтлости графа Крженовскаго изъ Крженова, отозвался на этотъ разъ красный управляющій и низко наклонилъ свою желтую голову.

Художникъ былъ видимо удовлетворенъ. Теперь управляющій принялъ на себя роль вопрошателя уполномоченнаго почетнымъ обществомъ.

— Вы, безъ сомнѣнія, живописецъ?

— Да.

— Возвращаетесь съ артистической экскурсіи въ горахъ?

— Совершенно вѣрно. И сверхъ ожиданія, здѣсь въ нашемъ селѣ я подмѣтилъ прекрасный сюжетъ для картины.

— А-а!

— Представьте себѣ, милый, благодарный сюжетъ! Я вос-

пользуюсь имъ для большой картины къ предстоящей осенней выставкѣ въ Прагѣ.

— Ахъ, на выставку!

— Да, съ этою цѣлю я остановлюсь здѣсь на нѣсколько дней.

Удивленный управляющій, конечно, продолжалъ бы свой допросъ; но въ эту минуту живописецъ всталъ и, пожелавъ обществу „покойной ночи“, оставилъ съ Бобшемъ залу, подшучивая надъ зардѣвшеюся горничной которая свѣтила гостямъ, провожая ихъ наверхъ въ „свободную комнату“ для пріѣзжихъ, откуда хозяинъ выселилъ на этотъ разъ постоянного жильца въ сушильню.

Когда путникъ уже лежали на пуховыхъ перинахъ, живописецъ сообщилъ ученику что проходя по селу онъ напалъ на желанную счастливую мысль. Но въ наказаніе за малодушіе и маловѣріе онъ оставилъ Бобша до слѣдующаго дня въ мучительной неизвѣстности насчетъ содержанія своей выдумки.

Между тѣмъ внизу сельская знать находилась въ возбужденіи и недоумѣвала. Никто не могъ понять, какой уголокъ деревни или какія окрестности намѣчены художникомъ какъ сюжетъ для картины, да еще предназначенной къ выставкѣ. Костель ничѣмъ не отличается отъ другихъ, ни древностью, ни красивою архитектурой; помѣщичья усадьба состоитъ изъ одноэтажнаго дома да нѣсколькихъ стодоль; а кругомъ села голая равнина раздѣленная на пашни, какъ шахматная доска. Чтò онъ тутъ хочетъ нарисовать? До поздней ночи продолжалось обсужденіе этой загадки; закончилось оно предположеніемъ священника, какъ самаго авторитетнаго въ селѣ знатока въ области изящныхъ искусствъ, что художникъ, безъ сомнѣнія, жанристъ и будетъ рисовать, напимѣръ, навозную кучу съ пѣтухомъ и курами или дѣвочку сбивающую масло.

Несмотря на такое разъясненіе, большинство поселянъ, не исключая и священника, спали эту ночь весьма безпокойно.

На другой день жизнь въ селѣ пробудилась раньше обыкновеннаго. Всѣ были въ напряженіи и нетерпѣливо смотрѣли на дверь гостиницы, откуда должно было выйти разрѣшеніе великой загадки. Но живописецъ подвергалъ истинной пыткѣ любопытныхъ сельчанъ: медленно тянулось время, проходили часы за часами, всѣ томились ожиданіемъ, а художникова шляпа все еще лежала на подоконникѣ, на вчерашнемъ мѣстѣ. Наконецъ, въ одиннадцатомъ часу она исчезла оттуда, и скоро въ дверяхъ появился стройный живописецъ съ веселымъ ли-

цомъ. За нимъ шелъ Бобшъ все еще съ выраженіемъ мучительной неувѣренности, неся разные приборы для рисованія.

Шли прямо на площадь и остановились среди нея. Ихъ сейчасъ окружила живописная толпа дѣтишекъ; остальное любопытное общество стояло группами поодаль. Уже воткнуть мольбертъ; все приготовлено къ рисованію, художникъ обводитъ глазами площадь. Мучительное ожиданіе: на чемъ онъ остановится? Сталъ онъ спиною къ сельскимъ хатамъ, какъ бы пренебрегая ихъ деревянными рѣзными украшеніями по фасаду, мелькомъ взглянулъ на костель, на высокій домъ священника, наконецъ взоръ его на чемъ-то остановился... Художникъ подошелъ къ подставкѣ.

Священникъ побѣдоноснымъ взглядомъ окинулъ окружавшее его почетное общество и живыми жестами далъ знать бѣлокурой дѣвочкѣ стоявшей съ хрюкающимъ поросенкомъ недалеко впереди живописца чтобы держала себя смирно и не двигалась.

— Я говорилъ что жанристъ, шепнулъ онъ управляющему.

Но дѣвченка не понявъ и испугавшись жестовъ священника бросилась наутекъ и поросенокъ за нею. А художникъ и не пошевелился, продолжаетъ спокойно рисовать. Что жъ это значитъ? Неужели онъ... нѣтъ, быть этого не можетъ.

Болѣе любопытные подошли за спиною живописца поближе, взглянули черезъ его плечи на начатую картину, и лица у нихъ вытянулись отъ удивленія. Да, нѣтъ сомнѣнія. Подъ кистью художника возникала ясно вывѣска грозящая паденіемъ, взерошенная соломенная крыша, полуоторванные доски фасадной стороны, обрызганная грязью стѣна...

Невѣроятная вѣсть облетѣла все общество. Подошли староста съ управляющимъ чтобы собственными глазами убѣдиться въ ея правдивости. Въ это мгновеніе живописецъ затушевывалъ оторванный наличникъ подъ окномъ, стекла котораго были залѣплены нотною бумагой.

— Простите, милостивый государь, началъ несмѣло управляющій:—какое это зданіе вы рисуете?

— Какъ видите, школу.

— Нашу школу? на выставку?

— Да. Я снабжу ее подписью: *Берсленовская школа съ уры.*

Представители общины переглянулись въ ужасъ.

— Но вѣдь у насъ есть зданія гораздо красивѣе, заговоръ староста:—напримѣръ, храмъ Богородицы, графская усадьбомъ священника.

— Но я люблю именно такія зданія. Вкусы у живописцевъ бываютъ разные, какъ и у другихъ смертныхъ: однимъ нравится свѣжая дичь, другимъ тронутая.

— А подпись подъ картиной нужна непременно?

— Да. Иначе вѣдь никто бы не повѣрилъ что существуетъ такая школа.

Представители общины и помѣщики пораженные, огорченные капризнымъ упорствомъ художника воротились къ остальной толпѣ. Началось оживленное совѣщаніе въ полголоса. Спустя долгое время къ живописцу подошелъ опять управляющій съ дипломатическимъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Позвольте, милостивый государь, вы пошлете свою картину на выставку для того чтобы ее купили, конечно?

— Прежде всего мнѣ нужна слава. Ну, а потомъ также и деньги.

— Такъ. А что еслибы здѣшняя община вмѣстѣ съ помѣщикомъ купила вашу картину или даже только эскизъ ея?

Художникъ отложилъ кисть. Онъ видимо колебался.

— Можно бы было вамъ ограничиться простымъ наброскомъ, настаивалъ управляющій:— подобную школу для детальной, законченной картины вы легко можете найти и въ другомъ мѣстѣ.

— Ну, хорошо! сказала громко живописецъ; — уступаю вашему желанію.

Цѣну за эскизъ онъ назначилъ довольно умѣренную, управляющій радостно пожалъ ему руку, и съ души берсленовскихъ представителей свалился тяжелый камень.

За день эскизъ былъ нарисованъ. Художественная его цѣнность, правда... вполнѣ соответствовала той судьбѣ какая несомнѣнно ожидала его.

Когда на другой день наши путники въ барскомъ экипажѣ ѣхали изъ Берсленовки на станцію желѣзной дороги, художникъ обратился къ Бобшу, лицо котораго теперь сіяло отъ блаженства и сытости:

— Ну, вотъ видишь что значитъ напасть на мысль, выдумать? Я открылъ новую и выгодную отрасль живописи. Къ чорту теперь пейзажи, буду рисовать школы по деревнямъ.

ПИСЬМА Н. Н. СТРАХОВА КЪ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОМУ.

XXII *).

Простите, дорогой Николай Яковлевичъ, за промедленіе. Въѣсть съ этимъ письмомъ посылаю вамъ *Біографію Достоевскаго*, вещественное доказательство что былъ занятъ. Весь нынѣшній годъ ушелъ на эту работу почти нявязанную и очень меня тяготившую. Не говорю о другихъ занятіяхъ и о болѣзняхъ меня навѣщающихъ. *Славянскія Извѣстія* (вы получили?) тоже приносятъ хлопоты, хотя прямо скажу: это не моя работа. Все дѣлаетъ И. И. Соколовъ, и мнѣ и совѣстно и пріятно что мое имя стоитъ на такомъ прекрасномъ изданіи. На него сердятся что оно смѣтное; но не съ тѣмъ и начато чтобы воевать. Прошу васъ, Николай Яковлевичъ, пришлите какую-нибудь замѣтку для этого журнала, очень обрадуете.

Меня сперва испугало ваше предложеніе печатать анти-Дарвина. Только-что я мечталъ о свободномъ времени, какъ явилась перспектива ста или больше листовъ корректуръ. Но оказалось что дѣло можно уладить. Пети Семеновъ и Иванъ Алекс. Понажия изъявили желаніе работать. Мнѣ, значить, останется только общій надзоръ; а можно будетъ въ иныхъ случаяхъ посылать корректуры и къ вамъ, это нынче дѣлается и дешево и удобно, благодаря прогресу въ почтовомъ дѣлѣ. Типографію можно взять Стасюлевича какъ самую исправную, бумагу у Варгунина и проч. Напишите ваши желанія, если въ чемъ не полагаетесь на мой вкусъ.

Не говорю о моихъ собственныхъ планахъ; но очень жалѣю что не могу послать вамъ моей статьи въ *Русской Мысли* (май, 1883) и узнать ваше мнѣніе.

А вѣдь мы сильно расходимся съ вами и, кажется, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, такъ что надежда на соглашеніе съ которою я все носился едва ли въ чемъ сбудется. Вы мнѣ написали объ эмпиризмѣ,

*) Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ*, январь и февраль, 1901 г.

о Геккелѣ и т. п. такія вещи что я, раздумавши, прихожу въ смущеніе. *Однородность должна быть доказана опытомъ.* Но, вѣдь, это невозможно! Развѣ опытъ можетъ доказать однородность пространства, сохраненіе вещества, сохраненіе энергіи, законъ инерціи и т. п.? *Общее* именно потому что общее оно не доступно опыту. Напротивъ, ему воплѣвѣ доступно частное, всякое различіе, всякое исключеніе, всякое отступленіе отъ общаго. Поэтому опытомъ можно доказывать нарушеніе законовъ тяжести (какъ пытался Бессель), исключеніе вещества (какъ Целнеръ доказывалъ), разнородность пространства и т. п., и если доказательство не удалось, то всегда можно еще пробовать и еще ждать. Опытъ можетъ доказывать и спиритизмъ и всякую нелѣпость; спасеніе отъ него одно, разумъ.

Но всего больше меня огорчилъ Геккель, котораго вы ставите упрекомъ натурфилософіи и вообще философіи. Тотъ который представляетъ живѣйшій примѣръ безобразія порождаемаго отсутствіемъ философіи ей же ставится въ вину потому только что, по своей глупости и полному невѣжеству, онъ употребилъ еще имя натурфилософіи. Но тогда нападите на Англичанъ, у нихъ все *natural philosophy*.

Боюсь очень увлечся, особенно когда вспомню высокоуміе съ которымъ вы когда-то отнеслись къ моей книгѣ. Простите мнѣ, Николай Яковлевичъ, но я часто грустилъ что, по невозможности сговориться съ вами, лишень былъ участія и совѣта человѣка, котораго такъ высоко ставлю. Эта философія вообще надѣлала мнѣ бѣдъ. Но чтѣ прикажите дѣлать, чѣмъ больше я за нее терплю, тѣмъ больше ее люблю. О спиритизмѣ непремѣнно еще напишу. Отозвался не только Вагнеръ, но Бутлеровъ. Но главное самый интересъ дѣла. Еслибы мое время не растаскивалось такимъ жестокимъ образомъ, я бы давно написалъ и обработалъ эти письма. Чего лучше для изложенія вопроса о познаніи?

Ваша статья *Нѣсколько мыслей* имѣла недавно успѣхъ который меня порадовалъ. Я заставилъ прочесть ее И. А. Вышнеградскаго, моего школьнаго товарища и одного изъ умнѣйшихъ людей въ Петербургѣ; онъ занимается финансовыми дѣлами. Онъ не прочелъ, а изучилъ ее и говорить что въ первый разъ нашелъ совершенно ясное доказательство покровительственной системы.

... Думая о васъ, не могу не завидовать. Вы живете въ свѣтѣ и теплѣ, а мы во мракѣ и холодѣ. Днемъ нельзя читать безъ свѣчей...

29 ноября 1883 г. Спб.

На двухъ отдѣльныхъ листикахъ (черновикахъ) написаны слѣдующія дополненія къ этому письму:

Не знаю, какъ къ вамъ писать, дорогой Николай Яковлевичъ. Хочется мнѣ и на судьбу жаловаться и на васъ, хотя вѣрнѣе всего я самъ виноватъ. Занятъ я непрерывно и сталъ очень тяготиться этимъ. Біографію Достоевскаго кончилъ, но никакъ не могу развязаться съ типографіей которая тянетъ, не даетъ ни полнаго отдыха, ни полной работы...

Всетаки прошу прощенія за замедленіе; меня одолѣли разныя чувства и мысли, съ которыми нужно было справиться. Мы съ вами находимся въ двоякихъ отношеніяхъ: одномъ хорошемъ и другомъ дурномъ. Давно я стараюсь и надѣюсь на то что это выровняется, но теперь вижу что нужно брать васъ такъ, какъ вы есть, и видѣть въ васъ милаго и прекраснаго знакомаго, но по образу мыслей чужаго. У писателей второе отношеніе часто дѣлается важнѣе перваго. Свидѣтельство вы сами: мою діалектику вы отвергаете съ такимъ презрѣніемъ и упорствомъ которое вовсе не пристойно такому хорошему человѣку. Эта философія вообще надѣлала мнѣ много бѣды. Конечно, я самъ виноватъ что не имѣю силы принудить людей слушать меня и уважать мои мысли...

XXIII.

Расходимся, расходимся, дорогой Николай Яковлевичъ! Вижу это и потому что вы пишете о развитіи организмовъ противъ Окена и Геккеля. Это у нихъ правильная мысль не содержащая ни матеріализма, ни идеи слѣпоты, случайности, напротивъ, имъ противоположная. Я писалъ объ этомъ въ статьѣ *О развитіи организмовъ*²³⁾, которую послалъ вамъ. Считаю себя виноватымъ что не успѣлъ дать своимъ мыслямъ довольно авторитета въ вашихъ глазахъ, что не сдѣлалъ всякихъ попытокъ сговориться съ вами. Но вы первый пошли на расхождение, тогда какъ я мечталъ что встрѣчу въ васъ вниманіе и ободреніе. Тѣ мысли которыя я изложилъ въ *Письмахъ объ органической жизни*²⁴⁾, я ихъ держусь до сихъ поръ и стараюсь развить дальше; а вы и знать о томъ не хотите.

Такъ мудрено сходитъ, и эта исторія которая сперва меня поразила лично, по отношенію ко мнѣ привела меня потомъ къ общей мысли о томъ что люди въ умственной сферѣ управляются не умомъ, чувствами, пристрастіями, предубѣжденіями. Приходится все больше больше жить одному, а что всего хуже, видѣть какъ кругомъ зарождается хаосъ, какъ исчезаютъ высшія умственныя потребности.

²³⁾ Вошла въ книгу „Объ основныхъ понятіяхъ психологій и философіи“. Вошли въ книгу „Міръ какъ цѣлое“.

Наше посвященіе находится въ предупредномъ положеніи и не подаетъ надеждъ впереди.

Начало вашей рукописи сдано въ типографію. Петръ Николаевичъ ²⁵⁾ все устроилъ превосходно, и книга будетъ имѣть блестящій видъ, а исправность будетъ примѣрная. Есть однако нѣкоторые пункты, о которыхъ необходимо списаться. Во-первыхъ, по моему мнѣнію, нужно будетъ выпускать книгу томами листовъ въ 30; это будетъ и красиво и удобно, да, наконецъ, нѣтъ и надобности поступать иначе. Напримѣръ, можно выпустить два первые тома вмѣстѣ.

Потомъ объ орфографіи. Въ тѣхъ случаяхъ, когда русское написаніе можетъ быть ближе къ иностранному, лучше, мнѣ кажется, его удерживать. Напримѣръ: Жюссье, а не Жюсье, также и *классъ*, *прогрессъ*. Самое лучшее правописаніе, конечно, то которое не привлекаетъ никакого вниманія; полный консерватизмъ вотъ его правило.

Имена иностранныхъ ученыхъ не дурно бы ставить въ скобкахъ въ подлинномъ написаніи подлѣ русскаго написанія.

Шрифтъ и размѣры выбранные нами послѣ тщательныхъ совѣщаній, надѣюсь, вамъ понравятся. Положено: посылать вамъ всѣ корректуры сплошь; но васъ просить присылать ихъ съ поправками только тогда, когда найдете это необходимымъ или когда мы затруднимся. Кромѣ этихъ случаевъ печатаніе будетъ происходить безъ вашего разрѣшенія.

Типографія представляетъ такія огромныя средства и удобства что очень облегчить и упростить всю работу.

О себѣ скажу что, слава Богу, жаловаться мнѣ грѣхъ. Особенно радуюсь что несчастные глаза мои, кажется, даютъ серіозную надежду на выздоровленіе. Я обратился къ окулисту который сразу мнѣ помогъ...

... Очень бы желалъ бесѣдовать съ вами, тогда конечно многое бы сказалось, но не все однако. Полная, отчетливая формулировка мыслей когда онѣ написаны. Это говорить и *pepe Graty*. Простите...

P. S. Вотъ просьба: не найдете ли вы у себя оттиска моей статьи *О развитіи организмовъ*? Тогда очень одолжили бы меня еслибы прислали его.

²⁵⁾ Семеновъ.

XXIV.

Ваше большое письмо, дорогой и многоуважаемый Николай Яковлевичъ, просто смутило меня: мнѣ было совѣстно подумать, сколько времени оно у васъ отняло. И такъ какъ вы захотѣли опредѣлить наше разногласіе и выражаете свои рѣшительныя убѣжденія, то я принялся готовить отвѣтъ, читать, вспоминать, соображать, и вотъ отчего такъ долго не отвѣчалъ.

Но вопросы слишкомъ обширны, и очевидно въ письмахъ ихъ невозможно исчерпать, а времени можно потратить на нихъ сколько угодно. Главныхъ вопросовъ два:

- 1) Объ отношеніи умозрѣнія и опыта.
- 2) Объ отношеніи зародышныхъ формъ къ формамъ различныхъ видовъ.

По первому вопросу ваша постановка очень неопредѣленна. Какую роль играетъ умозрѣніе?

Такъ какъ этотъ вопросъ меня постоянно занимаетъ, то ваши положенія были для меня поразительны своею неполнотою. Нѣтъ никакого сомнѣнія что умозрительный выводъ, когда онъ сдѣланъ правильно, есть истина и всегда будетъ подтверждаться опытомъ. Такъ, законъ сохраненія вещества и законъ сохраненія силы были найдены а ргіогі Лавоазье и Майеромъ. Съ другой стороны, чисто опытнаго познанія не существуетъ; во всякомъ познаніи есть умозрительный элементъ дѣлающій его познаніемъ.

Вашего тройственнаго дѣленія на вещество, силу и духъ рѣшительно не признаю. Вещество и сила суть понятія *соотносительныя*; мы сами разбиваемъ явленіе на сущность которая неизмѣнна и бездѣлательна и на дѣйствіе которое въ ней происходитъ. Безъ сомнѣнія, подобнаго же свойства противоположность между духомъ и веществомъ; именно, мы разлагаемъ познаніе на чистый субъектъ, духъ, и чистый объектъ, вещество. Подобныя разложенія происходятъ неизбежно и неудержимо, и сами, разложивши нѣкоторое единство, мы потомъ упорно его держимся и вмѣстѣ удивляемся что двѣ раздѣленные вещи никакъ уже не могутъ быть слиты въ одну, никакъ не соединяются. Опытъ тутъ ничего рѣшить не можетъ, ибо онъ никогда не будетъ противорѣчить тому что дѣлается помимо его и годится для всякаго опыта. Во всякомъ случаѣ необходимо изучать ту *диалектику* которой постоянно подверженъ нашъ умъ и не принимать за данныя опыта то что нами вносится въ опытъ. Ваше тройное дѣленіе на сущности не дѣйствующія, дѣйствующія на другихъ и дѣйствующія на самихъ себя очень красиво, *это зна-*

Р. В. 1901. III.

читъ, заключаетъ въ себѣ діалектическій элементъ дающій ему стройность, чѣмъ и подкупается умъ. Опытъ же самъ по себѣ всегда хаосъ и безобразіе.

Относительно развитія: почему вы зародышныя формы ставите какъ что-то отдѣльное? Вѣдь это, просто, формы живыхъ существъ.

Если вы станете, просто, опредѣлять ихъ гомологію, то параллельность между рядомъ формъ одного существа и рядомъ формъ различныхъ существъ окажется несомнѣнная. У рыбъ жаберныхъ дугъ больше чѣмъ у зародыша млекопитающихъ; у нихъ и реберъ больше и позвонковъ больше. Слѣдуетъ ли изъ этого что ихъ ребра не ребра и позвонки не позвонки? Организмы представляютъ то странное свойство что даже ближайшіе между собою бывають *въ одно время и во всемъ сходны и во всемъ различны*. Что же удивительнаго что зародышныя формы различны отъ соответствующихъ зрѣлыхъ?

Вся трудность въ точкѣ зрѣнія. Если все въ организмѣ относить къ зрѣлой формѣ, то зародышныя формы въ сущности не будутъ формами. Если же мы въ организмѣ будемъ видѣть нѣчто развивающееся, смѣняющее свои формы, то каждая изъ формъ равняется другой. Тогда наслѣдованіе есть *наслѣдованіе развитія*, а не готовой единой формы. Организмъ есть существо непостоянное, вотъ его главный признакъ. Но всѣ его измѣненія наслѣдованы, и значить, въ развитіи повторяется вся его исторія отъ перваго предка, отъ первой клѣточки. То что каждая его форма жила нѣкогда, какъ зрѣлая, доказывается живыми зрѣлыми формами ей гомологическими; а что эти формы могутъ переходить одна въ другую доказывается тѣмъ что такъ переходитъ зародышъ высшихъ животныхъ. Вотъ выводы совершенно ясныя. Они вовсе не требуютъ тождества сравниваемыхъ формъ, по общему закону организмовъ вездѣ царствуетъ особенность, своеобразіе и вездѣ сохраняется единство.

Только изъ положенія что *наслѣдованіе есть наслѣдованіе развитія* можно понять зародышныя формы. То-есть, передается не то что есть, а то что было, вещь неопытнѣйшая, еслибы организмъ не былъ процесомъ, то-есть, чѣмъ то такимъ въ чемъ нѣтъ налицо, а совершается лишь переходъ отъ прошедшаго къ будущему.

Признаюсь вамъ, я крѣпко убѣжденъ въ этихъ взглядахъ и думаю что только они проясняютъ дѣло. Организмы воплощенная мысль. Какъ заключеніе является *послѣ* посылокъ, но содержитъ въ себѣ ихъ (прошлое) и безъ нихъ не могло бы существовать; а посылки существуютъ *прежде* заключенія, но содержатъ его въ себѣ (будущее) и существуютъ для него, такъ и организмы. Каждая ихъ форма

есть вмѣстѣ и посылка, и заключеніе, и цѣпь ихъ непрерывна отъ микрококка до человѣка.

Зародышные переходы во всѣхъ системахъ, во всѣхъ взглядахъ, и у Дарвина, не имѣютъ никакого смысла; они получаютъ его только когда признаемъ что *наслѣдуется развитіе*, а не что-нибудь другое.

Простите, Николай Яковлевичъ, если найдете это дурно и неполно изложеннымъ. И простите за упорное противорѣчіе. За шутку я на васъ не сердился. *Бей, но выслушай*, какъ говорилъ Фемистоклъ. Но меня огорчило то что вы не хотѣли меня читать, это не только обида, но и само собою прекращаетъ обмѣнъ мыслей. Очень благодарю васъ за похвалы съ которыми вы отзываетесь въ *Дарвинизмъ* о моихъ статьяхъ, мнѣ это большая награда. Что касается *центральности* человѣка, то конечно я не хотѣлъ сказать нигдѣ и не говорю что человѣкъ *по существу* есть центръ міра; но онъ есть высшее порожденіе этого центра, высшее проявленіе міровой сущности, царь природы, вѣнецъ творенія и т. п. Впрочемъ, теперь я очень охладѣлъ къ этой темѣ. Вообще, взгляды мои измѣнились въ томъ смыслѣ что стали опредѣленнѣе. Напримѣръ, мышленіе и познаніе человѣка есть *настоящее* мышленіе и познаніе, такъ что не только житель другихъ планетъ, но и сами ангелы идутъ въ мышленіи и познаніи тѣмъ самымъ путемъ, какъ человѣкъ; но какъ далеко идутъ тѣ и другіе, этого не знаю и почти равнодушенъ къ этому вопросу, лишь бы идти, лишь бы знать что подъ ногами твердо.

Но довольно философствовать. Чтѣ вы располагаете дѣлать? Когда думаете пріѣхать въ Петербургъ? Не разъ осуждалъ я васъ за ваше домождство. Каждый годъ хоть на двѣ недѣли вамъ слѣдовало бы навѣщать Петербургъ. Тогда всѣ дѣла ваши шли бы прекрасно, не терпѣли бы вы ни проволочекъ, ни затрудненій.

Корректуру вашей книги держу съ немалымъ удовольствіемъ, хотя время у меня вѣчно въ недостаткѣ. Кстати: мы печатаемъ *одомашненіе*, одомашненный, а не одомашеніе, одомашенный. Не могли мы всѣ помириться съ вашимъ производствомъ. Впрочемъ, если вы настаиваете, можно будетъ занести въ печатки. Петръ Николаевичъ, спасибо ему, дѣйствуетъ очень усердно и акуратно, такъ что моего труда немного.

Сталь я читать Nägeli. Съ легкой руки Дарвина всѣ такъ пустились въ знанія, гипотезы и смѣлости что, просто, бѣда. Но книга хорошая. Странно только что онъ законъ причины и дѣйствія считаетъ *механическимъ закономъ*, а потому и свою теорію называетъ механическою. Вмѣсто *причины Крестовыхъ походовъ* развѣ можно сказать *механическое объясненіе Крестовыхъ походовъ?*

Простите, наконецъ. Очень завидую вамъ, вашему солнцу и воздуху. Здѣсь стояли недавно морозы, и я всю зиму простужался и теперь не совсѣмъ поправился.

3 марта 1884 г. Спб.

XXV.

Виновать я передъ вами, дорогой Николай Яковлевичъ, да и передъ многими и многими: пріѣхавши въ Петербургъ, я сначала очень обрадовался полному покою и удобству и отдыхалъ; а потомъ, когда отдохнулъ, сталъ скучать что все по старому, или даже хуже стараго. Такъ я почти ничего не дѣлалъ и ни къ кому не писалъ больше мѣсяца.

Не хорошо задавать себѣ такіе праздники, какъ я себѣ задалъ въ эти три мѣсяца.

По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь Божественнымъ природы красотамъ
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья,
Вотъ счастье, вотъ права!

Такъ мечталъ Пушкинъ, и были дни когда я вполне чувствовалъ это счастье.

Посѣтилъ я восемь городовъ: Берлинъ, Байрейтъ, Эмсъ, Мюнхенъ, Штутгартъ, Страсбургъ, Кельнъ и Лейпцигъ. Въ Байрейтъ слушалъ три раза *Парсифала* Вагнера, въ Мюнхенъ два раза цикль состоящій изъ четырехъ оперъ и носящій названіе *Ring des Nibelungen*, въ Лейпцигъ *Der liegende Hollander*. Въ Страсбургъ и Кельнъ смотрѣлъ соборы, въ Эмсѣ лечился, вездѣ посѣщалъ церкви, видѣлъ картины и статуи и вездѣ покупалъ книги для пополненія своей библіотеки. Наконецъ, проѣхалъ на пароходѣ отъ Майнца до Кельна чтобы посмотрѣть берега Рейна. Что касается до природы, то были, конечно, очень красивые дни, особенно въ Эмсѣ; но скоро я убѣдился, или скорѣе напередъ угадалъ что ждать большихъ чудесъ тутъ нельзя. И на самомъ Рейнѣ я невольно вспоминалъ о Южномъ Берегѣ: послѣ такой красоты все кажется блѣдно и не ярко, даже и гдѣ-нибудь въ Полтавѣ я помню дни и ночи такой красоты которую можетъ дать только чисто-континентальный климатъ. Погода была не совсѣмъ хороша, но и не дурна.

О музыкѣ не буду писать вамъ. Скажу только что я доволенъ и считаю счастьемъ что былъ на столь серьезныхъ художественныхъ

торжествахъ. Самое сильное впечатлѣніе, однако, произвелъ на меня Кѣльнскій соборъ. Конечно, это первое зданіе въ мірѣ не только по величинѣ, но и по красотѣ; тутъ красота соответствуетъ величинѣ, а величина такова что больше уже не нужно, уже было бы напрасно и излишне. Одно жаль: все зданіе въ заплахахъ, состоитъ изъ новыхъ частей настроенныхъ на старыя, полутысячелѣтнія. Сначала это мѣшаетъ, бросается въ глаза.

Разумѣется, я и немножко читалъ, и немножко писалъ, и вообще немножко философствовалъ. Можетъ быть, въ то самое время, когда вы бранили Платона, я васъ бранилъ. Это случилось въ Страсбургѣ. У букиниста я ничего хорошаго не нашель, хотѣлъ ради вѣжливости что-нибудь купить и вдругъ нашель въ каталогъ *Theorie des quatre soccements*, 2 марки. Она стояла въ отдѣлѣ философіи подъ буквою Т, потому что имени автора не выставлено, оттого такъ и дешево. Съ радостію взялъ и потомъ на досугъ сталъ читать. Боже мой! Чтò за фанфаронство, чтò за увѣренность, но при этомъ какое нелѣпое изложеніе, какой странный ходъ мыслей! Это образецъ человѣка который не отдаетъ себѣ никакого отчета въ томъ чтò онъ дѣлаетъ, котораго голова наполнена твердо сложившимися фантазмагоріями и который думаетъ что его обязанность не доказать, даже не объяснить, а только высказать все это, хотя бы какъ попало, перескакивая черезъ пятое въ десятое. Напишетъ заглавіе, а потомъ дѣлаетъ въ сноскѣ примѣчаніе что онъ объ этомъ предметѣ не будетъ говорить; жалуется на недостатки мѣста и сейчасъ пускается въ длинную полемику. Утверждаетъ что земная ось неудобно расположена, что отъ этого въ Петербургѣ слишкомъ холодно. Чортъ побори! Не лучше ли сказать что Петербургъ помѣстился неудобно?

Но мнѣ нужно бы много думать чтобы хорошенько описать все это безобразіе. Вслѣдствіе этого чтенія я сталъ понимать эту особую породу Французовъ какъ Фурье, Коитъ, Литре и т. п. людей вовсе неспособныхъ думать и потому такъ упорно, неподвижно останавливающихся на немногихъ своихъ мысляхъ. Что они не умѣютъ думать, видно изъ того какъ они пишутъ. Фурье представилъ мнѣ еще невиданный мною образецъ каллиграфіи (въ высшемъ смыслѣ этого слова).

Вотъ вамъ за Гегеля, вотъ вамъ за Платона! А вы еще недавно говорили мнѣ съ уваженіемъ о Фурье что онъ-де обнялъ весь міръ знанія и его перестроилъ по своему. Отъ такого фанатика чтò тутъ мудренаго! Развѣ его что-нибудь можетъ остановить?

Но обратимся къ божественному Платону котораго вы такъ отдѣлываете. Вы получили отъ меня все чтò перевелъ Шлейермахеръ. Если хотите читать Тимея, то всего лучше купить русскій переводъ

Карпова, удовлетворительно и всего дешевле. Вы, какъ Ланге, жалуетесь что Греки не наблюдали; они, однако, создали математику, механику, астрономію, анатомію, физиологію и т. п. Но Платонъ относится къ тому великому повороту который начинается съ Сократа, къ повороту отъ міра физическаго къ міру нравственному, отъ вещей къ идеямъ. (Хотя, или потому, Платонъ между прочимъ есть основатель геометріи той которая у Эвклида). Душа человѣческая требовала этого творенія, вѣры въ міръ идей столь же твердый какъ міръ физическій. Странно осуждать, зачѣмъ люди не бросили этихъ безплодныхъ разсужденій и не ограничились физическими опытами. Разсужденія и не были безплодны; стойки и неоплатоники дали ту нравственность съ которой доживалъ Древній міръ и которая потомъ слилась съ христіанскимъ ученіемъ.

Однако, будетъ философствовать. Вашъ анти-Дарвинъ остановился, какъ вы вѣроятно знаете; типографія занята. Николай Петровичъ до сихъ поръ невидимъ мною: или еще не пріѣхалъ, или не даетъ о себѣ знать. А ждали его уже недѣлю назадъ. Въ Петербургѣ, какъ мнѣ мерещится, все затихаетъ и замираетъ, я ни въ чемъ вкусу не нахожу. Въ большой силѣ, говорятъ, Михаилъ Островскій. Власти вообще чувствуютъ себя по новому, очень твердо, а потому возвращаются на старые пути, и выходитъ все то же что и было; *мы растемъ, но не зрѣемъ*. К. первый человѣкъ въ государствѣ, а куда и какъ идти, онъ не знаетъ. И никто не знаетъ; только рады что мѣста, на которыхъ сидятъ, тверды.

Простите мнѣ всѣ прегрѣшенія и вольныя и невольныя...

1 ноября 1884 г.

Р. S. Пріѣхалъ Николай Петровичъ уже съ недѣлю. Видѣлъ его здороваго, хлопотливаго и милаго попрежнему.

XXVI.

Давно жду отъ васъ письма, дорогой Николай Яковлевичъ, и давно собираюсь писать вамъ, не дожидаясь отвѣта. Николай Петровичъ разказалъ и показалъ что васъ огорчаетъ медленное печатаніе. Но какъ же быть? Эта превосходная типографія, я думаю, съ избыткомъ вознаграждаетъ васъ за замедленіе. *Мы васъ догонимъ, придется васъ ждать*. Обыкновенно въ типографіяхъ трудно добиться чтобы набиралось больше печатнаго листа, а эта набираетъ и исправляетъ три и даже четыре.

По мѣрѣ чтенія корректуры я втягиваюсь въ вашу книгу, и интересъ возрастаетъ чрезвычайно. По обыкновенію, я воображаю ваше счастливое житье, и ваше солнце, и вашу свободу, и вашу семью, и невольно нахожу жалкимъ то что вокругъ меня. Давно уже дни наши похожи на сумерки, да и этотъ день приходится проводить въ библиотекѣ. Ночью усталый сидишь при лампѣ и если не долженъ никуда ѣхать, чувствуешь, съ какимъ трудомъ вяжутся мысли. Однако я пишу. Одну статью послалъ въ *Русь* о Л. Н. Толстомъ. Другую о спиритизмѣ напечатаю въ *Новомъ Времени*, она на половинѣ. Вашу статью о нигилизмѣ прочелъ съ жадностью. Нельзя съ нею не согласиться; однако ваши положенія можно взять и съ другой стороны. Наша церковь не впала въ тяжкіе грѣхи, но она и ничего вообще не сдѣлала, не создала своей литературы, проповѣди, своего богословія и умозрѣнія. У насъ не было философіи, тѣмъ пріятнѣе и понятнѣе было услышать что ея вовсе не нужно. Вообще, у насъ ничего не было умственно выработано и утверждено, въ эту пустоту влилось то что было полегче. Мы принялись умствовать, не имѣя подъ собой никакой почвы.

Здоровье мое средственное. Морозы, какъ всегда, мнѣ очень помогли, и я какъ-будто наладился на прежній ладъ. Въ Петербургѣ тихо, такъ мнѣ кажется; частныя дѣла и случаи дѣлаются предметомъ безконечныхъ толковъ, а общія мысли не въ модѣ, или лучше, въ модѣ голое порицаніе всего что когда-то было прогрессивнымъ.

Простите, дорогой Николай Яковлевичъ; не браните меня за короткое и скучное письмо. Желанія мои были гораздо лучше чѣмъ оно вышло...

30 декабря 1884 г. Спб.

P. S. Я послалъ вамъ очень давно заказное письмо на Байдары. Получили ли вы его?

XXVII.

Пишу къ вамъ наскоро, дорогой и многоуважаемый Николай Яковлевичъ, изъ библиотеки чтобы не упустить времени и письмо застало бы васъ.

Прошу у васъ прощенія за упреки которыми вамъ досаждалъ; мнѣ, наконецъ, совѣстно стало за свою щекотливость и самолюбіе. Самъ же я пишу всегда съ хитростію, то-есть, выставляю объективно и въ видѣ вопроса то что составляетъ мое прямое убѣжденіе. Относительно „Дарвинизма“ мнѣ казались неправильными, или не вполне

правильными главы о безразличныхъ и бесполезныхъ чертахъ въ строеніи организмовъ. Доказать бесполезность въ сущности невозможно; можно отрицать и опровергнуть ту полезность какую указываетъ Дарвинъ, или кто другой, но чтобы отвергнуть надобность *вообще*, для всей жизни, для всего *существа* какого-нибудь организма, для этого нужно знать это существо, знать весь смыслъ, весь объемъ жизни, за что мы ручаться не можемъ. Отрицательныя положенія *общія* всегда выходятъ безусловными, а безусловное въ мысли возможно только апіорное. Тутъ я подозреваю у васъ большіе умыслы насчетъ Творца и творчества, тѣ мысли съ которыми не могу согласиться. Печать Божественнаго творчества и Божественной всеприсущей силы лежитъ на всѣхъ вещахъ, но ея нужно искать не тѣмъ путемъ какимъ, *по моему подозрѣнію*, вы ищите.

Но обо всемъ этомъ не лучше ли отложить рѣчь до свиданія? Ото всей души благодарю васъ за повторенное и ласковое приглашеніе: стремлюсь въ Крымъ почти какъ въ уголокъ рая. И кажется, все уладится. Но если война? Если вы сами будете готовы каждый часъ подняться съ мѣста? Все таки прїѣду къ вамъ, если разрѣшите. Планъ мой такой: выѣду къ 20 или къ 21 и къ 25 апрѣля буду въ Воробьевкѣ у Фета. Тамъ проведу недѣли двѣ, напишу оттуда Ольгѣ Александровнѣ и сговорившись явлюсь къ вамъ, значить числа 10 мая. Что вы на это скажете?

Большая, пребольшая была для меня радость что вы познакомились съ Л. Н. Толстымъ. Онъ писалъ мнѣ что вы ему *очень полюбилась*, да и Ольга Александровна также. Сейчасъ буду писать къ нему и передамъ вашъ отзывъ; впечатлѣніе ваше я вполнѣ понимаю и считаю совершенно правильнымъ. Онъ чудесный человекъ...

5 апрѣля 1885 г. Спб.

XXVIII.

Съ тѣхъ поръ какъ я оставилъ вашъ райскій уголокъ, дорогой и многоуважаемый Николай Яковлевичъ, мысли мои постоянно къ нему обращаются, да и такого радостнаго, какъ за вашими горами, я ничего не встрѣтилъ. Хочу рассказать вамъ путешествіе. Вторникъ и среда были истинно мучительные. Такого жара я еще никогда не испытывалъ, да вѣрно и не многіе испытали. Только въ Курскѣ, въ третьемъ часу чуть-чуть потянула съ сѣвера прохлада, и на другой день мы стали отдыхать. Однако все прошло благополучно. Во вторникъ я позавтракалъ въ Четаль-Кая цыплятами и потомъ, сидя на перекладной, поѣлъ черешни. Очень я боялся опоздать, изъ

поспѣть къ пяти часамъ. Въ Четаль-Кая меня стали увѣрять что поѣздъ идетъ въ шесть часовъ. Въ дѣйствительности оказалось что нужно было взять среднее изъ двухъ ложныхъ показаній: поѣздъ идетъ въ 5½ часовъ по петербургскому времени, такъ что я попалъ въ вокзалъ чуть не за ¾ часа. Въ вагонѣ, часу въ десятомъ, я съѣлъ баранину и такимъ образомъ потребилъ всѣ свои припасы. Цѣлую вамъ ручку, Ольга Александровна! Впопыхахъ и въ жарѣ я бы кажется ничего не ѣлъ, еслибы не сознавалъ долга съѣсть все что вы мнѣ дали. Самымъ превосходнымъ я нашелъ цыплятъ. (Вы видите, я впадаю въ любезный мнѣ Мшаткинскій тонъ).

Въ четвергъ, вышедши изъ вагона и ѣдучи по солнцу въ первомъ часу дня (семь верстъ до Ясной Поляны), я все вздыхалъ и радостно потягивался, какъ-будто вырвался изъ жаркой бани. Здѣшніе жары мнѣ казались прохладой, а когда вчера и третьяго дня всѣ радовались прохладѣ, ночи показались мнѣ очень сыры и холодны, и живо вспомнилъ я несравненную прелесть вашихъ ночей.

Ясную Поляну нашелъ я наполненную женщинами и дѣтьми чело-вѣкъ до 30 и среди нихъ двое мужчинъ, Левъ Николаевичъ и Кузминскій ²⁶⁾. Такова она была и 14 лѣтъ тому назадъ, когда я въ первый разъ въ нее заѣхалъ, только моложе и не такъ многолюдна, много народилось съ тѣхъ поръ... Л. Н. былъ и нездоровъ, и не въ духѣ, и до сихъ поръ жалуется, хотя и поправился немного. Сейчасъ же принялся онъ читать мнѣ свою статью *о деньгахъ*, очень остроумную, но не захватывающую вполне вопроса. Потомъ прочиталъ я старый не конченный разказъ *Лошадь*; потомъ новые разказы: *Гдѣ любовь, тамъ и Богъ*, *Упустишь огонь, не погасишь*, *Свѣчка*, *Два старика*. Все это онъ дѣлаетъ для тѣхъ народныхъ изданій которыя я вамъ показывалъ; два послѣдніе разказа удивительны по своей художественности и по чудесному смыслу; взяты изъ народныхъ разказовъ. Онъ исключительно этимъ и занимается.

Я сплю въ его кабинетѣ, встаю въ 8½ часовъ, пью кофе и завтракаю. Часовъ въ 11 онъ приходитъ ко мнѣ, самъ убираетъ и подметаетъ кабинетъ, умывается, и мы идемъ *на крокетъ*, то-есть, подъ клены, возлѣ крокета, гдѣ старшіе члены обѣихъ семей пьютъ утренній кофе. Черезъ часъ или полтора мы расколимся; онъ уходитъ въ кабинетъ, а я въ павильонъ въ которомъ теперь пишу къ вамъ и который появился лишь нынче весною. Въ 5 часовъ обѣдъ; каждая семья особо. Въ 8 часовъ дѣтскій чай; въ 10 часовъ чай и ужинъ для взрослыхъ, сходятся обѣ семьи и проводятъ время до

²⁶⁾ Своякъ Льва Николаевича. предсѣдатель Кіевской судебной палаты.

полуночи, потомъ расходятся. Людно и пестро чрезвычайно; между обѣдомъ и чаемъ прогулки, купанье и всякое бездѣлье.

.....
 Вотъ что меня заботитъ: ваше письмо къ Эмилию Ивановичу я опустил въ ящикъ въ самомъ Симферополѣ. Хотя такимъ образомъ оно несомнѣнно достигло этого города, но я боюсь что именно поэтому почта что-нибудь напутаетъ. Прошу васъ, дорогой Николай Яковлевичъ, напишите, не виновата ли я; да напишите совершенно точно о вашей ногѣ, она у меня болитъ.

Л. Н. очень кланяется вамъ и Ольгѣ Александровнѣ. Я разказалъ ему о нашемъ чтеніи его *Изложенія*, и что мы его бранили. Онъ согласился что приведеніе стиховъ изъ евангелія должно вводить въ недоумѣніе и объяснилъ что эта работа сдѣланная имъ *для себя* которую въ этомъ видѣ не слѣдовало бы публиковать. Сказалъ онъ мнѣ при этомъ что уже переведены по-англійски три его сочиненія: 1) Исповѣдь, 2) Въ чемъ моя вѣра и 3) Изложеніе, но въ Изложеніи оставлены только его *введенія*, а измѣненный евангельскій текстъ съ ссылками на стихи откинуть; очень это правильно сдѣлано. Понѣмечки и по-французски *Въ чемъ моя вѣра* давно вышли. Переписка у него огромная, то-есть, онъ много получаетъ писемъ съ просьбами о деньгахъ и о совѣтахъ на которыя не отвѣчаетъ. Но кромѣ того переписывается съ людьми работающими для изданія книжекъ и картинъ для народа. Словомъ, литературная его дѣятельность кипитъ. Жена теперь держитъ корректуру новаго изданія *собранія сочиненій*, и я помогалъ; кромѣ того она приводитъ въ порядокъ и переписываетъ всѣ старыя рукописи. Въ новомъ *собраніи* будетъ напечатано кое-что и неизданное...

18 іюня 1885 г. Ясная Поляна.

Р. С. Л. Н. просилъ напомнить вамъ что вы обѣщались къ нему заѣхать.

Послѣзавтра ѣду, дня два буду въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ буду ждать вашего письма.

XXIX.

Письмо ваше очень меня огорчило, дорогой и многоуважаемый Николай Яковлевичъ! Въ вашемъ райскомъ уголкѣ вы терпите столько бѣдъ, и все оттого что этотъ уголокъ пустыня, что нѣтъ подъ руками доктора! Разкажу вамъ и мои бѣды. Съ самага же начала

въ Петербургѣ я простудился, сходявши въ баню, и дня три ходилъ какъ угорѣлый отъ насморка и всякихъ катаровъ. Потомъ начались у насъ жары и стали съ каждымъ днемъ увеличиваться. На улицѣ 25—26 Реомюра съ 9 часовъ утра; въ комнатахъ, какъ я ни берегъ ихъ, дошло до 22—23. Прибавьте къ этому что домъ красятъ, лѣстницу бѣлятъ, тротуаръ стелютъ асфальтомъ. Я счелъ долгомъ за-сѣсть дома, читать и писать послѣ долгой прогулки; но подѣ конецъ только маюсъ и больше ничего.

Мануилъ Александровичъ пришелъ, кажется, на другой день и позвалъ къ себѣ обѣдать. Оба здоровы и все у нихъ благополучно...

Петра Николаевича видѣлъ передъ его отъѣздомъ, во всемъ условился, получилъ отъ него три листа корректуры (22—24), выправилъ, подписалъ и отослалъ печатать. Ваши листы (29—32) получены мною; буду ждать присылки корректуры тѣхъ же листовъ отъ П. Н. и тогда тотчасъ сдѣлаю. Съ большимъ любопытствомъ и удовольствіемъ дѣлаю это дѣло.

Собираю для васъ первую посылку книгъ. Что тамъ будетъ, не скажу. Я задержалъ потому что рѣшилъ послать вамъ книги не иначе какъ переплетенныя. Такъ мнѣ жалко было смотрѣть у васъ на книги! За первую посылкой послѣдуютъ многія другія. Досадно что по этой жарѣ и за книгами охотиться невозможно!

Отвѣчаю теперь на ваши вопросы: 1) Будутъ переведены по-англійски всѣ *авдемія*, то-есть, къ каждой главѣ. 2) Жена Толстаго переписываетъ рукописи потому что только такъ можно ихъ и читать и печатать, да и *только она* можетъ разобрать. 3) *Крокетъ*, то-есть, большое мѣсто для игры въ крокетъ, большая площадка, а на краю ея рошица. 4) Кузьминскіе обѣдаютъ отдѣльно чтобы не обременять Толстыхъ; также и дѣтей кормятъ отдѣльно. Къ кофе же и къ ужину приходятъ только старшіе.

Нынѣшнее посѣщеніе Ясной Поляны такъ меня поразило что я вздумалъ даже подробно описать все что видѣлъ и слышалъ; даже набросалъ подробный конспектъ ²⁷⁾. Но на томъ это, должно быть, и остановится.

Въ Москвѣ я видѣлъ Аксакова въ банкѣ, и мы говорили, то-есть, онъ говорилъ все о томъ же, о *краткомъ изложеніи евангелія*. Увы, Николай Яковлевичъ, только съ вами насладился я разговорами въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ, я все еще не готовъ для свободной рѣчи объ этомъ предметѣ, и часто самъ становился втупикъ, когда пытался говорить о немъ съ Ольгой Александровной. Ну, словомъ, чѣмъ рѣчиство былъ Аксаковъ, тѣмъ меньше

²⁷⁾ Конспектъ этотъ не нашелся въ бумагахъ Н. Н. Страхова.

толку вышло изъ нашего разговора. Я обѣщаль ему статьи для *Руси* и сказалъ свои темы: 1) О Ренанѣ и Тенѣ (или объ историкахъ безъ принциповъ) и 2) О Некрасовѣ.

Письмо его которое вы переслали мнѣ очень длинно; въ немъ вотъ что касается васъ: „Николаю Яковлевичу крѣпкое, руколомное пожатіе“.

Главное, онъ выражаетъ большой восторгъ отъ тѣхъ двухъ разказовъ Л. Н. Толстаго которые я вамъ привозилъ, и говорить что *за нихъ* простилъ Толстому его *Изложеніе*.

Въ разказахъ, говоритъ Иванъ Сергѣевичъ, обнаруживается что Л. Н. „стоитъ къ Святой истинѣ въ такихъ чистосердечныхъ, любовныхъ отношеніяхъ, тайна которыхъ не подлежитъ нашему анализу и которыя ставятъ его, автора, внѣ суда нашего. Очевидно, у него свой конто-курантъ съ Богомъ“.

Да, простите! Вотъ еще къ вамъ относится:

„Скажите Николаю Яковлевичу что я всею душой соболѣзную его недугу: вытянуть жилу это пружесточная вещь. Только не напрасно ли даль онъ себѣ дѣлать прорѣзы?“

„Отъ обоихъ васъ жду статей для *Руси*. Присылайте ихъ впередъ, ранѣе ея появленія“.

Видѣлъ я и Сытина, издателя тѣхъ дешевыхъ книжекъ. И наказаль я ему чтобы все что будетъ напечатано отъ *Толстовскаго кружка*, и книги и картины, присылаль онъ ко мнѣ, а также и къ вамъ въ Мшатку, и даль ему точные адресы.

Простите, дорогой Николай Яковлевичъ! О своихъ литературныхъ планахъ за которые берусь лѣниво и уныло напишу въ другой разъ. Новостей я не знаю, да, кажется, ихъ и вовсе нѣтъ...

5 іюля 1885 г. Сиб.

XXX.

Давно пора писать къ вамъ, дорогой Николай Яковлевичъ. Примите отъ меня присланныя книги (кромѣ Telliamed и G. S. Hilaire) въ подарокъ и не взыщите, если не угодилъ. Для Ольги Александровны я пока послаль только *Imitation*, главное за его крупный шрифтъ, и меня не разъ останавливаетъ отъ покупки воспоминаніе о томъ что и вы и она теперь больны, мучить меня и нарушаетъ удовольствіе отъ собственнаго здоровья которое вовсе не дурно. Я собираю теперь книги для другой посылки къ вамъ, и если вамъ что нужно, напишите, прошу васъ. Печатаніе Дарвинизма идетъ хорошо

и черезъ два-три дня будутъ вамъ посланы послѣдніе листы. Вставка которую вы прислали будетъ сдѣлана. Порядокъ такой: типографія получаетъ корректуру отъ П. Н. Семенова, выправляетъ ее и присылаетъ мнѣ. Я получаю тѣ же листы отъ васъ и, прочитывая корректуру, наношу на нее и ваши исправленія и утверждаю къ печати. Все идетъ благополучно, и къ этому же времени (къ концу печатанія), то-есть, къ 1 октября, я намѣренъ выпустить и свою книжку подъ такимъ заглавіемъ: *Критическія статьи объ И. С. Тургеневѣ и Л. Н. Толстомъ*. Сначала, когда сталъ перечитывать свои статьи, было противно; но теперь ничего, втянулся и воображаю себя героемъ. Въ общемъ Тургеневу достанется выговоръ и Толстому большая похвала. Еще долго я раскачивался чтобы писать столько о *Ренанъ и Тенъ* для *Руси* и, наконецъ, кажется, плыву на всѣхъ парусахъ.

Пріѣхалъ сюда Вл. Соловьевъ и каждый день мы видимся; онъ читаетъ въ моемъ отдѣленіи Фотія. Говоритъ что первый томъ Теократіи у него почти готовъ. Очень разспрашивалъ о васъ, очень жадно ждетъ вашего отвѣта; хочетъ писать *Обзоръ полемики* по вопросу о католичествѣ за два года. Это ему нужно чтобы отвѣчать *Вѣрѣ и Разуму*, а также и другимъ.

А со мною какая бѣда! Бутлеровъ написалъ мнѣ отвѣтъ, но редакція *Новаго Времени* его потеряла.хлопоталъ я чтобы разыскали, но напрасно. Хочу обратиться къ Бутлерову лично и просить возстановить, досада несказанная!

Теоріи психологовъ о которыхъ вы пишете когда-то и меня приводили въ отчаяніе. Дѣло ясное: если разсматривать душу какъ объектъ, то и ея явленія будутъ связаны объективно, то-есть, механически, по закону: дѣйствіе равно противодѣйствію, и другому: результатъ есть лишь перемѣщеніе, новая форма того что дано въ началѣ.

29 іюля 1885 г. Спб.

Рыцарь Олафъ.

(изъ гейне).

—
1.

Предъ соборомъ ходять двое,
Оба въ красномъ одѣяньѣ:
То король-владыка ходить
И палачъ, заплечный мастеръ.

Палачу король промолвилъ:
«Слышу я по пѣню въ церкви
Что обрядъ вѣнчанья конченъ,
Будь готовъ съ своей сѣкирой!»

Громкій звонъ, органа звуки,
И народъ валить изъ церкви:
Пестрый поѣздъ, посрединѣ
Въ пышномъ платьѣ молодые.

Смотрить съ робкою тоскою
Блѣдный ликъ царевой дочки;
Смѣль и весель рыцарь Олафъ,
Губы алая смѣются.

И съ усмѣшкой усть румяныхъ
Королю онъ злому молвить:
«Съ добрымъ утромъ, тесть любезный!
Нынче срокъ моей расплаты.

«Умереть я долженъ... Дай же
 Мнѣ дожить лишь до полночи,
 Дай свою мнѣ справить свадьбу
 Пиромъ праздничнымъ и пляской!

«Дай мнѣ срока, лишь покуда
 Не допить послѣдній кубокъ,
 Не затихъ послѣдній танецъ,
 Дай мнѣ срока до полночи!»

И слугѣ король промолвилъ:
 «Зятю нашему да будетъ
 До полночи срокъ дарованъ;
 Будь готовъ съ своей сѣкирой!»

2.

Вотъ Олафъ за свадебнымъ пиромъ сидитъ,
 И кубокъ послѣдній вина имъ допить;
 Къ плечу его жметъ жена
 И плачетъ она.
 Палачъ ожидаетъ за дверью!

Вотъ длинною цѣпью пошелъ хороводъ,
 И Олафъ жену молодую беретъ
 И бѣшено кружится съ ней
 При блескѣ огней.
 Палачъ ожидаетъ за дверью!

Удалыя скрипки такъ громко звучатъ,
 А флейты такъ грустно и робко журчатъ!
 Всѣ смотрятъ во слѣдъ молодымъ
 Со страхомъ нѣмымъ.
 Палачъ ожидаетъ за дверью!

И въ топотѣ пляски, подъ музыки гуль,
 Склонившись къ супругѣ, ей Олафъ шепнулъ:

«Любовь меня пламенемъ жжетъ,
Въ могилѣ же ледь!»
Палачъ ожидаетъ за дверью!

3.

Эй, рыцарь, ты слышишь ли?.. Полночь ужь бьетъ!
Прошла твоя жизнь молодая!
Ты дочери царской похитилъ любовь,
Желаньямъ преграды не зная.

Монахи читаютъ отходной слова,
Палачъ, повелѣнью покорный,
Въ кафтанѣ кровавомъ стоитъ съ топоромъ
И ждетъ передъ плахою черной.

Вотъ Олафъ выходитъ. Мерцаютъ огни
И блескъ на оружіи зыбкій...
Улыбка на рыцаря алыхъ устахъ,
И такъ говоритъ онъ съ улыбкой:

«Привѣтъ тебѣ, солнце, привѣтъ и лунѣ
И звѣздочкамъ на небѣ чистомъ,
Привѣтъ мой прощальный и птичкамъ лѣснымъ,
Что тѣшатъ насъ въ воздухѣ свистомъ!

«Привѣтъ мой и сушѣ, и волнамъ морскимъ,
Цвѣтамъ за душистыя ласки,
Лиловымъ фіалкамъ... въ нихъ чудятся мнѣ
Жены моей кроткіе глазки.

«Ахъ, глазки-фіалки! За вашу красу
Я жизни своей не жалѣю!
Послѣдній привѣтъ мой деревьямъ въ лѣсу,
Въ лѣсу гдѣ ты стала моею!»

Ольга Вейсел

Церковно-общественные вопросы въ эпоху Александра II. 1855—1870.

IV *).

Частный починъ въ дѣлѣ возбужденія „приходской самостоятельности“ и учрежденія „православныхъ братствъ“.

Плодотворныя мысли о самостоятельности и самостоятельности православныхъ приходовъ и братствъ стали находить себѣ сочувствіе и въ частныхъ кружкахъ, среди образованныхъ лицъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія замѣчательная дѣятельность одного изъ соредкторовъ журнала *Духъ Христіанина*, а именно священника Христорожественской, что на Пескахъ, церкви Александра Гумилевскаго который съ сентября 1861 года началъ издавать названный журналъ совмѣстно съ священниками Дмитріемъ Флоринскимъ, Іоанномъ Заркевичемъ и Іоанномъ Флеровымъ, авторомъ вышеупомянутаго сочиненія „о православныхъ братствахъ“.

Учредивъ свой журналъ, въ ноябрьской книжкѣ этого журнала за 1861 годъ, въ отдѣлѣ „смѣси“, отецъ Гумилевскій высказалъ предположеніе объ учрежденіи въ Петербургѣ братства для поддержанія народныхъ школъ Петербургской епархіи и, несмотря на всю новизну такого благаго дѣла, на этотъ призывъ откликнулись весьма многіе изъ разныхъ классовъ населенія приславшіе пожертвованія деньгами и вещами съ просьбой о включеніи ихъ въ число членовъ предполагаемаго братства⁶⁵). Признавая что гласность и свобода въ управленіи богоугодными учрежденіями даютъ имъ благотворную силу и обезпечиваютъ матеріальный успѣхъ, отецъ Гумилевскій въ своемъ воззваніи просилъ вступающихъ въ братство высказывать письменно и словесно свои мысли и соображенія по этому новому дѣлу, а потому для приданія возможно большаго распространенія этому

*) Продолженіе. См. *Русскій Вѣстникъ*, январь и февраль, 1901 г.
Р. В. 1901. III.

почину, онъ, съ января 1862 года, открылъ при своемъ журналѣ особый отдѣлъ: „лѣтопись предполагаемаго братства“. Въ эту лѣтопись отецъ Гумилевскій заносилъ имена жертвователей, предметы пожертвованій, сообщенія и взгляды разныхъ лицъ и всякія свѣдѣнія касавшіяся до предполагаемаго братства.

Давая такую просвѣтительную окраску будущему братству, священникъ Гумилевскій не забылъ высказать свои соображенія по вопросу объ организаціи мѣстной помощи бѣднымъ. Въ мартовской книжкѣ *Духа Христіанина* за тотъ же 1862 годъ въ отдѣлѣ: „провинціальный духовный листокъ“ были выражены по сему предмету слѣдующія мысли: именно указывалось что самая общая форма духовно-общественныхъ отношеній въ Россіи есть „приходская“. Приходъ есть представитель мѣстной общины въ религіозномъ отношеніи, приходское духовенство есть представитель мѣстнаго духовнаго управленія. Священникъ долженъ проникать во всѣ уголки, слышать стоны истинной нищеты. Приходъ, какъ христіанская община, проникнутая любовью ко Христу, обязанъ заботиться о своихъ бѣдствующихъ соприхожанахъ, и о сиротахъ, и о вдовахъ своего духовенства. Такъ было при апостолахъ, такъ должно быть и теперь. Въ отношеніи организаціи авторъ указываетъ что приходъ избираетъ трехъ попечителей которые вмѣстѣ со священниками составляютъ совѣтъ и на первыхъ же порахъ основываютъ приходскую кассу для мѣстныхъ бѣдныхъ ⁽⁶⁾. По мѣрѣ возрастанія средствъ учреждаются разныя богоугодныя заведенія и наблюденіе за ними поручается приходскимъ діаконисамъ. Въ поясненіе этого древняго званія въ слѣдующей апрѣльской книжкѣ журнала появилась статья о діаконисахъ въ христіанской церкви съ указаніемъ на обряды соблюдавшіеся при ихъ торжественномъ посвященіи, и былъ высказанъ проектъ о возстановленіи этого званія среди русскихъ православныхъ женщинъ (особенно среди простонародья въ селахъ) для выполнения этихъ важныхъ христіанскихъ обязанностей при приходѣ Христорожественской церкви. Въ своей дальнѣйшей братской лѣтописи (май 1862 г.) названный пастырь, развивая свою мысль что братства являются прямой связью священника съ прихожанами, съ радостію указывалъ что дѣло предположеннаго имъ въ Петербургѣ братства подвигается впередъ. Пользуясь приближеніемъ тысячелѣтней годовщины перваго начала славянской грамотности и христіанской проповѣди на нашемъ языкѣ и мыслями развитыми авторомъ статьи „По вопросу о народномъ воспитаніи“ (напечатанной въ „церковной лѣтописи“ журнала *Духовная Бесѣда* за 1862 годъ отъ 21 апрѣля) о способахъ чествованія этого великаго событія, отецъ Гумилевскій въ этой же лѣтописи высказывалъ предположеніе объ установленіи ежемѣсячныхъ собраній по при-

ходамъ въ честь св. Кирилла и Меодія для рѣшенія приходскихъ дѣлъ касающихся благотворенія и просвѣщенія ⁶⁷⁾.

Мысли священника Гумилевскаго о возрожденіи приходской самодѣятельности нашли себѣ сочувствіе и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ. Возникшій въ Москвѣ органъ духовной журналистики *Православное Обозрѣніе*, начавъ смѣло развивать плодотворную мысль о необходимости тѣснѣйшаго сближенія приходскаго духовенства съ церковными (земскими) общинами, въ статьѣ: „приходская благотворительность въ Москвѣ“ (апрѣль 1862 г.) высказалъ слѣдующее замѣчательное положеніе:

приходская община давно уже обращаетъ на себя вниманіе многихъ какъ наиболее удобная форма нравственно-общественной дѣятельности; воспользоваться приходомъ для нравственнаго и экономическаго сближенія людей достаточныхъ съ бѣдными и пресѣчь то зло какое производитъ неравенство общественныхъ состояній, мысль прекрасная, воплотивъ достойная общества основаннаго на христіанскихъ началахъ.

Мысли, дѣйствительно, прекрасныя, и утѣшительно то что въ отзывчивой Москвѣ эти мысли могли быть осуществлены на практикѣ. Возбужденіе жизни въ приходскихъ центрахъ явилось сознаннымъ многими необходимостію. Первый попечительный совѣтъ о приходскихъ бѣдныхъ открытъ въ Москвѣ при Казанской, что у Калужскихъ воротъ, перкви, по проекту священника Сперанскаго и трудами священника означенной церкви Алексѣя Ключарева (нынѣ харьковскій архіепископъ Амвросій ⁶⁸⁾). 7 марта 1862 года на поданномъ по этому дѣлу прошеніи митрополитъ Филаретъ написалъ: „Богъ да благословитъ челоуѣколюбивое предпріятіе и принявшихъ и имѣющихъ принять въ немъ участіе, и да даруетъ ему благій успѣхъ и распространеніе. Распространеніе предпріемлемаго дѣйствованія въ сравненіи съ случайнымъ подаваніемъ въ неизвѣстныя руки, безъ сомнѣнія, удобнѣе и вѣрнѣе можетъ открывать, отличать и облегчать истинно-нуждающихся, а другихъ располагать и направлять къ сильнымъ полезнымъ занятіямъ, да не туне чужой хлѣбъ ѣдятъ“ ⁶⁹⁾. По мѣрѣ распространенія въ Москвѣ слуха о совѣтѣ знакомые и незнакомые священника Ключарева при встрѣчѣ съ нимъ спрашивали о подробностяхъ новаго учрежденія и свои распросы оканчивали приношеніями для бѣдныхъ, предоставляя ихъ въ распоряженіе совѣта.

Второй попечительный совѣтъ о бѣдныхъ открытъ въ Москвѣ при церкви Ризъ-положенія, на Донской улицѣ, стараніями приходскаго священника Рождественскаго. Облегчая бѣдствія уже существующей бѣдности, этотъ приходскій совѣтъ считалъ главною своею

обязанностью обратить вниманіе на возможное уменьшеніе ея въ будущемъ. Этой цѣли совѣтъ надѣялся достигнуть воспитаніемъ молодого поколѣнія бѣдняковъ, опредѣляя ихъ въ разныя учебныя заведенія. Третій по времени приходскій попечительный совѣтъ о бѣдныхъ открытъ 14 октября 1862 года въ С.-Петербургѣ при Благовѣщенской, на Васильевскомъ островѣ, церкви, и кромѣ денежнаго пособія помогаль бѣднымъ также вещами, на примѣръ одеждою, помогаль доставленіемъ работы имѣющимъ силы работать, помѣщаль сиротъ въ казенныя заведенія ⁷⁰⁾. Такіе же совѣты въ концѣ 1862 и въ 1863 году открыты: въ Москвѣ въ приходѣ св. Власія, что въ Старой Конюшенной, при церкви Рождества Христова, что въ Палашахъ, при Воскресенской на Остоженкѣ церкви и, наконецъ, въ Симферополѣ при Александро-Невскомъ кафедральномъ соборѣ, съ училищемъ для дѣтей, причемъ этотъ послѣдній совѣтъ не исключаль изъ круга своей попечительности и бѣдныхъ иновѣрцевъ ⁷¹⁾. Мы не станемъ далѣе подробно слѣдить за учрежденіемъ приходскихъ совѣтовъ, такъ какъ до появленія закона 1864 года о приходскихъ попечительствахъ такое открытіе этихъ совѣтовъ въ столицахъ и въ провинціи было явленіемъ довольно рѣдкимъ.

Самъ отецъ Гумилевскій возбуждившій къ жизни приходскую благотворительность успѣль въ началѣ 1863 года образовать два братства. Одно изъ нихъ преслѣдовало цѣли просвѣтельныя и рѣшилось помогать народнымъ школамъ Петербургской епархіи заведеннымъ духовенствомъ и, кромѣ того, давать пособія бѣднымъ студентамъ Петербургской духовной академіи и осиротѣвшимъ семействамъ труженниковъ духовной науки и литературы. Другое братство названное „Приходскимъ Рождественскимъ братствомъ“ было открыто 7 апрѣля 1863 года, и отецъ Гумилевскій успѣль на собранныя имъ средства въ весьма краткое время устроить у себя на Пескахъ пріютъ въ которомъ нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ обучались ремесламъ. Въ пріютскомъ домѣ также устроены были: богадѣльня, больница и библіотека. Особенно интересно обратить вниманіе на учрежденіе при братствѣ обѣдовъ для нищихъ и на устройство общины сестеръ служащихъ братству по примѣру древнихъ православныхъ діаконисъ. Въ статьѣ „Современное обозрѣніе“ журнала *Духъ Христіанина*, за мартъ 1865 годъ, ставился важный вопросъ: чѣмъ подвигнуть народъ на истинную, полезную благотворительность? Надо возвратиться (отвѣчалъ авторъ) къ тому способу благотворенія который издревле употреблялся въ христіанской Церкви и который доселѣ живеть въ памяти и даже въ обычаяхъ нашего народа. Этотъ способъ благотворенія весьма простой. Онъ состоитъ въ возстановленіи тѣхъ „вечерей любви“, или тѣхъ „братскихъ обѣдовъ“ для бѣдныхъ

и нищихъ, память о которыхъ до сихъ поръ сохраняется у насъ на Руси въ наименованіи священнѣйшаго богослуженія нашего „обѣднею“. Въ мартовской и апрѣльской книжкахъ журнала *Духъ Христіанина* за 1865 годъ помѣщена статья: „Христіанскія вечера любви“, изъ которой можно почерпнуть обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ „вечеряхъ“. Нѣкоторыя злоупотребленія возникшія при вечерахъ любви побудили церковь прекратить эти вечера; но бѣдные и и нищіе для которыхъ особенно благодѣтельны были эти вечера не забыли о нихъ и потому становились въ храмѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ устроились нѣкогда эти вечера, именно, въ притворахъ храмовъ, или же трапезахъ, отчего это мѣсто получило новое наименованіе паперти (отъ латинскаго слова „паперга“, то-есть бѣдный, нищій). Нашему народу давно знакомы эти обѣды и онъ издревле хранитъ эти обѣды, учреждая въ своихъ домахъ „поминальные обѣды для нищихъ“ въ дни смерти своихъ близкихъ.

Возстановляя въ своемъ братствѣ многіе трогательныя братскіе обряды и обычаи, какъ напримѣръ, примирительный братскій судъ, стояніе братчиковъ въ извѣстные моменты богослуженія съ возженными свѣчами, отецъ Гумилевскій возстановилъ при братствѣ и обѣды для бѣдныхъ и нищихъ по воскреснымъ и празничнымъ днямъ, а также и въ тѣ дни, когда получались заказы на поминаловіе заздравное или заупокойное. Въ этихъ обѣдахъ благотворительная сторона которыхъ столь понятна нашему народу, по мнѣнію отца Гумилевскаго, заключается основа прочности всѣхъ братскихъ учрежденій, и онъ совѣтовалъ приходскимъ священникамъ съ этихъ братскихъ обѣдовъ даже начинать дѣло братствъ. За братскими обѣдами при Христорождественской церкви прислуживали сестры братства по примѣру древнихъ христіанскихъ діаконисъ. Эти сестры приняли на себя служеніе бѣднымъ прихода. Онѣ обучали дѣтей, ходили за больными, посѣщали бѣдныхъ на квартирахъ, а также арестантское отдѣленіе для утѣшенія содержавшихся тамъ женщинъ.

Въ заключеніе нашего краткаго обзора о замѣчательной дѣятельности отца Гумилевскаго мы упомянемъ что ревность его къ приходскому и просвѣтительному дѣлу простиралась до того что онъ взялъ на себя даже составленіе особыхъ пѣсней для дѣтей прирѣвваемыхъ въ братскомъ пріютѣ и самъ сочинилъ „братскую пѣснь“ и „нищенскую пѣснь“; эти пѣсни были затѣмъ переложены извѣстнымъ учителемъ пѣнія г. Ламакинымъ на ноты для музыки и пѣнія по тому простому напѣву какой доступенъ дѣтямъ ⁷²).

Прежде чѣмъ мы коснемся того движенія которое произошло въ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ кругахъ, столичныхъ и провинціаль-

пользу возрожденія приходской и братской самодѣтельности и самостоятельности, замѣтимъ что тогдашніе духовные дѣятели не побоялись упрека въ подражаніи и заимствованіи этихъ началъ у инославныхъ христіанъ. Будучи людьми образованными, они прекрасно знали о соборныхъ устояхъ нашей православной Церкви и о томъ громадномъ значеніи которое имѣли наши приходы въ древности, а равно и о всей каноничности происхожденія нашихъ братствъ. Они также хорошо понимали что отдѣленіе духовенства отъ прочихъ вѣрующихъ является началомъ по преимуществу католическимъ и несроднымъ духу нашей церковности. Подмѣчая въ организаціи инославныхъ христіанскихъ приходо-родственныхъ нашему церковному строю явленія, составители ученыхъ статей въ нашихъ духовныхъ журналахъ начала шестидесятыхъ годовъ спѣшили познакомить читателей съ этою организаціей. Особенное вниманіе было обращено на образцовую во многихъ отношеніяхъ организацію шведскихъ и датскихъ приходо-родственныхъ общинъ имѣющихъ свои подати (самообложеніе), свои финансы, свои богадѣльни и больницы ⁷³). При изученіи церковной жизни въ лютеранскихъ приходахъ Саксоніи, Ольденбурга и другихъ протестантскихъ странъ, указывалось что въ тѣхъ церквахъ гдѣ общинамъ предоставлено было большое участіе въ церковныхъ дѣлахъ, тамъ внутренняя церковная жизнь развивалась гораздо плодотворнѣе чѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ все предоставлено одному только духовенству или, правильнѣе говоря, одному духовному начальству ⁷⁴).

Кромѣ поименованныхъ выше священниковъ обѣихъ столицъ, дѣломъ возстановленія православныхъ братствъ и развитіемъ приходской самодѣтельности и самостоятельности увлекалось довольно много образованныхъ и просвѣщенныхъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія.

Главное движеніе къ широкому возстановленію древнихъ братствъ обнаружилось въ Кіевской епархіи, благодаря вновь назначенному въ 1860 году митрополиту Кіевскому Арсенію явившемуся покровителемъ братскихъ учрежденій и сторонникомъ живыхъ началъ въ церковно-общественной жизни, а также возстановителемъ введенной еще въ началѣ XIX вѣка въ Кіевской епархіи знаменитымъ митрополитомъ Евгеніемъ выборной системы въ духовномъ управленіи ⁷⁵.

Въ *Кіевскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ* за 1862 годъ (№ 8 —) былъ представленъ историческій обзоръ братствъ въ Россіи съ заніемъ ихъ устройства, возможности и пользы возрожденія угасающей общественной силы и въ настоящее время. Въ этой статьѣ между прочимъ, указывалось что гоненія за вѣру нѣтъ, преповы Г-славію уничтожены, откупная система пала; однимъ изъ новаго акцизнаго управленія разрѣшалось сыченіе меда къ Google

праздникамъ, слѣдовательно (говорилось въ статьѣ) представляется полная возможность возстановить одинъ изъ главнѣйшихъ источниковъ доходовъ братскихъ. Въ тѣхъ же вѣдомостяхъ (1862 года, № 17) появился составленный при Киевской духовной академіи замѣчательный уставъ для сельскихъ православныхъ братствъ, обработанный на основаніи древнихъ братскихъ уставовъ, но примѣнительно къ современнымъ требованіямъ. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1862 года послѣдовало съ благословенія митрополита Арсенія открытіе, согласно мірскому приговору, братства въ м. Райгородѣ, Черкаскаго уѣзда, а затѣмъ послѣдовали мірскіе приговоры объ открытіи братствъ и въ другихъ мѣстахъ ⁷⁶). Такъ, въ 1863 году по благословенію архіепископа Подольскаго Ирмнарха возстановлено при Каменецкомъ кафедральномъ соборѣ православное церковное братство, по примѣру издавна существовавшихъ въ Подоліи братствъ, и въ 1864 году торжественно было открыто въ Киевѣ Свято-Владимірское братство и званіе его покровителя принялъ на себя митрополитъ Арсеній ⁷⁷).

Въ отношеніи возбужденія интереса общества къ братствамъ и приходской организаціи на пользу православія и русской народности необходимо здѣсь также отмѣтить выдающуюся дѣятельность профессора С.-Петербургской духовной академіи М. О. Кояловича, автора извѣстнаго изслѣдованія о литовской церковной уніи (сочиненіе вышло въ 1859—1861 г.), поколебленной, замѣчательно стойкою и энергичною дѣятельностію нашихъ западныхъ братствъ. Въ 1862 году въ домѣ ревнителя православія П. Н. Батюшкова Кояловичъ прочиталъ свои пять лекцій о древнихъ православныхъ братствахъ предъ избраннымъ обществомъ, и въ томъ же году совершилъ свое путешествіе по западному краю съ цѣлію обнаруженія остатковъ православныхъ братствъ при церквахъ Гродненской, Виленской, Минской, и Могилевской губерній ⁷⁸). Свои изслѣдованія объ этой поѣздкѣ, а также и лекціи, Кояловичъ напечаталъ въ газетѣ *День*, а именно, въ нумерахъ 36—42 за 1862 годъ помѣщены „Чтенія о церковныхъ западно-русскихъ братствахъ“, а въ нумерахъ 44 и 45 помѣщены „Свѣдѣнія о современномъ состояніи западно-русскихъ православныхъ братствъ“. Изъ этихъ свѣдѣній мы узнаемъ что въ названныхъ губерніяхъ Кояловичемъ обнаружено всего 276 братствъ при мѣстныхъ церквахъ. Наконецъ, въ № 46 газеты *День* за 1863 годъ Кояловичъ помѣстилъ печатное приглашеніе записываться въ члены нашихъ западныхъ братствъ ⁷⁹). Въ статьѣ газеты *День* (№ 8 за 1864 годъ) М. О. Кояловичъ, между прочимъ, говоритъ что кромѣ историческихъ дѣлъ братскихъ, неподлежащихъ никакому сомнѣнію и пререканію, чистота братствъ въ православномъ смыслѣ засвидѣтельствована многими восточными патріархами и лучшими западно-

русскими іерархами. Такъ, братства утверждали Антиохійскій патріархъ Іоакимъ, Константинопольскіе патріархи Іеремія и Кирилль Лукарисъ, Кіевскій митрополитъ Петръ Могила, епископъ Георгій Конискій и другіе. Западно-русскимъ братствамъ сочувствовали и благотворили православные русскіе государи, какъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Львовскому братству, Алексѣй Михайловичъ тому же братству и Виленскому, Елисавета Петровна Могилевскому и Виленскому братствамъ ⁸⁰).

Все это движеніе въ пользу братствъ нашло себѣ еще болѣе широкое сочувствіе въ нашемъ обществѣ, когда оно особенно встревожилось за участь Православія на западѣ Россіи, узнавъ что польскіе мятежники стали посягать на жизнь православныхъ священниковъ и умертвили нѣкоторыхъ изъ нихъ. Отчужденность православнаго западно-русскаго священника отъ народа обусловленная прежними правительственными мѣропріятіями особенно тяжело сказалась въ польскомъ мятежѣ. Священникъ не имѣлъ никакого голоса въ мѣстномъ управленіи въ мірскихъ сходкахъ, не имѣлъ права ходатайства по дѣламъ общества и былъ безмолвнымъ свидѣтелемъ панско-чиновническаго хозяйствованія и интригъ въ народѣ на пользу „ойчизны“ и во вредъ русскимъ интересамъ ⁸¹). Одинокю и въ тѣни стояло западное православное духовенство и въ отношеніи къ коренному великороссійскому населенію мало заботившемуся о бѣлорусскихъ и малороссійскихъ порядкахъ.

Мы уже выше привели покаянное посланіе изъ Москвы къ бѣлорусскому духовенству, и это пробудившееся въ обществѣ сочувствіе не осталось безъ практическихъ результатовъ.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* за 1863 годъ (въ № 116) бывшій попечитель Виленскаго учебнаго округа князь Ширинскій-Шихматовъ обратился съ печатнымъ воззваніемъ къ русскому обществу, въ которомъ горячо и убѣдительно приглашалъ поступать въ члены западно-русскихъ братствъ, и въ частности въ братство находившееся въ мѣстечкѣ Радзивиловичи, Гродненской губерніи и уѣзда, при Свято-Евстаѣевской церкви ⁸²).

Первымъ откликнулся на этотъ призывъ И. С. Аксаковъ который, открывая страницы своей газеты *День* для сбора пожертвованій, просилъ князя Ширинскаго-Шихматова принять его „братски“ членомъ самобѣднѣйшей церковной общины западнаго края. Затѣмъ, въ весьма непродолжительное время княземъ получено изъ Москвы и изъ другихъ городовъ нѣсколько писемъ съ заявленіемъ самаго теплаго патріотическаго участія къ его предложенію и съ препровожденіемъ посильныхъ пожертвованій. Вообще слѣдуетъ замѣтить что благодаря усердной разработкѣ вопроса о братствахъ газетами *День*

и *Московскими Вѣдомостями* братскій вопросъ сталъ уже общерусскимъ народнымъ дѣломъ. Вслѣдъ за Аксаковымъ и другими лицами стали записываться въ члены западно-русскихъ братствъ многіе видные русскіе дѣятели; въ томъ числѣ назовемъ священника А. В. Гумилевскаго записавшагося членомъ Березскаго братства Гродненской губерніи, П. Н. Батюшкова бывшаго „старшимъ братчикомъ“ во многихъ западныхъ братствахъ, священника А. Ключарева открывшаго страницы своего журнала *Душеполезное Чтеніе* для сбора пожертвованій и переписки по этому дѣлу и многіе другіе. Въ Москвѣ появились „братчики-сборщики“ и положено начало къ образованію „Среданнаго братства“, а также появился отдѣлъ Фастовскаго братства, Вѣлостокскаго уѣзда Гродненской губерніи, и эти братчики, воспользовавшись приглашеніемъ отца Ключарева, помѣщали свои интересные отчеты въ журналъ *Душеполезное Чтеніе* ⁸³⁾.

Заботливый взоръ обращала великая княгиня Елена Павловна на духовенство и духовныя училища. Будучи въ Москвѣ весною 1864 года, она вмѣстѣ съ ректоромъ духовной академіи Горскимъ, протоіереемъ Ключаревымъ и преосвященнымъ Леонидомъ совѣщалась объ участи бѣдныхъ учениковъ духовныхъ училищъ, и плодомъ этихъ совѣщаній было открытіе уже въ 1865 г. въ Москвѣ при церкви св. Николая явленнаго на Арбатской улицѣ братства имѣющаго цѣлю попеченіе о нуждахъ воспитанія бѣднѣйшихъ дѣтей духовнаго сословія обучающихся въ духовныхъ училищахъ Московской епархіи ⁸⁴⁾. Были сдѣланы предположенія объ открытіи въ Вильнѣ центральнаго „западно-рускаго братства“, и затѣмъ когда въ 1865 году въ этомъ городѣ возстановилось древнее Свято-Духовское братство, деньги и пожертвованія собранныя для юго-западнаго братства были переданы новоучрежденному Свято-Духовскому братству ⁸⁵⁾. Наконецъ, отмѣтимъ что въ Петербургѣ, въ концѣ 1863 года, графини Протасова и Блудова обратились съ воззваніемъ къ православнымъ благотворителямъ, испрашивая помощи для бѣдствовавшихъ во время польскаго возстанія церквей и духовенства въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Со всѣхъ концовъ Россіи получили сердечный отвѣтъ на свой призывъ, и въ самомъ щѣ того же 1863 года уже былъ напечатанъ особый отчетъ о тупившихъ пожертвованіяхъ деньгами и вещами; вскорѣ всѣ русскіе журналы и многія частныя складчины поспѣшили дѣятельно очь въ поддержаніи русскаго народа въ сѣверо-западномъ краѣ тяжелую годину, а когда эта година миновала, названныя графини, при содѣйствіи многихъ дамъ высшаго свѣта (какъ напр., княгини Шереметевой, княгини Долгоруковой и др.) и извѣстнаго

ревнителя Православія Ѡ. П. Корнилова, задумали, воспользовавшись остаточными средствами, учредить въ Острогѣ (Волинской губерніи), мѣстности уже послужившей однажды въ концѣ XVI вѣка подъ руководствомъ доблестнаго князя Константина Константиновича Острожскаго очагомъ возрожденія православнаго просвѣщенія, религиозно-просвѣтительное и благотворительное братство въ честь первоучителей славянскихъ св. Кирилла и Меодія⁶⁵⁾.

ГЛАВА IV.

65) О смѣлости проекта отца Гумилевскаго можно судить по письму баронесы Раденъ къ К. Д. Кавелину, отъ 11 марта 1864 года. Въ этомъ письмѣ баронеса Раденъ, между прочимъ, пишетъ: „въ настоящее время графиню Антонину Блудову озабочиваетъ учрежденіе братства (въ Острогѣ) для поддержанія въ западныхъ губерніяхъ русскаго и православнаго элемента. Слѣдуетъ ли прибавлять что она преодолѣла тысячи затрудненій, начиная съ названія „братства“ которое представляется опаснымъ и кончая малѣйшими подробностями устройства.“ „Изъ жизни К. Д. Кавелина во Франціи и Германіи въ 1862--1864 годахъ“, *Русская Мысль*, апрѣль 1900 г. См. также „официальныя возраженія противъ предложеній объ учрежденіи въ началѣ 60-хъ годовъ въ С.-Петербургѣ братства при Исаакіевскомъ соборѣ“; рукоп. сборн. митр. Исидора, № 60.

66) Весьма интересно сопоставить мнѣнія высказанныя въ статьѣ „Замѣтки приходскаго священника“ Лебедева въ журналѣ *Душеполезное Чтеніе* за 1861 годъ. Авторъ, между прочимъ, говоритъ что священникъ можетъ сдѣлать очень много въ своемъ приходѣ, когда сами прихожане или, по крайней мѣрѣ, вліятельные изъ нихъ, не останутся равнодушными къ дѣли и обязанностямъ его служенія и будутъ содѣйствовать ему своимъ уваженіемъ къ его правамъ, своимъ вниманіемъ и сочувствіемъ къ его законнымъ и разумнымъ требованіямъ и внушеніямъ. А это все въ полной мѣрѣ возможно только въ томъ случаѣ, когда истинное христіанское образованіе распространится во всѣхъ классахъ общества и проникнетъ въ нашу плоть и кровь.

67) Въ *Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ* (1862 г. № 16) указывалось что св. Кириллъ и Меодій были именно народными учителями и поэтому предлагалось сдѣлать 11 мая днемъ празднованія для сельскихъ школъ. Подобный проектъ развивался также въ газетѣ *День*.

68) Въ февральской книжкѣ *Душеполезнаго Чтенія* за 1862 годъ напечатана была статья священника Сперанскаго: „О древней и современной намъ христіанской благотворительности“, въ которой проводилась съ замѣчательной ясностью и полною удобоприложимостью мысль объ учрежденіи въ православныхъ приходяхъ попечительныхъ совѣтовъ о приходскихъ бѣдныхъ. Эта статья, между прочимъ, и навела священника Ключарева на мысль и воодушевила прихожанъ Казанской церкви (въ Москвѣ) учредить такой совѣтъ при названной церкви (см. мартовскую книжку того же журнала за 1862 годъ).

69) Самъ митрополитъ Филаретъ былъ сторонникомъ развитія братскихъ учреждений на приходской почвѣ, какъ въ этомъ, между прочимъ, убѣждаютъ назидательныя мысли его объ учрежденіи „вѣропроповѣдническаго братства“ для образованія проповѣдниковъ, причемъ почетными попечителями такого братства онъ допускалъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ особъ; см. донесеніе митрополита Св. Синоду отъ 17 мая 1860 года. Собраніе мнѣній и отзывовъ, т. IV, стр. 533. См. также статью: „Дѣятельность митрополита Московскаго Филарета въ холеру 1830 — 1831 года“. И Корсунскаго: „Прибавленіе къ твореніямъ св. отца“, ч. 39, 1887 года.

70) „15 сентября 1862 года исполнилось столѣтіе Благовѣщенской церкви, получившей первое освященіе отъ новоявленнаго угодника Божія святителя Тихона Задонскаго“, писали въ своемъ прошеніи священнослужители этой церкви. Въ ознаменованіе этого торжественнаго событія они, по согласію съ прихожанами, и постановили учредить благотворительное общество.

71) См. подробности въ журналѣ *Духъ Христіанина*, сентябрь 1863 года „современное обозрѣніе“; также *Душеполезное Чтеніе*, апрѣль 1863 года; *Православное Обозрѣніе*, июль 1862 года „О приходской благотворительности“ и январь 1863 года; *Духовный Вѣстникъ* 1862 года т. II, „лѣтоп. листокъ“. Отмѣтимъ также что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Москвѣ устроилось „братолюбивое общество“ съ цѣлію доставлять бѣднымъ людямъ дешевыя квартиры (*Душеполезное Чтеніе*, январь 1868 года „извѣстія“).

72) Подробности объ этомъ замѣчательномъ „приходскомъ братствѣ“ можно почерпнуть изъ лѣтописи веденной отцомъ Гумилевскимъ и напечатанной въ журналѣ *Духъ Христіанина* за 1862, 1863, 1864 и 1865 годы (въ особенности см. май — июнь 1864 г. и мартъ — май 1865 г.), Дѣятельность священника Гумилевскаго можетъ служить примѣромъ того что въ состояніи сдѣлать приходскій священникъ, когда онъ находится въ тѣсномъ духовномъ единеніи со своимъ приходомъ. Отецъ Александръ Васильевичъ Гумилевскій скончался 20 мая 1869 года, 38 лѣтъ отъ роду. Въ небольшомъ некрологѣ помѣщенномъ въ журналѣ *Христіанское Чтеніе*, 1869 года ч. I, между прочимъ, говорится: „онъ первый поднялъ вопросъ о выборномъ началѣ въ духовенствѣ“, и его голосъ нашель себѣ сочувствіе прежде всѣхъ въ митрополитѣ Киевскомъ Арсеніи; онъ первый также печатно заговорилъ объ учрежденіи у насъ братствъ и свое слово первый же самъ подтвердилъ дѣломъ, учредивъ „Христорожественское братство“ въ Петербургѣ; по его примѣру учреждены во многихъ мѣстахъ другія братства и даже приходскія попечительства; онъ первый потомъ печатно осмѣлился воззвать противъ злоупотребленій въ нашихъ училищахъ (третья явки) и въ духовныхъ консисторіяхъ. См. біографическія подробности объ Александрѣ Васильевичѣ Гумилевскомъ въ книгѣ Н. А. Скроботова „Приходскій священникъ А. В. Гумилевскій“ 1871 г.

73) См. *Духъ Христіанина* декабрь 1861 г., июнь 1862 г.; *Духовная Бесѣда*, церковная лѣтопись“, ноябрь и декабрь 1861 г., июнь 1862 годъ; *Христіанское Чтеніе*, 1863 г. ч. I, № 141, „современные вопросы о братскихъ и приходскихъ совѣтахъ“.

74) *Православное Обозрѣніе*, апрѣль—июль, 1861 года.

75) Весьма интересная статья Крыжановскаго „Очерки быта малороссійскаго сельскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ“ помѣщена въ журналѣ *Руководство для сельскихъ пастырей* 1861 г. №№ 39, 49 и 51. Въ этой статьѣ авторъ приводитъ свѣдѣнія объ автономіи малороссійскихъ приходовъ въ древности.

76) Объ открытіи въ 1862 году „братства Черниговской епархіи“ см. *Черниговскія епархіальныя извѣстія* за тотъ же годъ № 9.

77) *Страникъ*, ноябрь, 1863 г. „хроника“ и 1864 г., августъ. „хроника“.

78) Свѣдѣнія о существованіи древнихъ братствъ у насъ на югѣ, именно въ Подольской губерніи, Ольгопольскаго уѣзда, дошли до Батюшкова отъ мѣстнаго священника еще въ 1859 году.

79) Списки братства помѣщены въ №№ 46 и 52 газеты *День* за 1863 годъ и въ № 5 и 8 за 1864 годъ.

80) Воззваніе о пожертвованіи на церкви Минской губерніи было сдѣлано Кояловичемъ въ 1864 году. См. также статью Амосова „Путевыя замѣтки“ въ *Духовномъ Вѣстникѣ* 1863 года о желательности возстановленія братствъ. Тѣ же мысли въ статьѣ Уманца: „О нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ духовномъ вѣдомствѣ“, *Отечественныя Записки* 1862 г. № 143. Здѣсь мы кстати приведемъ что и въ свѣтской литературѣ обращено было вниманіе на историческое происхожденіе братскихъ учреждений: упомянемъ о статьѣ Соловьева: „Братчины“ (*Русская Бесѣда*, 1856 г., кн. VI) и А. Попова: „Пиръ и братчины“ (въ *Арх. ист. и юридич. свѣд.* Калачева, т. II, стр. 30). См. также *Духовный Вѣстникъ*, 1862 г. т. II.

81) См. *Труды Кіевской Духовной Академіи* 1863 г. т. II. замѣтка о предоставленіи священнику полнаго участія въ „мірскихъ“ интересахъ и права ходатайства по „мірскимъ“ дѣламъ.

82) По мысли князя Ширинскаго-Шихмитова: „прямое непосредственное участіе общества въ собственныхъ своихъ дѣлахъ (церковныхъ) будетъ имѣть благотворныя послѣдствія: интересы церкви и школы войдутъ тогда въ жизнь народа“.

83) *Душеспольное Чтеніе* 1863 г., декабрь, „извѣстія“.

84) „Письма митрополита Филарета“, изд. епископа Саввы, т. II, стр. 247.

85) См. газету *День* 1863 г. № 19. „Воззваніе къ Русскимъ изъ Западно-русскаго края“ и № 28 „Изъ Вильны“.

А. Папковъ.

Л. А. М Е Й.

Критическій очеркъ.

Шестидесять лѣтъ тому назадъ въ одной изъ книжекъ *Маяка* за 1841 годъ появилось въ печати первое стихотвореніе молодаго поэта еще не сошедшаго со школьной скамьи прославленнаго имени Пушкина Царскосельскаго лица; стихотвореніе это озаглавленное „Гвангани“ представляло собой отрывокъ изъ поэмы „Колумбъ“ и принадлежало перу одного изъ наиболѣе симпатичныхъ и наименѣе „удачливыхъ“ представителей русской поэзіи 50-хъ годовъ Льва Александровича Мея. Слишкомъ мало оцѣненный при жизни и слишкомъ скоро забытый послѣ смерти, Мей является живымъ и яркимъ воплощеніемъ того типа талантливыхъ неудачниковъ который такъ часто встрѣчается среди нашихъ литераторовъ. Дѣйствительно, кто теперь знаетъ и кто интересуется Меемъ? Можно смѣло сказать что за исключеніемъ немногихъ любителей и цѣнителей истинной поэзіи большая публика почти вовсе незнакома съ нимъ, знаетъ его имя понаслышкѣ, а его произведенія по опернымъ либрето „Псковитянки“ и „Царской Невѣсты“ Римскаго-Корсакова. Между тѣмъ мы вовсе не настолько богаты талантами чтобы могли забывать второстепенныхъ нашихъ поэтовъ къ которымъ принадлежитъ и Мей; поэтому цѣлю настоящей статьи будетъ напомнить русской читающей публикѣ объ этомъ талантливомъ неудачникѣ несправедливо преданномъ забвенію.

Л. А. Мей родился въ Москвѣ 13 февраля 1822 года. Отецъ его былъ обрусѣлый Нѣмецъ принимавшій участіе въ Бородинской битвѣ, мать происходила изъ стараго дворянскаго рода Шлыковыхъ. Послѣ смерти отца семейство осталось въ очень стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, но это не помѣшало матери поэта позаботиться о возможно правильномъ воспитаніи сына. Первоначально Мей былъ помѣщенъ въ Московскій дворянскій пансіонъ, но въ 1835 году онъ

былъ переведенъ оттуда въ числѣ лучшихъ учениковъ въ Царско-сельскій лицей, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1841 году. Товарищъ Мея по лицей и небезызвѣстный писатель В. Р. Зотовъ сохранилъ для насъ нѣкоторыя черты изъ этого періода жизни нашего поэта. По его словамъ, учился Мей очень хорошо, благодаря своимъ рѣдкимъ способностямъ и прекрасной памяти, но у начальства не былъ на хорошемъ счету, такъ какъ поведеніе его оставляло желать многого. Во всякой ученической шалости Мей непремѣнно былъ замѣпанъ или какъ зачинщикъ, или просто какъ участникъ; позднѣе въ старшихъ классахъ эти шалости приняли форму настоящихъ кутежей, при чемъ лицеисты тайкомъ вырвавшись изъ заведенія скакали вечеромъ на тройкахъ въ Петербургъ, для того чтобы на другое утро какъ ни въ чемъ не бывало явиться въ классы. Позднѣе эта склонность къ беспорядочной жизни, какъ извѣстно, сыграла роковую роль въ судьбѣ нашего поэта.

Но наряду съ этими проявленіями юношескаго задора и молодечества были и другіе интересы высшаго порядка которые привлекали къ себѣ лицеистовъ. Въ лицей всегда были живы литературныя традиціи освященныя памятью Пушкина, и поэтому вполне естественно что и Мей отдался своей природной склонности къ поэзіи и сталъ усерднымъ сотрудникомъ издававшегося тогда въ лицей журнала *Вообще*. Въ печати онъ выступилъ впервые, какъ уже было сказано выше, въ 1841 году въ журналѣ *Маякъ* издававшемся С. А. Бурачкомъ и по своему направленію имѣвшемъ много общаго съ *Москвитяиномъ* Погодина. Въ журналѣ этомъ особенно культивировалась „русская народность“, хотя редакторъ понималъ ее иногда довольно своеобразно и односторонне. Такимъ образомъ уже во время пребыванія въ училищѣ у Мея опредѣлились вполне его народныя симпатіи и его тяготѣніе въ сторону русскаго національнаго духа. Уже первыя стихотворенія его носятъ ясныя признаки недюжиннаго дарованія, а по звучности стиха и по тщательности отдѣлки они выдерживаютъ сравненіе даже съ лицейскими стихотвореніями Пушкина.

По окончаніи курса въ лицей Мей поступилъ на службу въ канцелярію московскаго генераль-губернатора и поселился въ домъ священника прихода Николы, что въ Хамовникахъ. Черезъ хозяина онъ познакомился со многими духовными лицами, и это пробудило въ немъ особенный интересъ къ религіознымъ вопросамъ. Мей, вообще, до конца жизни отличался глубокою религіозностію, любилъ исполнять церковныя обрядности и часто возвращался къ чтенію книгъ Ветхаго и Новаго заветъа, о чемъ свидѣлствуютъ его прекрасные переводы и переложенія многихъ отдѣльныхъ мѣстъ Священнаго Писанія.

Весной 1852 года Мей женился на С. Г. Полянской, и на лето молодая чета поселилась въ небольшомъ домикѣ на берегу Москвы-рѣки противъ Нескучнаго сада. Здѣсь собирався нерѣдко кружокъ близкихъ лицъ группировавшихся вокругъ *Москвитянина*: А. Н. Островскій тогда еще только начинавшій пробовать свои силы, М. П. Погодинъ, Бергъ и др. Пріѣзжали иногда и графиня Е. П. Ростопчина, и Т. И. Филипповъ доставлявшій обществу большое удовольствіе мастерскимъ исполненіемъ русскихъ народныхъ пѣсень. Такимъ образомъ Мей находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ наиболѣе выдающимися членами такъ называемой „молодой редакціи *Москвитянина*“ къ которой кромѣ поименованныхъ принадлежали еще Ап. Григорьевъ, Эдельсонъ, Алмазовъ и нѣкоторые другіе. Въ этомъ же журналѣ продолжалъ Мей свою литературную дѣятельность начатую въ петербургскомъ *Маякѣ*. Для характеристики тогдашнихъ тяжелыхъ цензурныхъ порядковъ любопытно отмѣтить что даже и его стихотворенія подвергались иногда запрещенію: такъ, напримѣръ, запрещена была духовною цензурой его извѣстная поэма: „Отойди отъ меня, Сатана“, въ которой строгій цензоръ усмотрѣлъ „нѣчто языческое“¹⁾.

Что касается до службы, то она слагалась для Мей не особенно удачно. Въ 1849 г. онъ покинулъ канцелярію генераль-губернатора и болѣе года оставался безъ мѣста, пока не былъ назначенъ инспекторомъ 2-й московской гимназіи. Но и здѣсь онъ прослужилъ недолго. Обративъ вниманіе на злоупотребленія эконома и грубое обращеніе воспитателей, онъ возбудилъ къ себѣ ненависть лицъ съ которыми ему приходилось служить, и поэтому не смотря на любовь и уваженіе воспитанниковъ, положеніе его стало настолько тягостнымъ что онъ предпочелъ выйти въ отставку. На этомъ и окончилась служебная дѣятельность Мей. Изъ литературныхъ произведеній этого періода жизни необходимо упомянуть о драмѣ *Царская Невѣста* напечатанной въ *Москвитянинѣ* за 1849 годъ и о прекрасномъ переводѣ „Слова о полку Игоревѣ“ относящемся къ слѣдующему году.

Оставивъ службу во 2-й гимназіи, Мей переселился съ женой въ Петербургъ гдѣ и причислился къ археографической комисіи. Терявъ такимъ образомъ опредѣленный заработокъ который дала ему служба, Мей, принужденъ былъ искать средствъ къ существованію въ литературной работѣ. Отъ этого ему часто приходилось много писать наспѣхъ, къ сроку, безъ достаточной отдѣлки, такая работа, къ сожалѣнію, не могла, конечно, не отразиться на

1) Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Т. XI, стр. 403.

достоинствѣ его произведеній. Кромѣ стиховъ, онъ занимался и переводами, писалъ разказы и очерки этнографическіе и историческіе, и т. п. Можетъ быть при подобномъ усиленномъ трудѣ онъ могъ бы разчитывать на значительный заработокъ, но природная беззаботность и полное отсутствіе умѣренности и акуратности дѣлали его очень дурнымъ распорядителемъ своихъ доходовъ. Я. П. Полонскій въ своихъ воспоминаніяхъ о Меѣ свидѣтельствуетъ что поэту нерѣдко случалось сидѣть безъ копѣйки; иногда онъ созывалъ къ себѣ на чай гостей и, пока они собирались у него, ѣздилъ по городу доставать немного денегъ чтобы купить чаю, сахару, вина и пр., при чемъ гостямъ приходилось сидѣть безъ хозяина до 10—11 часовъ вечера ²⁾. Но лишь только въ его руки попадали деньги, онъ сорилъ ими направо и налево и раздавалъ всякому кто только просилъ его, потому что доброта и отзывчивость составляли отличительную черту его характера.

Безалаберная жизнь „литературной богемы“ не мѣшала Мею быть очень гостепріимнымъ хозяиномъ. Въ его квартирѣ собирались многіе видные представители современной журналистики и литературы: Гончаровъ, Тургеневъ, Полонскій, Случевскій, Вс. Крестовскій, Щербина и многіе другіе. Разговоры вращались исключительно въ кругу вопросовъ искусства и поэзіи, и всякій злободневный и политическій элементъ былъ изъ нихъ совершенно изгнанъ. Читались и разбирались журнальныя новинки, обсуждались тѣ или другіе вопросы эстетики, представлялись на судъ друзей законченныя или незаконченныя произведенія...

Въ концѣ 50-хъ годовъ матеріальное положеніе Мея нѣсколько улучшилось благодаря тому что супруга его начала издавать дамскій журналъ *Модный Магазинъ*, и самъ онъ принялъ болѣе близкое участіе въ *Русскомъ Словѣ* издававшемся извѣстнымъ богачемъ и меценатомъ графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко, бывшимъ воспитанникомъ того же Царскосельскаго лицея. Въ великолѣпномъ домѣ графа, на Гагаринской, собирался кружокъ литературной молодежи: Моллеръ, Вс. Крестовскій, Толбинъ, Благосвѣтовъ и др. Устраивались шумные праздники, вечеринки, загородныя прогулки. Жизнь текла весело и шумно... Но тѣмъ грустнѣе было возвращаться изъ этого царства блеска и роскоши къ будничной обстановкѣ и повседневному мелочамъ жизни. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго что человѣкъ старался забыть всѣ мелочныя дразги и все чаще прибѣгалъ къ испытанному издревле и облюбованному еще во времена Владиміра Святаго средству, къ вину. Не мало

²⁾ Полонскій. Л. А. Мей, какъ человѣкъ и писатель. *Русскій Вѣстникъ*, сент. 1896, стр. 107.

силъ, не мало талантливыхъ дѣателей русской литературы погубило вино, и среди нихъ имя Мея занимаетъ несомнѣнно не послѣднее мѣсто. Самъ Мей относился къ своему роковому пристрастію съ благодушною ироніей. Однажды, когда въ домѣ графа Кушелева-Безбородко собравшееся общество состоявшее преимущественно изъ великосвѣтскихъ лицъ попросило за ужиномъ поэта сказать какой-нибудь экспромптъ, Мей продекламировалъ:

Графы и графини,
Счастье вамъ во всемъ!
Мнѣ же лишь въ графинѣ,
Да и то большомъ.

Но не счастье нашелъ онъ въ графинѣ, а безвременную гибель. „Въ послѣднее время, когда я встрѣчалъ Мея, говоритъ Полонскій, у него съ утра уже дрожали руки, такъ какъ для него достаточно было утромъ одной или двухъ рюмокъ водки чтобы ходить весь день съ отуманенною головою“. Нельзя не замѣтить, однако, что Мей самъ сознавалъ, насколько близко связано съ овладѣвшимъ имъ порокомъ неизбежное нравственное паденіе. Въ одномъ мѣстѣ своего дневника, сохраненномъ его биографомъ Зотовымъ ³⁾, онъ приходитъ въ ужасъ при мысли о своемъ „нравственномъ уродствѣ“, бичуетъ себя за дѣйствительные и воображаемые пороки и недостатки, и заканчиваетъ горячею молитвою къ Богу о томъ чтобы Тотъ просвѣтилъ его и далъ ему силы исправиться...

Наконецъ надорванный организмъ поэта не выдержалъ послѣдствій неправильнаго образа жизни; весной 1862 года Мей простудился, никогда не умѣя беречь свое здоровье, и 16 мая его не стало. Только небольшая группа самыхъ близкихъ людей шла за его гробомъ, когда тѣло поэта везли на Митрофаніевское кладбище: многіе даже вовсе не знали о его смерти; ни вѣжковъ, ни прочувствованныхъ рѣчей не было надъ его могилой... Тихо и незамѣтно сошелъ со сцены талантливый, сердечный и несчастный человѣкъ, и до сихъ поръ еще ждетъ онъ себѣ отъ потомства справедливой оцѣнки.

Прежде всего Мей былъ, не смотря на свое полуиѣмецкое происхожденіе, чисто русскимъ человѣкомъ, въ природѣ котораго славянскій элементъ совершенно подавлялъ инородную примѣсь. Поэтому, говоря о его поэзіи, можно съ полнымъ правомъ сказать: „тамъ русскій духъ, тамъ Русью пахнетъ“. Все родное, народное было близко, дорого и понятно Мею. Едва ли даже среди специали-

³⁾ Полное собраніе сочиненій Л. А. Мея. Изд. Мартынова, 1887. Вступительная статья Вл. Зотова.

ство можно сыскать много такихъ глубокихъ знатоковъ русскаго языка въ его современномъ состояніи и въ его исторіи какимъ былъ покойный поэтъ. Въ затруднительныхъ случаяхъ, когда требовалась не только филологическая критика, но и особенная чуткость къ законамъ роднаго слова, друзья Мея изъ числа литераторовъ обращались къ нему за помощью и совѣтомъ. „Вотъ у кого надо учиться русскому языку!“ говорилъ въ подобныхъ случаяхъ другой талантливый поэтъ, Н. Ф. Щербина.

Но знаніе русскаго языка не было у Мея отвлеченнымъ *пониманіемъ*; это было живое *проникновеніе* въ его духъ и въ духъ создавшаго его народа. Поэтому стихотворенія Мея написанныя на народные мотивы принадлежать, несомнѣнно, къ числу наиболее удачныхъ его произведеній. Народныя преданія, обычаи и суевѣрія находили себѣ въ поэтѣ прекраснаго истолкователя, для котораго является важною и интересною всякая черта народной фантазіи, такъ же какъ и всякое мѣткое слово живаго русскаго языка. При этомъ нужно замѣтить что слогъ Мея вовсе не есть поддѣлка подъ народную рѣчь, что онъ не созданъ искусственно, путемъ книжнаго изученія этой рѣчи въ старинныхъ литературныхъ памятникахъ (пріемъ котораго не чуждъ былъ, на примѣръ, и графъ Алексѣй Толстой), но онъ сложился у поэта самимъ собой, благодаря внимательному изученію и любовному усвоенію живой русской рѣчи, не испорченной книжными оборотами, въ ея первобытной простотѣ, свѣжести и образности. *Образность* народнаго языка является именно тѣмъ свойствомъ его, благодаря которому даже простая, будничная рѣчь получаетъ поэтическую силу и выразительность.

Нашъ обычный языкъ, языкъ интеллигентныхъ классовъ, давно уже потерялъ эту первобытную образность, и потому рѣчь наша суха, безцвѣтна и лишена поэтическаго колорита свойственнаго языку народа. Въ нашемъ литературномъ языкѣ въ теченіе вѣковъ умственной жизни накопилась масса абстракцій, отвлеченныхъ понятій и символовъ, между тѣмъ какъ у народа *слово* все еще сохраняетъ непосредственную связь съ *конкретнымъ представленіемъ*, является звуковымъ выраженіемъ живаго, нагляднаго образа. Отсюда понятно что для художника - поэта вполне усвоившаго себѣ живую народную рѣчь она всегда будетъ являться неисчерпимымъ родникомъ поэтическихъ образовъ, давать прекрасныя иллюстраціи для воспроизведенія его мыслей, чувствъ и настроеній.

Изъ этого источника черпалъ обильною рукой и Мей, искусно пользуясь образностію народнаго языка для достиженія своихъ художественныхъ цѣлей. Особенно удачно этотъ пріемъ былъ примененъ Меемъ въ его историческихъ драмахъ, въ которыхъ ему

удалось воскресить старинный русскій языкъ, не впадая при этомъ въ преувеличеніе и искусственность которыми нерѣдко грѣшатъ наши писатели пытающіеся воспроизвести былые вѣка нашей исторіи. Правда, и въ драмахъ Мей встрѣчаются архаизмы, старинныя слова и обороты, но они обыкновенно нисколько не затрудняютъ пониманія, а служатъ лишь средствомъ придать произведенію колоритъ старины. При этомъ Мей, какъ истинный художникъ, не злоупотребляетъ этими архаизмами и прибѣгаетъ къ нимъ обыкновенно лишь въ торжественныхъ сценахъ написанныхъ въ нѣсколько повышенномъ тонѣ. Обычная же рѣчь выводимыхъ имъ лицъ совершенно проста, и быть можетъ именно благодаря этой простотѣ сближающей ее съ народною образною рѣчью производитъ она на читателя такое законченное художественное впечатлѣніе.

Таково, на примѣръ, впечатлѣніе производимое разказомъ Вѣры, жены новгородскаго боярина Шелого (въ драмѣ „Псковитянка“), о своей измѣнѣ мужу и о своей роковой любви къ царю Ивану Васильевичу; подавленная сознаніемъ своей вины, она кается сестрѣ своей Надеждѣ въ своемъ проступкѣ, съ трепетомъ ожидая возвращенія своего мужа. Но не его гнѣва и не наказанія боится она, а собственныхъ угрызений и непобѣдимаго отчаянія. „Не страшень страхъ, Надежа, а страшень грѣхъ“, говоритъ она.

Вотъ какъ любовь змѣя

Подъ сердце ляжетъ, словно подъ колоду,

Да высосетъ всю кровь изъ ретиваго,

Да какъ не то что о грѣхѣ молиться,

А, кажется, молилась бы грѣху,

Такъ тутъ вотъ жутко... что твой лѣсъ потемный!

Она не оправдываетъ своей страсти, не извиняетъ ее никакими соображеніями; она искренне считаетъ ее смертнымъ грѣхомъ котораго ничѣмъ нельзя искупить, она казнится воспоминаніемъ о совершенномъ проступкѣ, но въ то же время все еще находится подъ живымъ обаяніемъ этихъ воспоминаній. Мею удалось съ тонкимъ искусствомъ передать этотъ драматическій конфликтъ въ сердцѣ несчастной женщины, эту двойственность чувства ясно выступающую въ ея разказѣ.

Проснулася я ночью на постелѣ:

Щемитъ мнѣ сердце, сладко таково;

По тѣду дрожь какъ искры присѣкаетъ;

Въ глазахъ круги огнёвые пошли...

Вскочила я, окошко распахнула,

Дышу-дышу всей грудью... а въ саду

Роса дымится, и укропомъ пахнетъ,

И подъ окномъ въ травѣ куеть кузнечникъ...
 Ну, что, Надѣжа, что бы ты сказала,
 Какъ еслибъ онъ да шастъ изъ-за угла,
 Да пошептомъ промолвилъ: „Эхъ, молодка!
 Аль ласковымъ глазкомъ на насъ не взглянешь?
 Аль бѣлою рукою не поманишь?
 Пустила бы въ свѣтелку...“

Я шатнулась

И о косякъ ударилась плечомъ,
 А самоѣ трясетъ какъ въ лихманкѣ...
 Сказать хотѣла: „отойди, проклятый!“
 А говорю: „влѣзай же, что-ль, скорѣй!“
 Ужъ видно Богъ попуталъ за грѣхи!..

Вѣра также какъ и Любаша (въ „Царской Невѣстѣ“) принадлежитъ къ типу сильныхъ русскихъ женщинъ одаренныхъ могучими страстями приводящими ихъ къ гибели. Къ противоположному типу русскихъ женскихъ характеровъ принадлежатъ Ольга и Марѣа. Ольга, дочь Вѣры отъ царя Ивана, спасаетъ Псковъ отъ царскаго гнѣва и разоренія, погибая сама искупительною жертвою. Марѣа выбранная въ невѣсты Грознымъ и потерявшая вслѣдствіе этого любимаго жениха становится жертвою чужой страсти и злобы. Какъ та, такъ и другая воплощаютъ въ себѣ тотъ типъ русской женщины какой создала тяжелая русская дѣйствительность. Способныя къ горячей и беззаветной любви, онѣ вовсе неспособны бороться за свою любовь, когда обстоятельства слагаются наперекоръ ихъ желаніямъ, неспособны къ мужественному протесту, къ отстаиванію своей свободы и своей личности. Сильныя своимъ чувствомъ, онѣ слабы волею и потому неспособны къ дѣйствию и относятся къ жизни совершенно страдательно. Въ сущности, такія натуры всего менѣе драматичны, такъ какъ драма требуетъ дѣйствія, активнаго-проявленія страстей и воли, и такъ какъ гибель ихъ обусловлена не внутренними причинами, не собственною виной, какъ гибель Вѣры и Любаши, а несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и потому производитъ впечатлѣніе случайности. Тѣмъ не менѣе страдальческая участь ихъ вызываетъ въ душѣ зрителя и читателя глубокое сочувствіе вѣстѣ съ чувствомъ негодованія на тѣ историческія условія которыя приводили эти чистыя души къ безвинной гибели.

Историческія драмы Мея *историчны* не потому что въ нихъ введены дѣйствительныя лица и представлены дѣйствительныя событія, а главнымъ образомъ потому что онѣ прекрасно воспроизводятъ ту атмосферу жестокости, произвола и безправія въ которой приходилось жить русскимъ людямъ XVI вѣка, современникамъ царя Ивана Васильевича Грознаго. Напрасно мы стали бы спрашивать

за что страдают и гибнуть совершенно невинные люди, напрасно стали бы доискиваться хоть тѣни справедливости въ ихъ участи, мы видимъ только грубую силу беспощадно ломающую и коверкающую ихъ жизнь, мы видимъ только ихъ полную беспомощность и безответственность предъ лицомъ слѣпago случая. Опричникъ Грязной похищаетъ изъ родительскаго дома Любашу; она становится его любовницею и дѣйствительно привязывается къ нему всею силой своей страстной природы; но проходитъ немного времени, и Грязной ужъ тяготится ею, она надоѣла ему, и онъ равнодушно бросаетъ Любашу для того чтобы добиться любви Марѣы. Вѣра противъ воли отдана замужъ за боярина Шелогу; случайно, въ отсутствіи мужа, она попадаетъ въ руки царя Ивана тѣшащагося охотою въ псковскихъ лѣсахъ: въ ней пробуждается голосъ незатронутаго чувства любви, и она измѣняетъ мужу, становясь жертвою минутной прихоти необузданнаго властелина; но то что для царя Ивана было случайно забавой, является для несчастной женщины смертнымъ приговоромъ. И она отлично знаетъ роковое значеніе своего проступка. „Да что тутъ!“ говорить она сестрѣ:

Онъ вырвалъ сердце мнѣ изъ груди,
Какъ изъ гнѣзда безкрылую касатку,
Ударилъ ѓ землю, да и прочь пошелъ.

И только когда во время похода на беззащитный Псковъ онъ встрѣчаетъ въ домѣ намѣстника дочь свою отъ умершей съ тоски и отчаянія Вѣры, Ольгу, въ немъ вмѣстѣ съ воспоминаніями юности пробуждается что-то похожее на угрызеніе совѣсти, и онъ приказываетъ своимъ кромѣшникамъ:

Да престануть
Убійства!.. Много крови... Притупите
Мечи о камни: Псковъ хранить Господь!

Неистовство опричины, разказъ о разореніи Новгорода, торжество дикой и необузданной силы связанное съ чувствомъ всеобщей беспомощности и беззащитности, все это придаетъ драмамъ Мей глубоко трагической колоритъ. И тѣмъ неожиданнѣе выдѣляется на этомъ мрачномъ фонѣ мощная фигура Грознаго котораго Мей пытался изобразить въ качествѣ какого-то непонятаго современниками народолюбца, въ качествѣ носителя великихъ государственныхъ замысловъ, какимъ представлялъ себѣ его Кавелинъ и нѣкоторые изъ славянофиловъ. Нужно откровенно сознаться что образъ Ивана Грознаго совершенно не удался Мейо: напрасно Мей влагаетъ ему въ уста цѣлыя тирады цѣликомъ взятыя изъ его писемъ къ князю Курбскому, напрасно заставляетъ его излагать свои государственныя

взгляды и планъ, образъ царя не выигрываетъ отъ этого въ жизни. Какъ-будто совершенно забывая о массовыхъ казняхъ только-что происходившихъ въ Новгородѣ Іоаннъ говоритъ сыну: „Да хранить тебя Заступница обидитъ единого отъ малыхъ сихъ!“ Въ устахъ Грознаго эти слова звучатъ нескрываемою ироніей, и авторъ не въ силахъ заставить насъ повѣрить въ искренность этого восклицанія. Личность Іоанна, какъ его хотѣлъ изобразить драматургъ, находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ общею характеристикою времени, съ тѣмъ впечатлѣніемъ которое мы выносимъ изъ предыдущихъ сценъ, и этотъ неожиданный контрастъ ничѣмъ не смягчается и не объясняется. Конечно, были хорошія стороны и въ характерѣ Грознаго, но Мей не удалось привести къ психологическому единству противорѣчивые элементы его личности, дать намъ ключъ къ пониманію его сложной природы. Оттого мощная фигура Іоанна вышла блѣдною, неясною и, что всего хуже, неинтересною. Мей не справился со своею задачею, и въ его оправданіе можно только сказать что Іоаннъ не играетъ въ его драмѣ центральной роли, не сосредоточиваетъ на себѣ главнаго интереса; но еще лучше было бы, еслибы онъ и въ „Псковитянкѣ“ остался за сценою, какъ остается онъ за сценою въ „Царской Невѣстѣ“: отъ этого драма только бы выиграла въ цѣльности художественнаго впечатлѣнія.

Но не смотря на неудачную попытку реабилитировать личность Ивана Грознаго, „Псковитянка“ безусловно принадлежитъ къ лучшимъ образцамъ русской исторической драмы и слѣдуетъ пожалѣть почему ее не поставятъ снова на сцену. Ап. Григорьевъ находилъ что 3-е и 4-е дѣйствія „Псковитянки“ могутъ достойнымъ образомъ стать рядомъ съ „Борисомъ Годуновымъ“ Пушкина, хотя онъ также безусловно осуждалъ книжность и надуманность выведеннаго Мейемъ Ивана Грознаго ⁴⁾). Точно такъ же высоко ставилъ эту драму и Полонскій въ своей статьѣ о Мей. И дѣйствительно, въ сценѣ псковскаго вѣча и въ сценѣ встрѣчи царя Іоанна Мей поднялся до вершины искусства, хотя, къ сожалѣнію, въ послѣднемъ дѣйствіи гдѣ Іоаннъ выступаетъ въ роли сентиментальнаго народолюбца ему не удалось удержаться на этой высотѣ. Мастерски очерченныя фигуры представителей псковской вольницы, Михайлы Тучи и Четверки Терпигорева, цѣлый рядъ яркихъ народныхъ типовъ, прекрасный и мѣткій языкъ которымъ справедливо восхищался такой знатокъ русской рѣчи какъ Погодинъ, вотъ неоспоримыя достоинства „Псковитянки“ дающія ей право на почетное мѣсто въ исторіи русской драмы.

⁴⁾ Сочиненія Аполлона Григорьева, Изданіе Н. Н. Страхова. Томъ I, стр. 531.

Гораздо слабѣе „Псковитянки“ и „Царской Невѣсты“ третье драматическое произведеніе Мея, „Сервилія“, переносящее насъ въ эпоху борьбы между разлагающимся язычествомъ и возникающимъ христіанствомъ. Поэтому мы не станемъ останавливаться на разборѣ этой драмы и перейдемъ къ разсмотрѣнію стихотвореній Мея. Обычный упрекъ дѣлаемый Мею заключается въ томъ что въ произведеніяхъ его мало сказывается его собственная личность и что поэзія его лишена индивидуальнаго характера. Таковъ, напримѣръ, отзывъ Полонскаго упрекающаго Мея за „неопредѣленность чувства“ въ его поэтическомъ творествѣ и называющаго его талантъ „половиннымъ дарованіемъ“. Однако такой взглядъ, по нашему мнѣнію, основанъ на крупномъ недоразумѣніи. Дѣло въ томъ что вся статья Полонскаго построена на анализѣ лирическихъ стихотвореній Мея, между тѣмъ какъ Мей по натурѣ своей вовсе *не былъ лирикомъ*. Поэтому понятно что какъ *личность* онъ мало выступаетъ въ своей поэзіи, и что напрасно мы стали бы искать въ ней яркаго индивидуальнаго отпечатка. Немногочисленныя лирическія стихотворенія, несомнѣнно, принадлежатъ къ слабѣйшимъ его произведеніямъ, и поэтому мы не можемъ основывать на нихъ свое сужденіе о Меѣ какъ о поэтѣ, такъ какъ такое сужденіе будетъ крайне одностороннимъ и неполнымъ.

Тѣмъ не менѣе было бы несправедливымъ упрекать Мея въ безличности, какъ это дѣлаетъ Полонскій и нѣкоторые критики. Симпатія, интересы и чувство автора достаточно ясно отразились въ выборѣ сюжетовъ и въ характерѣ ихъ обработки, чтобы мы могли себѣ составить достаточное представленіе о душевномъ складѣ самаго поэта. Нравственная природа Мея лишена была рѣзкихъ, характерныхъ чертаній, и поэтому какъ личность онъ не представляетъ большаго интереса. И какъ будто чувствуя этотъ недостатокъ *индивидуальнаго* содержанія въ своей внутренней жизни, Мей какъ-то невольнo тяготѣлъ къ *типичному*, къ народному, стараясь воплотить въ своемъ творествѣ тѣ самые мотивы, которые звучатъ въ русской народной пѣснѣ. Поэтому лучшими его произведеніями, кромѣ двухъ его историческихъ драмъ, являются стихотворенія написанныя въ народномъ духѣ и на народныя темы. При этомъ ихъ „народность“ не есть результатъ болѣе или менѣе искусной поддѣлки, а зависитъ отъ способности Мея всецѣло проникаться чувствами и думами которыми живетъ русскій народъ и которыя онъ выражаетъ въ своемъ безличномъ творествѣ. Самъ Мей видѣлъ въ своихъ стихахъ какъ-бы отголосокъ народной пѣсни; въ одномъ изъ своихъ стихотвореній („Запѣвка“) онъ говоритъ:

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,

Погородная, поселенная, попольная.
 Непогодою-невздою повитая,
 Во крови, въ слезахъ крещеная-омытая!
 Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
 Не сама-собою ты снѣлася-сложилася:
 Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ-дождикомъ,
 Нанесло тебя съ пожарищъ дымомъ-копотью,
 Намело тебя съ сырыхъ могилъ метелицей..

Кольцовъ и Ал. Толстой оставили намъ прекрасные образцы творчества въ духѣ народной поэзіи. Но между названными поэтами и Меемъ есть въ этомъ отношеніи одна существенная разница: въ то время какъ у Кольцова и Ал. Толстаго поэзія проникнута бодрымъ, мужественнымъ чувствомъ, и даже въ самомъ страданіи слышится голосъ сильной, несломленной несчастіемъ природы, поэзія Мея полна женственности, мягкости и грустной покорности судьбѣ. Эти черты сближающія ее съ поэзіей Никитина, очевидно, лежали въ самой натурѣ поэта, и быть можетъ этими же чертами обусловленъ и тотъ упрекъ въ безличности который такъ часто дѣлался Меею. У него была *женственная душа* чутко отзывавшаяся на всякое страданіе, въ особенности же на безысходное, беспомощное женское горе. Поэтому внутренняя жизнь русской женщины была такъ близка и понятна Меею, поэтому лучшія его произведенія посвящены изображенію этой жизни. Стоитъ только просмотрѣть одни заглавія его произведеній, для того чтобы убѣдиться въ томъ что именно здѣсь сосредоточены его преимущественные интересы: повсюду мы встрѣчаемъ женскія имена, повсюду женщины сосредоточиваютъ на себѣ главное вниманіе автора; даже заглавія трехъ его драмъ указываютъ на то что главная роль принадлежитъ въ нихъ женщинамъ. Совсѣмъ не то видимъ мы въ „мужественной“ поэзіи Кольцова и Ал. Толстаго: здѣсь вездѣ чувствуется авторъ-мущина, и даже женщина изображается съ особенной, мужской точки зрѣнія. У Мея этой преломляющей внутренней призмы нѣтъ, и иногда, читая его стихи, невольно приходитъ на мысль, не сама ли бездольная русская женщина жалуется и горюетъ въ нихъ, какъ жалуется и горюетъ она въ задушной народной пѣснѣ.

Какъ у всѣхъ людей свѣтлый праздничекъ,
 День великой поминъ по родителямъ,
 Только я сиротинка безродная,
 На погостъ поминокъ не правила.
 Я у мужа вѣчоръ отпросилася:
 —„Отпусти, осударь, похристосуюсь
 На могилъ со свекоромъ батюшкой.“
 Идучи я съ дороженьки сбллася,

Во темномъ во лѣсу заплуталася,
 У оврага въ лѣсу опозналася.
 Въ томъ оврагѣ могила безкrestная:
 Всю размыло ее ливнемъ-дождикомъ,
 Размело-разнесло непогодушкой..
 Подошла я къ могилѣ, шатнулася,
 Бѣлой грудью о землю ударилася:
 — „Ты скажи мнѣ, сырая могилушка,
 Таково-ли легко было молодцу
 Загубить свою душеньку грѣшную,
 Каково-то легко было дѣвицѣ
 Подъ невольный вѣнецъ снаряжаться?“

Какъ просто, какъ эпически правдиво и въ то же время какимъ неисходнымъ страданіемъ вѣетъ отъ этихъ спокойно и безнадежно грустныхъ строкъ! Въ этой коротенькой пѣснѣ заключена цѣлая драма, цѣлая исторія измученной надорванной человѣческой души. Тотъ же самый мотивъ повторяется и въ другомъ стихотвореніи „Хозяинъ“: молодая жена навѣки связанная съ нелюбимымъ старымъ мужемъ и втайнѣ вздыхающая о потерянномъ счастьи, мотивъ который постоянно встрѣчается въ разныхъ варіаціяхъ въ русской народной пѣснѣ. Другая частая тема народной пѣсни, тема обманутой любви; у Мея она воспроизведена въ стихотвореніи „Русалка“. Обманутая дѣвушка кидается въ воду и становится русалкою. Въ непогоду она выплываетъ на берегъ и здѣсь съ тоскою прислушивается къ доносящимся съ села звукамъ колокола, вспоминая о своей загубленной жизни. Картина стихающей бури особенно удалась поэту.

Плещутся русалки, мчатся въ перегонку,
 Да одна отстала, отплыла въ сторонку...
 Къ берегу доплыла, на берегъ выходитъ,
 Блѣдными руками ивняки разводитъ;
 Притаилась въ листьѣ на побережѣ черномъ,
 Словно бѣлый лебедь въ тростникѣ озерномъ...
 Вотъ ужъ понемногу непогодъ стихаетъ;
 Вѣтеръ съ листьевъ воду вѣникомъ сметаетъ;
 Тучки разлетѣлись, словно птицы въ гнѣзды;
 Бисеромъ перловымъ высыпали звѣзды;
 Мѣсяцъ двоерогій съ неба голубова
 Засвѣтилъ отломкомъ перстня золотова...
 Чу! переливаясь межъ густой осокой,
 По водѣ несется благовѣсть далекой.
 Благовѣсть далекой по водѣ несется
 И волною звучной прямо въ сердце летаетъ:
 Видится храмъ Божій, пѣснь слышна святая
 И сама собою крестъ творитъ десная...

Но напрасно русалка силится припомнить слова молитвы: грѣхъ тяготѣлъ надъ ея душою, и изъ ея устьъ вырывается только дикій хохоть наполняющій ужасомъ сердце запоздалаго путника... Въ этомъ стихотвореніи Мей пользуется образами народной фантазіи для того чтобы разказать намъ печальную исторію загубленной дѣвичьей жизни. Женская доля, женское горе, вотъ чтò занимаетъ вниманіе поэта, внушаетъ ему грустныя мелодіи, и потому мы едвали ошибаемся назвавъ Мейя поэтомъ женской души.

Кромѣ „Русалки“ у Мейя есть еще нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній, темы которыхъ заимствованы изъ области народныхъ повѣрій; таковы: „Лѣшій“, „Оборотень“, „Вихрь“ и др. Въ нихъ видно близкое знакомство поэта съ міромъ народной фантазіи, любовное изученіе ея созданій. *Народничество*, въ широкомъ смыслѣ слова, вотъ та нравственная стихія изъ которой выросла вся поэзія Мейя. Интересъ и симпатія къ русской народности были у поэта чѣмъ-то врожденнымъ, органическимъ; оттого въ его произведеніяхъ дѣйствительно чувствуется вѣяніе народнаго духа. Но любя все русское, Мей былъ далекъ отъ односторонняго націонализма съ его слѣпымъ пристрастіемъ ко всему родному и съ его пренебреженіемъ ко всему чужеземному. Интересуясь жизнію русскаго народа въ его настоящемъ и въ его прошломъ, пересказывая народнымъ стихомъ его историческія преданія („Пѣснь про боярина Евпатія Коловрата“, „Пѣсня про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую“), Мей въ то же время былъ отличнымъ знатокомъ и тонкимъ цѣнителемъ древней и новой европейской литературы. Среди его стихотвореній есть цѣлый отдѣлъ посвященный античному міру, не говоря уже о его замѣчательныхъ переводахъ Анакреона и Феокрита. Класическая древность прельщала Мейя своею пластическою красотою, давая удовлетвореніе его художественной натурѣ, чего не могла ей дать бѣдная и однообразная русская дѣйствительность. „Святія чудеса“ Эллады и Рима давали богатую пищу его фантазіи. Стоитъ только указать на извѣстное стихотвореніе: „Отойти отъ меня, Сатана!“ въ которомъ отдѣльныя картины древняго міра невольно обращаютъ на себя вниманіе своею пластичностію и своимъ колоритомъ. Мы не станемъ останавливаться на этомъ прекрасномъ произведеніи, такъ какъ оно принадлежитъ къ числу немногочисленныхъ вещей Мейя нашедшихъ себѣ признаніе внѣ тѣснаго круга любителей и цѣнителей его поэзіи: оно достаточно извѣстно, потому что благодаря прекрасному, звучному стиху, его часто выбираютъ для декламации со сцены. Взамѣнъ того укажемъ на два другія прекрасныя стихотворенія принадлежащія къ тому же отдѣлу: на „Фриня“ и на „Галатею“. Въ первомъ изъ нихъ разказъ коринской гетеры о торжествѣ ея соперницы Фриня

полонъ психологической правды; въ другомъ поэтъ воспользовался извѣстнымъ преданіемъ о статуѣ Галатеи оживотворенной любовію ваятеля Пигмалиона. Со стороны стиха и ритма это стихотвореніе принадлежитъ безспорно къ наиболѣе удачнымъ, и мы не можемъ токазать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь его послѣднія строфы.

„Боги! молиль въ изступленіи страстномъ ваятель. Ужели
Жизнь не проснется въ такомъ обаятельномъ тѣлѣ?
Боги! пошлите неелыханной страсти конецъ...
Нѣтъ!.. ты падешь, Галатея, съ подножіи въ эти объятія,
Или творенью проклятыя
Грянетъ безумный творецъ!“

Взялъ ее за руки онъ... И чудесное что-то свершилось...
Сердце подъ мраморной грудью тревожно забилось;
Хлынула кровь по очерченнымъ жиламъ ключемъ;
Дрогнули гибкіе члены, недавно еще каменѣлые;
Очи безжизненно бѣлыя
Вспыхнули синимъ огнемъ.

Вся обливаясь розовымъ блескомъ весенней денницы,
Долу стыдливо склоняя густыя рѣсницы,
Дѣва съ подножія легкою грѣзой сошла;
Алые губы раскрылися, грудь всколыхнулась волнистая
И, что струя серебристая,
Тихая рѣчь потекла:

„Вѣстницей воли боговъ предстою я теперь предъ тобою:
Жизнь на землѣ сотворенному смертной рукою;
Творческой силѣ безсмертье у насъ въ небесахъ!“
...И передъ нею, своей воплощенною свыше идеею,
Передъ своей Галатеею,
Пигмалионъ палъ во прахъ.

Глубокая религіозность Мея нашла себѣ выраженіе въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ навѣянныхъ чтеніемъ Св. Писанія. Таковы: „Притча пророка Наавана“, „Юдиѣ“, „Изъ книги Іова“, „Еврейскія пѣсни“, при чемъ послѣднія по звучности стиха и по силѣ образовъ могутъ выдержать сравненіе съ произведеніями первоклассныхъ поэтовъ. Прекрасное выраженіе мистическаго пониманія „вѣчности въ Богѣ“ мы находимъ въ небольшой поэмѣ „Альфусъ“, тема котораго заимствована изъ одного моравскаго преданія.

Остается еще упомянуть о переводахъ Мея составляющихъ пѣлый большой томъ въ собраніи его сочиненій. Въ своихъ переводахъ Мей достигаетъ настоящей виртуозности, и намъ не кажется преувеличеннымъ мнѣніе Полонскаго что „иные переводы его лучше подлинниковъ“. Одинаково искусно Мей передавалъ Анакреона и Шиллера, Беранже и Мицкевича, поэтовъ которые ничего не имѣли между со-

бой общаго. Эту виртуозность въ переводѣ столь различныхъ поэтовъ Полонскій объясняетъ отсутствіемъ у Мея собственной поэтической личности. Однако такое объясненіе кажется намъ совершенно невѣрнымъ: къ особенностямъ русскаго человѣка относится его способность проникать въ духъ чужой народности, подмѣчать ея наиболѣе глубокія внутреннія черты. На этой особенности русскаго человѣка Достоевскій, какъ извѣстно, основывалъ свою вѣру во „всечеловѣческую“ миссію русскаго народа; у Мея при чисто русскомъ складѣ его ума и характера эта способность была особенно сильно развита и именно она позволяла ему такъ полно проникаться духомъ чуждой поэзіи и воссоздавать ее съ замѣчательною чуткостію къ отдѣльнымъ отгѣнкамъ національнаго различія.

В. Саводникъ.

С М Ъ С Ъ.

Король Эдуардъ VII въ частной жизни. 9 ноября 1841 года въ Бункингамскомъ дворцѣ царило большое волненіе. Съ минуты на минуту ожидалось прибавленіе англійской королевской фамилии однимъ новорожденнымъ лицомъ. Понятно что большинство приближенныхъ къ королевской фамилии придворныхъ желали чтобъ явившійся на свѣтъ былъ принцъ. Всѣ ожидали съ нетерпѣніемъ. Вдругъ отворилась одна изъ дверей во внутренніе покои и въ нихъ появилась важная кормилица. Герцогъ Велингтонъ не далъ ей сказать ни слова и быстро спросилъ: „Мальчикъ?“ Кормилица посмотрѣла на него съ негодованіемъ. „Принцъ! ваша свѣтлость“, поправила она герцога.

На публичномъ торжествѣ принцъ Альбертъ-Эдуардъ появился восьми лѣтъ вмѣстѣ со своею старшею сестрой. Онъ былъ нѣжный мальчикъ. Онъ обожалъ своего гувернера мистера Бирчъ и для него большимъ удовольствіемъ было дѣлать ему подарки. Онъ пряталъ ихъ подъ подушки своего добродушнаго наставника который находилъ ихъ ложась спать. Юный принцъ пролилъ цѣлые потоки слезъ въ тотъ день когда ему пришлось навсегда разстаться съ мистеромъ Бирчемъ.

Во время пребыванія королевы Викторіи во Франціи, въ эпоху крымской войны, при ней находились ея старшій сынъ и одна изъ дочерей. Принцъ Вельскій нашелъ Парижъ восхитительнымъ, и любезный пріемъ императрицы Евгеніи побудилъ принца обратиться къ ней съ просьбой. Онъ просилъ императрицу убѣдить его мать оставить его и сестру еще на нѣсколько времени въ Парижѣ послѣ отъѣзда королевы Викторіи въ Англію. Хотя императрицѣ Евгеніи и не хотѣлось опечалить молодаго принца, она однако не рѣшалась сдѣлать это предложеніе англійской королевѣ. „Ваша мать, сказала она принцу эльскому, стала бы очень скучать безъ васъ въ Лондонѣ“. Принцъ, маю убѣдить ее, воскликнулъ: „О, мама вѣрно не будетъ скучать, гдѣ у нея осталось еще шесть дѣтей дома“. Пребываніе королевы Викторіи въ Парижѣ ознаменовалось роскошнымъ баломъ въ Версальскомъ дворцѣ, гдѣ не бывало ничего подобнаго со временъ коля Людовика XVI. Принцъ не забылъ того великолѣпнаго приема который былъ оказанъ ему въ Парижѣ: впоследствии, когда семейство наполеона III жило въ изгнаніи въ Чизельгерствѣ, онъ неоднократно казалъ ему свое расположеніе.

Въ юности принцъ Вельскій пребывалъ въ некоторое время въ университетскомъ городѣ Кембриджѣ и слушалъ тамъ лекціи, однако своими всесторонними знаніями онъ обязанъ болѣе своимъ многочисленнымъ путешествіямъ. Путешествіе въ Канаду и въ Соединенные Штаты было первымъ его большимъ путешествіемъ. Въ Канадѣ онъ присутствовалъ при знаменитомъ переходѣ черезъ Ніагару Блондена и послѣ того какъ тотъ перешелъ съ американскаго берега на англійскій, принцъ пожелалъ видѣть его и поздравить съ успѣхомъ. „Все кончилось, слава Богу, благополучно!“ встрѣтилъ его принцъ Вельскій, „однако я просилъ бы васъ дать мнѣ слово не дѣлать впредь такого опаснаго путешествія“. „Ахъ, ваше высочество, а я намѣревался предложить вамъ перейти черезъ рѣку по канату на моей спинѣ“.

Затѣмъ принцъ Альбертъ-Эдуардъ посѣтилъ континентальную Европу, онъ путешествовалъ по всѣмъ государствамъ въ качествѣ туриста, повсюду соблюдая самое строгое инкогнито, побывалъ въ Палестинѣ и въ Египтѣ. Немного спустя послѣ своего возвращенія изъ Святой Земли принцъ вступилъ въ бракъ съ принцессой Датской Александрой. Бракосочетаніе происходило въ капелѣ св. Георга, гдѣ въ 1122 году было также совершено бракосочетаніе короля Генриха I.

Въ 1871 году принцъ Вельскій тяжело заболѣлъ и врачи уже отчаивались въ его жизни. Одинъ изъ біографовъ говоритъ объ исцѣленіи отъ этой болѣзни слѣдующее: Положеніе принца и состояніе его здоровья казались всѣмъ отчаянными, когда одной сидѣлкѣ пришлось въ голову послать за двумя бутылками *Oldchampaign brandy*. Этимъ крѣпкимъ напиткомъ стали растирать тѣло принца со всею силою англо-саксонскихъ мускуловъ. Втираніе повидимому помогло, такъ какъ спустя нѣкоторое время принцъ сперва открылъ одинъ глазъ, потомъ другой.

Принцъ Вельскій всегда очень любилъ инкогнито. Онъ охотно вмѣшивался въ толпу, не будучи узнаваемъ ею. Увѣряютъ что его любимое зрѣлище пожары на которыхъ онъ присутствуетъ въ качествѣ простаго зрителя. Это весьма вѣроятно, такъ какъ всѣ большіе лондонскіе пожары послѣдняго времени отмѣчены его присутствіемъ.

До вступленія на престолъ Эдуардъ VII обладалъ двумя главными резиденціями, дворцомъ въ Лондонѣ Мальборо-Гаузъ и дачнымъ жилищемъ въ Сэндригамѣ; послѣднее было любимымъ мѣстопробываніемъ принца. Онъ выстроилъ тамъ великолѣпныя зданія для конскаго завода и псарни. Мальборо-Гаузъ жилище съ городскимъ отпочкованіемъ. Рабочій кабинетъ принца имѣетъ видъ конторы дѣловаго человѣка. Масса книгъ и картоновъ съ бумагами по стѣнамъ, папки со всевозможными бумагами по столамъ, стульямъ и всей мебели. Въ одномъ углу кабинета письменный столъ запирающійся золотымъ ключикомъ который принцъ носилъ на своей часовой цѣпочкѣ.

Утро принца начиналось разборкою частной корреспонденціи. Отъ десяти часовъ до половины одиннадцатаго онъ диктовалъ письма своему личному секретарю. Въ половинѣ третьяго онъ присутствовалъ при второмъ завтракѣ своего семейства. При этомъ всегда находилось много приглашенныхъ. Обѣдали въ Мальборо-Гаузѣ обыкновенно

безъ четверти въ восемь часовъ. Очень часто во время обѣда игралъ оркестръ музыки въ сосѣдней со столовой комнатѣ, при чемъ преимущественно исполнялись танцы.

Ежегодно въ день дербійскихъ скачекъ давался въ Мальборо-Гаузѣ парадный обѣдъ, на который приглашались всѣ представители міра англійскихъ спортсменовъ, любителей лошадей и псовой охоты. Въ этотъ день двѣты изгнаны со стола принца, который въ обычные дни неизмѣнно желалъ чтобъ они украшали его сервировку. Она во время дербійскихъ обѣдовъ замѣнена болѣе роскошною сервировкой изъ серебряныхъ вазъ, чарокъ и другихъ великолѣпныхъ украшеній изъ этого метала и изъ охотничьихъ трофеевъ или лично добытыхъ принцемъ, или же доставшихся ему отъ предковъ. Вообще этотъ ежегодный обѣдъ у принца Вельскаго всегда составлялъ величайшее событіе сезона и о немъ говорили заранѣе и старались предугадать, кто изъ джентльменовъ удостоится высокой чести сидѣть за столомъ наследника англійскаго престола.

Неизданное письмо королевы Викторіи. Извѣстный французскій писатель Флоберъ въ своемъ сочиненіи *Education Sentimentale* рисуетъ живую картину разгрома народомъ Тюльерійскаго дворца 24 февраля 1848 года. Не успѣлъ король Людовикъ-Филиппъ отречься отъ престола и сѣсть въ карету которая вскачь увозила его въ замокъ Сень-Клу, какъ народная толпа бросилась въ Тюльери, разгромила королевскіе покои и разбила тронъ короля. Уличная толпа ворвавшаяся во дворецъ разрушала положительно все что попадалось ей подъ руки: ломала мебель, рвала ковры и занавѣси, выламывала ящики столовъ и комодовъ и бросала содержимое ихъ на вѣтеръ. Такимъ образомъ вся корреспонденція короля и королевы валлялась по паркетнымъ поламъ дворца частью изорванная въ клочки, частью нетронутая, въ конвертахъ.

Утомившись разрушеніемъ, толпа оставила Тюльери, и вечеромъ во дворецъ могли проникнуть нѣсколько интеллигентныхъ людей. Одному изъ нихъ совершенно случайно попало подъ руку письмо королевы Викторіи къ королю Людовику-Филиппу слѣдующаго содержанія:

„Обзоръ 17 августа 1846 года. Государь и любезнѣйшій братъ! Не могу отпустить лорда Норманби не вручивъ ему письма вашему величеству. Онъ вскорѣ увидитъ и напомнитъ вамъ о тѣхъ чувствахъ которыя меня воодушевляютъ и передастъ какъ мы желаемъ продолжать *счастливое сомашеніе* между обѣими нашими странами. Ваше величество найдете лорда Норманби готовымъ дѣлать все возможное для выполнения этого, и я рекомендую его вамъ какъ лицо вполне достойное вашего довѣрія.

„При этомъ случаѣ дозвольте мнѣ, государь, принести мою благодарность за ваше послѣднее доброе и любезное письмо которое вы мнѣ написали въ замкѣ д'Э. Для насъ большое удовольствіе узнать что вы всѣ здоровы и не пострадали отъ тѣхъ жестокихъ испытаній которыя вамъ вновь пришлось выносить.

„Наша возлюбленная Луиза и нашъ милый дядя къ сожалѣнію покинули насъ 12 числа. Теперь съ нами наша мать прѣхавшая провести съ нами день ея рожденія. Завтра мы предполагаемъ вмѣстѣ

съ нашими двумя старшими дѣтьми совершить увеселительную прогулку. Она напомнитъ намъ ту которую мы совершали въ 1843 году, когда мы имѣли счастье посѣтить васъ въ замкѣ Э, а также и прошлогодній визитъ воспоминаніе о которомъ намъ такъ пріятно. Мы очень тронуты тѣмъ что пребываніе ваше въ такомъ восхитительномъ уголкѣ напоминаетъ вамъ о *вашихъ друзьяхъ* какими мы беремъ на себя смѣлость назваться.

„Сессія нашего парламента еще продолжается, но она скоро кончится. Къ несчастію картофельная болѣзнь возобновляется и повидимому она будетъ хуже чѣмъ въ прошломъ году.

„Кончая письмо, прошу васъ принять увѣренія въ моемъ почтеніи и также со стороны моего милаго Альберта и быть любезнымъ истолкователемъ моихъ чувствъ передъ королевой и всѣмъ вашимъ семействомъ. Остаюсь, государь и любезнѣйшій братъ, вашего величества добрая сестра и вѣрный другъ *Викторія*“.

Багдадская желѣзная дорога. Лѣтъ тридцать назадъ духъ прогресса внезапно обуялъ турецкое правительство. Оно постановило построить обширную желѣзнодорожную линію въ Малой Азіи. Постройка была поручена извѣстному австрійскому инженеру Вильгельму Преселю который произвелъ предварительныя изысканія до Ангоры. Одновременно Пресель отрядилъ своего соотечественника Юсифа Черника ознакомиться съ возможностью провести желѣзнодорожную линію черезъ всю древнюю Месопотамію до самаго Багдада. Однако эти благіе проекты рушились вслѣдствіе финансоваго кризиса 1875 года и приведеніе ихъ въ исполненіе было поручено уже въ 1888 году иностранцамъ. 4 октября упомянутого года былъ заключенъ договоръ между Высокой Портой и г. Кауло, представителемъ *Германскаго Банка* въ Берлинѣ. Правительство султана предоставило германскому обществу постройку линіи Скутари-Ангора, которое согласно концессіи обязывалось окончить ее въ теченіе четырехъ лѣтъ, то-есть, къ Рождеству 1892 года, что и было имъ исполнено въ срокъ.

Вслѣдствіи была построена вѣтвь къ югу отъ Ески-Шегира до Коньи соединившая магистраль со смирнскою линіей. Наконецъ германскому обществу аяатолійской желѣзной дороги разрѣшено было продлить путь за границы Малой Азіи, и теперь оно намѣрено приступить къ постройкѣ желѣзнаго пути черезъ Багдадъ и Бассору до самаго Персидскаго залива. Учредителямъ предоставлено имѣть особую охрану для защиты линіи отъ разбойничьихъ набѣговъ Курдовъ и Арабовъ. Она будетъ поручена особаго рода милиціи на подобіе *Railway police* англійскихъ колоній.

Исходная точка новой линіи можетъ быть или на сѣверѣ въ Ангорѣ, или на югѣ въ Коньи, то-есть, въ конечномъ пунктѣ уже существующихъ линій.

По всему вѣроятію будетъ принято южное направленіе. Исходный пунктъ магистрали будетъ въ Коньи. Желѣзный путь пересѣчетъ Ереигійскій каменноугольный бассейнъ, единственный въ Малой Азіи, пройдетъ по Тавру, знаменитыми ущельями Гулекъ-Богась, достигнетъ Адана, Аинъ-Табо и оттуда по хлопчато-бумажнымъ полямъ подойдетъ къ Ефрату въ Биреджикъ. Продолжаясь далѣе, линія пе-

ресѣчетъ Тигръ въ Діарбекирѣ. Въ этомъ мѣстѣ выйдутъ оба направленія, когда будетъ въ послѣдствіи построена и дорога отъ Ангоры.

Изъ Діарбекира линія принимаетъ юго-западное направленіе сначала по правому берегу Тигра до Фейшъ-Кабура, а затѣмъ по лѣвому. Поездъ будетъ останавливаться на нѣсколько минутъ немного восточнѣе Мосула въ плодородной долинѣ, со множествомъ садовъ и обработанныхъ полей, пересѣченной нѣсколькими холмами: это мѣсто гдѣ стояла древняя Ниневія.

Далѣе путь пойдетъ черезъ Аробель, нынѣ Эрбилъ и Керкукъ, мѣстность гдѣ находятся громадныя залежи нефти. Въ Дели-Аббасѣ путь будетъ раздѣляться на двѣ вѣтки. Одна продолжится по лѣвому берегу Тигра до морскаго берега въ дельтѣ Эль-Могамерехъ, другая пойдетъ на Багдадъ, гдѣ временно и остановится дальнѣйшая постройка. Отъ Багдада до моря сообщеніе поддерживается правильными пароходными рейсами. Впрочемъ обсуждается вопросъ о продолженіи линіи до Ефрата и далѣе до Бассоры, откуда предполагается провести вѣтку вдоль морскаго берега до арабскаго оазиса Ку-Вейтъ. Въ этомъ оазисѣ великолѣпный портъ въ которомъ можетъ помѣститься цѣлый военный флотъ.

Въ будущемъ необходимо соединить желѣзнодорожную линію „Скутари-Персидскій заливъ“ съ европейскими линіями посредствомъ постоянного моста черезъ Босфоръ. Германскій инженеръ Викторъ Зеземанъ уже давно изучаетъ этотъ вопросъ. По всему вѣроятію мостъ будетъ построенъ между Румели-Гиссаромъ и Анатоли-Гиссаромъ, вблизи того моста, гдѣ въ 513 г. до Р. Х. Мендрокль выстроилъ мостъ для Персовъ. Въ этомъ мѣстѣ Босфоръ не болѣе 600 метровъ ширины и дно удобно для возведенія мостовыхъ сооружений.

Любовь бандита. Въ послѣднее время всѣ италіянскія газеты переполнены описаніями подвиговъ калабрійскаго бандита Музолино, воскресившаго въ памяти времена прежняго бандитства. Музолино атаманъ шайки разбойниковъ извѣстной въ округѣ подъ именемъ *Mala Vita*.

Недавно шайка была настигнута карабинерами на горѣ *Scifa*, однако они успѣли скрыться отъ своихъ преслѣдователей и исчезли неизвѣстно куда. Хотя карабинерамъ не удалось захватить Музолино, они не желали вернуться съ пустыми руками, вслѣдствіе чего арестовали нѣкую Анджелу Порпилья слышную за повѣренную Музолино, отъ которой калабрійскія власти ожидали услышать много важнаго относительно бандитовъ. Тѣмъ не менѣе надежды ихъ не оправдались и арестованную вскорѣ пришлось выпустить на свободу за недостаткомъ уликъ противъ нея. Въ настоящее время Анджела Порпилья живетъ въ Санъ-Роберто; хотя и на свободѣ, но подъ самымъ строгимъ присмотромъ полиціи.

Хотя народная молва и утверждаетъ что Анджела возлюбленная Музолино, однако это подлежаще сомнѣнію. Во всякомъ случаѣ она была очень близка къ бандитамъ и знала обо всякихъ экспедиціяхъ и повидимому извлекала изъ нихъ нѣкоторую пользу. Анджела въ молодости была пастушкой, а такъ какъ она была

недурна собою, на ней женился богатый фермеръ. Но Анджела не была рождена для тихой семейной жизни, почему вскорѣ бросила мужа и ссшлась съ пастухомъ, членомъ извѣстнаго италіянскаго общества *Мафія*, Франческо Барилья котораго арестовали за воровство и посадили въ тюрьму. Тогда Порпиля оставила негостепріимныя для нея горы и прожила нѣкоторое время очень весело въ Реджіо, а затѣмъ рѣшившись вступить въ самыя близкія сношенія съ бандитами шайки *Mala Vita* переселилась въ Санъ-Роберто.

Въ своей избушкѣ она открыто принимала всѣхъ извѣстныхъ главарей бандитовъ округа Аспромонте, излюбленной мѣстности гдѣ разбойничаютъ шайки. Музолино также часто навѣщала Анджелу Порпилю въ Санъ-Роберто, и она питала часто-то благоговѣніе къ этому бандиту и восхищалась всѣми его похождениями. Ее арестовали на горѣ *Scifa* съ двумя тяжелыми корзинами наполненными фруктами и овощами, которыя она несла капитану шайки въ знакъ своего восхищенія имъ.

Если любовь Музолино къ Анджелѣ только миеъ, или платоническое восхищеніе со стороны послѣдней, то изъ этого еще не слѣдуетъ что знаменитый бандитъ не покорялъ сердца калабриекъ вообще питающихъ склонность къ бандитамъ, какъ къ людямъ смѣлымъ и отважнымъ, о которыхъ говорятъ по всей мѣстности вблизи горъ. Музолино влюбился нѣсколько разъ. Въ юности онъ воспылялъ страстью къ своей маленькой сосѣдкѣ Розалиѣ Колигіури, однако родители ея поспѣшили выдать дочь за сосѣдняго фермера. Обиженный этимъ поступкомъ Музолино воспоменился гнѣвомъ противъ семейства Колигіури, сталъ преслѣдовать ихъ всячески, что подало поводъ къ его первому осужденію Колоунскимъ судомъ.

Спустя нѣкоторое время онъ влюбился вторично и, какъ говорятъ, настолько серіозно что любовь эта не угасла въ немъ и по настоящее время. Вторая возлюбленная Музолино была дочерью лѣсничаго Цамбелота жившаго среди каштановаго лѣса въ Марапѣ. Страсть бандита не улеглась даже тогда, когда его за разбойничество посадили въ Герацію. Сидя въ заточеніи, онъ мечталъ о своей возлюбленной и изыскивалъ всевозможные способы убѣжать, что наконецъ и удалось ему. Въ глухую ночь Музолино, какъ только очутился на свободѣ, побѣжалъ въ горы, въ Маралу. Четырнадцать часовъ подъ рядъ онъ шелъ пѣшкомъ и наконецъ передъ нимъ показалась сторожка лѣсничаго, но опасаясь погони, онъ дождался ночи и лишь тогда, подъ покровомъ темноты, онъ рѣшился постучать въ дверь. Лѣсничій былъ пораженъ, увидя передъ собой человѣка который, какъ онъ зналъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ. „Я убѣжалъ“, холодно сказалъ ему Музолино. „Гдѣ ваша дочь?“ Но та уже услышала голосъ любимаго человѣка и бросилась къ нему. „А, сказалъ Музолино въ волненіе, ты еще не замужемъ.“ Говорятъ что разбойникъ такъ растрогался, увидя ее, что сталъ плакать и горько сѣтовалъ что судьба не позволяетъ навѣки соединить его участь съ участью дочери лѣсничаго. Онъ остался до зари у Цамбелота и нѣжно распростившись съ молодой дѣвушкою скрылся въ лѣсу, гдѣ вскорѣ встрѣтилъ своихъ сотоварищей.

Парижское освѣщеніе въ разныя эпохи. Послѣ блестящаго, положительно волшебнаго освѣщенія Паряжа во время всемірной выставки прошлаго года напоминавшаго про сказки *тысячи и одной ночи* столица Франціи еще разъ заслужила свое прозвище *городъ солнце*. По этому поводу любопытно припомнить какимъ образомъ городъ-солнце освѣщался въ прежнее время.

До наступленія среднихъ вѣковъ освѣщеніе города совершенно отсутствовало. Освѣщался Парижъ въ тѣ отдаленныя времена лишь по случаю какихъ-нибудь особенныхъ торжествъ или празднествъ, да и это освѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ смоленыхъ факеловъ передъ изваяніями святыхъ. Все остальное оставалось во мракѣ къ величайшему удовольствію мазуриковъ, разбойниковъ и недобрыхъ людей, какъ передаютъ хроники. Всѣмъ этимъ личностямъ открывалось свободное поле дѣйствій послѣ того какъ съ башенъ св. Нерп, собора Богоматери или Сорбонны раздавался звонъ тушить огонь.

Въ 1318 году въ январѣ мѣсяцѣ король Филиппъ V прозванный Длиннымъ издалъ указъ въ которомъ вмѣнялъ въ обязанность актуариусу замка Шателе зажигать *одну свѣчу* передъ входными воротами чтобы устрашить этимъ злоумышленниковъ отваживавшихся приближаться къ нимъ въ сумерки.

Въ началѣ пятнадцатаго столѣтія парижскій парламентъ издалъ постановленіе по которому обыватели обязывались держать огонь на окнахъ, а равно освѣщать перекрестки улицъ. Однако, обыватели старались не исполнять его.

Въ 1465 году король Людовикъ XI издалъ указъ освѣщать факелами и фонарями перекрестки улицъ, но и королевское распоряженіе осталось мертвою буквой, какъ и постановленіе парламента.

Въ то время парижскія улицы считались настолько небезопасными что театры были вынуждены оканчивать свои представленія въ пятомъ часу дня, чтобы дать возможность обывателямъ возвратиться домой до наступленія ночи.

Когда въ 1524 году городъ Мо былъ уничтоженъ пожаромъ, прево парижскихъ купцовъ Жанъ Моренъ, опасаясь чтобы подобная участь не постигла и Парижъ, по соглашенію съ парламентомъ издалъ постановленіе согласно которому каждый обыватель обязывался выставлять свѣчу въ окнѣ своего дома и ведро наполненное водой у дверей его, и кромѣ того обыватели должны были поочередно стоять на стражѣ съ девяти часовъ вечера. 24 октября 1525 года и 16 ноября 1526 года послѣдовали новыя постановленія относительно освѣщенія улицъ, переулковъ, туниковъ, перекрестковъ и площадей чтобы оградить обывателей отъ недобрыхъ людей.

Прево парижскихъ купцовъ 26 октября 1558 года издалъ приказъ освѣщать большими фонарями всѣ уличные перекрестки съ десяти часовъ вечера до четырехъ часовъ утра, въ теченіе всей зимы. Къ несчастію вѣтеръ и дождь часто гасили фонари, почему былъ изданъ приказъ содержать ихъ въ исправности.

Наконецъ 2 сентября 1667 года послѣдовалъ знаменитый приказъ перваго лейтенанта полиціи Ла Рейяни, положившій начало правильному освѣщенію парижскихъ улицъ. Съ этого дня были уста-

новлены фонари на обоихъ конечныхъ пунктахъ каждой улицы. Фонари были подвѣшаны на блокъ и по желанію поднимались и опускались. Это нововведеніе прославлялось по всей Франціи и въ стихахъ, и въ прозѣ и послужило къ увеличенію славы короля. По поводу введенія этихъ фонарей была даже выбита медаль съ надписью *Urbis securitas et nitior*. Опыты этого уличнаго освѣщенія оказались настолько удачны что въ 1697 году послѣдовалъ королевскій указъ о введеніи подобнаго освѣщенія во всѣхъ городахъ королевства. Въ то время освѣщеніе столицы Франціи обходилось ежегодно не болѣе тысячи ливровъ, тогда какъ теперь оно обходится въ 5.539,053 франка въ годъ.

9 іюля послѣдовалъ королевскій указъ освобождавшій обывателей отъ работъ по освѣщенію и чисткѣ улицъ, которыя государство принимало на себя. Однако, сальные свѣчи горѣвшія въ фонаряхъ давали мало свѣта, почему лейтенантъ полиціи де-Сортинь учредилъ въ 1764 году конкурсъ для представленія наилучшаго способа уличнаго освѣщенія. Въ числѣ конкурентовъ были такія извѣстныя личности, какъ Лавоазье и Шатобланъ. Премію получилъ послѣдній и былъ принятъ его способъ освѣщенія посредствомъ реверберовъ, на что ему и аббату Мажеро де Пренье была выдана привилегія, и сало было замѣнено жиромъ.

Первое улучшеніе въ освѣщеніи жиромъ и маслами было предложено Арганомъ который изобрѣлъ лампу съ двойными притоками воздуха, за нимъ послѣдовалъ Кинке со своею усовершенствованною лампой которая получила большую извѣстность и обогатила изобрѣтателя.

Въ 1775 году лейтенантъ полиціи Ленуаръ распорядился установить реверберы на всѣхъ бульварахъ и даже по дорогѣ изъ Парижа въ Версаль. Король платилъ за масло и свѣтильникъ. Освѣщеніе реверберами продолжалось до 1817 года, когда впервые появляется новый элементъ освѣщенія, газъ. Пасажъ Панорамъ былъ освѣщенъ газомъ первый. Въ 1829 году въ Парижѣ считалось 119 газовыхъ рожковъ, а къ 1 января 1889 года 60,454 газовыхъ рожка. Въ настоящее время число газовыхъ рожковъ въ Парижѣ опредѣляется въ 70 тысячъ, изъ которыхъ 14,300 снабжены ауэровской горѣлкой и, кромѣ того, по городу разбросаны по разнымъ мѣстамъ 460 электрическихъ фонарей.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Литературныя поминки по гр. А. Толстомъ.

„Упырь“. Разказъ графа А. К. Толстаго. Съ предисловіемъ Владиміра Соловьева. С.-Петербургъ, 1900.

Его-же. Проектъ постановки на сцену трагедіи „Смерть Іоанна Грознаго“. С.-Петербургъ. 1900.

Едва ли многимъ читателямъ извѣстно что гр. А. Толстой выступилъ въ русской литературѣ небольшою прозаическою повѣстью заглавіе которой выписано выше. Повѣсть эта вышла въ свѣтъ ровно 60 лѣтъ тому назадъ, въ 1841 году, когда автору было 24 года, и была подписана псевдонимомъ Краснорогскаго. Бѣлинскій отозвался тогда же о книгѣ начинающаго писателя съ большою похвалою и писалъ о ней что она „носитъ на себѣ всѣ признаки еще слишкомъ молодаго, но тѣмъ не менѣе замѣчательнаго дарованія которе нѣчто общааетъ въ будущемъ“. Критикъ находилъ что „содержаніе ея многосложно и исполнено эффектовъ“, но что причина этого заключается „не въ недостаткѣ фантазіи, а скорѣе въ ея пылкости которая еще не успѣла умѣряться опытомъ жизни и уравновѣситься съ другими способностями души“. Въ заключеніе Бѣлинскій высказываетъ увѣренность что, при наличности истиннаго таланта, жизнь и наука сдѣлають современемъ свое дѣло и что по этому отъ автора чьра“ многое можно ожидать въ будущемъ.

Предсказаніе проницательнаго критика и на этотъ разъ оказало совѣршенно вѣрнымъ, и изъ молодаго автора фантастическаго вѣкса выработался впоследствии знаменитый поэтъ и драматургъ. Между тѣмъ среди блестящихъ произведеній отмѣчающихъ собою слѣдующую дѣятельность гр. А. Толстаго юношеская его повѣсть та совершенно забыта, и сама книга изданная притомъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ стала библиографическою рѣдкостью.

Но помимо отмѣченныхъ Бѣлинскимъ литературныхъ достоинствъ, „Упырь“ имѣетъ особенный интересъ для всѣхъ интересующихся исторіей духовнаго развитія нашего писателя, бросая свѣтъ на раннюю эпоху его творчества, о которой намъ до сихъ поръ почти ничего не было извѣстно, эпоху когда А. Толстой находился подъ сильнымъ вліяніемъ современнаго ему нѣмецкаго и французскаго романтизма. Поэтому нельзя не признать удачною мысль снова издать юношеское произведеніе знаменитаго автора и такимъ образомъ воскресить его отъ забвенія.

Содержаніе „Упыря“, такъ же какъ и всякаго другаго фантастическаго разказа, трудно поддается передачѣ, такъ какъ въ сухомъ, схематическомъ изложеніи пропадаютъ тѣ черты и краски которыя придаютъ ему жизненность и составляютъ его главную прелесть. Основная мысль всей повѣсти заключается въ идеѣ роковаго проклятія тяготѣющаго надъ цѣлымъ родомъ за преступленія совершенныя предками и въ идеѣ искупленія этихъ преступленій отдаленными потомками. Завязка дѣйствія происходитъ въ Венгріи, за нѣсколько вѣковъ до нашего времени: о ней разказывается въ небольшой балладѣ, впрочемъ довольно слабой съ художественной точки зрѣнія. Два знатные венгерскіе рыцарскіе рода враждуютъ между собою; жена одного изъ представителей этихъ родовъ, Марѳа, влюбляется въ родоваго врага, рыцаря Амвросія, и предаетъ въ его власть своего мужа и родственниковъ; умирая мужъ проклинаетъ ее и своего убійцу, и это проклятіе остается тяготѣть надъ ихъ потомками. Въ этихъ отдаленныхъ потомкахъ которые даже не знаютъ вовсе о преступленіи своихъ предковъ чувствуется присутствіе какой-то темной и злой силы, вслѣдствіе чего одинъ изъ героевъ повѣсти, впрочемъ, человекъ нѣсколько помѣшанный, считаетъ ихъ упырями, то-есть, вампирами. Таковы послѣдніе представители этого отягченнаго проклятіемъ рода, вдова-бригадирша Сугробина и статскій совѣтникъ Теляевъ, типы взятые изъ реальной русской дѣйствительности. Вообще молодой авторъ прекрасно сумѣлъ сплести вполне реальныя подробности обстановки и быта съ фантастическимъ основнымъ фономъ. При томъ, хотя этотъ фантастическій элементъ проникаетъ собой всю повѣсть, но онъ нигдѣ не приходитъ въ столкновеніе съ жизненною реальностью, нигдѣ не выступаетъ въ обнаженномъ видѣ. Самыя запутанныя событія и отношенія изображенныя въ повѣсти въ основаніи своемъ не имѣютъ ничего сверхъестественнаго, и каждое изъ нихъ *взятое въ отдѣльности* можетъ быть легко объяснено самими естественными причинами; но взятыя въ своей совокупности, они заставляютъ предполагать существованіе иной, мистической связи между ними, иной, бо-

лѣе глубокой причинности лежащей въ ихъ основаніи. Такъ, напримеръ, нѣкоторыя сны можно при желаніи понимать какъ простыя галюцинаціи, какъ фантастическія сновидѣнія, какъ бредъ разстроеннаго воображенія, при чемъ нельзя не удивляться тому искусству съ которымъ молодой авторъ описываетъ незамѣтные переходы отъ бодрственнаго состоянія ко сну и обратно, такъ что читатель иногда не въ состояніи рѣшить гдѣ кончается кошмаръ и гдѣ начинается реальность. Но если глубже вглядываться въ связь событій, то такое простое объясненіе окажется совершенно недостаточнымъ, и мы невольно должны будемъ допустить существованіе болѣе глубокихъ причинъ сверхъ-раціональнаго характера управляющихъ смѣной событій и позволяющихъ намъ заглянуть въ таинственную лабораторію жизни.

Склонность ко всему таинственному и загадочному была, какъ извѣстно, чрезвычайно распространена среди писателей романтической школы. Особенно полно выразилась она въ произведеніяхъ Гофмана который въ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ принадлежалъ къ числу наиболѣе популярныхъ у насъ въ Россіи иностранныхъ писателей. Неудивительно поэтому что и молодой Толстой не избѣжалъ его вліянія которое сказывается не только въ содержаніи его юношеской повѣсти, но и въ самой манерѣ изложенія: Гофманъ отличался умѣніемъ вести разказъ такъ что самыя причудливыя фантазіи мѣрно сочетались съ реальными подробностями, не давая чувствовать раздѣляющей ихъ пропасти; эту манеру изложенія усвоилъ себѣ и Толстой и съ полнымъ успѣхомъ примѣнилъ ее въ „Упырь“. Но быть можетъ вліяніе Гофмана не было исключительнымъ: на творчество молодаго автора могъ оказать воздѣйствіе и Шарль Нодье со своимъ романомъ: „Smarra, ou les démons de la nuit“, въ которомъ міръ сновидѣній и галюцинацій самымъ причудливымъ образомъ переплетающійся съ обычною дѣйствительностію изображенъ съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Такимъ образомъ на основаніи юношескаго произведенія Толстаго мы имѣемъ нѣкоторую возможность судить о ходѣ его литературнаго развитія и о тѣхъ литературныхъ вліяніяхъ которымъ онъ подчинялся въ началѣ своей дѣятельности.

Разказу Толстаго предпослана, въ качествѣ предисловія, небольшая статья Вл. С. Соловьева, въ которой покойный философъ въ обычнымъ мастерствомъ излагаетъ свои взгляды на значеніе фантастическаго элемента въ литературѣ и старается доказать законность его существованія. По его мнѣнію, существенный интересъ и значеніе *фантастическаго* въ поэзіи „держится на увѣренности что происходящее въ мірѣ и особенно въ жизни *человѣческой* *зависитъ*

силь, кромѣ своихъ наличныхъ и очевидныхъ причинъ, еще отъ какой-то другой причинности, болѣе глубокой и многообъемлющей, но за то менѣе ясной и очевидной“. Еслибы въ жизни не существовало ничего таинственнаго, еслибы жизненная связь всего существующаго была проста и прозрачна, то фантастическій элементъ не имѣлъ бы вовсе права на существованіе въ поэзіи, и сама эта поэзія „исчерпывалась бы сообщеніемъ красивой формы повседневному, насквозь прозаическому содержанію“. Но такое представленіе о жизни какъ о чемъ-то простомъ и удобопонятномъ противорѣчитъ дѣйствительности. Поэтому мистическій и фантастическій элементъ имѣетъ полное право на существованіе въ искусствѣ, если искусство ставитъ себѣ цѣлю воспроизведеніе дѣйствительности во всей ея сложности.

Подъ наружною повседневною связью событій, пишетъ Соловьевъ, существуетъ и чуткому вниманію открывается иная роковая жизненная связь, постоянно и строго-последовательная при всей своей неожиданности и кажущейся иррациональности своихъ проявленій. Какъ геологическіе слои земной коры не расположены вездѣ одинаково концентрически, а въ разныхъ мѣстахъ пересѣкаютъ другъ друга, такъ что, напримѣръ въ Финляндіи или въ Шотландіи, прямо подъ растительнымъ покровомъ выступаютъ древнѣйшія первозданныя образованія, такъ и мистическая глубина жизни иногда близко подходитъ къ житейской поверхности; но и въ этихъ случаяхъ „растительный покровъ“ повседневнаго сознанія всетаки налицо. И вотъ отличительный признакъ подлинно фантастическаго: оно никогда не является, такъ сказать, *въ обнаженномъ видѣ*. Его явленія никогда не должны вызывать принудительной вѣры въ мистическій смыслъ жизненныхъ происшествій, а скорѣе должны только указывать, *наметать* на него. Въ подлинно фантастическомъ всегда остается внѣшняя, формальная возможность простаго объясненія изъ обыкновенной всегдашней связи явленій, при чемъ, однако, это объясненіе окончательно лишается внутренней вѣроятности.

Соловьевъ находитъ что въ повѣсти гр. Толстаго это первое условіе „подлинно фантастическаго“ вполне соблюдено и что поэтому „Упырь“ еще до сихъ поръ сохраняетъ свою художественную цѣнность, несмотря на нѣкоторые недостатки композиціи и изложенія объясняемые какъ молодостью автора, такъ и особенностями литературныхъ приемовъ эпохи романтизма.

Другая брошюра гр. А. Толстаго: „Проектъ постановки на сцену трагедіи *Смерть Иоанна Грознаго*“ также представляетъ собой значительный интересъ. Особенное значеніе она имѣетъ для артистовъ выступающихъ въ этой трагедіи, такъ какъ даетъ имъ необходимыя указанія для игры и для пониманія той или другой роли. Гр. Толстой считаетъ такое разъясненіе необходимымъ потому что онъ дер-

жится того взгляда что артистъ долженъ всецѣло подчинять свою игру намѣреніямъ автора и не можетъ произвольно толковать свою роль по своему. „Только полное согласіе исполнителей и поэта упрочиваетъ успѣхъ представленію; антагонизмъ же ихъ ведетъ неминуемо къ ослабленію и запутанности впечатлѣнія, а затѣмъ и къ паденію пьесы.“ Поэтому въ краткихъ очеркахъ гр. Толстой старается выяснитъ характеры дѣйствующихъ лицъ выведенныхъ въ его трагедіи. Нѣкоторыя замѣчанія его въ этомъ отношеніи очень цѣнны и указываютъ на его психологическую проницательность. Особенно подробно останавливается онъ на характеристикѣ Іоанна и Бориса Годунова. Кромѣ безграничнаго самовластія, главною чертой Грознаго, по мнѣнію гр. Толстаго, является его страстность и впечатлительность. Онъ всецѣло отдается своимъ душевнымъ порывамъ и при всѣхъ своихъ противорѣчіяхъ всегда остается вполне искреннимъ. Раскаленіе овладѣвшее имъ послѣ убійства сына совершенно непритворно, и поэтому актеръ видящій въ его рѣшеніи отказаться отъ престола одну уловку имѣющую цѣлю выслѣдитъ своихъ тайныхъ недоброжелателей совершенно ошибается въ своемъ толкованіи. Третью основную черту его характера представляетъ его „злопамятная подозрительность“ ко всему что возвышается надъ обычнымъ уровнемъ. Толстой указываетъ на чрезвычайную трудность роли Іоанна и на сложность его характера не допускающую прямолинейности въ исполненіи. Артистъ исполняющій его роль долженъ, по замыслу гр. Толстаго, возбудитъ въ зрителѣ впечатлѣніе что Іоаннъ глубоко несчастенъ; что если онъ и предавался разврату, то развратъ его не удовлетворялъ, а только заглушалъ въ немъ на время его душевныя страданія, что если Іоаннъ палачъ Россіи, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и свой собственный палачъ.

Не менѣе сложна и трудна для исполненія роль Годунова. Во многихъ отношеніяхъ Годуновъ представляетъ рѣшительную противоположность Іоанну, такъ какъ Іоаннъ является рабомъ своихъ страстей, между тѣмъ какъ Годуновъ всегда сохраняетъ полное самообладаніе являющееся его отличительною чертой вмѣстѣ съ непогрѣнно развитымъ честолюбіемъ которое онъ однако тщательно скрываетъ. Умъ и проницательность сочетаются въ немъ съ громадною силой воли и съ тактичностью въ обращеніи. Онъ не жестокъ какъ Іоаннъ, но въ случаѣ нужды не останавливается ни передъ какими средствами. „Іоанна легче умолитъ чѣмъ Годунова. Іоаннъ можетъ иногда по капризу помиловать того, кого онъ осудитъ; но кого въ своемъ сердцѣ осудилъ Годуновъ, того онъ никогда не помилуетъ. Приговоры его внушены ему не гнѣвомъ и не мстительностью, а холоднымъ убѣжденіемъ въ ихъ необходимости. Іоаннъ губитъ своихъ

враговъ со злобой; Годуновъ безъ всякой злобы устраняетъ ихъ какъ препятствія“. Особенно подробно гр. Толстой останавливается на роли Годунова въ 4-мъ дѣйствіи; здѣсь Годуновъ почти ничего не говоритъ, но все время остается на сценѣ и принимаетъ участіе въ дѣйствіи такъ чтобы зритель ни на минуту не упускалъ его изъ вида. По словамъ гр. Толстаго, извѣстный дрезденскій артистъ Квантеръ, готовясь играть роль Годунова, особенно разчитывалъ для успѣха на это полунѣмое дѣйствіе; поэтому Толстой даетъ цѣлый рядъ указаній исполнителю, какъ вести эту трудную сцену. Точно также обращаетъ авторъ вниманіе на послѣднюю сцену трагедіи, когда Годуновъ, возвратясь отъ волхвовъ, своимъ разчитанно-слержаннымъ отвѣтомъ *убиваетъ* Іоанна.

Довольно подробно Толстой останавливается на характеристикѣ Шуйскаго и Захарьина. Шуйскій по своему характеру напоминаетъ Годунова, хотя въ немъ нѣтъ духовной мощи этого послѣдняго. „Шуйскій есть въ нѣкоторомъ смыслѣ слабый и искаженный съ него снимокъ. Онъ неудачная попытка природы произвести Годунова“. Годуновъ прибѣгаетъ къ хитрости только тогда когда не имѣетъ лучшаго способа достигнуть своей цѣли; Шуйскій же, напротивъ, любитъ хитрость для хитрости и притомъ „недостаточно уменъ для того чтобы скрыть что онъ хитеръ“. Захарьинъ во многомъ представляетъ полную противоположность Шуйскому и Годунову, являясь однимъ изъ немногихъ положительныхъ типовъ своей среды и своей эпохи. Роль его не велика, но требуетъ отъ актера большого такта для того чтобы уловить настоящій тонъ и не сдѣлать его похожимъ на Правдина, Здравомысла и другихъ благородныхъ резонеровъ русской комедіи XVIII вѣка.

Другія второстепенныя роли также не оставлены авторомъ безъ соответствующихъ указаній, даже такія незначительныя какъ роли врачей Эльмса и Якоби, волхвовъ и гонца изъ Пскова. Отъ всѣхъ артистовъ Толстой требуетъ строгаго ансамбля; попутно дѣлаются имъ замѣчанія о костюмахъ и гримѣ: изъ этого видно какъ глубоко авторъ вдумывался во всѣ мелочи и подробности постановки. Вездѣ онъ старается о сохраненіи сценической иллюзіи; между прочимъ въ 4-мъ дѣйствіи бирючи вѣзжаютъ на сцену верхомъ на лошадяхъ и для того чтобы топотъ копытъ по доскамъ пола не нарушалъ сценической иллюзіи, авторъ совѣтуетъ подковать лошадей толстой гутаперчей. Относительно массовыхъ сценъ въ которыхъ дѣйствуютъ бояре и народъ авторъ также даетъ нѣсколько указаній имѣющихъ значительный интересъ для режисеровъ. Даже декорациа и антракты не упущены имъ изъ вида: въ антрактахъ онъ совѣтуетъ исполнять русскую музыку, подбирая музыкальныя піесы сообразно содержанію

предстоящаго дѣйствія чтобы такимъ образомъ вызывать въ зрителяхъ извѣстное настроеніе. Все это доказываетъ какъ старательно гр. Толстой обдумывалъ даже мелочныя детали постановки. Во всякомъ случаѣ исполнители найдутъ въ его брошюрѣ не мало цѣнныхъ указаній для вѣрнаго пониманія своихъ ролей, а критика и большая публика получить возможность познакомиться съ собственными взглядами гр. Толстаго на характеры дѣйствующихъ въ его трагедіи лицъ.

Консульскія донесенія.

Министерство Иностранныхъ Дѣлъ. Сборникъ консульскихъ донесеній. Годъ четвертый. Выпускъ 1. 1901. С.-Петербургъ. 1901.

XIX вѣкъ былъ очень богатъ гигантскими сооружениями: прорытъ Суэзскій каналъ открывшій прямой путь изъ Средиземнаго моря въ Индійскій океанъ, прорыты тоннелями величайшія горы, сооружена величайшая изъ желѣзнодорожныхъ линій, Сибирская. Но если въ минувшемъ столѣтіи было много сдѣлано въ этой области, то еще болѣе неосуществленныхъ задачъ осталось на долю XX вѣка. Среди этихъ задачъ одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежитъ проекту Пан-американской желѣзной дороги. И въ политическомъ и въ торговомъ отношеніи этотъ проектъ представляетъ настолько крупный интересъ что на немъ нельзя не остановиться.

Проектъ этой желѣзнодорожной линіи, какъ сообщаетъ въ своемъ донесеніи состоящій при нашей миссіи въ Рио-Жанейро г. Вольфъ, обсуждался въ 1890 году въ Вашингтонѣ на международной пан-американской конференціи которая постановила образовать особую международную комисію изъ инженеровъ-специалистовъ которой и поручить изслѣдованіе наиболѣе цѣлесообразнаго направленія этой линіи, выясненіе ея протяженія и приблизительной стоимости, а также различныхъ выгодъ которыя она можетъ принести.

Работы этой комисіи уже закончены, и она пришла къ заключенію что предполагаемая желѣзнодорожная линія отъ Нью-Йорка до Буеносъ-Айреса должна имѣть протяженіе въ 15,946 километровъ и стоить 91.480,677 фунтовъ стерлинговъ, то-есть, около девяносто миліоновъ рублей. Стоимость постройки отдѣльныхъ участковъ отъ 2½ до 20 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, средняя же стоимость километра пути не будетъ, по разчетамъ, превышать 5 т. ф. с. Эти же изысканія показали что прокладка рельсовъ по необыкновенно высокому плоскогорію Андовъ черезъ республики Эквадоръ, Колум-

бію и Перу оказывается вполнѣ возможно. Какъ ни величественъ кажется проектъ постройки Панамериканской желѣзной дороги, но на практикѣ дѣло значительно упрощается, такъ какъ изъ 15.946 километровъ этого пути 7.593 километра уже выстроены, а 1574 кил. находятся въ постройкѣ. Такимъ образомъ будущую желѣзную дорогу придется провести всего только на разстояніи 6.779 километровъ, то-есть, меньшемъ протяженія Сибирской желѣзной дороги съ ея продолженіемъ по Манчжуріи. Вмѣстѣ съ этимъ и строительные расходы съ 91 сократятся до 42 мил. фун. ст.

Проходя почти въ прямомъ направленіи съ сѣвера на югъ, пересѣкая мѣстности съ крайне различными почвенными и климатическими условіями, новая желѣзнодорожная линія откроетъ возможность для широкаго обмѣна всевозможныхъ грузовъ. Наконецъ не нужно быть пророкомъ чтобы предсказать что она усилитъ политическое вліяніе Соединенныхъ Штатовъ во всей Америкѣ и дастъ имъ ту силу о которой они не могутъ еще и мечтать въ настоящее время.

Съ какою быстротою ни возникали бы новыя желѣзнодорожныя линіи, какое бы громадное протяженіе онѣ ни имѣли, рельсовые пути все же не въ силахъ подорвать болѣе дешевыхъ водныхъ путей на которые всегда будетъ стремиться огромное количество громоздкихъ и сравнительно малоцѣнныхъ грузовъ. Такимъ образомъ значеніе морскихъ путей не только не уменьшается, но постепенно растетъ вмѣстѣ съ усиленіемъ торговаго обмѣна между различными странами.

Это прекрасно поняла Норвегія и не щадила силъ для развитія своего торговаго флота. Бѣдная и во многихъ отношеніяхъ обиженная природою, страна эта получила въ удѣлъ исключительно выгодное для судоходства географическое положеніе. Гнетущій все живое угрюмый и суровый сѣверъ выработалъ въ Норвежцахъ неприсотливость и желѣзную настойчивость въ погонѣ за кускомъ хлѣба; онѣ закалили ихъ неустанною борьбой съ силами природы, научилъ добывать насущный хлѣбъ изъ голой скалы, развилъ стойкость, энергію и предприимчивость которая и нашла себѣ выходъ въ дальнихъ морскихъ плаваніяхъ.

Двѣсти лѣтъ назадъ торговый флотъ Норвегіи не превышалъ 500 судовъ, вмѣстимость которыхъ исчислялась приблизительно въ 60.000 тоннъ, а теперь въ Норвегіи считается 1.068 судовъ паровыхъ и 5.281 парусныхъ общемою вмѣстимостью въ 2.696.000 тоннъ. Такимъ образомъ по количеству судовъ Норвегія занимаетъ въ настоящее время четвертое мѣсто въ мірѣ и первое по размѣру тонажа на душу населенія. Тогда какъ въ Великобританіи, этой властительницѣ морей, на средняго жителя приходится 0,634 тоны

судовъ, въ Даніи 0,335 тон., въ Швеціи 0,186 тон., въ Австраліи 0,18 тон., въ Голандіи 0,115 тон., въ Норвегіи цифра эта возрастаетъ до 1,162 тонн!

Торговый флотъ подобныхъ размѣровъ, говоритъ г. Поповъ, является крупнымъ двигателемъ экономической жизни народа. Помимо этой роли онъ можетъ еще считаться въ полномъ смыслѣ кормильцемъ значительной части населенія. Въ самомъ дѣлѣ, всеобщая норвежская перепись 1891 года выяснила что торговый флотъ давалъ уже тогда заработокъ 5,9% послѣдняго, а именно 119.000 душамъ (считая и семейства моряковъ). Въ 1888 — 89 гг. валовая выручка на фрахтъ норвежскихъ судовладѣльцевъ достигала огромной цифры въ 120.000.000 кронъ!

Но Норвегія достигшая въ области торговаго судоходства такихъ крупныхъ результатовъ не почилла на лаврахъ, не отказалась отъ дальнѣйшей борьбы за свое преобладаніе, напротивъ, она упорно стремится къ замѣнѣ паруснаго флота паровымъ и особое вниманіе обращаетъ на созданіе срочныхъ пароходныхъ линій. Въ настоящее время такихъ линій насчитывается всего еще только 6, по которымъ поддерживается правильное сообщеніе Норвегіи съ Германіей, Бельгіей, Голандіей, Франціей, Англіей, Испаніей, Португаліей и Италіей, но нельзя сомнѣваться что въ недалекомъ будущемъ число такихъ пароходныхъ обществъ значительно возрастетъ. Вотъ что могутъ сдѣлать упорная воля и предпримчивость! Вотъ чему не мѣшало бы поучиться намъ у своей сосѣдки!

Пока Норвежцы ищутъ улучшенія своего положенія въ борьбѣ съ бурнымъ моремъ и въ упорной обработкѣ бесплодныхъ земель, французскій рабочій для достиженія той же цѣли избралъ себѣ иной путь, путь борьбы съ владѣльцами промышленныхъ предпріятій. Интересныя свѣдѣнія о прошлогоднихъ стачкахъ въ Марсели даетъ нашъ генеральный консулъ г. Карчевскій.

Осень минувшаго года ознаменовалась въ Марсели стачками кочегаровъ, матросовъ и корабельной прислуги на стоящихъ въ портѣ судахъ, портовыхъ рабочихъ, перевозчиковъ кладей и рабочихъ-пекарей. За этими важнѣйшими стачками слѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ менѣе важныхъ: стачка рабочихъ изготовляющихъ принадлежности для оснащенія судовъ, рабочихъ на литейныхъ, маслостроительныхъ и стеариновыхъ заводахъ, стачка столяровъ и полировщиковъ, стачка мукомоловъ, прачекъ и т. д.

Стачка кочегаровъ, матросовъ и корабельной прислуги возникла совершенно неожиданно. 11 августа рабочіе на судахъ *Compagnie Générale Transatlantique* покинули безъ всякаго видимаго повода работу уже къ отплытію суда и потребовали увеличенія заработной

платы. Суда остались въ гавани, а рабочіе, разсѣявшись по набережной, начали подбивать къ забастовкѣ экипажи другихъ судовъ, изъ которыхъ нѣкоторые и примкнули къ нимъ. Пассажиры разчитывавшіе уѣхать въ тотъ же день принуждены были вернуться въ гостиницы и ждать у моря погоды; около 400 мѣшковъ корреспонденціи остались не отправленными. Между забастовавшими рабочими и полиціей было нѣсколько крупныхъ стычекъ. Окончилось дѣло уступками со стороны компаніи, хотя и не въ тѣхъ размѣрахъ какъ желали этого рабочіе.

Черезъ пять дней послѣ начала забастовки кочегаровъ возникла стачка портовыхъ рабочихъ также потребовавшихъ увеличенія рабочей платы. Результаты стачки оказались крайне неблагоприятными для марсельскихъ жителей, и 21 августа 48 судовъ въ портѣ *Joliette* оказались невыгруженными; всѣ доки между тѣмъ были завалены товарами. Опасность иностранной конкуренціи дѣлалась очевидною. Марсельскій представитель *Compagnie Péninsulaire* получилъ приказъ отправить пароходы компаніи для разгрузки въ Геную, въ случаѣ если разгрузка въ Марсели окажется невозможною. Дѣло дошло даже до того что управление желѣзной дороги *Paris-Lyon-Méditerranée* оказалось вынужденнымъ объявить о прекращеніи приѣма грузовъ на Марсель, такъ какъ забастовавшіе вмѣстѣ съ портовыми рабочими вошки дѣлали невозможною разгрузку, и всѣ помѣщенія были переполнены товарами. Побѣдителями изъ этихъ стачекъ также вышли рабочіе получившіе почти полное удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій.

Еще тяжелѣе на жителей Марсели сказалась стачка пекарей потребовавшихъ увеличенія задѣльной платы. Стачка эта грозила имъ настоящимъ голодомъ. Въ виду такой опасности положеніе еще болѣе усложнялось тѣмъ что рабочіе-пекари ближайшихъ къ Марсели городовъ, Эксъ (Aix) и Тулона, выразили намѣреніе послѣдовать примѣру своихъ марсельскихъ сотоварищей и также объявить всеобщую стачку; рабочіе же въ Авиньонѣ отказались готовить хлѣбъ для отправки въ Марсель. По приказанію военнаго министра сюда прибыло 100 военныхъ пекарей изъ Ліона, число же военныхъ рабочихъ предоставленныхъ въ распоряженіе городского управленія въ случаѣ надобности могло быть доведено до 900 человекъ. Но, несмотря на это, на значительный привозъ хлѣба изъ сосѣднихъ городовъ, на организованную въ различныхъ пунктахъ города продажу солдатскаго хлѣба, владѣльцы булочныхъ все же принуждены были уступить рабочимъ и согласиться на прибавку, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ чѣмъ добивались рабочіе.

Трудно сказать къ какимъ еще бѣдствіямъ можетъ привести

Францію эта свобода стачекъ на практикѣ-обращающаяся въ насиліе надъ товарищами желающими продолжать работу.

Китайскій вопросъ.

Графъ Петръ Кутузовъ. Желательныя основы русско-китайскаго соглашенія. Возраженіе на мысли кн. С. Н. Трубецкаго о раздѣлѣ Китайской Имперіи. С-Петербургъ. 1900.

Совершенно неожиданно, какъ громовый ударъ съ безоблачнаго неба, раздалась съ китайской стороны выстрѣлы по русскимъ пароходамъ пльвшимъ по Амуру. Съ такою же неожиданностью началась бомбардировка мирнаго Благовѣщенска и разрушеніе выстроенной нами желѣзной дороги въ Манчжуріи. Справедливость однако требуетъ сказать что и Западная Европа не болѣе насъ была подготовлена къ извѣстіямъ объ избіеніяхъ мисіонеровъ и Китайцевъ-христіанъ, о разрушеніяхъ строящихся въ предѣлахъ Китая рельсовыхъ линій, о насиліяхъ надъ Европейцами, о дерзкихъ нападеніяхъ на посольства. Пришлось вооруженною рукой водворять миръ въ Китаѣ.

Мы сравнительно скоро справились съ этою задачей, бросивъ въ самый короткій срокъ многотысячную армію въ Манчжурію, занявъ въ ней наиболѣе важныя пункты, водворивъ въ ней порядокъ и обезпечивъ интересы сооружаемой нами желѣзной дороги. Не такъ быстро и не такъ успѣшно шли дѣла другихъ западно-европейскихъ государствъ. Но и начатыя ими мирныя переговоры, вѣроятно, приведутъ въ недалекомъ будущемъ къ желанной цѣли. Тѣмъ не менѣе и предъ Россіей и предъ Западною Европой встаетъ грозный вопросъ: какъ обезпечить спокойствіе на будущее время въ обширной Китайской Имперіи, какую создать гарантію противъ повторенія недавнихъ печальныхъ событій?

Повидимому такой вопросъ проще и легче всего рѣшается раздѣломъ Китая между европейскими государствами. Россія граничащая съ Китаемъ на протяженіи многихъ тысячъ верстъ, а слѣдовательно болѣе всѣхъ другихъ державъ заинтересованная въ сохраненіи спокойствія въ немъ, должна была бы первою откликнуться на подобный призывъ. Но всматриваясь въ дѣло ближе, не трудно понять что такое рѣшеніе китайскаго вопроса вовсе не просто, что оно сулитъ въ будущемъ не миръ и спокойствіе, а длинный рядъ кровавыхъ столкновеній, многолѣтнюю упорную борьбу и безконечныя политическія неурядицы.

Положимъ, Россія располагаетъ достаточнымъ количествомъ военныхъ силъ чтобы охранять порядокъ въ доставшейся ей части Китая, но въ силахъ ли будутъ справиться съ этою задачей другія государства которыя при дѣлѣжъ Небесной Имперіи должны будутъ получить свою часть? Справится ли съ этою задачей, на примѣръ, Италия понесшая еще такъ недавно пораженіе при вооруженномъ столкновеніи съ Абиссиніей? Подъ силу ли окажется та же самая задача Великобританіи которая вотъ уже второй годъ безплодно борется съ двумя южно-африканскими республиками, одерживая надъ ними блестящія побѣды только на столбцахъ газетныхъ корреспонденцій?

А между тѣмъ вовсе не нужно быть пророкомъ чтобы предсказать что у разрозненнаго Китая проснутся стремленія къ національному объединенію, что завяжется упорная борьба которая и отзовется въ нашей части Китая, потребовавъ отъ насъ усиленнаго военнаго напряженія всегда дорога стоящаго. Да и въ мирное время присоединеніе къ Россіи значительной части китайской территоріи сулитъ намъ слишкомъ мало благъ. Чуждые намъ по религіи, по языку, по взглядамъ, обычаямъ и понятіямъ, Китайцы никогда не сольются съ русскимъ населеніемъ, что мы и видимъ въ Приамурьѣ. Управление же страной съ враждебнымъ населеніемъ всегда требуетъ крупныхъ матеріальныхъ жертвъ. Во имя чего же намъ ихъ приносить? Развѣ содержаніе и другихъ, ранѣе присоединенныхъ окраинъ, не дожится тяжелымъ бременемъ на нашъ изъ года въ годъ бѣднѣющій „центр“?

Графъ Кутузовъ въ своей брошюрѣ выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ раздѣла Китая, горячо доказывая всѣ выгоды его цѣлости и неприкосновенности для насъ. Принципъ цѣлости и неприкосновенности Китайской Имперіи, по его мнѣнію, нисколько не противорѣчитъ русской окупаціи Манчжуріи и Квантунскаго полуострова.

Прецедентъ для этого, говоритъ гр. Кутузовъ, существуетъ хорошій. Цѣлость Турецкой имперіи, какъ извѣстно, была установлена и торжественно положена въ основу Парижскаго трактата 1855 года. Этотъ принципъ даже послѣ послѣдней русско-турецкой войны былъ категорически подтвержденъ Берлинскимъ трактатомъ. А между тѣмъ, отчасти въ силу этого же трактата, послѣ его заключенія развѣ не послѣдовала окупація Босніи и Герцоговины Австріей, а позднѣе окупація Англіей Египта? Вся Европа однако не видитъ въ этихъ окупаціяхъ нарушенія трактатовъ Парижскаго и Берлинскаго. Послѣ этого отчего же Китай въ союзъ съ Россіей не могъ бы требовать и того чтобы Европа точно такъ же не стала видѣть въ этомъ посягательство на цѣлость и неприкосновенность Китая.

Что касается Китая, то онъ увѣрившись въ искренности и доброжелательности Россіи, по мнѣнію автора, рѣшительно не долженъ былъ бы имѣть ничего противъ присутствія русскихъ войскъ на извѣстной части своей территоріи, такъ какъ эти войска, не принося Китаю никакого вреда, могли бы оказать ему много дружескихъ услугъ.

Для болѣе вѣрнаго достиженія этой цѣли гр. Кутузовъ считаетъ необходимымъ признать за Китаемъ *раннѣ и преимущества великой* державы, что содѣйствовало бы его неприкосновенности и недѣлимости. Остается открытымъ только вопросъ: для чего дадутъ свою санкцію на подобное признаніе тѣ державы которыя усиленно стремятся къ расчлененію Китая? Наконецъ, если русская окупація совмѣстна съ неприкосновенностью Китая, то почему же Англичане и Нѣмцы не могутъ думать что и ихъ окупація также совмѣстна съ цѣлостью и нераздѣльностью Китайской Имперіи? Во всякомъ случаѣ убѣдить ихъ въ этомъ будетъ нелегко.

Въ дальнѣйшемъ будущемъ гр. Кутузовъ допускаетъ возможность образованія на Азіатскомъ Востокѣ дуалистическаго государства по образцу Австро-Венгріи, въ составъ котораго должны войти Китай и Японія подѣ покровительствомъ Россіи. Что съ Китаемъ мы долго жили въ мирѣ и долго еще можемъ прожить въ немъ, въ этомъ сомнѣваться нельзя. Но совершенно въ иномъ положеніи находится Японія. Это островное государство давно уже всѣми силами стремится сдѣлаться континентальною державой, а мы подобному стремленію ни въ какомъ случаѣ сочувствовать не должны и не можемъ. Уже это одно создаетъ непримиримое противорѣчіе между японскими и русскими интересами. Японія, по примѣру Великобританіи, желала бы сдѣлаться морскою владычицей Тихаго Океана, а и такому желанію сочувствовать мы не можемъ, какъ и усиленію японскаго вліянія въ Корей. Словомъ, наши политическіе и экономическіе интересы настолько противоположны японскимъ что созданіе нами такого дуалистическаго государства равнялось бы рытью для себя ямы, конечно въ будущемъ, собственными руками.

Въ дальнѣйшей части своей брошюры гр. Кутузовъ старается рѣшить нѣкоторые практическіе вопросы о будущихъ отношеніяхъ Россіи и Западной Европы къ Китаю. Прежде всего онъ спрашиваетъ: гдѣ быть резиденціи богдыхана? И отвѣчаетъ: гдѣ угодно, но только не въ томъ городѣ въ которомъ будутъ находиться посольства европейскихъ государствъ. Постоянная военная охрана великихъ и второстепенныхъ державъ потребуетъ цѣлой арміи, а это въ свою очередь поведетъ къ тому что богдыханъ окружитъ себя еще болѣе внушительною арміей, такъ что китайская столица превратится въ два

враждебные вооруженные лагеря. Это, само собою понятно, плохая гарантія для сохраненія мира.

Желая обратить Китайъ въ великую державу, гр. Кутузовъ не можетъ, конечно, желать установленія предѣльности для его арміи, къ тому же выводу приводитъ его и то обстоятельство что недостатокъ регулярныхъ войскъ можетъ заставить прибѣгнуть, въ случаѣ надобности, къ увеличенію милиціи, а справляться съ нестройными толпами *мулаковъ* много труднѣе чѣмъ съ регулярною арміей.

Мисіонерскую дѣятельность въ Китаѣ авторъ желалъ бы совершенно прекратить, равно какъ и ограничить черезчуръ уже широкіе размахи европейскихъ предпринимателей. Лучшимъ средствомъ для этого онъ считаетъ созданіе имъ противовѣса со стороны Россіи.

Китайъ долженъ оказаться рано или поздно повсемѣстно покрытымъ русскими финансовыми, торговыми и всякими техническими учрежденіями, станціями, колоніями, фермами, складами, заводами и сооружеженіями.

Прекрасная мечта! Но тутъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь слѣдуетъ опасаться что пока взойдетъ наше солнце, пока наступитъ это прекрасное „рано или поздно“, роса можетъ выѣсть очи.

Желая придать Китаю возможно большую самостоятельность и независимость, гр. Кутузовъ желалъ бы спасти его по возможности отъ вышнихъ разорительныхъ займовъ. „Отчего бы, спрашиваетъ онъ, не допустить въ принципѣ чтобы сумма вознагражденія какая будетъ причитаться Россіи была выплачена Китаемъ *не наличными деньгами, а натурою*, то-есть, всякими продуктами и товарами благонадежнаго достоинства и добротности и по безспорно благонадежной для принимающей ихъ Россіи цѣнѣ?“

Мысль эта въ сущности не новая и въ прежнее время намъ случалось уже брать вознагражденіе съ Китая чаемъ. Возможно это, конечно, и въ настоящее время, но едва ли не болѣе выгоднымъ было бы для насъ полученіе вознагражденія въ формѣ предоставленія различныхъ льготъ и преимуществъ русскимъ предпринимателямъ. Китаю въ такомъ случаѣ всетаки пришлось бы избѣгнуть разорительныхъ займовъ, а мы изъ этихъ предпріятій могли бы извлечь не только матеріальныя выгоды, но при помощи ихъ укрѣпить свои связи и свое вліяніе на жителей Серединнаго царства.

Въ програмѣ гр. Кутузова несомнѣнно есть много желательнаго и симпатичнаго, но въ общемъ она страдаетъ однимъ очень крупнымъ недостаткомъ, неисполнимостью.

Земельный кредитъ.

Комитетъ Сѣздовъ представителей учреждений русскаго земельного кредита. Ипотечный кредитъ въ Германіи. С.-Петербургъ. 1900.

Отъ времени до времени комитетъ сѣздовъ представителей учреждений русскаго земельного кредита выпускаетъ тоненькія тетрадки статистическихъ свѣдѣній о современной задолженности нашихъ земельныхъ и городскихъ недвижимыхъ имуществъ. Эти статистическія данныя рисуютъ мрачную картину нашей задолженности государственнымъ кредитнымъ учрежденіямъ и частнымъ акціонернымъ банкамъ. Но одними этими цифрами еще не исчерпывается задолженность недвижимыхъ имуществъ, такъ какъ надъ ними тяготеютъ долги по вторымъ и третьимъ закладнымъ. При такомъ печальномъ положеніи вещей одно констатированіе годовыхъ фактовъ еще не поможетъ горю, и нашимъ заемщикамъ необходимо указать выходъ изъ него.

Этою-то задачей, повидимому, и занялся комитетъ, поставивъ себѣ цѣлю познакомить читателей съ организаціей ипотечнаго кредита въ главнѣйшихъ странахъ Западной Европы. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было изданіе въ 1896 году очерка *Ипотечный кредитъ въ Австро-Венгріи*, за нимъ послѣдовало изданіе въ прошломъ году брошюры *Реформа ипотечнаго кредита въ Германіи*, наконецъ, теперь явился новый трудъ служащій продолженіемъ предшествующихъ, *Ипотечный кредитъ въ Германіи*, на которомъ мы и остановимся въ настоящей статьѣ.

Учрежденія земельного кредита въ Германіи рѣзко распадаются на три группы: государственныя, взаимнаго подземельнаго кредита и земельныя акціонерныя банки. Организація государственныхъ и провинціальныхъ ипотечныхъ учреждений Германіи значительно отличается отъ принятой въ Россіи. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ: выдача ссудъ не на опредѣленный срокъ, а до востребованія (при условіи предваренія заемщика за шесть мѣсяцевъ), выпускъ облигацій на тѣхъ-же условіяхъ и разрѣшеніе производить учрежденіямъ земельного кредита нѣкоторыя простѣйшія банковыя операціи.

Выдача безсрочныхъ земельныхъ ссудъ возникла еще въ то время, когда достать деньги на продолжительное время было затруднительно, но теперь объ формы кредита, срочнаго и безсрочнаго, идутъ параллельно и выборъ между ними представляется заемщику. Повидимому, безсрочный кредитъ долженъ былъ бы обѣгаться, такъ какъ неожиданное требованіе возврата ссуды, хотя и съ предупрежденіемъ заемщика за шесть мѣсяцевъ, можетъ поставить его въ очень затрудни-

тельное положеніе. Но дѣйствительность не оправдываетъ этихъ ожиданій, такъ какъ экстреннаго требованія возврата ссудъ почти никогда не бываетъ. Въ теченіе 50 лѣтъ Альтенбургскій банкъ перенесъ нѣсколько кризисовъ, но только одинъ разъ, въ 1848 году, въ виду политическихъ осложненій потребовалъ возврата 13 ссудъ выданныхъ вѣдъ предѣловъ Саксонскаго королевства. Но предъявленныхъ къ платежу облигацій было такъ мало что оказалось достаточнымъ уплатить только 22% полученныхъ ссудъ, на остальную же часть ихъ была дана отсрочка.

Зато безсрочный кредитъ представляетъ заемщикамъ много весьма существенныхъ выгодъ. Прежде всего, реализація безсрочныхъ облигацій совершается на болѣе выгодныхъ условіяхъ, и слѣдовательно заемщику приходится выплачивать меньшій процентъ. Затѣмъ заемщикъ избавляется отъ обязательнаго погашенія долга, имѣя возможность уплатить его частями произвольной величины въ какое ему угодно время.

Мы уже сказали что ипотечнымъ учрежденіямъ разрѣшаются нѣкоторыя изъ простѣйшихъ банковыхъ операцій. Такимъ образомъ происходитъ сліянiе учрежденій земельного кредита со сберегательными кассами, получившее особенно замѣтное развитіе въ Австро-Венгріи. Возрастаніе вкладовъ въ сберегательныя кассы повсемѣстно идетъ довольно быстро, и хотя эти вклады носятъ безсрочный характеръ, но всегда можно опредѣлить ту часть ихъ которая будетъ взята обратно и ту которой можно дать долгосрочное употребленіе. Помѣщеніе второй части подъ обезпеченіе земельными имуществами представляетъ двоякую выгоду: во-первыхъ, вклады имѣютъ полное обезпеченіе, и во-вторыхъ, народныя сбереженія получаютъ производительное употребленіе, обращаясь на нужды сельскаго хозяйства.

Несмотря на существованіе въ Германіи правительственныхъ и земскихъ кредитныхъ учрежденій, дѣятельность частныхъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ раскинулась довольно широко, что наглядно можно видѣть изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ: къ концу 1898 года всѣми учрежденіями германскаго земельного кредита было выдано ссудъ почти на десять миліоновъ марокъ, изъ этого числа $\frac{1}{12}$ была выдана государственными и провинціальными учрежденіями, $\frac{1}{4}$ земскими кредитными обществами и прочими учрежденіями основанными на началахъ взаимности и, наконецъ, $\frac{2}{3}$ земельными акціонерными банками.

Несмотря, однако, на такую широкую дѣятельность германскихъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ, она носитъ существенно отличный характеръ отъ дѣятельности банковъ русскихъ. У насъ операціи акціонерныхъ банковъ сосредоточены преимущественно на землѣ,

а въ Германіи на городскихъ недвижимыхъ имуществахъ. Земельныхъ ссудъ было выдано на 3.970 мил. марокъ, въ томъ числѣ земскими кредитными и прочими взаимными обществами на 2.691 мил. марокъ, акціонерными банками на 673 мил. марокъ и государственными и провинціальными учрежденіями на 605 мил. марокъ. Подъ городскую же недвижимость было выдано 5.573 мил. руб., причемъ почти вся эта сумма была покрыта акціонерными банками.

Дѣятельность акціонерныхъ земельныхъ банковъ подчинена строгому надзору правительства, между прочимъ особаго вниманія заслуживаетъ законъ предоставляющій право каждому владѣльцу закладныхъ листовъ требовать годовой отчетъ банка по пѣнѣ не превышающей 50 пфениговъ.

Какъ мы уже видѣли, наибольшая часть ссудъ подъ земельныя имущества выдается въ Германіи учрежденіями взаимнаго кредита. Что же это за учрежденія? Характерную особенность этихъ обществъ составляетъ замѣна правительственной гарантіи взаимнымъ ручательствомъ и солидарною отвѣтственностью заемщиковъ. Родиною этихъ учрежденій справедливо считается Пруссія. Начало ихъ устройству было положено манифестомъ 26 августа 1769 года. Первое подобное общество возникло въ Силезіи. Успѣхъ силезскаго земскаго общества побудилъ другія провинціи образовать у себя однородныя учрежденія: въ 1777 году возникаетъ дворянское кредитное общество для Бранденбурга, въ 1781 г. для Помераніи, въ 1787 году для Западной Пруссіи и, наконецъ, въ 1788 году для Восточной Пруссіи.

Для того чтобы вновь возникшія кредитныя общества могли возстановить довѣріе къ дворянскому землевладѣнію подорванному тяжелыми годами семилѣтней войны прежде всего нужно было привлечь къ кредиту мелкіе капиталы и создать серіозныя гарантіи въ обратномъ полученіи денегъ. Первая часть задачи легко разрѣшалась выпускомъ закладныхъ листовъ. Первоначально они обезпечивались спеціально на данномъ имѣніи и въ случаѣ представленія ихъ къ погашенію, вытребовалась ссуда именно съ этого имѣнія. Если же продажей его не могъ быть покрытъ долгъ по закладнымъ листамъ, то наступала солидарная отвѣтственность всѣхъ заемщиковъ въ извѣстной, опредѣленной уставами, постепенности. Въ первое время учрежденія взаимнаго земельного кредита носили сословно-дворянскій характеръ, но теперь они все болѣе утрачиваютъ его, допуская выдачу ссудъ и подъ имѣнія недворянскія.

Въ современной дѣятельности этихъ учрежденій усматриваютъ много недостатковъ. Крайне сложная, напимѣръ, оцѣнка имѣній требуетъ для своего производства много времени. Коллегія рѣшаю-

шая вопросы о ссудахъ собирается только два раза въ годъ, и всѣ прошенія землевладѣльцевъ о выдачѣ закладныхъ листовъ разсматриваются только въ эти сроки, что ведетъ къ значительному промедленію. Но всѣ эти недостатки не являются чѣмъ-то неизбѣжнымъ, органически связаннымъ съ дѣятельностью учреждений взаимнаго кредита. И, дѣйствительно, мы видимъ что въ послѣднее время эти общества освободились отъ многихъ старыхъ недостатковъ. За то они доставляютъ кредитъ болѣе доступный чѣмъ акціонерные банки и при томъ даже владѣльцамъ самыхъ незначительныхъ клочковъ земли.

Во всякомъ случаѣ было бы въ высшей степени желательнымъ видѣть перенесеніе этой формы земельного кредита на русскую почву.

Урожай 1900 года.

М. З. и Г. И. Отдѣлъ Сельской Экономіи и Сельскохозяйственной Статистики 1900 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ полученнымъ отъ хозяевъ. Выпускъ IV. Съ двумя раскрашенными картами. С.-Петербургъ. 1900.

Тоже. Выпускъ V. Съ одной раскрашенной картой. С.-Петербургъ. 1900.

Метеорологическія условія второй половины прошлаго лѣта сложились въ большей части Россіи весьма неблагоприятно для сельскаго хозяйства. Рѣзкій переходъ отъ умѣренно-теплой погоды къ сильнымъ жарамъ обусловилъ захватъ зерна яровыхъ, вслѣдствіе чего урожай ихъ въ качественномъ отношеніи получился во многихъ мѣстностяхъ очень невысокій. Другимъ слѣдствіемъ продолжительной засухи было почти повсемѣстное запозданіе съ посѣвами озимыхъ, такъ какъ сильно пересохшая почва съ трудомъ поддавалась обработкѣ. Не вполнѣ благоприятными оказались условія погоды и для уборки урожая, преимущественно для молотбы. Ненастые конца августа въ сѣверо-восточномъ районѣ помѣшало своевременной уборкѣ позднихъ яровыхъ хлѣбовъ которые къ тому же здѣсь пострадали и отъ раннихъ холодовъ. Холода эти нанесли чувствительный вредъ огороднымъ и бахчевымъ растеніямъ. Наконецъ, довольно серіозные убытки мѣстами были причинены градобитіями въ іюль и сильною бурей въ двадцатыхъ числахъ августа.

Изъ вредныхъ насѣкомыхъ въ черноземной полосѣ наиболѣе значительный ущербъ посѣвамъ нанесъ хлѣбный жучекъ (кузъка). Особенно сильныя поврежденія причинилъ онъ въ губерніяхъ новороссійскихъ, малороссійскихъ, юго-западныхъ, нѣкоторыхъ центральныхъ земледѣльческихъ, а также въ Предкавказьѣ, причѣмъ сильнѣе всего пострадали ячень и яровая пшеница. Гесенская муха наблюдалась

въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губерній: Тамбовской, Воронежской, Екатеринославской и Полтавской, но убытковъ въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ она нигдѣ не нанесла. Въ болѣе или менѣе значительной степени отъ вредныхъ насѣкомыхъ пострадали также маслячныя и огородныя растенія.

Уборка хлѣбовъ почти на всемъ пространствѣ черноземной полосы производилась въ сухую и жаркую погоду. Что касается нечерноземной полосы, то и въ ней по большей части жатва и свозка озимыхъ хлѣбовъ были произведены довольно удачно. Значительно менѣе благоприятными оказались условія уборки яровыхъ хлѣбовъ, въ особенности болѣе позднихъ изъ нихъ, такъ какъ въ это время начали перепадать дожди.

Недостатокъ рабочихъ во время уборки хлѣбовъ ощущался въ губерніяхъ центральныхъ земледѣльческихъ, средне-волжскихъ, промышленныхъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ вслѣдствіе одновременнаго созрѣванія хлѣбовъ, а въ приуральскихъ по случаю дождливой погоды задержавшей обычный ходъ работъ. Въ юго-западныхъ и малороссійскихъ губерніяхъ рабочихъ рукъ было достаточно, а въ новороссійскихъ предложеніе превышало даже спросъ.

Переходя къ общимъ итогамъ минувшаго года въ сельскохозяиственномъ отношеніи, мы видимъ что озимая рожь дала урожай немного выше средняго, а пшеница значительно ниже его. Озимая пшеница плохо уродилась въ губерніяхъ юго-западныхъ и новороссійскихъ, то-есть, въ мѣстностяхъ наибольшаго воздѣлыванія. Урожай яровыхъ хлѣбовъ можетъ считаться близкимъ къ среднему. Плохо или неудовлетворительно яровые уродились въ губерніяхъ Бесарабской, Херсонской, Таврической и Кіевской, гдѣ они особенно пострадали отъ засухи. Овесъ за нѣкоторыми исключеніями почти всюду уродился удовлетворительно. Средніе или близкіе къ среднему сборы ячменя оказались въ губерніяхъ малороссійскихъ и въ нечерноземныхъ, кромѣ промышленныхъ. Просо уродилось удовлетворительно только въ малороссійскихъ, юго-западныхъ и ниже-волжскихъ губерніяхъ, въ остальныхъ же мѣстностяхъ урожай его получился плохой. Горохъ и гречиха, за немногими исключеніями, дали плохіе сборы. Изъ другихъ растеній маслячныя почти всюду дали плохой или неудовлетворительный урожай, а картофель далъ сборъ частію средній, частію ниже средняго.

Урожай огородныхъ овощей также получился неудовлетворительный. Въ черноземной полосѣ капуста почти повсемѣстно пострадала отъ засухи и долго не завивала кочней, а въ нечерноземныхъ губерніяхъ была повреждена насѣкомыми. Огурцовъ повсюду было мало, такъ какъ послѣ августовскихъ заморозковъ они скоро сошли.

Урожай фруктовъ во всей черноземной полосѣ былъ неудовлетворительный. Почти повсемѣстно фрукты были мелки, пятнисты, червивы и безвкусны.

Вообще минувшій годъ удачнымъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи ни въ какомъ случаѣ назвать нельзя, хотя Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и относитъ его къ числу болѣе или менѣе удовлетворительныхъ.

Положеніе крестьянскихъ хозяйствъ нечерноземной полосы, за исключеніемъ западныхъ губерній и отдѣльных мѣстностей промышленнаго района, въ общемъ, признается Министерствомъ вполне благоприятнымъ, хотя значительная пестрота неурожая была и здѣсь причиною далеко не одинаковаго вліянія минувшаго года на экономическое состояніе различныхъ мѣстностей. Безусловно благоприятнымъ 1900 годъ можетъ оказаться для приуральскихъ, приозерныхъ и прибалтійскихъ губерній, а также для значительной части промышленнаго района, гдѣ благодаря хорошему урожаю главныхъ хлѣбовъ населеніе получить возможность не только прокормиться до новины, но даже и продать избытокъ хлѣба. Кормовъ для скота повсемѣстно запасено достаточное количество кромѣ губерній бѣлорусскихъ и литовскихъ, гдѣ недостатокъ ихъ тяжело отзовется на скотоводствѣ. Еще въ большей степени недостатокъ кормовыхъ средствъ дастъ себя почувствовать въ губерніяхъ Привислинскаго края. Неурожай во многихъ мѣстностяхъ картофеля, огородныхъ овощей и льна также не можетъ благоприятно отозваться на крестьянскомъ хозяйствѣ.

Что касается частновладѣльческихъ хозяйствъ, то для нихъ вліяніе экономическихъ условій минувшаго года признается Министерствомъ менѣе благоприятнымъ, главнымъ образомъ, по причинѣ дорогой уборки и невысокихъ хлѣбныхъ цѣнъ. Въ наиболѣе стѣсненныхъ условіяхъ во всѣхъ отношеніяхъ должны оказаться землевладѣльцы новороссійскихъ и юго-западныхъ губерній, гдѣ помимо плохаго урожая хлѣбовъ, въ особенности озимой пшеницы, повсемѣстно ощущался сильный недостатокъ въ кормовыхъ средствахъ заставившій многихъ хозяевъ прибѣгнуть къ распродажѣ скота по дешевымъ цѣнамъ. Въ другихъ мѣстностяхъ условія были болѣе благоприятны, но и здѣсь дороговизна рабочихъ рукъ и низкія цѣны на хлѣбъ сильно давали чувствовать себя.

К у с т а р и .

М. З. и Г. И. Отдѣлъ Сельской Экономіи и Сельскохозяйственной Статистики. Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи. Томъ VI. С.-Петербургъ. 1900.

Съ передачей бывшему Министерству Государственныхъ Имуществъ завѣдыванія дѣлами кустарной промышленности начали печататься отчеты о положеніи различныхъ отраслей этой промышленности. Въ промежутокъ времени съ 1892 по 1898 годъ было издано пять томовъ подъ общимъ заглавіемъ: *Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи*. Теперь вышелъ шестой томъ въ которомъ особеннаго вниманія заслуживаетъ изслѣдованіе А. А. Алова: *Кустарное производство земледѣльческихъ машинъ и орудій*.

Кустарное производство улучшенныхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, какъ передаетъ авторъ, принадлежитъ къ числу новыхъ промысловъ возникшихъ лишь въ послѣднее время подъ влияніемъ новыхъ требованій предъявляемыхъ крестьянами какъ къ качественной сторонѣ сельскохозяйственныхъ работъ, такъ и къ орудіямъ и машинамъ которыми производятся эти работы.

Въ послѣднее десятилѣтіе крестьянъ все менѣе удовлетворяли земледѣльческія орудія стараго типа, какъ сохи, косули и деревянные бороны, и въ ихъ среду стали проникать болѣе усовершенствованныя орудія и машины. Но при обзаведеніи этими орудіями на первомъ же шагѣ встрѣтилось очень существенное препятствіе, дороговизна машинъ и орудій заводскаго производства, вслѣдствіе чего онѣ оказались малодоступными для населенія. Подъ влияніемъ этого и возникла кустарная выдѣлка ихъ. Въ настоящее время, по имѣющимся въ Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ свѣдѣніямъ, изготовленіемъ сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій занято въ 24 губерніяхъ 1.100 кустарей-хозяевъ.

Для чисто земледѣльческой страны какою является Россія удешевленіе сельскохозяйственныхъ машинъ и орудій является однимъ изъ самыхъ насущныхъ дѣлъ. Эта цѣль въ значительной мѣрѣ достигается кустарнымъ способомъ изготовленія ихъ. Но ошибочно было бы думать что это единственное преимущество кустарнаго производства передъ заводскимъ. Кустарь сохраняетъ связь съ землею, онъ не бросаетъ земледѣльческаго труда въ лѣтніе мѣсяцы и потому онъ хорошо знакомъ съ сельскохозяйственными условіями своей мѣстности. Это знакомство даетъ ему возможность приравливать выдѣлываемыя орудія именню къ этимъ условіямъ. Наконецъ, крестьянинъ не купитъ никакого орудія, не испробовавъ его предварительно, не ознакомившись съ его положительными и отрицательными сторонами; на послѣднія онъ, конечно, укажетъ кустарю, чѣмъ и предохранитъ его отъ ошибокъ въ будущемъ.

Однимъ изъ крупныхъ препятствій къ распространенію у насъ усовершенствованныхъ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ до сихъ поръ совершенно справедливо считалась трудность ихъ починки въ случаѣ поломки. Обыкновенно въ ближайшихъ окрестностяхъ не оказывалось ни одного человека который могъ бы произвести необходимую починку, и испортившуюся вещь приходилось или бросать, или далеко отправлять для поправки, что въ рабочее время представлялось крайне неудобнымъ и убыточнымъ. Само собою понятно что разъ сельскохозяйственныя машины и орудія будутъ изготовляться на мѣстѣ кустарями, то на мѣстѣ же окажутся и люди способные произвести въ нихъ какую угодно, даже самую сложную починку.

Въ виду всего этого нельзя не пожелать чтобы Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ обратило серьезное вниманіе на эту отрасль кустарной промышленности и поспѣшило ей на помощь.

Въ VI томѣ *Отчетовъ и изслѣдованій* собрано много данныхъ о положеніи гвоздарнаго, гончарнаго, корзиночнаго, дужнаго, ткацкаго и другихъ кустарныхъ производствъ въ различныхъ мѣстностяхъ черноземной и нечерноземной полосъ Россіи. Не лишено интереса изслѣдованіе и г-жи Давыдовой о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ для кустарныхъ мастерицъ. Къ сожалѣнію, такихъ учебныхъ заведеній у насъ еще слишкомъ мало, и мы до сихъ поръ заботимся главнымъ образомъ о насажденіи общаго, а не профессиональнаго образованія.

Алкоголизмъ на Кавказѣ.

Д-ръ И. И. Пантюховъ. Алкоголизмъ на Кавказѣ. Тифлисъ 1901 г.

Сколько пьютъ на Кавказѣ? На этотъ интересный вопросъ д-ръ Пантюховъ даетъ слѣдующій отвѣтъ. По свѣдѣніямъ управленія акцизными сборами въ Закавказскомъ краѣ въ 1897 году было собрано 13.036 тыс. пудовъ винограда, изъ котораго приготовлено 6.913 тыс. ведеръ вина. Въ 1898 году сборъ винограда возросъ до 13.826 т. пуд., а вина было уже выдѣлано 7.777 т. ведеръ. Но эта цифра гораздо ниже дѣйствительной, такъ какъ количество выдѣлываемаго вина мѣстными сельскими хозяевами опредѣляется не менѣе какъ въ 12 мил. ведеръ.

Но Кавказъ производитъ не одно только виноградное вино. Въ 1897 году изъ виноградныхъ остатковъ было выкурено 27.088.454, а въ 1898 году 25.443.357 градусовъ спирта. Кромѣ виноградныхъ остатковъ больше всего выкуривается спирта изъ туги, изъ кишмиша, кизила, яблоковъ, грушъ и даже бузины. По вычисленіямъ д-ра Пантюхова на каждого пьющаго жителя Кавказа приходится въ мѣ-

сяць около одного ведра винограднаго вина и по 25° алкоголя въ годъ. Цифра эта не особенно еще велика при равномерномъ употребленіи, но въ томъ - то и дѣло что такой равномерности на Кавказѣ вовсе не замѣтно.

Въ періоды заготовленія водокъ, говоритъ д-ръ Пантюховъ, въ Тушетіи, Хевсуріи и особенно Сванетіи, когда водку пьютъ и дѣти, а въ Сванетіи и женщины, цѣлое населеніе какъ бы теряетъ сознание дѣйствительности, всѣ безтолково кричатъ, мечутся, поютъ и при этомъ, конечно, совершаются разнаго рода преступленія.

Къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ ведетъ все это наглядно показываютъ слѣдующіе факты:

По наблюденію доктора Ольдероге надъ 800 Сванетами между ними на 1000 было 46 эпилептиковъ, 14 психическихъ больныхъ, 5 душевно-больныхъ, 12 идіотовъ, 5 буйныхъ сумашедшихъ и 3 гидроцефала. По осмотрамъ молодыхъ людей Сванетовъ призываемыхъ къ отбыванію воинской повинности между ними на 1000 было: 30—40 эпилептиковъ и до 10 идіотовъ. У многихъ Сванетовъ, какъ и у завѣдомыхъ алкоголиковъ принадлежащихъ къ другимъ народностямъ, ясны слѣды вырожденія.

Причину такого развитія алкоголизма среди кавказскаго населенія д-ръ Пантюховъ видитъ не столько въ большомъ употребленіи винограднаго вина и водокъ, сколько въ дурномъ приготовленіи послѣднихъ, что объясняется крайне первобытнымъ устройствомъ мелкихъ водочныхъ заводовъ.

Новости иностранной литературы.

Новая драма Гауптмана.

Michael Kramer. Drama in vier Akten von Gerhart Hauptmann. Berlin. Fischer. 1901.

По типу эта новая драма Гауптмана всего ближе подходит къ его „Одинокимъ людямъ“, но здѣсь еще ярче нежели тамъ выступаетъ стремленіе автора сосредоточивать дѣйствіе на внутреннемъ разладѣ въ душѣ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ создающемся дѣйствіе непримиримаго противорѣчія между требованіями отъ жизни тѣмъ что она даетъ людямъ. Въ пьесѣ нѣтъ завязки въ видѣ тѣльнаго эпизода, но зато вниманіе зрителя всецѣло сосредоточивается на картинѣ душевной борьбы переживаемой каждымъ изъ дѣйствующихъ лицъ въ отдѣльности и по своему. Эта борьба цѣликомъ дающаяся на почвѣ будничной жизни и состоящая изъ ничтожескихъ, ни для кого изъ постороннихъ нелюбопытныхъ эпизодовъ бы мелочною, еслибы ей не придавала величія въ заключеніи

тельный ея моментъ единственная возможная и законная ея развязка, смерть, которая, будучи связана съ жизнью постоянною, таинственною связью, властвуетъ надъ нею неограниченно. Люди волнуются, радуются и скорбятъ, придавая всѣмъ своимъ тревогамъ и ощущеніямъ важное значеніе котораго они на самомъ дѣлѣ не имѣютъ, и такъ продолжается до тѣхъ поръ пока не придетъ смерть, единственное великое въ жизни, предъ которой всѣ мелочныя житейскія дразги получаютъ себѣ сразу надлежащее освѣщеніе. Эта-то переоцѣнка жизненныхъ цѣнностей наступающая сама собою въ извѣстные моменты жизни людей превосходно изображена въ драмѣ Гауптмана.

Дѣйствіе происходитъ въ большомъ провинціальномъ городѣ, въ семьѣ художника Крамера. Самъ онъ человѣкъ преданный всецѣло своему искусству, глубоко честный, прямой и неумолимо строгій какъ къ себѣ самому, такъ и къ другимъ. Это одинъ изъ тѣхъ людей которые, несмотря на суровую внѣшность, неотразимо обяательно дѣйствуютъ на окружающихъ, при томъ, однако, условіи когда эти послѣдніе обладаютъ достаточною силой воли чтобы слѣдовать чужимъ указаніямъ, отрѣшась ото всякихъ эгоистическихъ побужденій. Ни на компромисы, ни на уступки Михаэль Крамеръ неспособенъ, у него нѣтъ прощенія или пощады для тѣхъ кто не въ силахъ слѣдовать его принципамъ и пожертвовать служенію искусству всею своею личною жизнію. Въ этомъ отношеніи судьба благопріятствовала ему. Вокругъ него создалась цѣлая плеяда слѣпо преданныхъ ему учениковъ являющихся дальнѣйшими распространителями его принциповъ, талантъ его высоко цѣнится въ германскомъ художественномъ мірѣ, и онъ могъ бы быть вполне счастливымъ, еслибы горе не подстерегало его въ его собственной семьѣ. У него двое взрослыхъ дѣтей, Арнольдъ и Михалина, оба художники. Михалина вполне дочь своего отца и подъ руководствомъ его добилась трудомъ всего чего могла достигъ при своихъ ограниченныхъ способностяхъ къ живописи. Она правая рука Михаэля Крамера по преподаванію въ художественной школѣ и горячая его защитница противъ всѣхъ кто при ней рѣшается упомянуть о его неуживчивомъ характерѣ. Полную противоположность ей составляетъ братъ ея Арнольдъ. Онъ несравненно даровитѣе какъ сестры, такъ и самого отца, но не имѣетъ никакой силы воли и вслѣдствіе этого недостатка лишень возможности съ пользою примѣнить данный ему отъ природы талантъ. Настоящаго воспитанія котораго могло бы исправить до извѣстной степени этотъ недостатокъ онъ тоже не получилъ. Съ одной стороны надъ нимъ тяготѣлъ съ дѣтства страхъ предъ молимымъ въ своей строгости отцомъ, съ другой онъ находилъ

прибѣжище въ родственной ему по натурѣ матери которая дѣлала все возможное чтобы скрыть отъ постороннихъ глазъ пороки своего страстно любимаго дѣтища. Это болѣзненное материнское пристрастіе поддерживается еще и сознаніемъ что Арнольдъ обиженъ самою природой: онъ горбатъ и при крайне слабомъ организмѣ его всякія вышнія потрясенія крайне плохо отражаются на его здоровьѣ. Между отцомъ и сыномъ издавна установились натянутыя, ложныя отношенія. Арнольдъ, вѣчно чувствуя себя виноватымъ передъ отцомъ и боясь его брани и упрековъ, съ дѣтства привыкъ лгать ему и обманывать его всячески и находить себѣ въ этомъ случаѣ постоянную поддержку у матери. Михаэль Крамеръ отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ что сынъ его по нравственнымъ свойствамъ является полной противоположностью тому чѣмъ бы онъ хотѣлъ видѣть его, и такое сознаніе тѣмъ больѣе для старика что онъ понимаетъ, какъ далеко могъ бы пойти Арнольдъ на поприщѣ искусства, еслибы онъ не растрачивалъ даромъ своего таланта. Онъ не можетъ простить Арнольду что тотъ является позоромъ для семьи, когда могъ бы быть ея гордостью. Арнольдъ же въ свою очередь, какъ безхарактерный человѣкъ, видитъ въ отцѣ только беспощаднаго карателя своихъ недостатковъ и ненавидитъ его всѣми силами своей души. Какъ художественная натура, онъ больно чувствуетъ свое наружное и нравственное уродство, но избавиться отъ него не имѣетъ силы.

Таковы отношенія этой семьи въ тотъ моментъ когда авторъ вводитъ насъ въ ея среду. Первое дѣйствіе происходитъ въ квартиру Крамеровъ. Позднее зимнее утро смотритъ въ окно, а на столѣ стоитъ не погашенная еще лампа. Комната убрана незатѣйливо. Михалина, красивая черноволосая дѣвушка, сидитъ на стулѣ и куритъ папиросу, держа на колѣнахъ книгу. Госпожа Крамеръ, съдая женщина лѣтъ пятидесяти шести, съ озабоченнымъ и грустнымъ лицомъ, хлопочетъ по хозяйству. Та и другая перекидываются бѣглыми замѣчаніями. Михалина, между прочимъ, говоритъ матери что отецъ позвалъ къ себѣ Арнольда въ мастерскую при школѣ для какихъ-то объясненій. Дѣло доходитъ до рѣзкаго спора между матерью и дочерью по этому поводу. Мать жалуется на то что отецъ несправедливъ къ сыну и заѣдаетъ вѣкъ его и всей семьи, дочь горячо защищаетъ отца, стараясь доказать матери что отъ нихъ, дѣтей, отецъ чего кромѣ благодарности не заслужилъ, несмотря на свое подчасъ ровное съ ними обращеніе. Разговоръ этотъ прерывается приходомъ дожника Лахмана съ женою. Онъ бывшій ученикъ Михаэля Крамера и товарищъ Михалины по школѣ. Нѣкогда онъ увлекался ею, потомъ эта привязанность, не встрѣтивъ сочувствія со стороны Михалины, перешла въ спокойную дружбу. Женился онъ, увиди-

тому, случайно, на двѣушкѣ гораздо ниже себя по уму и развитію и не совсѣмъ терпѣливо тянетъ лямку семейной жизни. Всетаки, онъ уступивъ просьбамъ жены, знакомить ее съ Крамерами въ тотъ день когда самъ прѣзжаетъ къ нимъ въ надеждѣ что Михаэль Крамеръ поможетъ ему пристроиться къ той художественной школѣ гдѣ состоитъ преподавателемъ самъ и покажетъ ему свою незаконченную еще картину которую заранѣе собирается купить правительство. Лахманъ и Михалина встрѣчаются какъ старые друзья. Госпожа Лахманъ, несмотря на свою ограниченность догадывающаяся о прежнихъ чувствахъ своего мужа къ Михаэлю, дѣлаетъ на ее счетъ нѣсколько наивно-безтактныхъ замѣчаній послѣ которыхъ Лахманъ уговариваетъ ее отправиться въ гости къ родственникамъ или въ кофейную, а самъ остается бесѣдовать съ Михаэлемъ. Разговоръ сводится главнымъ образомъ къ восторженнымъ отзывамъ объ ея отцѣ. Лахманъ вспоминаетъ о томъ сильномъ, благотворномъ и неизгладимомъ вліяніи какое имѣлъ старикъ Крамеръ на учившуюся у него молодежь. Михалина радостно слушаетъ эти отзывы, но вмѣстѣ съ тѣмъ у нея подъ вліяніемъ только-что бывшаго разговора съ матерью вырывается жалоба на то что обаянію личности отца всего менѣе поддается человѣкъ которому оно было бы особенно нужно, а именно Арнольдъ. Впрочемъ, она тотчасъ же мѣняетъ предметъ разговора.

Михалина идетъ въ школу помогать отцу въ поправкѣ ученическихъ работъ. Лахманъ отправляется вмѣстѣ съ нею къ старику Крамеру. Случайно вернувшись съ подъезда въ комнату взять забытый зонтикъ, Михалина наталкивается на Арнольда. Онъ некрасивый горбунъ съ черными огненными глазами смотрящими изъ-за очковъ, темными волосами, рѣдкою бородкой и грязно-блѣднымъ цвѣтомъ лица. Небрежно одѣтый онъ, шлепая туфлями, подходитъ къ зеркалу и съ гримасами разсматриваетъ прыщи на своемъ лицѣ. При видѣ Михалины у него вырывается въ грубой формѣ нѣсколько непріятныхъ замѣчаній, потомъ онъ проситъ у нея займы одну марку. Она соглашается, но не можетъ устоять противъ свойственнаго многимъ женщинамъ при такомъ случаѣ желанія упрекнуть его за его поведеніе. Арнольдъ рѣзко обрываетъ ее, послѣ чего она уходитъ. На смѣну ей является мать которая вступаетъ съ Арнольдомъ въ объясненія по поводу предстоящаго ему свиданія съ отцомъ. Оказывается, Арнольдъ вернулся домой наканунѣ поздно ночью, и старикъ Крамеръ вынужденъ былъ сойти по лѣстницѣ съ третьяго этажа чтобы отпереть ему. Госпожа Крамеръ, предвидя грозу, старается внушить сыну чтобы онъ исправилъ свое поведеніе. Арнольдъ грубо возражаетъ ей. Тогда она принимается допытываться отъ него, нѣтъ

ли у него какого-нибудь тайнаго горя которое заставляет его искать забвенія въ кутежахъ. При этомъ она довольно безтактно касается дошедшихъ до нея слуховъ объ увлеченіи Арнольда какою-то дѣвушкой и предостерегаетъ сына отъ общенія съ дурными женщинами. Еслибы молодой человѣкъ былъ даже расположенъ открыть матери свою душу, плаксивый тонъ этихъ жалобъ способенъ былъ бы заставить его замолчать, тутъ же онъ прямо выводитъ его изъ себя. Съ каждою репликой отвѣты его становятся все рѣзче и рѣзче, мать доходитъ въ крайней степени раздраженія до того что грозить сыну подвергнуть его преслѣдованіямъ полици и въ качествѣ послѣдней мѣры обѣщаетъ разказать о своихъ подозрѣніяхъ отцу. Какъ безхарактерная женщина, она приходитъ противъ своей воли въ этомъ разговорѣ именно къ тому результату котораго больше всего желала избѣгнуть. Ей хотѣлось подготовить Арнольда къ свиданію съ отцомъ и успокоить его ласкою и утѣшеніемъ, а вмѣсто этого разговоръ приводитъ къ тому что болѣзненно-впечатлительный юноша выходитъ изъ себя отъ негодованія на приставанія со стороны семьи и крѣпче нежели когда-либо замыкается въ упорномъ молчаніи о своихъ дѣлахъ. Разговоръ приводитъ къ тому что Арнольдъ грозить, въ случаѣ новыхъ стѣсненій со стороны своихъ, что дѣло кончится плохо.

Второе дѣйствіе происходитъ въ художественной школѣ, въ мастерской старика Крамера. Въ комнатѣ царствуютъ образцовый порядокъ. Михаэль Крамеръ, человѣкъ пятидесяти слишкомъ лѣтъ, брюнетъ съ сильной просѣдою въ волосахъ и бородѣ. Онъ очень сутуловатъ и шея вытянута впередъ какъ бы подъ тяжестію невидимаго ярма. Глаза глубокіе, темные и жгучіе, съ выраженіемъ постоянной тревоги. Руки и ноги несоразмѣрно длинны, походка некрасива. Лицо блѣдно и носить оттѣнокъ затаеннаго страданія. Онъ часто охаетъ и въ самой манерѣ его говорить есть что-то мрачное, злобѣщее. Платье на немъ поношеное, но безукоризненно опрятно. Въ общемъ онъ представляетъ собою внушительную, своеобразную, на первый взглядъ скорѣе отталкивающую нежели привлекательную фигуру.

Лахманъ только - что пришедшій въ мастерскую говорить съ Крамеромъ о цѣли своего посѣщенія и просить его показать картину. Крамеръ отказывается. По его мнѣнію, художественное произведеніе пока оно не окончено должно принадлежать одному художнику.

Оно можетъ вырасти только въ жилищѣ отшельника, говорить онъ. Лишь въ уединеніи создается своеобразное, настоящее, глубокое и сильное. Художникъ всегда настоящій отшельникъ. Когда имѣешь дерзость изображать Человѣка въ терновомъ вѣнцѣ, наде

посвятить этому дѣлу цѣлую жизнь. Да не ту жизнь что протекаетъ въ суетѣ и хлопотахъ, а одинокіе часы, одинокіе дни, одинокіе годы. Художникъ долженъ жить одинъ самъ съ собою, со своими терзаніями и своимъ Богомъ. Онъ долженъ освящаться ежедневно! Въ немъ и вокругъ него не должно быть ничего низменнаго. Когда такъ борешься и работаешь въ одиночествѣ, нисходитъ вдохновеніе, и многое удается въ такіа минуты. Тутъ видишь и чувствуешь. Тутъ раскрывается предъ тобою вѣчность въ спокойствіи и красотѣ. И это совершается само собою, помимо воли. Тутъ видишь Бога и чувствуешь Его. Но когда то и дѣло отворяются и затворяются двери, Его не видишь и не слышишь. Онъ отходитъ прочь, далеко, далеко прочь.

Этотъ возвышенный взглядъ на назначеніе художника не мѣшаетъ, однако, Крамеру съ полнымъ уваженіемъ и вниманіемъ относиться и къ тѣмъ кому недоступны высоты творчества. Лахманъ скорѣе ремесленникъ нежели художникъ и со скорбію сознается учителю что работаетъ хотя и добросовѣстно, но исключительно ради денегъ, такъ какъ долженъ прокормить жену и ребенка. Крамеръ возражаетъ ему на это что всякое занятіе, если только человѣкъ относится къ нему добросовѣстно, дѣлаетъ его достойнымъ уваженія.

— Долгъ, долгъ это главное, говорилъ онъ ему.— Вотъ что прежде всего дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Надо познать жизнь съ полною проникновенностію, а потомъ уже можно стараться о томъ чтобы стать выше ея.

— Но это порою не легко дается, возражаетъ ему Лахманъ.

— Послушайте, познаніе это и должно быть труднымъ. На этомъ человѣкъ и можетъ показать себя, каковъ онъ есть.

При этомъ Крамеръ съ болью вспоминаетъ о своемъ собственномъ сынѣ на котораго онъ возлагалъ столько неоправдавшихся впоследствии надеждъ.

— Этого не измѣнишь, отвѣчаетъ онъ Лахману на его замѣчаніе что можетъ быть Арнольдъ исправится.— Въ немъ нѣтъ ни одной жилки порядочной. Малый подточень въ самомъ корнѣ! Плохой человѣкъ! Низкій человѣкъ! Нѣтъ, этого измѣнить нельзя, этого не измѣнишь. Послушайте, я все могу простить, но низости я не прощаю. Низкая душа мнѣ противна, а у него низкая душа, трусливая и подлая, и это мнѣ противно... И послушайте, у этой дряни такой талантъ что я готовъ волосы на себѣ рвать. Тамъ гдѣ нашему брату приходится изъ силъ выбиваться, надрывать дни и ночи, ему дается все само собою. Вотъ посмотрите его эскизы и наброски. Ну, не жадость ли, скажите? Когда онъ принимается за дѣло, у него выходитъ прокъ. И за что бы онъ ни взялся, дѣло мастера боится. Посмотрите, какая работа, какъ это сдѣлано, вѣдь плакать хочется.

Разговоръ съ Лахманомъ и зашедшею съ урока Михалиною прерывается приходомъ молодой очень пестро и порядочно одѣтой особы.

Лахманъ и Михалина уходятъ, а Крамеръ обращается къ пришедшей съ вопросомъ, что ей отъ него угодно. Сначала онъ принимаетъ ее по внѣшнему облику за натурщицу, судя по ея черзчуръ развязнымъ манерамъ и бьющему на эффектъ костюму. Но потомъ изъ разговора выясняется что она Лиза Беншъ, дочь содержателя ресторана, и пришла жаловаться Крамеру на неумѣстныя ухаживанія Арнольда. По ея словамъ, онъ проводитъ въ ихъ ресторанѣ дни и ночи, ѣсть пьетъ не платя, служить посмѣшищемъ всѣмъ обычнымъ посѣтителямъ, возбуждая ихъ ненависть тѣмъ что рисуетъ на нихъ карикатуры, и что хуже всего, не даетъ покоя самой Лизѣ которая хотя и кокетничаетъ съ нимъ изъ-за прилавки, но тѣмъ не менѣе относится къ нему съ глубокимъ презрѣніемъ. Наканунѣ онъ всю ночь до утра просидѣлъ у нихъ въ ресторанѣ и такъ надоѣлъ Лизѣ своими приставаніями что она безъ вѣдома своихъ родителей рѣшила обратиться съ жалобой къ его отцу. Каждое слово молодой дѣвушки, весь ея тонъ какимъ она говоритъ про Арнольда, рассказывая какимъ насмѣшкамъ онъ подвергается въ ресторанѣ, какъ ножомъ рѣжутъ по сердцу старика, тѣмъ не менѣе онъ сдерживается и отпускаетъ ее съ обѣщаніемъ что сдѣлаетъ все что возможно чтобы исполнить ея просьбу.

Въ одиннадцать часовъ приходитъ Арнольдъ. Въ немъ борются досада, упрямство и страхъ. Отецъ упрекаетъ его за его поведеніе, уговариваетъ исправиться и перестать скрытничать. Арнольдъ замкнулся въ себя и на всѣ вопросы о томъ какъ проводить время отвѣчаетъ завѣдомою ложью. Крамеръ приходитъ въ отчаяніе. При видѣ страха который онъ внушилъ сыну, въ немъ просыпается мучительная жалость къ нему и вмѣстѣ съ тѣмъ надежда поднять его, вырвать его изъ того омута въ который онъ погружается. Но между тѣмъ пропасть уже слишкомъ велика чтобы они могли подать другъ другу руки черезъ нее. Старикъ доходитъ до того что обѣщаетъ сыну исправить свое отношеніе къ нему, если тотъ согласится на сближеніе, но при этомъ не можетъ не напомнить Арнольду что это послѣдняя попытка спасти его и что она можетъ удалиться только въ томъ случаѣ, если сынъ сразу обратится къ отцу съ полнымъ довѣріемъ. Этого Арнольдъ не въ силахъ сдѣлать. На послѣднюю отчаянную мольбу отца сознаться, гдѣ онъ провелъ ночь, Арнольдъ упорно настаиваетъ на выдуманной въ началѣ ихъ разговора лжи, утверждая что былъ у товарища. Свиданіе ихъ кончается тѣмъ что Крамеръ, выйдя изъ себя, выгоняетъ сына вонъ изъ студіи.

Слѣдующее дѣйствіе происходитъ въ тотъ же день вечеромъ въ ресторанѣ Беншъ. Туда приходитъ Арнольдъ и обращается съ обычными приставаніями къ Лизѣ сидящей за прилавкомъ. Она отвѣ-

рачивается отъ зего, тогда онъ уходитъ въ сосѣдную комнату, куда направляется также кутящая компанія мѣстныхъ обывателей въ числѣ которыхъ находится, между прочимъ, женихъ Лизы. Они за-даются цѣлю вывести изъ терпѣнія надоѣвшаго имъ Арнольда и доводятъ его насмѣшками до того что онъ выхватываетъ револьверъ. Его обезоруживаютъ и избитаго выталкиваютъ вонъ. Случайными свидѣтелями этой развязки являются Михалина и Лахманъ которые зашли въ первую комнату ресторана и сѣли тамъ, поджидая жену Лахмана обѣщавшую пригласить сюда же.

Последнее, четвертое дѣйствіе снова происходитъ въ студіи Крамера, въ пять часовъ, черезъ день послѣ третьяго. Сюда перенесено тѣло Арнольда который утопился съ горя и стыда вечеромъ послѣ своего бѣгства изъ ресторана. То чего не могла сдѣлать жизнь, сдѣлала смерть. Она примирила съ Арнольдомъ его семью которая тутъ только поняла, какимъ одинокимъ, покинутымъ выросъ, жилъ и умеръ среди нихъ этотъ бывший имъ близкимъ лишь въ силу внѣшнихъ условій челоѣкъ. При тѣлѣ Арнольда остаются на ночь отецъ его и Лахманъ. Крамеръ, какъ бы забывая о присутствіи посторонняго лица, говоритъ о томъ переворотѣ который произвела въ душѣ его смерть сына.

Когда вступаетъ въ жизнь великое, говоритъ онъ, все мелкое словно отбрасывается прочь. Мелкое разлучаетъ, великое объединяетъ. Смерть всегда великое, понимаете, смерть и любовь также... Смерть даетъ намъ понятіе о высшемъ величіи. Она пригибаетъ насъ къ землѣ. Но то что снисходитъ до того чтобы пригибать насъ, является заодно и великимъ, и страшнымъ. Это мы можемъ чувствовать и почти что видѣть глазами и путемъ страданія растемъ духовно...

Приходитъ Лиза Беншъ. Она принесла вѣнокъ на гробъ Арнольда. Ее не рѣшаются впустить, боясь что старику будетъ тяжело видѣть ее.

Я не буду препятствовать или мѣшать ей, говоритъ онъ. Я не понимаю ненависти и не понимаю вражды. Все представляется мнѣ теперь мелкимъ и ничтожнымъ... Видишь ли, меня застигло это сразу. Да и не удивительно. Занимаешься мелочами и считаешь ихъ нивѣсть какими важными, создаешь себѣ заботы, жалуешься, охаешь, и вдругъ налетитъ то другое какъ орелъ налетающій на стаю воробьевъ. Но только знаете, зато я и освобожденъ, и что бы ни предостояло мнѣ впереди, меня ничто уже ни радовать, ни пугать не можетъ, и для меня не существуетъ болѣе угрозъ судьбы... Что знали о немъ эти глупцы? О немъ, обо мнѣ и о нашихъ страданіяхъ? Они затравили его до смерти. Убили его, Лахманъ, какъ собаку. Да, это они сдѣлали. А все же что они могли ему сдѣлать? Что же, подходите сюда и попробуйте оскорбить его! Попробуйте, удастся

ли вамъ это сдѣлать. Послушайте, Лахманъ, теперь все это миновало!.. Теперь онъ ни въ чемъ не уступаетъ великому изъ великихъ... То что теперь отпечатлѣлось на его лицѣ, все это, Лахманъ, лежало въ немъ самомъ. Я это чувствовалъ, зналъ, понималъ въ немъ и все же не могъ взять этого клада. Теперь смерть взяла этотъ кладъ. Теперь все ясно вокругъ него, все это свѣтится въ его лицѣ, Лахманъ, и я вьюсь вокругъ этого свѣта какъ черная опьяненная бабочка. Послушайте, люди вообще такъ ничтожны. Всю жизнь я былъ для него школьнымъ учителемъ. Я будто обращался съ мальчикомъ, а теперь онъ выросъ въ высъ... Я, быть можетъ, заглушилъ это растеніе. Можетъ быть, я заслонилъ отъ него солнце. Но нѣтъ, тогда онъ зачахъ бы въ моей тѣни. Нѣтъ, Лахманъ, онъ меня не принималъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ему, быть можетъ, недоставало друга. Я недостойнъ былъ быть другомъ, Лахманъ. Въ тотъ день когда эта молодая дѣвушка приходила ко мнѣ, я сдѣлалъ все что могъ. Но тутъ взяло верхъ надъ нимъ, а когда зло брало верхъ надъ нимъ, ему доставляло удовольствіе дѣлать мнѣ больно... Раскаяніе? Раскаяніе мнѣ невѣдомо. Но меня согнуло всего. Я сдѣлался такимъ жалкимъ, беспомощнымъ въ сравненіи съ нимъ. Я смотрю на этого юношу снизу вверхъ какъ будто бы онъ былъ старѣйшимъ изъ моихъ предковъ... И всетаки у того кому случается это испытать и пережить остается въ ладони терніе которое колеть его за что бы онъ ни взялся... Говорятъ что любовь сильна какъ смерть. Но можно сказать и обратно: смерть такъ же милосердна какъ любовь. Смерть оклеветали, и это худшій изъ обмановъ созданныхъ міромъ. Смерть самый милосердный видъ жизни: это высшее произведеніе вѣчной любви...

Задача женскаго воспитанія.

L'alliance des mères, par le Dr. René Lamber. (*La Revue et Revue des Revues*, 15 Février 1901).

За послѣднее время въ Парижѣ образовалось новое общество имѣющее цѣлю вслѣдствіи содѣйствовать преобразованію женскаго воспитанія на болѣе разумныхъ началахъ нежели тѣ которыя были положены доселѣ въ его основу. Ламберъ, членъ этого общества, задался цѣлю ознакомить въ настоящей статьѣ общую массу публики съ его задачами, стремленіями и тѣми способами какими оно надѣется осуществить ихъ. То что имъ высказано по этому поводу обладаетъ также самостоятельнымъ интересомъ помимо практической цѣли возбудить сочувствіе къ обществу, а именно здѣсь высказывается крайне трезвый взглядъ на такъ-называемый женскій вопросъ, современную его постановку и возможность его разрѣшенія. Положенія Ламбера въ общемъ сводятся къ слѣдующему:

Конецъ XIX вѣка былъ свидѣтелемъ возникшаго во всемъ цивилизованномъ мѣрѣ движенія въ пользу уравненія правъ мужчинъ и женщинъ. Въ увлеченіи борьбою созданной этимъ движеніемъ такъ-называемые феминисты и ихъ противники нерѣдко доходили до крайностей граничащихъ съ абсурдомъ. Женщины проповѣдывали абсолютную обособленность отъ мужчинъ, а мужчины предлагали силою замкнуть женщинъ исключительно въ кругъ хозяйственныхъ заботъ. Тѣ и другія одинаково не правы. На самомъ дѣлѣ невозможно не только противопоставить интересамъ мужчины интересы женщины, но даже раздѣлять ихъ. Интересы же, какъ они ни различны по внѣшнему виду, на дѣлѣ неразрывно связаны между собою. Человѣкъ есть не только обособленная единица того или другаго пола, а является прежде всего существомъ общественнымъ. Весь социальный естественный строй жизни основанъ на соединеніи двухъ существъ разнаго пола имѣюшемъ цѣлю высокую задачу продолженія рода, слѣдовательно, является вполне безмысленнымъ стремленіе разъединить интересы двухъ половинъ человѣчества, вмѣсто того чтобы всячески пещись о сохраненіи ихъ единства въ цѣляхъ общаго блага. Оба пола, имѣя въ жизни общую цѣль и общій идеаль, должны были бы съ дѣтства воспитываться одинъ для другаго согласно Писанію: *ни мужъ безъ жены, ни жена безъ мужа въ Господь. Ибо какъ жена отъ мужа, такъ и мужъ черезъ жену; все же отъ Бога.* (I Коринѣ., XI, 11, 12).

Воспитаніе молодой дѣвушки должно быть приспособлено къ тому тройному назначенію которое можетъ создаться для нея въ силу общественныхъ условій и частныхъ обстоятельствъ въ жизни. Она должна быть для мужчины спутницею его жизни, для общества она является работницею и, наконецъ, въ большинствѣ случаевъ она бываетъ призвана къ тому чтобы сдѣлаться матерью. Дѣвочки должны получать общее образованіе такое которое ничѣмъ не разнилось бы отъ образованія мальчиковъ. Женщина какъ человѣкъ имѣетъ право пріобрѣсти научныя свѣдѣнія которыя давали бы ей возможность выполнять ея человѣческія обязанности. При этомъ, однако, воспитаніе ея должно быть направлено къ двойной цѣли: профессиональное обученіе которое давало бы возможность пріобрѣтать средства къ самостоятельному существованію и обученіе хозяйству. Настоящая задача феминизма сводится къ тому чтобы примирить два принципа которые всегда стараются представить враждебными другъ другу: признаніе свободы труда для всѣхъ женщинъ съ выполненіемъ домашнихъ обязанностей выпадающихъ на долю большинству женщинъ.

Существуетъ школа экономистовъ которые во имя охраны цѣлости домашняго очага требуютъ чтобы женщины отказали въ правѣ на трудъ. Безмысленность такого требованія очевидна, и несомнѣнно

что подобная мѣра вмѣсто того чтобы удержать женщину въ семьѣ вытолкала бы ее на улицу. Современные соціальные интересы требуютъ того чтобы женщина была въ состояніи поддержать себя въ жизни собственными средствами. Трудъ для женщины источникъ чувства собственного достоинства, а для домашняго очага начало нравственной силы и дѣйствительное обезпеченіе благополучія. Къ тому же соціальныя условія сдѣлали трудъ неизбѣжнымъ для женщинъ. Крупная промышленность поглотила многіе виды кустарной промышленности которая сосредоточена была въ женскихъ рукахъ. Съ другой стороны надзоръ за дѣтьми и обученіе ихъ при теперешнемъ обиліи низшихъ школъ сдѣлались для матерей менѣе обременительны чѣмъ въ прежнее время. Наконецъ, въ силу соціальныхъ условій миліоны женщинъ осуждены на безбрачіе. Въ одной Франціи въ настоящее время насчитывается болѣе двухъ съ половиною миліоновъ незамужнихъ взрослыхъ женщинъ и около миліона бездѣтныхъ замужнихъ женщинъ, то есть, всего болѣе трехъ съ половиною миліоновъ женщинъ не имѣющихъ ни хозяйства, ни семьи требующей постоянной заботы. За женщиной которая лишена того что принято называть мужскою поддержкой необходимо признать право самой добывать средства къ существованію. Соціальные факты имѣютъ болѣе силы надъ жизнію нежели всевозможныя идеалистическія мечты. Статистика показываетъ намъ что у цивилизованныхъ народовъ на долю женскаго труда приходится одна треть общаго производства. Въ крупныхъ европейскихъ государствахъ, въ Соединенныхъ Штатахъ и Японіи числится около 129 миліоновъ лицъ живущихъ своимъ трудомъ, изъ нихъ 85 съ половиною миліоновъ мужчинъ и 43 слишкомъ миліона женщинъ. Во Франціи на 11¹/₂ миліоновъ трудящихся мужчинъ приходится 5¹/₂ миліоновъ женщинъ, трудъ которыхъ въ общемъ оплачивается ежегодно суммою въ три миліарда сто двадцать миліоновъ франковъ. Цифры эти сами по себѣ доказываютъ насколько неосновательно положеніе высказанное вышеупомянутою школою экономистовъ.

До сихъ поръ очень мало заботились о томъ чтобы подготовить молодыхъ дѣвушекъ къ предстоящей имъ въ будущемъ роли матерей семействъ. Господствуетъ мнѣніе будто всякая женщина словно инстинктивно, сама собою, постигаетъ всю премудрость домашняго хозяйства. Это большое заблужденіе. Научиться чему-нибудь безъ системы и труда нельзя. Что же касается тѣхъ немногихъ особъ которыя сами собою научились сносно вести хозяйство, онѣ первыя жалуются на то сколько имъ пришлось потратить времени и силъ на опыты. Прозанческій вопросъ домашней стряпни имѣетъ важное соціальное значеніе. Трудъ который муцина полагаетъ на приобрѣте-

ніе средствъ къ жизни долженъ былъ бы вознаграждаться умѣніемъ женщины толково распорядиться этимъ заработкомъ. Мужчина совершаетъ грубую несправедливость, признавая „праздными“ миліоны женщинъ занятыхъ домашнимъ трудомъ. На самомъ же дѣлѣ этотъ трудъ на столько же, если не больше, достоинъ уваженія и награды нежели всякій другой.

Обученіе домашнему хозяйству отнюдь не заслуживаетъ того пренебрежительнаго отношенія которое проявляютъ къ нему зачастую сами женщины. Далеко не будучи отрипаніемъ науки, оно, наоборотъ, представляетъ собою удивительное сочетаніе отвлеченной науки съ практической жизненною мудростію и должно необходимо войти въ програму женскаго воспитанія. Въ составъ его входитъ гигиена взрослыхъ и дѣтей, изученіе пищевыхъ продуктовъ кулинарнаго искусства и шитья.

Во многихъ странахъ эта отрасль воспитанія сдѣлала значительные успѣхи. Въ Англіи почти всюду въ женскихъ школахъ введено обученіе домашнему хозяйству и существуютъ пять тысячъ слишкомъ кулинарныхъ школъ, гдѣ въ прошломъ году обучалось болѣе двухъ сотъ шестидесяти тысячъ ученицъ. Въ Швейцаріи правительство выдаетъ субсидію 226 професіональнымъ и хозяйственнымъ школамъ. Въ Бельгіи такихъ школъ 275 и содержанію ихъ ежегодно обходится въ 400.000 фр. Въ Швеціи обученіе хозяйству обязательно во всѣхъ городскихъ и сельскихъ школахъ безъ исключенія. Въ Соединенныхъ Штатахъ сто пятьдесятъ городовъ изъ шести сотъ признали обязательнымъ для учащихся въ женскихъ школахъ обученіе шитью и стряпнѣ. Любопытно то что основаніе хозяйственныхъ классовъ въ Англіи, Шотландіи, Швеціи и Америкѣ совпадаетъ съ тѣмъ временемъ когда женщины добились права непосредственнаго участія въ администраціи женскихъ школъ.

Не менѣе неосновательнымъ нежели утвержденіе будто занятіе хозяйствомъ унижаетъ женское достоинство является стараніе отстранить женщину отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ подъ предлогомъ что такое участіе оторветъ ее отъ семьи. На самомъ дѣлѣ для женщины гораздо приличнѣе заниматься серіозными дѣлами или даже въ четыре года разъ являться на выборахъ чѣмъ появляться на балахъ въ туалетахъ нарочно разчтанныхъ на то чтобы привлекать взоръ мужчинъ. Женщинамъ необходимо имѣть возможность возвыситься надъ мелочами будничной жизни, и отстранять ихъ отъ общественной дѣятельности значитъ стараться обратить ихъ въ бесполезныхъ или что то же вредныхъ членовъ общества. Во многихъ европейскихъ государствахъ общество въ настоящее время успѣло проникнуться сознаніемъ этой истины, доказательствомъ чего

служать многочисленныя учрежденія имѣющія цѣлю защиту трудящихся женщинъ и попеченіе о нихъ. Въ Англіи общество носящее названіе *Girls' Friendly Society* состоявшее подъ покровительствомъ покойной королевы и насчитывающее 240.000 членовъ поставило себѣ задачею попеченіе о молодой женской прислугѣ. Въ Швейцаріи основанное въ 1888 году общество женскаго труда ставитъ себѣ задачею обученіе женщинъ хозяйству и улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія. Болѣе четырехъ тысячъ женщинъ раздѣленныхъ на пятьдесятъ отрядовъ работаютъ надъ распространеніемъ хозяйственныхъ знаній. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ существуютъ крупныя женскія хозяйственныя союзы. Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ женскій союзъ основанный въ 1850 году подъ покровительствомъ великой герцогини Луизы насчитываетъ около тридцати девяти тысячъ членовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ союзъ женскихъ клубовъ насчитываетъ 2.110 клубовъ со 132.000 членовъ. Большинство этихъ клубовъ такъ или иначе способствуетъ обученію хозяйству. Другое американское общество, *Национальный Хозяйственный Союзъ*, основанный въ Чикаго въ 1893 году насчитываетъ болѣе двадцати тысячъ членовъ и пользуется въ Америкѣ большою популярностью. Во Франціи подобныя учрежденія только возникаютъ и предполагаемое общество *Alliance des mères* явится однимъ изъ первыхъ въ этомъ родѣ. Задачи его очень широки, такъ какъ оно имѣетъ въ виду оказывать женщинамъ покровительство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда оно окажется ей необходимымъ. Говоря объ этихъ задачахъ, авторъ въ заключеніе своей статьи откровенно сознается что наиболѣе важною и трудною задачею новаго общества будетъ „коренное измѣненіе воспитанія французскихъ молодыхъ дѣвушекъ, дабы онѣ перестали быть тѣмъ чѣмъ онѣ на погибель челоѣчества являются въ настоящее время“.

Реклама въ современной жизни.

Le mécanisme de la vie moderne. La publicité, par M. le vicomte Georges d'Avenel. (*Revue des Deux Mondes*, 1-er Février 1901 г.).

Реклама является непосредственнымъ продуктомъ современнаго строя. Людское тщеславіе, мало измѣняясь въ основѣ своей, принимаетъ постоянно, смотря по времени, новыя и новыя проявленія. Въ наше время смѣшеніе между собою различныхъ классовъ общества и преобладающее значеніе общественнаго мнѣнія развили въ людяхъ неодолимую потребность заставить говорить о себѣ и занять въ об-

щественной жизни какъ можно болѣе мѣста. Теперь не существуетъ власти безъ популярности, славы безъ шума, знатности безъ показной стороны и даже, странно сказать, настоящаго веселія безъ общенія журналомъ во всеобщее свѣдѣніе объ удовольствіи которыми пользовались. При этомъ веселіе само по себѣ не важно, важно чтобы о немъ знали другіе, чтобы они знали какіе есть у васъ туалеты, какія связи, какой обѣдъ, какіе подарки вы даете дѣтямъ въ торжественные и праздничные дни. Эта забота частныхъ лицъ о томъ чтобы какъ можно больше выставить на показъ данныя имъ судьбою преимущества исходить изъ тѣхъ же побужденій которыя заставляютъ купца или фабриканта всѣми мѣрами расхвалывать свои товары или производство. Какъ тутъ такъ и тамъ всѣ старанія сводятся къ тому чтобы не дать опередить себя во всеобщей борьбѣ за первенство.

Эта черта современной жизни особенно ясно выражается въ непомѣрномъ ростѣ рекламъ за послѣднія десятилѣтія. Извѣстный французскій публицистъ виконтъ Жоржъ д'Авенель посвящаетъ этому предмету крайне любопытную статью помѣщенную въ первой февральской книжкѣ *Revue des Deux Mondes*. Онъ знакомитъ въ ней читателей съ безконечнымъ разнообразіемъ видовъ рекламъ которыя существуютъ въ современной Франціи.

Зачастую здѣсь люди крайне различныя по своему общественному положенію соединяются ради рекламы, оказывая другъ другу взаимную поддержку. Недавно на большихъ плакатахъ расклеенныхъ по стѣнамъ красовался портретъ въ натуральную величину знаменитаго государственнаго мужа со стаканомъ ликера въ рукѣ. Ловкій продавецъ этого напитка и знаменитость которую онъ изобразилъ на плакатѣ, оба извлекали не малую выгоду отъ такого союза: одинъ популяризовалъ свой ликеръ, другой свое имя. Изобрѣтатель жидкости Кабасоль сдѣлалъ еще лучше: онъ не только печаталъ на своихъ объявленіяхъ портреты знаменитостей, но къ каждому изъ этихъ портретовъ присоединялъ автографъ самого оригинала содержащій похвалы его товару. Чтò могло побудить государственныхъ людей, писателей, полководцевъ, епископовъ, ученыхъ и актеровъ чьи портреты вошли въ эту своеобразную портретную галерею содѣйствовать успѣху аптекарскаго препарата? Разумѣется не чтò иное какъ стремленіе къ популярности. Въ настоящее время фирма Кабасоль предъявляетъ въ области рекламы большія требованія. Отъ поэта она добивается хорошихъ стиховъ, отъ музыканта строчки ноты содержащей въ себѣ музыкальную фразу, отъ художника красиваго рисунка. Недавно былъ случай когда извѣстному художнику было отказано въ помѣщеніи его портрета на рекламѣ, потому что

присланный имъ набросокъ оказался неудовлетворительнымъ въ художественномъ отношеніи. Поистинѣ торжество промышленности надъ искусствомъ! Древняя труба славы можетъ показаться дѣтскою игрушкой предъ многоголоснымъ глшатаемъ называемымъ рекламою. „Покойный мой отецъ“, говорилъ Монтэнъ, „мечталъ о томъ чтобы въ каждомъ городѣ было справочное мѣсто куда могли бы доставляться и гдѣ можно было бы получать справки о всевозможныхъ продажахъ, покупкахъ и порученіяхъ“. И вотъ только въ слѣдующемъ вѣкѣ Теофрастъ Рендо попробовалъ осуществить этотъ проектъ посредствомъ своего bureau d'adresse. Приблизительно въ то же время возникли газетныя объявленія въ Англіи. Въ 1660 г. въ Англійскомъ *Mercurius publicus* появилось помѣщенное королемъ Карломъ II объявленіе о пропажѣ изъ дворца маленькой собачки которую просили возвратить. Подобныя же объявленія можно было встрѣчать въ газетахъ XVIII вѣка и въ началѣ XIX, но собственно коммерческая реклама возникла всего лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ. Росту ея способствовали: распространеніе грамотности, свобода торговли вмѣстѣ съ усовершенствованіями въ печатномъ дѣлѣ, удешевленіемъ почты и улучшеніемъ путей сообщенія, развитіе газетнаго дѣла. Въ настоящее время во Франціи расходуютъ на рекламу по крайней мѣрѣ сто миліоновъ франковъ въ годъ. Изъ нихъ около сорока миліоновъ приходится на газетныя объявленія, около двадцати миліоновъ на каталоги рассылаемые по почтѣ или съ рассыльными, двадцать пять миліоновъ на плакаты расклеиваемые въ общественныхъ мѣстахъ и пятнадцать миліоновъ на мелкіе предметы, въ родѣ литографій, календарей, спичечныхъ коробокъ и т. п., рассылаемые и раздаваемые магазинами въ цѣляхъ рекламы.

Нѣкоторыя рекламы оплачиваются не деньгами, а натурой; такъ напримѣръ, желѣзныя дороги выдаютъ въ распоряженіе органовъ печати помѣщающихъ ихъ объявленія известное количество даровыхъ билетовъ на проѣзды.

Трата на рекламы большія деньги, желѣзныя дороги, такъ же какъ и театры, гостиницы, казино, получаютъ въ свою очередь большіе доходы съ рекламъ расклеиваемыхъ по стѣнамъ станцій, вагоновъ, комнатъ и ресторановъ. Въ бюджетѣ газетъ реклама также является одинаково статью какъ дохода такъ и расхода. Тѣ изъ нихъ которыя имѣютъ наибольшій кругъ читателей больше другихъ получаютъ съ объявленій и больше другихъ тратятъ на рекламу. Въ отчетѣ парижской газеты *Petit Journal* за послѣдній годъ значится чистаго дохода отъ объявленій два миліона восемьсотъ тысячъ франковъ и шестьсотъ сорокъ тысячъ франковъ расхода на свою рекламу. Известно что для того чтобы рекламировать новый романъ приходится

затратить не менѣе 80.000 фр., и что доходность газеты опредѣляется единственно количествомъ печатаемыхъ въ ней объявленій. Политическая газета при самомъ талантливомъ веденіи дѣла не даетъ никакого дохода, если она исключаетъ изъ своей программы печатаніе рекламъ.

Возникновеніе газеты живущей рекламою относится къ царствованію Луи-Филиппа, когда въ 1835 г. Эмиль де Жирардэнъ основалъ *La Presse*, первую газету въ десять сантимовъ за номеръ; *Journal des Débats*, самая богатая въ ту пору газета, получала двѣсти тысячъ франковъ въ годъ за объявленія; Жирардэнъ рѣшилъ превзойти эту цифру и при широкомъ распространеніи своей газеты добился огромнаго успѣха. Его примѣру послѣдовали многіе мелкіе журналисты, хотя и не всегда удачно. Въ 1847 году нѣкто Пани основалъ агентство для доставленія періодической печати объявленій оптомъ. Его примѣру послѣдовалъ извѣстный Гавасъ, бывший банкиръ разорившійся при паденіи первой имперіи. Онъ еще раньше взялъ подрядъ на доставку провинціальнымъ газетамъ корреспонденцій о политическихъ новостяхъ. Къ этому предпріятію онъ присоединилъ подрядъ на рекламу, и дѣла его значительно улучшились. Въ 1848 г. основалось множество мелкихъ провинціальныхъ газетъ. Въ то же время явился соперникъ Гаваса, нѣкій Лафитъ, бывший полицейскій чиновникъ. Послѣ десятилѣтней упорной вражды они сошлись и основали общее дѣло къ участію въ которомъ привлекли и нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ агентовъ. Такимъ образомъ основалось въ 1865 г. *Société générale des annonces*, самое крупное французское агентство объявленій и рекламъ. Въ 1879 г. это агентство продало одну отрасль своего дѣла, именно отдѣлъ корреспонденціи подъ фирмою агентства Гаваса за семь съ половиною миліоновъ франковъ другому обществу. Въ настоящее время сумма годовыхъ оборотовъ *Société générale des annonces* въ предѣлахъ одного Парижа равняется восьми миліонамъ франковъ.

Значительную долю работы по приобрѣтенію объявленій агентства возлагаютъ на маклеровъ которые не щадятъ никакихъ средствъ для приобрѣтенія кліентовъ. Въ числѣ такихъ маклеровъ встрѣчаются и женщины которыя чуть ли не болѣе мужчинъ преуспѣваютъ въ дѣлѣ собиранія объявленій.

Надо замѣтить что отдѣлъ объявленій во французскихъ газетахъ ничтоженъ по своимъ размѣрамъ, если сравнить его съ тѣмъ же отдѣломъ въ англійскихъ и американскихъ изданіяхъ. Зависитъ это отъ характера Французовъ которые тѣмъ болѣе цѣнятъ газету чѣмъ она короче; но зато Французы неистощимы въ своей изобрѣтательности на способы заставить обратить вниманіе на свою рекламу; то

объявленія печатаются вверхъ ногами или обращаютъ на себя вниманіе подобіемъ въ нихъ чернильнаго пятна нарушающаго однообразіе строчекъ, то бѣлѣтся ничѣмъ не занятая полустраница въ углу которой крошечными буквами напечатано что данное мѣсто закон-трактовано такою-то фирмой, но дѣла этой фирмы идутъ столь хорошо что она отказывается ото всякой рекламы и т. д. Фирма Мэнье, рекламируя свой шекôладъ, объявила нѣкогда что онъ единственный который отъ старости бѣлѣтъ, и предразсудокъ этотъ прочно держится среди хозяекъ. Соединеніе разнородныхъ товаровъ иногда даетъ хорошіе результаты: одинъ книгопродавецъ которому не удалось сбыть экземпляръ девятнадцатитомнаго изданія сочиненій Виктора Гюго придумалъ связать съ судьбою этого литературнаго произведенія судьбу каминныхъ часовъ и двухъ канделябровъ и напечаталъ общее объявленіе о качествахъ того и другаго товара.

Особенныя услуги реклама оказываетъ сбыту различныхъ медицин-скихъ средствъ: то „мать“ изъ благодарности предлагаетъ вѣрное сред-ство противъ чахотки, то нѣкая „особа“ рекомендуетъ лекарство ото всѣхъ недуговъ, заявляя что такая забота о ближнемъ есть слѣдствіе обѣта. Выполненіе обѣта требующее затрату въ 60.000 фр. на объ-явленіе было бы разорительно, еслибъ авторъ этой выдумки не получалъ отъ продажи указанныхъ средствъ семидесяти пяти процентовъ чи-стаго дохода. Путемъ подобныхъ же рекламъ находятъ себѣ огром-ный сбытъ всевозможныя средства противъ мигрени, малокровія, пры-щей, выпаденія волосъ и т. п.

Упомянутыя рекламы имѣютъ сравнительно невинный характеръ, но есть и такія которыя служатъ орудіемъ для всевозможныхъ ви-довъ сомнительныхъ сдѣлокъ и обмана. Особенно отличаются та-кимъ характеромъ объявленія содержащія матримоніальныя предло-женія; такъ одинъ журналистъ въ видѣ шутки напечаталъ объявле-ніе: желаютъ имѣть жену обь одной ногѣ. По увѣренію этого шутника отвѣтъ на это объявленіе не заставилъ себя ждать.

Помимо открытыхъ объявленій существуетъ множество объявленій замаскированныхъ подъ видомъ хроникъ, сообщеній и корреспонден-цій которыми особенно въ широкихъ размѣрахъ пользуется финан-совый міръ. Для того чтобы имѣть деньги необходима реклама, а для того чтобы основать крупное промышленное предпріятіе нужны деньги, отсюда постоянная таинственная связь между газетнымъ міромъ и крупными предпринимателями, разумѣется не подающая ника-кому контролю ни со стороны государства, ни со стороны общества.

Торговцы съ ограниченнымъ кругомъ покупателей предпочитаютъ объявленіямъ въ газетѣ объявленія печатаемыя на отдѣльныхъ листкахъ и рассылаемыя на домъ. Въ Парижѣ существуетъ фирма *Bohmer* и

Бидо занимающаяся этимъ дѣломъ. Она имѣла десятокъ лѣтъ тому назаль у себя на службѣ отъ 500 до 600 „бандистовъ“ которые занимались составленіемъ рекламъ въ болѣе или менѣе литературной формѣ. Въ настоящее время эта система почти оставлена, и разсылаются только бланки торговыхъ домовъ. Есть, впрочемъ, и въ числѣ этихъ объявленій такія которыя обращаютъ на себя вниманіе своеобразностію вида и содержанія. Такъ въ пору послѣдней армянской рѣзни одинъ торговецъ турецкими коврами разсылалъ факсимиле телеграмъ якобы полученныхъ изъ Смирны: „Армяне бѣгутъ, четыре чиновника спасли сто пятьдесятъ тюковъ ковровъ которые высылаются вамъ моремъ“. Часто получаютъ конверты съ черною каймою въ которыхъ вложено увѣдомленіе что вдова, мать шести дѣтей оставшаяся по смерти мужа безъ средствъ къ существованію, продаетъ за безцѣнокъ дорогое вино.

Иногда торговецъ, желая рекламировать свой товаръ, обращается со своимъ предложеніемъ къ общей массѣ публики; въ этихъ случаяхъ самымъ удобнымъ орудіемъ рекламы являются плакаты. Ихъ расклеивается ежегодно въ Парижѣ около полутора миліона. Въ тѣ годы когда происходятъ большіе выборы число это увеличивается на 800.000 экземпляровъ. Въ настоящее время въ Парижѣ существуютъ шесть или семь бюро для изготовленія и расклейки плакатовъ. Дѣломъ этимъ заняты ежедневно нѣсколько тысячъ рабочихъ. Афиши помѣщаются на высотѣ человѣческаго роста, прямо, вкось, на высотѣ для которой прибѣгаютъ къ малой или большой лѣстницѣ. Соответственно видамъ плакатовъ и мѣсту ими занимаемому измѣняются и цѣны на нихъ. Для многихъ учреждений и частныхъ лицъ стѣны зданій имъ принадлежащихъ являются источникомъ не малаго дохода; такъ, напримѣръ, учрежденія общественнаго призрѣнія получаютъ шесть тысячъ франковъ за разрѣшеніе наклеивать плакаты, городъ получаетъ 15.000 фр., станція *St. Lazare* 20.000 фр. Кромѣ печатныхъ плакатовъ существуютъ объявленія воспроизводимыя при помощи волшебнаго фонаря. Такъ не рѣдкость видѣть вечеромъ по бульварамъ на крышахъ домовъ выступающія сразу на нѣсколько минутъ свѣтящимися буквами надписи въ родѣ слѣдующихъ: „нѣтъ больше хорошаго обѣда безъ бульона Х.“, „прочтите завтра такую-то статью въ такой-то газетѣ“.

Менѣе навязчивыми нежели плакаты торговыхъ фирмъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо болѣе декоративными являются иллюстрированныя театральныя афиши и модныя картинки, оригиналы которыхъ изготовляются нерѣдко извѣстными художниками. Въ нихъ можно даже прослѣдить при желаніи жизнь современнаго Парижа. Возникновеніе этого вида афишъ принадлежитъ глубокой древности, со-

хранились египетскіе папирусы втораго вѣка до Рождества Христова на которыхъ помѣщены изображенія двухъ рабовъ бѣжавшихъ изъ Александріи и надпись гласящая о томъ что указавшій мѣстонахожденіе бѣглецовъ получитъ награду. Въ Римѣ также писались кистью на стѣнахъ всевозможныя объявленія о продажѣ, сдачѣ квартиръ и зрѣлищахъ. Во Франціи афиши украшенныя виньетками вошли въ употребленіе въ XVIII вѣкѣ. Онѣ служили большею частію для объявленія о церковныхъ торжествахъ и театральныхъ представленіяхъ. Всѣ эти афиши печатались черною краскою. Впервые ихъ начали печатать въ различныхъ краскахъ въ царствованіе Луи-Филиппа сначала на обложкахъ романовъ, а потомъ въ видѣ отдѣльныхъ листковъ. Первое появленіе художественно иллюстрированныхъ плакатовъ относится къ шестидесятымъ годамъ, они обязаны своимъ происхожденіемъ извѣстному Жюлю Шере. Онъ началъ свою карьеру рисовальщикомъ этикетовъ и живописцемъ вывѣсокъ, а потомъ мало-по-малу, благодаря природному вкусу и артистическому чутью, сумѣлъ вложить въ свою чисто ремесленную работу долю настоящаго искусства. Его иллюстрированныя афиши являются почти исключительно картинною галереєю женскихъ силуэтовъ въ которыхъ современная парижанка нашла себѣ мѣткое и вѣрное изображеніе. Векорѣ у Шере явились подражатели въ лицѣ Шубрака, Леандра, Тулузъ-Лотрека, Вильета и др. Но ни одинъ изъ нихъ не превзошелъ его ни въ оригинальности замысла, ни въ искусствѣ сочетанія красокъ. Въ настоящее время Жюль Шере большая знаменитость; изъ-подъ его кисти вышло до сихъ поръ болѣе тысячи афишъ по шести сотъ франковъ каждая. Въ настоящее время онъ готовитъ для парижской думы большое пано *Радости жизни*, а фабрика гобеленовъ изготовляетъ коверъ по его картону.

Распространеніе художественно исполненныхъ плакатовъ имѣть несомнѣнно свою хорошую сторону, хотя бы въ томъ отношеніи что оно способствуетъ восстановленію связи между ремесломъ и искусствомъ, для разрушенія которой такъ много было сдѣлано другими видами рекламы. Въ то же время она является, хотя и нѣсколько своеобразнымъ, популяризаторомъ художественнаго чутья и вкуса къ изящному среди низшихъ классовъ народа.

Періодическая печать въ Китаѣ.

Les journaux chinois, par I. Schuinling et C. Hsingling (*La Revue et Revue des Revues*, 1-er Fevrier 1901).

Сыновья китайскаго посланника въ Парижѣ, задавшись цѣлю познакомиться европейцевъ съ положеніемъ періодической печати въ Небесной Имперіи, посвятили этому предмету крайне интересную статью въ первой февральской книжкѣ *Revue et Revue des Revues*.

Въ области журнализма, какъ впрочемъ и во многомъ другомъ, Китай по времени значительно опередилъ Европу. Тамъ уже болѣе двухсотъ лѣтъ существуетъ официальная газета *Кинъ Бао* основанная въ самомъ началѣ царствованія нынѣшней династіи. Долгое время *Кинъ Бао* оставалась единственною китайскою газетою. Лѣтъ тридцать тому назадъ англійская колонія въ Шанхаѣ предприняла изданіе на китайскомъ языкѣ газеты *North China Daily News* которая имѣла громаднѣйшій успѣхъ и много способствовала распространенію англійскаго вліянія въ странѣ. Кромѣ англійскаго текста, эта газета имѣетъ особый листъ приложенія печатающійся на китайскомъ языкѣ и содержащій свѣдѣнія интересныя для туземцевъ. Ее покупаютъ на расхватъ, несмотря на ея высокую цѣну, восемьдесятъ франковъ въ годъ. Въ Шанхаѣ издается послѣдніе четыре года также французская газета *L'Echo de Chine* стоящая пятьдесятъ франковъ въ годъ. Въ Кіао-Чау основанъ недавно нѣмецкій органъ печати. Старанія иностранцевъ въ области журналистики возбудили въ Китаѣхъ соревнованіе. Въ настоящее время существуетъ довольно много газетъ издающихся на китайскомъ языкѣ. Журналъ существуетъ только одинъ. Онъ выходитъ еженедѣльно съ иллюстраціями. Существуютъ также спеціальныя земледѣльческая и торговая газеты.

Центромъ китайской журналистики является Шанхай. Газеты выходятъ по утрамъ, а по вечерамъ выходятъ дополненія къ нимъ состоящія исключительно изъ полученныхъ депешъ. Газеты печатаются на тонкой шелковой бумагѣ и притомъ только на одной сторонѣ листа. Вертикальныя строчки читаются справа налѣво. Извѣстно что китайская письменность не имѣетъ алфавита состоящаго изъ отдѣльныхъ буквъ, а обладаетъ лишь знаками для обозначенія каждаго отдѣльнаго слова. Затрудненіе при печатаніи состоитъ въ томъ чтобы привести въ систему всѣ существующіе знаки для облегченія работъ наборщиковъ. Китайцы прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ слѣдующему не лишенному остроумія способу: всѣ слова разбиты

на 214 группъ и для каждой группы существуетъ одно слово-типъ, служащее представителемъ для всѣхъ ему родственныхъ словъ, такъ напримѣръ: въ классѣ *рука* находятся *палецъ*, *ладонь*, *кулакъ* и т. д. Къ слову *палецъ* примыкаетъ *ноготь*, *суставъ* и т. д. Въ типографіяхъ шрифтъ размѣщенъ по полкамъ расположеннымъ по стѣнамъ огромной залы. Полка, содержащая каждую отдѣльную группу, отмѣчена рельефнымъ изображеніемъ слова-типа. Потеря времени которое тратится на поиски знаковъ вознаграждается отчасти тѣмъ что слова не составляются, а получаютъ пѣликомъ. Когда случается что въ типографіи не хватаетъ знака изображающаго какое-либо слово, въ такомъ случаѣ берутъ кусокъ свинца и гравируютъ на немъ перочиннымъ ножомъ недостающій знакъ. Такой пріемъ можетъ назваться первобытнымъ, но это только одинъ изъ тысячи примѣровъ показывающихъ какъ хорошо въ Китаѣ умѣютъ обходиться безъ того чего не имѣютъ.

Литературный матеріалъ во всѣхъ газетахъ расположенъ одинаково. Первое мѣсто занято передовою статьею, затѣмъ слѣдуютъ императорскіе указы и политическія новости, а за ними идетъ отдѣлъ *разныхъ разностей*. Подъ этимъ общимъ заглавіемъ помѣщаются объявленія театральныхъ дирекцій, торговыхъ фирмъ и частныхъ лицъ, биржевыя бюлетени и свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ и судовъ. Нѣкоторыя газеты имѣютъ фельетоны, но они печатаются въ видѣ особыхъ приложений въ листахъ, впоследствии переплетаемыхъ въ отдѣльную книгу. То же самое дѣлается съ журнальными иллюстраціями, каковыя сборники очень дѣнятся коллекціонерами.

Китайскія газеты отличаются необычайною дешевизной. *Кинь-Бао*, напримѣръ, стоитъ всего одинъ сантимъ, то-есть, около $\frac{2}{5}$ коп. за номеръ. Годовой подписки на газеты, въ томъ видѣ какъ она существуетъ у насъ, китайская періодическая печать не знаетъ. Каждая газета имѣетъ въ различныхъ городахъ по одному или по два агента доставляющихъ читателямъ газету на домъ и получающихъ плату за нее помѣсячно. Любопытно то что изъ этихъ агентовъ каждый является представителемъ лишь одной газеты.

Вліяніе печати въ Китаѣ огромно. Главнымъ образомъ благодаря ей начало ввѣдраться въ сознаніе Китайцевъ понятіе о необходимости реформъ. Небесная Имперія самая консервативная страна, а между тѣмъ нѣтъ въ ней ни одного органа который не былъ бы либераленъ. Каждый, разумѣется, держится этого направленія по своему и въ зависимости отъ той доли храбрости вообще и гражданского мужества въ частности какими обладаютъ редакторы и сотрудники. Самымъ передовымъ органомъ является *Всеобщая Газета*.

Ей пришлось бы вѣроятно давно прекратить свое существованіе, еслибы издателемъ ея не состояло подставное лицо иностраннаго происхожденія. Къ этой уловкѣ прибѣгаютъ многія редакціи туземныхъ газетъ чтобы имѣть возможность при случаѣ искать у иностранныхъ консуловъ защиты и поддержки противъ своего собственнаго правительства.

Въ заключеніе авторъ статьи обращается къ европейцамъ съ увѣщаніемъ умѣло пользоваться тѣмъ могучимъ орудіемъ сближенія съ Китаемъ какое представляетъ китайская журналистика даже и въ теперешнемъ своемъ несовершенномъ видѣ.

Новый король Англіи.

Character sketch. King Edward VII, by W. Stead (*Review of Reviews*, 15 February 1901).

По восшествіи на престолъ короля Эдуарда VII тѣ изъ Англичанъ которые раньше не сочувственно относились къ принцу Уэльскому стараются теперь утѣшать себя сопоставленіемъ нынѣшняго короля съ шекспировскимъ королемъ Генрихомъ который по вступленіи на престолъ такъ рѣзко переимѣнился что въ немъ невозможно было узнать, къ великому огорченію Фальстафа, прежняго кутилу принца. Наиболѣе же оптимистически настроенные изъ подданныхъ нынѣшняго короля увѣренно утверждаютъ что и съ нимъ произойдетъ та же счастливая переимѣна что и съ его далекимъ предшественникомъ. Выразителемъ этого убѣжденія является извѣстный публицистъ Стэдъ посвятившій біографіи Эдуарда VII большую статью въ своемъ журналѣ *Review of Reviews*.

Прежде всего Стэдъ указываетъ на то что король, будучи наследнымъ принцемъ, никогда не имѣлъ случая не только проявить свои способности къ государственнымъ дѣламъ, но и близко ознакомиться съ ними. Королева Викторія относилась крайне ревниво ко всему что касалось ея власти и менѣе чѣмъ кому-либо другому склонна была позволить принцу Уэльскому вмѣшиваться въ свои распоряженія. Такимъ образомъ онъ всегда и во всемъ игралъ роль лишь посторонняго зрителя политической дѣятельности своей матери. Правда, онъ далеко не всегда мирился съ такою ролью. Близкія къ нему лица передаютъ что особенно грустныя размышленія по этому поводу вызывались у него сравненіемъ его положенія съ положеніемъ его племянника Вильгельма II. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ему пришлось

высказаться въ этомъ смыслѣ. „Посмотрите на моего племянника“, говорилъ онъ, „онъ еще молодой человѣкъ, онъ центръ всего, всѣмъ распорядается, все направляетъ и представляетъ собою нѣчто, тогда какъ мнѣ не дадутъ ничего дѣлать“.

До настоящаго времени во всей Англій было только одно мѣсто въ нѣсколько миль въ окружности гдѣ принцъ Уэльскій чувствовалъ себя монархомъ и притомъ неограниченнымъ. Это было его помѣстіе Сэндрингэмъ. Здѣсь воля его была закономъ и самъ онъ могъ осуществлять на свободѣ свой идеалъ демократическаго властителя. Всѣ увеселенія здѣсь были разчитаны на то чтобы въ нихъ могли принимать участіе лица самыхъ различныхъ общественныхъ положеній, и со всѣми посѣтителеми хозяева были одинаково внимательны и любезны. Въ воспоминаніяхъ мисисъ Крэсвэлъ, бывшей домоправительницей въ Сэндрингэмѣ, есть описаніе одного изъ баловъ для прислуги даннаго лѣтъ двадцать тому назадъ въ помѣстіи принца. Всѣ живущіе во дворцѣ, придворные, фрейлины и приглашенные гости должны были присоединиться къ танцующимъ, при чемъ никому не позволено было спокойно сидѣть на мѣстѣ. Принцъ и принцеса сами безъ отдыха танцевали, при чемъ принцъ являлся самымъ веселымъ кавалеромъ и душою общества, какъ, впрочемъ, всюду гдѣ бъ онъ ни появлялся. Никогда не приходилось видѣть такой живости и энергіи: онъ самъ исполнялъ обязанности церемоніймейстера, дирижировалъ танцами и самъ разстанавливалъ пары. Въ „тріумфѣ“, самомъ утомительномъ танцѣ, онъ кружился безъ устали. Едва кончался одинъ танецъ, онъ начиналъ другой, и когда подъ утро шотландскіе дудочки заиграли національный танецъ, принцъ съ неподражаемымъ мастерствомъ протанцевалъ его къ восторгу присутствующихъ. Съ годами страсть къ танцамъ нѣсколько улеглась у принца Уэльскаго, но онъ по-прежнему любитъ движеніе, всевозможныя физическія упражненія и многолюдную нарядную веселую толпу. Поэтому можно предположить что при нынѣшнемъ королѣ придворная жизнь будетъ болѣе оживленною и веселою нежели въ прежнее царствованіе.

Серіозныхъ людей заботитъ вопросъ, насколько новый король окажется способнымъ и привычнымъ къ умственнымъ занятіямъ. По свѣдѣтельству опять-таки лицъ близко знавшихъ принца Уэльскаго, онъ обладаетъ большою способностію быстро понимать то что ему говорятъ и знакомится въ короткое время съ новыми вопросами. Онъ хорошій ораторъ умѣющий излагать дѣло ясно и послѣдовательно, не утомляя слушателей. Когда ему приходилось предсѣдательствовать въ комитетахъ, онъ отличался большимъ умѣніемъ вести пренія, предоставляя свободу слова безпристрастно даже тѣмъ кто не

былъ согласенъ съ его мнѣніемъ, и направляя всякія обсуждения такъ чтобы они дѣйствительно приводили къ разрѣшенію поставленнаго вопроса. Всѣ эти данныя могутъ послужить основаніемъ къ заключенію что король Эдуардъ VII оправдаетъ надежды возлагаемыя на него его народомъ.

Съ самаго начала его царствованія королю предстоитъ цѣлый рядъ трудныхъ политическихъ задачъ. Стѣдь въ своей статьѣ намѣчаетъ бѣглыми штрихами главнѣйшія изъ нихъ: спасеніе Индіи отъ голода, чумы и холеры, установленіе въ ней человѣчнаго отношенія къ туземцамъ, разрѣшеніе южно-африканскаго вопроса, созданіе федераціи изъ Англіи и ея колоній, улучшеніе народнаго быта и народнаго образованія, умиротвореніе Ирландіи и установленіе хорошихъ отношеній съ Россією.

Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не предвидѣть что заботы о благѣ страны потребуютъ отъ новаго короля большой готовности отрѣшиться отъ той жизни исключительно для себя которую онъ до сихъ поръ велъ въ качествѣ почти частнаго человѣка. Для него такая жертва окажется, можетъ быть, болѣе трудною чѣмъ для всякаго другаго, если судить по откровенному признанію написаному имъ въ альбомъ герцогини Файфъ: „Я всего счастливѣе когда мнѣ не предстоитъ непосредственно исполненіе общественныхъ обязанностей, когда я могу забыть что я королевское высочество, курить хорошую сигару и (долженъ ли сознаться въ этомъ) спокойно читать хорошій романъ; когда я могу какъ простой мистеръ Джонсъ ѣхать на скачки безъ того чтобы въ газетной хроникѣ на другой день появилась замѣтка о томъ что „его королевское высочество принцъ Уэльскій увлекся игрою въ тотализаторъ очень сильно и вчера проигралъ столько денегъ что никогда не сможетъ заплатить ихъ“, когда я могу поздороваться и поговорить съ сэромъ Эдуардомъ Кларкомъ безъ того чтобъ говорили что „принцъ Уэльскій крайне не сочувственно относится къ теперешней войнѣ;“ когда я могу спокойно провести вечеръ дома съ принцесой и дѣтьми. Я всего несчастливѣе когда у меня бываетъ безумная зубная боль во время которой я долженъ исполнять обязанности представительства и улыбаться такъ привѣтливо, какъ будто у меня никогда не было ни одной непріятности въ жизни.“

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Таможенная война съ Соединенными Штатами.

I.

На дняхъ въ Америкѣ произошелъ „инцидентъ“ незначительный самъ по себѣ, но имѣвшій, къ сожалѣнію, чрезвычайно важныя послѣдствія. По требованію американскихъ сахарныхъ заводчиковъ въ Филадельфіи былъ задержанъ грузъ русскаго сахара для оплаты его дополнительно пошлиной. Этотъ случай требуетъ нѣкотораго разъясненія. По дѣйствующимъ въ Соединенныхъ Штатахъ постановленіямъ ввозимый въ предѣлы республики иностраннй сахаръ подлежитъ оплатѣ таможенною пошлиной въ размѣръ 40% его стоимости. Но тотъ же сахаръ привозимый изъ странъ гдѣ установлены вывозныя сахарныя преміи подвергается еще дополнительному обложенію. На основаніи этихъ правилъ сахаръ ввозимый изъ Германіи, Австро-Венгріи и Франціи подвергается этимъ добавочнымъ пошлинамъ, русскій же сахаръ былъ освобожденъ отъ нихъ.

Синдикатъ американскихъ сахаропромышленниковъ давно уже былъ недоволенъ этою льготой для русскаго сахара и требовалъ ея отмены, ссылаясь на то что если въ Россіи не существуетъ прямыхъ вывозныхъ премій на сахаръ, то онѣ создаются косвеннымъ путемъ благодаря правительственной нормировкѣ сахарной промышленности. До сихъ поръ эти домогательства терпѣли неудачу, но теперь увѣнчались успѣхомъ.

По поводу принятой мѣры секретарь казначейства Геджъ далъ объясненіе: онъ находитъ сомнительнымъ что Россія уплачиваетъ вывозныя пошлины на сахаръ; но, находясь на государственной службѣ, онъ обязанъ рѣшать сомнительные случаи въ пользу своего правительства. Однако, въ позднѣйшихъ телеграмахъ находимъ иное, болѣе правдоподобное объясненіе образа дѣйствія правительства Соединенныхъ Штатовъ. Въ газетѣ *New-York Tribune* считающейся органомъ правительства появились слѣдующія строки:

Никакія угрозы таможенною войной не могутъ имѣть вліянія на нашъ образъ дѣйствія. Мы обязаны по отношенію къ Германіи и другимъ странамъ держать слово. Еслибы Соединенные Штаты благопріятствовали Россіи въ ущербъ Германіи, это несомнѣнно вызвало бы репрессалии со стороны Германіи. Очевидно, таможенная война съ Германіей гораздо опаснѣе чѣмъ съ Россіей. Наши отношенія съ Германіей несравненно ближе чѣмъ съ Россіей, и нашъ вывозъ въ Германію въ 18 разъ больше. Съ чисто практической точки зрѣнія намъ гораздо болѣе важно сохранить дружественныя торговыя отношенія съ Германіей чѣмъ съ Россіей.

Вотъ почему правительство Соединенныхъ Штатовъ не обратило серіознаго вниманія на массу телеграмъ поступавшихъ отъ различныхъ фабрикантовъ, въ которыхъ заявлялось что таможенная война съ Россіей нанесетъ крупный ущербъ нѣкоторымъ отраслямъ американской промышленности.

Дальнѣйшій ходъ „сахарнаго инцидента“ былъ таковъ: русскій консулъ г. Тукеръ хлопоталъ о снятіи съ задержаннаго сахара запрещенія и доказывалъ американскимъ властямъ что Россія не выдаетъ никакихъ вывозныхъ премій за него. По его доказательства не убѣдили государственнаго прокурора Соединенныхъ Штатовъ, который, какъ сообщаетъ телеграфъ, „призналъ неправильнымъ утвержденіе Россіи что она не уплачиваетъ премій за вывозной сахаръ“. Окончательное рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ высшему суду Соединенныхъ Штатовъ.

Но прежде чѣмъ послѣдовало судебное рѣшеніе, въ *Торгово-Промышленной Газетѣ* появилось слѣдующее сообщеніе:

Русскій сахаръ обложенъ компенсаціонною пошлиною на неправильномъ основаніи что онъ получаетъ скрытыя преміи. Рѣшаясь на эту мѣру противъ своего желанія, секретарь казначейства Геджъ обѣщаль употребить всѣ усилія для скорѣйшаго разрѣшенія вопроса верховнымъ судомъ Соединенныхъ Штатовъ, и русскій министръ Финансовъ лишь съ крайнимъ прискорбіемъ оказался вынужденнымъ *постановить по соглашенію съ министромъ Иностранныхъ Дѣлъ объ отвѣтственности примѣненіи къ нѣкоторымъ провенансамъ Америки повышеннаго таможеннаго тарифа*. Все это и самая безспорность факта что Россія не уплачиваетъ премій за вывозъ сахара, несочувствіе обѣихъ сторонъ къ принимаемымъ мѣрамъ со стороны Россіи вызваннымъ другою стороною, наконецъ, прочныя дружественныя отношенія обохъ государствъ заставляютъ ждать скорого разрѣшенія этого недоразумѣнія.

Въ послѣдніе годы въ практикѣ нашего финансоваго вѣдомства установился обычай, въ силу котораго всякое повышеніе таможенныхъ пошлинъ совершается немедленно и распоряженія о немъ даются по телеграфу. Но на этотъ разъ было сдѣлано исключеніе, и повышенныя

таможенныя пошлины съ произведеніямъ американской промышленности примѣнены только черезъ двѣ недѣли, такимъ образомъ Соединеннымъ Штатамъ представлялся срокъ для улаженія „сахарнаго инцидента“. Быстрота съ которою Россія отвѣтила на повышеніе сахарныхъ пошлинъ произвела въ Америкѣ удручающее впечатлѣніе. Тамъ прекрасно поняли что распоряженіе русскаго правительства будетъ имѣть послѣдствіемъ то что пошлины на американскія машины и металлургическія произведенія повысятся на 50%. Возникли весьма понятныя опасенія что бы такое повышеніе пошлинъ не затормазило вывоза этихъ произведеній въ Россію. Но уже черезъ нѣсколько дней *Агентство Рейтера*, со словъ газеты *Times*, сообщило что секретарь американскаго казначейства г. Геджъ заявилъ „что ни въ чемъ не измѣнить нынѣшней экономической политики относительно Россіи. Онъ оспариваетъ, будто американская машиностроительная промышленность подорвана“. Наконецъ, газета *New-York-Herald* сообщила что „вслѣдствіе наложенія компенсационныхъ пошлинъ на русскій сахаръ переговоры относительно взаимности въ торговлѣ между Россіей и Соединенными Штатами потерпѣли неудачу“.

Итакъ, мы стоимъ наканунѣ таможенной войны съ заатлантической республикой. Посмотримъ, кто же правъ въ возникшей распрѣ и какія послѣдствія можетъ имѣть эта война.

II.

Можно ли считать вообще нормальнымъ явленіемъ вывозъ русскаго сахара въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки? На этотъ вопросъ болѣе чѣмъ трудно дать положительный отвѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, Россія имѣетъ только одинъ матеріалъ для выдѣлки сахара, свекловицу, въ Америкѣ же онъ готовится изъ той же свекловицы, изъ сахарнаго тростника и изъ сахарнаго клена. Америка располагаетъ дешевымъ топливомъ котораго не имѣетъ большинство нашихъ сахарныхъ заводовъ, наконецъ, та же Америка ввозитъ свои машины къ намъ, слѣдовательно оборудованіе тамъ свеклосахарныхъ заводовъ должно обходиться дешевле чѣмъ у насъ. Уже одни эти условія, повидимому, должны были бы поставить русскіхъ заводчиковъ въ невозможность соперничать съ американскими. Но въ дѣйствительности положеніе нѣсколько иное. Не смотря на многія благоприятныя условія, сахарная промышленность Соединенныхъ Штатовъ развита очень слабо, и республика потребляетъ преимущественно привозный сахаръ.

Въ 1898 году, напримѣръ, общее количество потребнаго сахара въ Соединенныхъ Штатахъ равнялось 123,8 мил. пудамъ изъ котораго на долю привознаго падало 101,6 мил. пудовъ. Итакъ, въ появленіи русскаго сахара на американскомъ рынкѣ нѣтъ еще ничего удивительнаго.

Но русскимъ сахаропромышленникамъ въ Соединенныхъ Штатахъ приходится считаться не только съ мѣстнымъ производствомъ, но и съ конкуренціей другихъ странъ Западной Европы производящихъ свекловичный сахаръ и стремящихся помѣстить часть его на американскихъ рынкахъ, напримѣръ, съ Германіей, Франціей и Австро-Венгріей. Посмотримъ насколько возможна для насъ такая конкуренція.

Прежде всего урожаи свекловицы у насъ положительно ничтожны въ сравненіи съ Западною Европой. За время съ 1895—96 по 1897—98 гг. средній урожай свекловицы съ 1 десятины равнялся: въ Германіи 2.106 пуд., во Франціи 1.600 пуд., а въ Россіи только 1.057 пудамъ. Въ то же время получено сахара съ одной десятины въ Германіи 271 пудъ, во Франціи 168 пуд., а въ Россіи только 117 пуд. Правда, свекловица обходится нашимъ заводчикамъ дешевле, но эта дешевизна не можетъ уравновѣсить другихъ потерь. Наконецъ, перевозка сахара изъ Россіи въ Америку обойдется несравненно дороже чѣмъ изъ Франціи или Германіи. Если при такихъ условіяхъ наши сахарозаводчики могутъ соперничать въ Америкѣ съ перечисленными странами, то этому остается только порадоваться отъ всей души. Но зачѣмъ же тогда намъ высокія покровительственныя пошлины на привозной иностранный сахаръ? Отчего намъ не понизить ихъ до размѣра сахарнаго акциза съ прибавкою той ничтожной суммы которую западно-европейскіе заводчики получаютъ отъ своихъ правительствъ въ видѣ вывозныхъ премій? Однако, возникни такой проектъ, то наши сахаропромышленники подняли бы отчаянные вопли о неминуемомъ разореніи. Почему же? Если сахаръ имъ обходится дешево, если они могутъ продавать его въ Америкѣ по цѣнамъ послѣдняго времени, не страшась ничьей конкуренціи, то отчего же имъ не дѣлать этого у себя дома? Да по той простой причинѣ что только непомерно высокія цѣны созданныя на внутреннемъ рынкѣ, благодаря сахарной нормировкѣ, и даютъ возможность искусственно понижать цѣны на русскій сахаръ за границей. Въ этой-то нормировкѣ государственный прокуроръ Соединенныхъ Штатовъ и усмотрѣлъ скрытыя вывозныя пошлины.

Противъ такого взгляда самымъ рѣшительнымъ образомъ выступилъ *Вѣстникъ Финансовъ*.

Если и можно говорить вообще о скрытыхъ вывозныхъ преміяхъ въ ущербъ мѣстнымъ потребителямъ, то это можетъ относиться

не къ русской нормировкѣ сахара, а къ трестамъ и синдикатамъ, все болѣе и болѣе охватывающимъ разныя производства, смотря на экспортъ только какъ на средство держать высокія цѣны на внутреннемъ рынкѣ. Желаніе доказать что русскою нормировкой прикрываются преміи можетъ вынудить и Россію установить компенсаціонныя пошлины на чугуунъ, сталь, мѣдь, каменный уголь и другіе продукты къ которымъ скорѣе можно примѣнить принципъ о скрытыхъ пошлинахъ. Россія въ правѣ примѣнить этотъ пріемъ не только къ Соединеннымъ Штатамъ, но и къ западно-европейскимъ государствамъ, гдѣ впервые возникла мысль о существованіи скрытыхъ русскихъ премій вызвавшая несправедливую американскую мѣру. Если пойти по этому скользкому пути, можно неизбѣжно придти еще до истеченія срока торговыхъ договоровъ къ примѣненію Россіей однородной мѣры къ такимъ продуктамъ не только Америки, но и Западной Европы, производство которыхъ организовано въ синдикаты и продажа которыхъ за границей дешевле чѣмъ дома.

Взглядъ совершенно справедливый, но правительство Соединенныхъ Штатовъ съ меньшей справедливостію можетъ возразить что оно и не думаетъ примѣнять компенсаціонныхъ пошлинъ *по естѣмъ* предметамъ производство которыхъ сложилось въ синдикаты и цѣны на которыя на иностранныхъ рынкахъ ниже чѣмъ на внутреннихъ. Синдикатъ дѣло частное до котораго правительству можетъ не быть никакого дѣла. Но русская сахарная нормировка не совсѣмъ подходитъ подъ обычное понятіе о трестахъ и синдикатахъ. Въ самомъ дѣлѣ, сахарная нормировка находится подъ наблюденіемъ Министерства Финансовъ которое назначаетъ цѣны, опредѣляетъ потребленіе, свободные остатки, количество для вывоза и т. д. Такимъ образомъ, нормировка является правительственнымъ установленіемъ съ которымъ другое правительство не можетъ не считаться. Очень можетъ быть что верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ такъ и посмотреть на дѣло. Несомнѣнно было бы гораздо лучше еслибы разрѣшеніе этого вопроса было передано международному третейскому суду, рѣшеніе котораго было бы обязательно для обѣихъ заинтересованныхъ странъ и которое уничтожило бы всякій поводъ для таможенной войны.

III.

Но можетъ быть этого нельзя сдѣлать, потому что здѣсь на карту ставятся крупныя жизненныя интересы Россіи? Посмотримъ такъ ли это. У насъ непрерывно раздаются голоса и голоса, нужно сознаться, совершенно справедливые, указывающіе на невыгодность для насъ вывозить продукты сельскаго хозяйства въ сыромъ, не пере-

работанномъ видѣ. Между сахарной промышленностью и земледѣліемъ несомнѣнно существуетъ извѣстная связь, такъ, можетъ быть, проявленная нами настойчивость по отношенію къ Америкѣ необходима именно въ интересахъ русскаго сельскаго хозяйства? Такой образъ дѣйствія былъ бы вполне понятенъ, еслибы у насъ по дѣльцамъ свекловицы находилось, положимъ, 10—20 миліоновъ десятинъ, но у насъ въ 1895—97 году свекловицею было засѣяно всего только 336 тысячъ десятинъ, тогда какъ площадь посѣва хлѣбныхъ и картофеля достигала 76 миліоновъ десятинъ, слѣдовательно, посѣвы свекловицы составляютъ только 0,44% общей площади посѣвовъ, а при такихъ условіяхъ говорить серьезно о значеніи этой отрасли полеводства для русскаго сельскаго хозяйства представляется рѣшительно невозможнымъ.

Въ дѣйствительности же значеніе свеклосахарной промышленности для нашего сельскаго хозяйства еще слабѣе. Во-первыхъ, совершенно не доказано что высокія цѣны на сахаръ поддерживаютъ и высокія цѣны на свекловицу, а во-вторыхъ, далеко не все количество свекловицы доставляется на сахарные заводы крестьянами и частными землевладѣльцами. Изъ 336 тысячъ десятинъ свекловичныхъ посѣвовъ послѣднимъ принадлежало только 131 тыс. десятинъ, тогда какъ 205 тысячъ десятинъ воздѣлывались самими заводами. Отбрасывая плантаторскіе посѣвы свекловицы, мы увидимъ что сельскохозяйственные посѣвы ея составляютъ только 0,15% общей площади хлѣбныхъ посѣвовъ. Стало бытъ о важности сахарной промышленности для земледѣлія не можетъ быть и рѣчи. Слѣдовательно, защищая русскій сахаръ противъ компенсаціонныхъ пошлинъ, мы далеко еще не защищаемъ интересы нашего земледѣлія, этого основнаго промысла Россіи.

Въ промышленномъ отношеніи сахаровареніе тоже не представляетъ особой важности для страны. Не смотря на то что сахарная промышленность существуетъ у насъ съ самаго начала XIX столѣтія, не смотря на значительный техническій прогрессъ, она дала слишкомъ мало для населенія. Потребленіе у насъ сахара не можетъ идти даже въ сравненіе съ потребленіемъ его въ другихъ странахъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Великобританіи потребляется его 90,9 русскихъ фунтовъ на душу, въ Соединенныхъ Штатахъ 70,2 ф., въ Даніи 62,2 ф., въ Швейцаріи 42,9 ф., въ Швеціи 37,1 ф., въ Голандіи 28,8 ф., во Франціи 28,1 ф., въ Германіи 25,8 ф., въ Австро-Венгріи 20,5, а въ Россіи только 9,5 фунта. 1) Результатъ не только не

1) *Днижки Хозяина*. № 10. Сахарная промышленность всего свѣта. Производство, потребленіе, цѣны. А. А. Радцигъ. С.-Петербургъ, 1900, стр. 169.

блистательный, а прямо печальный. Ошибочно было бы приписывать такое незначительное потребление у нас сахара акцизному обложению. Правда, оно выше чѣмъ во многихъ странахъ, но ниже Голландіи и Франціи, гдѣ потребление сахара втрое превосходитъ наше. Наконецъ, не смотря почти на столѣтнее свое существованіе, наша сахарная промышленность не перестала нуждаться въ такомъ высокомъ таможенномъ покровительствѣ въ какомъ не нуждается ни одна изъ западно-европейскихъ странъ. Данія доводится пошлиною въ 31—50 к. съ пуда песка и въ 1 р. съ пуда рафинада, Швейцарія взимаетъ по 46 к. за пудъ песка и 56—65 коп. за рафинадъ, Австро-Венгрія беретъ 2 р. 30 к. за песокъ и 3 р. 7 к. за рафинадъ, пошлпна на сахаръ въ Германіи равняется 3 р. 3 к., во Франціи она повышается до 3 р. 68 к. съ песка и до 5 р. 50 к. съ рафинада, а у насъ она взимается по 4 р. 50 к. съ песка и по 6 р. съ рафинада. Не слишкомъ же окрѣпла наша свеклосахарная промышленность, если она до сихъ поръ нуждается въ такомъ усиленномъ покровительствѣ!

Правда, нашъ сахарный вывозъ за границу достигъ довольно внушительной цифры въ 17 миліоновъ пудовъ. Но радоваться ли этому?

Въ 1896—98 гг., читаемъ мы въ только-что цитованной книгѣ, цѣны на сахаръ внутренняго потребленія были на 3 р. — 3 р. 33 к. въ пудѣ дороже цѣны на сахаръ для вывоза, и такъ какъ акцизъ при вывозахъ возвращался, то слѣдуетъ признать что сахарозаводчики иностранцамъ продавали сахаръ на 1 р. 25 к. до 1 р. 58 к. въ пудѣ дешевле нежели русскимъ покупателямъ. Само собой разумѣется что свои убыточные продажи за границу сахарозаводчики возмѣщали прибылями отъ продажи сахара по дорогимъ цѣнамъ въ Россіи.

Отсюда прямой выводъ что чѣмъ больше продадимъ мы сахара за границу, тѣмъ убыточнѣе будетъ это для русскаго потребленія. Избави насъ Богъ отъ такого вывоза!

Отъ общаго сахарнаго вывоза перейдемъ къ вывозу его въ Соединенные Штаты въ частности. Частные торговцы, а еще чаще крупные синдикаты нерѣдко прибѣгаютъ къ убыточной продажѣ того или инаго товара въ данной мѣстности, преслѣдуя цѣль: завоевать извѣстный рынокъ, а потомъ уже вернуть на немъ всѣ свои предшествовавшія потери. Могутъ ли наши сахарозаводчики разчитывать на что-нибудь подобное? Для такихъ надеждъ рѣшительно нѣтъ никакого основанія.

Въ послѣдніе годы Соединенные Штаты сдѣлали нѣсколько крупныхъ територіальныхъ приобрѣтеній: они присоединили Филиппинскіе острова, Кубу и Порто-Рико. Что производство сахара на при-

соединенныхъ островахъ будетъ быстро возрастать нѣтъ никакого сомнѣнія. Имѣя достаточное количество собственнаго тростниковаго сахара, Соединенные Штаты, по всей вѣроятности, поспѣшатъ оградить себя отъ ввоза чужеземнаго сахара высокимъ таможеннымъ тарифомъ, и всѣ наши успѣхи въ завоеваніи американскаго рынка, если имъ только суждено осуществиться, разсѣются какъ дымъ. Впрочемъ объ успѣхахъ завоеванія американскаго рынка говорить еще рано: въ настоящее же время ввозъ нашего сахара Американцы оцѣниваютъ всего только въ 300.000 долларовъ, то-есть, приблизительно въ 600.000 рублей. И изъ-за такой-то ничтожной суммы готовы порваться торговыя сношенія съ Соединенными Штатами!

IV.

Говорятъ что таможенная война съ Соединенными Штатами намъ не страшна, что въ случаѣ возникновенія ея Америка проиграетъ несравненно больше чѣмъ Россія. Это совершенно безспорная истина, такъ какъ цѣнность американскаго ввоза въ Россію далеко превышаетъ стоимость нашего вывоза въ республику. Отъ таможенной войны прежде всего пострадаетъ американское машиностроеніе. А мы необходимы намъ машины будемъ пріобрѣтать въ Германіи или Англіи. Но отчего же мы не дѣлаемъ этого до сихъ поръ? Очевидно, мы покупали машины въ Соединенныхъ Штатахъ или потому что онѣ были лучше или потому что дешевле. Слѣдовательно обращаясь за покупкою въ Англію или Германію, мы будемъ или платить дороже или довольствоваться предметами худшаго качества. Выгоды въ этомъ для насъ нѣтъ рѣшительно никакой.

Хотя торговыя сношенія между Россіей и заатлантической республикой и очень слабы, но мы все же вывозимъ туда нѣкоторые изъ продуктовъ своего сельскаго хозяйства. Мы посылаемъ въ Соединенные Штаты шерсти на 3,3 мил. руб. и невыдѣланныхъ шкуръ и кожъ на 2 $\frac{1}{2}$ мил. руб., солодковый корень, щетину, марганецъ. Если Америка прекратитъ ввозъ къ себѣ этихъ продуктовъ, то наше сельское хозяйство потеряетъ по меньшей мѣрѣ 6 мил. рублей. Цифра сама по себѣ очень незначительная, но она все же въ десять разъ превышаетъ стоимость ввозимаго въ Штаты русскаго сахара.

Невыгодность таможенныхъ войнъ заключается въ томъ что обѣ воюющія стороны не знаютъ заранѣе гдѣ и на чемъ онѣ останутся. Репресалія съ одной стороны вызываетъ такую же репрессалію съ другой. Если вспыхнетъ и затянется таможенная война съ Амери-

кой, то намъ легко можетъ быть придется прибѣгнуть и къ усиленному обложенію американскаго хлопка котораго ввозится въ Россію приблизительно на 40 мил. руб. Для Америки это былъ бы довольно чувствительный ударъ, но и намъ отъ этого было бы немного выгодъ. Наша туркестанская хлопкопромышленность еще не настолько окрѣпла чтобы дать сполна необходимое количество матеріала для нашихъ фабрикъ, усиленная же закупка хлопка въ странахъ съ ограниченнѣйшимъ производствомъ его, на примѣръ, въ Египтѣ, вызвала бы вздорожаніе цѣмъ убыточное для русскаго потребителя.

Есть и еще одна крайне невыгодная сторона въ нашей нынѣшней распрѣ съ Америкой. Дѣло въ томъ что мы находимся наканунѣ другой неизмѣримо болѣе серьезной таможенной войны которая затронетъ самыя жизненные интересы Россіи. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, агитація германскихъ аграріевъ требующихъ увеличенія пошлинъ на русскій хлѣбъ растетъ съ каждымъ днемъ. Есть уже много тревожныхъ признаковъ указывающихъ на то что эти домогательства встрѣчаютъ сочувствію въ правящихъ классахъ Германіи, что они получаютъ желанное для нѣмецкихъ аграріевъ осуществленіе. Теперь уже можно считать рѣшеннымъ что мы отвѣтимъ на это самыми безпощадными репрессіями. Это требуютъ интересы нашей земледѣльческой промышленности, поступаться которыми мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ.

А между тѣмъ наши торговыя сношенія съ Германіей ведутся въ довольно крупныхъ размѣрахъ. Въ короткій промежутокъ времени, съ 1 января по 1 сентября 1900 года, мы получили изъ Германіи товаровъ на 145.585.000 рублей, тогда какъ изъ Великобританіи ихъ было ввезено только на 89.006.000 руб., изъ Франціи на 19.332.000 руб., изъ Австро-Венгріи на 18.572.000 руб. и изъ Бельгіи на 6.399.000 руб. Такимъ образомъ ввозъ германскихъ товаровъ превышаетъ привозъ къ намъ товаровъ изъ Великобританіи, Франціи, Австро-Венгріи и Бельгіи взятыхъ вмѣстѣ. Однихъ машинъ и аппаратовъ за 8 мѣсяцевъ мы получили изъ Германіи на 16.478.000 руб., да частей ихъ на 5.451.000 руб. Нѣтъ никакого сомнѣнія что въ случаѣ таможенной войны съ Германіей мы сумѣемъ обойтись безъ всѣхъ этихъ нѣмецкихъ издѣлій, но едва ли намъ будетъ выгодно ставить себя всецѣло въ зависимость отъ Великобританіи, гораздо лучше для насъ распредѣлить свои покупки между различными странами. Вотъ почему намъ слѣдовало бы искать болѣе тѣснаго торговаго сближенія съ Америкой, а не обострять своихъ отношеній съ нею.

V.

За объявленіемъ повышенія пошлинъ на нѣкоторыя издѣлія американской промышленности послѣдовало разъясненіе Министерства Финансовъ что это повышеніе пошлинъ „распространяется также на Пріамурское генераль-губернаторство, причемъ постановленіе сіе должно быть приведено подлежащими таможенными учрежденіями въ исполненіе черезъ двѣ недѣли со дня полученія на мѣстахъ телеграфнаго увѣдомленія отъ министра Финансовъ“. Такимъ образомъ таможенная война съ Соединенными Штатами не ограничивается предѣлами Европейской Россіи, а переносится на Дальній Востокъ. Посмотримъ какія она будетъ имѣть послѣдствія.

Оживленностью своихъ торговыхъ сношеній съ Сибирью Соединенные Штаты похвалиться ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Изъ 184 иностранныхъ судовъ посѣтившихъ Владивостокскій портъ въ 1897 году американскихъ судовъ было только 4, на которыхъ привезено груза 350¹/₂ тысячъ пудовъ. Въ томъ же году въ Николаевскъ изъ 75 иностранныхъ судовъ пришло 4 американскихъ съ грузомъ въ 147,8 тысячъ пудовъ. Весь же американскій ввозъ въ южную часть Приморской области составлялъ только 7,2%, общаго ввоза русскихъ и иностранныхъ товаровъ. Потеря такого рынка для Соединенныхъ Штатовъ едва ли можетъ быть чувствительною. Но для насъ важно знать не только сколько ввозятъ въ Сибирь Американцы своихъ товаровъ, но и какіе именно товары привозятся ими.

На этотъ вопросъ официальное изданіе Министерства Финансовъ даетъ слѣдующій отвѣтъ:

Соединенные Штаты Сѣверной Америки черезъ Санъ-Франциско ведутъ оживленную торговлю съ Сибирью, снабжая ее мукою и другими жизненными припасами, машинами и земледѣльческими орудіями, кожаненными издѣліями, ружьями и проч. ²⁾.

Можетъ ли быть желательно прекращеніе ввоза этихъ товаровъ въ Пріамурье? На это даже ни съ какими натяжками нельзя дать утвердительнаго отвѣта. Въ обычное время съ подобнымъ прекращеніемъ привоза мы еще справились бы какъ-нибудь; но при нынѣшнихъ условіяхъ оно должно вызвать тяжелый кризисъ въ край. И это вполне понятно. Послѣднія печальныя событія русско-китайской распри застали Пріамурье совершенно врасплохъ. Приведеніе края на военное положеніе, призывъ подъ знамена казаковъ и запасныхъ солдатъ въ значительной степени сократили количество рабочихъ рукъ

²⁾ Сибирь и Великая Сибирская желѣзная дорога. Изданіе 2-ое, стран. 222.

и безъ того очень недостаточное въ краѣ. Бѣгство Китайцевъ и переходъ черезъ границу значительной части Манчжуръ жившихъ въ Завейскомъ районѣ еще болѣе обострили недостатокъ въ рабочихъ. Хлѣбъ на поляхъ не весь оказался убраннымъ. А между тѣмъ въ Пріамурскомъ краѣ и въ сосѣдней Манчжуріи численность потребителей хлѣба и другихъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ въ лицѣ прибывшихъ русскихъ войскъ сильно возросла. При другихъ обстоятельствахъ недостатокъ въ хлѣбѣ легко могъ бы быть пополненъ привозомъ его изъ Манчжуріи, но эта страна была совсѣмъ разорена регулярными китайскими войсками и „кулачниками“. Намъ не только не приходится вывозить хлѣбъ изъ Манчжуріи, но нужно еще заботиться о спасеніи ея населенія отъ голода. При подобныхъ условіяхъ всякимъ ввозомъ съѣстныхъ припасовъ въ край приходится дорожить. На это, конечно, можно возразить что ввозъ такихъ припасовъ таможенными пошлинами не обложенъ, а потому репресалии коснуться его не могутъ. Однако такое возраженіе не совсѣмъ справедливо. Дѣло въ томъ что вмѣстѣ съ съѣстными припасами ввозятся и другіе товары, продажа которыхъ доставляетъ гораздо большіе барыши. Если прекратится ввозъ послѣднихъ, то легко можетъ прекратиться и привозъ первыхъ. Перейдемъ къ другимъ предметамъ американскаго ввоза въ Пріамурьѣ.

Мы уже видѣли что замѣтную величину въ немъ составляютъ сельскохозяйственныя машины и орудія. Можно ли желать хотя бы даже временнаго сокращенія привоза ихъ въ край который еще не можетъ обойтись собственнымъ хлѣбомъ, въ край гдѣ при широкомъ земельномъ привольѣ чувствуется хроническій недостатокъ въ рабочихъ? Нѣтъ, этого ни въ какомъ случаѣ желать нельзя.

Можно ли желать сокращенія привоза другихъ машинъ въ области, гдѣ благодаря проведенію желѣзной дороги оживляется промышленная дѣятельность, гдѣ замѣчается стремленіе къ созданію заводовъ и мастерскихъ до сихъ поръ совершенно почти отсутствовавшихъ? Нѣтъ, и въ этомъ нѣтъ ничего желательнаго.

Охота въ Пріамурьѣ составляетъ важный подспорный промыселъ для населенія, а потому нельзя радоваться и уменьшенію привоза ружей необходимыхъ для развитія охотничьяго промысла.

Не слѣдуетъ также забывать и того обстоятельства что еще очень давно Пріамурскій край пользовался беспошлиннымъ привозомъ иностранныхъ товаровъ. Недавно амурское *porto-franco* было закрыто. а мѣра безусловно необходимая для насъ; но нельзя не признать о моментъ для ея осуществленія былъ выбранъ не совсѣмъ удачно, къ какъ онъ совпалъ со вздорожаніемъ цѣнъ на всѣ предметы вызваннѣ войною съ Китаемъ. Чрезвычайное повышеніе таможенныхъ пош-

линь еще болѣе усилило бы нынѣшнее стѣсненное положеніе Приамурья. Все это заставляетъ признать что таможенная война съ Соединенными Штатами на Дальнемъ Востокѣ намъ рѣшительно никакихъ выгодъ не обѣщаетъ.

VI.

Возвратимся, однако, къ сахаропромышленности. Капитальная наша ошибка состояла въ томъ что мы постарались убить мелкіе заводы и насадить крупныя предпріятія. Правда, старыя, мелкіе, преимущественно огневые, заводы были далеко отъ нынѣшняго технического совершенства, но зато они стояли въ непосредственной связи съ сельскимъ хозяйствомъ, на нихъ работали мѣстные рабочіе, не отрываясь отъ дома, отъ семьи, но попадая въ растлѣвающую обстановку казарменной жизни большихъ заводовъ. На этихъ мелкихъ заводахъ перерабатывались продукты мѣстнаго сельскаго хозяйства, остатки производства шли на кормъ скоту. Въ 1825 году у насъ считалось всего только 7 свеклосахарныхъ заводовъ, но уже въ 1848 году число ихъ увеличилось до 269. Черезъ десять лѣтъ съ небольшимъ въ 1859—60 гг. число сахарныхъ заводовъ достигаетъ уже 432. Еслибы дальнѣйшее ихъ увеличеніе шло въ такой же прогрессіи, то мы имѣли бы теперь тысячи мелкихъ заводовъ разбросанныхъ въ различныхъ частяхъ Россіи, заводовъ которые прекрасно могли бы дѣлать свое мелкое дѣло безъ синдикатныхъ объединеній, безъ правительственной нормировки, безъ явныхъ и тайныхъ вывозныхъ премій. Быть можетъ производство на такихъ заводахъ и обходилось бы дороже, но зато заводчики пользовались бы болѣе умѣреннымъ барышемъ, и сахаръ стоилъ бы дешевле.

Съ начала шестидесятыхъ годовъ число сахарныхъ заводовъ стало уменьшаться. Въ 1865—66 гг. ихъ оставалось уже только 251, въ 1875—76 гг. 214, а въ 1880—81 гг. число ихъ упало уже до 198. Съ восьмидесятыхъ годовъ количество сахарныхъ заводовъ снова начинаетъ увеличиваться и въ 1890—91 гг. достигаетъ 235, но все же не можетъ сравняться съ числомъ ихъ даже въ 1848 году. Еслибы закрытіе мелкихъ заводовъ было слѣдствіемъ естественнаго хода вещей, невозможности для нихъ соперничать съ заводами крупными, то съ этимъ еще можно было бы помириться, но въ томъ-то и дѣло что насажденіе крупной сахарной промышленности было вызвано искусственно, частью подъ вліяніемъ удобства взиманія акциза, частью подъ вліяніемъ другихъ соображеній. Повторяемъ еще разъ что объ этомъ можно только пожалѣть, такъ какъ мелкая са-

харная промышленность несомненно обладала значительною жизнеспособностью и не нуждалась въ такомъ усиленномъ таможенномъ покровительствѣ какъ крупная.

Со второй половины сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія строго покровительственная система начала уступать свое мѣсто системѣ умѣренного покровительства, а между тѣмъ именно въ это время началось быстрое увеличеніе числа мелкихъ сахарныхъ заводовъ. Фактъ во всякомъ случаѣ поучительный!

Несомненно было бы лучше всего намъ вернуться къ покровительству мелкимъ сахарнымъ заводамъ сельскохозяйственнаго характера. Но это вопросъ болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго, а въ настоящее время намъ нужно серьезно подумать объ упорядоченіи крупной сахарной промышленности и, главнымъ образомъ, вывоза русскаго сахара за границу. Такъ какъ этотъ вывозъ убыточенъ для насъ, то намъ лучше всего отказаться отъ него. Достигнуть этого вовсе нетрудно; стоитъ лишь прекратить возвратъ акциза за вывозимый изъ Россіи сахаръ, или сохранить его только для сахара вывозимаго на ближній и дальній Востокъ, гдѣ нашъ сбытъ имѣетъ основанія разчитывать на постепенное возрастаніе.

Было бы въ высшей степени желательно также уменьшеніе акциза на сахаръ, такъ какъ теперешній его размѣръ (1 р. 75 к. съ пуда) слишкомъ высокъ и не соотвѣтствуетъ покупательнымъ средствамъ нашего населенія. Недавно *С.-Петербургскія Вѣдомости* высказались въ пользу полной отмены этого акциза при соотвѣтственномъ увеличеніи акциза на вино. Это, конечно, крайность. Но уменьшеніе сахарнаго акциза не потребуетъ никакихъ жертвъ со стороны Государственнаго Казначейства, такъ какъ при удешевленіи сахара потребленіе его возрастетъ, и оно получитъ ту же сумму, хотя и съ большаго количества сахара.

Но самое главное что намъ нужно сдѣлать для удешевленія его это отказаться отъ правительственной нормировки. Всѣ многочисленныя отрасли русской промышленности для своего развитія довольствуются одною только таможенною охраной, почему же сахарная промышленность должна стоять въ исключительно привилегированномъ положеніи и пользоваться охраною не только отъ внѣшней, но и отъ внутренней конкуренціи? Это совершенно непонятно.

Нынѣшняя сахарная политика грозитъ намъ, кажется, перессорить съ цѣлымъ міромъ. Напомнимъ сдѣланную нами ранѣе выдержку изъ *Вѣстника Финансовъ*:

Россія въ правѣ примѣнить этотъ пріемъ (установленіе компенсационныхъ пошлинъ) не только къ Соединеннымъ Штатамъ, но и къ западно-европейскимъ государствамъ, гдѣ впервые возникла мысль

о существованіи скрытыхъ русскихъ премій вызвавшая несправедливую американскую мѣру. Если пойти по этому скользкому пути, можно неизбежно придти еще до истечения срока торговыхъ договоровъ къ принятію Россією однородной мѣры къ такимъ продуктамъ не только Америки, но и Западной Европы, производство которыхъ организовано въ синдикаты и продажа которыхъ за границей дешевле чѣмъ дома.

Туть уже звучитъ серіозная угроза по адресу страны находящейся съ нами въ оживленномъ торговомъ обмѣнѣ. Итъ, убыточная для русскаго народа сахарная промышленность рѣшительно не стоитъ того чтобы изъ-за нея ссориться съ Америкою и Европою.

Н. Емельяновъ.

Дѣла и нужды Привислиня.

I.

Плодотворна и разнообразна была 11 $\frac{1}{2}$ -лѣтняя дѣятельность недавно почившаго фельдмаршала I. В. Гурко на посту варшавскаго генераль-губернатора и командующаго войсками варшавскаго военного округа. Назначенный на этотъ постъ въ то время когда отношенія между Россіей съ одной стороны и Австріей и Германіей съ другой отличались напряженностью, покойный Юсифъ Владиміровичъ въ очень короткое время усилилъ боевую готовность варшавскаго военного округа: при немъ былъ устроенъ варшавскій укрѣпленный районъ, построены новыя крѣпости, проведена сѣтъ желѣзно-дорожныхъ и шоссейныхъ путей, увеличенъ численный составъ варшавскаго военного округа и проч. Но оцѣнка дѣятельности покойнаго какъ командующаго войсками не входитъ въ предѣлы нашей задачи и не можетъ входить, такъ какъ пишущій эти строки не принадлежитъ къ знатокамъ военного дѣла. Одно можно сказать: въ 11 $\frac{1}{2}$ лѣтъ покойный сдѣлалъ по военной части въ Варшавѣ такъ много что, казалось бы, на другое у него не должно бы хватить времени, а между тѣмъ его варшавская дѣятельность и въ средѣ гражданскаго управленія дала громадныя результаты. Противники покойнаго, не рѣшаясь оспаривать его военныхъ заслугъ, старались распространить мнѣніе что онъ былъ исключительно военный и не безъ нѣкоторой насмѣшки называли его солдатомъ. Да, это былъ честный солдатъ въ лучшемъ смыслѣ этихъ словъ, но солдатъ соединившій съ крупнымъ военнымъ талантомъ прозорливый и трезвый политическій и государственный умъ.

Прибывъ въ Варшаву на постъ генераль-губернатора, I. В. засталъ въ Привислинскомъ краѣ сильное броженіе умовъ. Поляки были охвачены тогда австрофильствомъ. Они ждали европейской войны и были увѣрены что побѣда окажется не на сторонѣ Россіи. Не видя твердой русской власти, они заходили весьма далеко, дѣля карту Европы и возстановляя Польшу. Польскій сепаратизмъ усиливался, враждебность къ Россіи и Русскимъ росла, органы русской власти и все русское открыто пренебрегались. I. В. Гурко скоро сумѣлъ показать Полякамъ что съ его прибытіемъ въ Привислинскій край водворилась сильная русская власть. Россія не отвѣтила Австріи на заигрываніе съ Поляками тѣмъ же. Подобная игра опасна и не отвѣчаетъ достоинству могущественнаго государства. Россія, въ лицѣ I. В. Гурко, высшаго истолкователя, въ качествѣ генераль-губернатора, Царской Воли въ Привислинѣ, старалась отрезвить Поляковъ. Хотя отъ австрійскихъ заигрываній съ галицкими Поляками и отъ направленныхъ противъ Россіи статей австро-польскихъ газетъ и кружились головы Поляковъ, тѣмъ не менѣе твердость I. В. Гурко устранила возможность рѣзкихъ и крупныхъ проявленій польскаго броженія.

Кто пожелаетъ просмотрѣть, на примѣръ, протоколъ засѣданій варшавскаго статистическаго комитета въ *Трудахъ* этого комитета, можетъ убѣдиться какъ глубоко зналъ I. В. Гурко Привислинскій край, какъ широки и разнообразны были его познанія. Эти познанія, конечно, давались не даромъ. I. В. Гурко требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ весьма обстоятельные доклады, вникалъ въ эти доклады, работалъ съ 8 часовъ утра до 4-хъ ежедневно, читалъ и бесѣдовалъ со знающими людьми. Не щадилъ своего здоровья покойный на маневрахъ, не щадилъ и какъ администраторъ: неудивительно что его силы измѣнили ему раньше времени.

Стремясь къ тѣснѣйшему сплоченію Привислинской окраины съ русскимъ государствомъ и укрѣпленію на ней русскихъ государственныхъ началъ, I. В. Гурко встрѣчалъ, исполняя эту задачу, много препятствій. Польская агитація, пользуясь незнаніемъ многими Русскими истиннаго положенія дѣлъ въ Привислинѣ, старалась придать умиротворяющей дѣятельности почившаго въ глазахъ русскаго общества вызывающій по отношенію къ Полякамъ характеръ.

Съ 1893 года польская агитація особенно смѣло вступила въ борьбу съ „системой Гурко“, собственно вовсе не его личною системою, а русскою историческою которой въ общемъ придерживались въ отношеніи инородцевъ всѣ наши даровитые и прозорливые правители. Въ то время главнымъ образомъ при содѣйствіи кардинала графа Ледоховскаго были сдѣланы попытки склонить папу ко вмѣшательству

въ русско-польскія отношенія и усердно распространялись легенды объ угнетеніи религіозной совѣсти латинянъ въ Привислинскомъ краѣ и въ западныхъ губерніяхъ. Пищу этимъ легендамъ давали главнымъ образомъ дѣло кѣлецкой семинаріи и происшествіе въ Крожахъ Ковенской губ. Въ городѣ Кѣльцахъ была временно закрыта католическая духовная семинарія, такъ какъ обнаружилось что въ ней исторія и географія Россіи преподаются въ самомъ извращенномъ видѣ и что кѣлецкіе семинаристы не столько поютъ духовные гимны, сколько польскія революціонныя пѣсни. Конечно, польскіе агитаторы доказывали что ничего подобнаго не было, а временное закрытіе семинаріи называли „актомъ неслыханной несправедливости и насилія“. Крожское происшествіе заключалось въ слѣдующемъ: въ мѣстечкѣ Крожахъ Ковенской губ. было два костела изъ которыхъ одинъ принадлежавшій упраздненному въ 60-хъ годахъ монастырю предполагалось въ виду незначительнаго числа жителей въ Крожахъ закрыть съ тѣмъ чтобы монастырское зданіе перестроить подъ помѣщеніе школы. Латинскіе агитаторы подстрекнули по этому поводу крожское латинское населеніе къ беспорядкамъ. При усмиреніи этихъ беспорядковъ никто убитъ не былъ, а между тѣмъ агитаторы раздули это происшествіе и создали легенды о сотняхъ раненыхъ и убитыхъ.

Начавъ съ толковъ о вѣротерпимости и разумья подъ нею предоставленіе латинскому духовенству полной свободы вести религіозно-политическую пропаганду, польскіе агитаторы перешли затѣмъ отъ разговоровъ о мнимомъ угнетеніи въ Россіи латинства къ разговорамъ о такомъ же мнимомъ преслѣдованіи у насъ польскаго языка и всего польскаго.

Уходъ въ концѣ 1894 года І. В. Гурко вслѣдствіе долговременной болѣзни съ поста варшавскаго генераль-губернатора съ производствомъ его въ генераль-фельдмаршалы агитаторы старались истолковать какъ побѣду надъ „системой Гурко“ и послѣ этого еще смѣлѣе повели свою агитацію. За границей явился рядъ брошюръ на русскомъ языкѣ объ угнетеніи у насъ латинства и Поляковъ, на эту же тему посыпались статьи во многихъ русскихъ повременныхъ изданіяхъ. Но ближайшій преемникъ І. В. Гурко въ Варшавѣ графъ П. А. Шуваловъ не поддался вліянію этой агитаціи и выработалъ нѣсколько весьма важныхъ проектовъ въ духѣ дальнѣйшаго упроченія русской государственности въ Привислинскомъ краѣ. Къ сожалѣнію, болѣзнь графа, уклоненіе нѣкоторыхъ его ближайшихъ сотрудниковъ отъ его намѣреній и скорый уходъ его вслѣдствіе болѣзни изъ Варшавы помѣшали осуществленію его проектовъ.

Съ назначеніемъ въ Варшаву князя Имеретинскаго польская аги-

тація усилилась еще болѣе, и нельзя сказать чтобы она осталась безъ вліянія на ходъ дѣла въ Привислиньѣ. Были даже моменты, когда казалось что извѣстный афоризмъ о Полякахъ: „ничего не за- были, ничему не научились“, можетъ быть примѣненъ къ намъ въ формѣ: „все равно ничему не научились“. Но во второй половинѣ своего 3 $\frac{1}{2}$ -лѣтняго пребыванія въ Варшавѣ князь Имеретинскій сталъ замѣтно сворачивать съ того пути по которому онъ пошелъ было въ началѣ своего управленія Привислинскимъ краемъ.

Однимъ изъ главныхъ, надежнѣйшихъ и испытанныхъ средствъ политическаго объединенія является общій государственный языкъ. Постепенное введеніе русскаго языка въ дѣлопроизводство правительственныхъ учрежденій и въ школы Привислинья было начато въ 1831 году княземъ Паскеничемъ, но затѣмъ въ началѣ 60-хъ годовъ, во время владычества маркиза Велепольскаго, онъ былъ совершенно изгнанъ изъ здѣшняго края, и его пришлось вводить вновь во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ тогдашнимъ организаторамъ Привислинскаго края Н. А. Милютину и кн. Черкасскому. І. В. Гурко расширилъ сферу примѣненія государственнаго языка, строго наблюдалъ чтобы русскій языкъ употреблялся въ правительственныхъ учрежденіяхъ не только при письменныхъ, но и при устныхъ сношеніяхъ, чтобы правительственныя учрежденія здѣсь были вполне русскими, и стремился чтобы русское слово всѣмъ было понятно въ Привислиньѣ. При графѣ Шуваловѣ употребленіе русскаго языка было распространено: онъ былъ введенъ въ дѣлопроизводство кредитныхъ учрежденій. При князѣ Имеретинскомъ состоялось примѣненіе русскаго языка къ акціонернымъ обществамъ, но на ряду съ этимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ расширенія сферы примѣненія государственнаго языка въ послѣднее время значительно больше чѣмъ прежде стало замѣчаться нежеланіе Поляковъ объясняться въ правительственныхъ учрежденіяхъ по-русски, и теперь въ привислинскихъ губерніяхъ немало такихъ казенныхъ учрежденій въ которыхъ не услышишь русскаго слова.

Въ концѣ 1897 года въ виду явнаго пренебреженія оказываемаго Поляками русскому языку князь Имеретинскій издалъ циркуляръ подтверждавшій обязательность употребленія въ правительственныхъ учрежденіяхъ русскаго языка. Циркуляръ этотъ разосланный губернаторамъ Привислинскаго края почему-то не былъ разосланъ правительственнымъ учрежденіямъ Варшавы, а между тѣмъ и во многихъ варшавскихъ казенныхъ учрежденіяхъ въ послѣдніе годы полно-властно господствуетъ польскій языкъ.

Попытки польскихъ агитаторовъ ослабить значеніе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Привислинскаго края не дали желанныхъ

для нихъ результатовъ, хотя и въ этомъ отношеніи они добились кое-чего. А вмѣстѣ съ тѣмъ, къ сожалѣнію, введеніе русскаго языка, какъ языка преподаванія въ мѣстныхъ католическія семинаріи, и подчиненіе этихъ семинарій болѣе дѣйствительному правительственному контролю мало подвинулись впередъ. Семинаріи и католическое духовенство по-прежнему сохраняютъ антирусскій духъ. Недавно произошла случай ярко свидѣтельствующій о дерзости ксендзовъ.

Въ Сохачевскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи появился конокрадъ, о которомъ уѣздныя власти получили свѣдѣніе что онъ скрывается у одного изъ деревенскихъ ксендзовъ, Станчука. Начальникъ земской стражи, то-есть, начальникъ уѣздной полиціи отправился къ этому ксендзу и, не заставъ его дома, сказалъ экономкѣ ксендза что подождать его. Въ ожиданіи ксендза начальникъ земской стражи отстегнулъ шапку и револьверъ и сталъ пить поданный экономкою чай. Вскорѣ онъ замѣтилъ подозрительный шорохъ въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ находился большой шкафъ, и наконецъ услышалъ что кто-то выскочилъ изъ шкафа. Тогда начальникъ пошелъ въ сосѣднюю комнату, но экономка ксендза засыпала ему глаза табакомъ. Скрытый экономкою конокрадъ успѣлъ убѣжать, а начальникъ земской стражи, протеревъ глаза, схватилъ экономку, но послѣдняя стала драться съ нимъ. Въ это время пріѣхалъ ксендзъ Станчукъ которому экономка заявила что пріѣхавшій начальникъ земской стражи ухаживаетъ за ней и дерется. Ксендзъ созвалъ народъ и приказалъ связать начальника стражи. Начальникъ пытался убѣдить крестьянъ и бывшаго ихъ сотскаго что они обязаны слушаться его, а не ксендза, но крестьяне послушались ксендза, и начальникъ земской стражи былъ связанъ и въ такомъ видѣ посаженъ на бричку въ которую затѣмъ вскочилъ ксендзъ и сталъ душить начальника. Наконецъ его отвезли въ уѣздный городъ къ судебному слѣдователю который немедленно отправилъ начальника земской стражи и его конвоировъ въ уѣздное управленіе, гдѣ былъ составленъ протоколъ обо всемъ случившемся.

Главною виновницей этого происшествія, какъ видно изъ сказаннаго, была экономка ксендза. Почти при каждомъ ксендзѣ въ Привислинскомъ краѣ состоитъ экономка, и эти экономки имѣютъ весьма деморализующее во многихъ отношеніяхъ вліяніе на населеніе. Въ послѣднее время въ Варшавѣ появилось на польскомъ языкѣ нѣсколько книгъ и брошюръ о вредѣ безбрачія католическаго свѣтскаго духовенства. Эти книги и брошюры призываютъ Поляковъ отпасть отъ латинства которое навлекло на нихъ много бѣдъ. Но это антикатолическое движеніе пока ограничилось появленіемъ нѣсколькихъ книгъ и брошюръ и врядъ-ли можно съ нимъ серьезно считаться.

Въ началѣ 70-хъ годовъ былъ моментъ когда довольно большая группа ксендзовъ съ прихожанами готова была отпасть отъ Рима, но тогдашній намістникъ графъ Бергъ, къ сожалѣнію, не поддержалъ этихъ ксендзовъ.

II.

Покойному князю Имеретинскому приходилось довольно часто налагать наказанія на ксендзовъ за несоблюденіе правилъ о богослуженіяхъ въ царскіе дни, за латинскую пропаганду среди бывшихъ униатовъ и за другія нарушенія закона. Главнымъ образомъ ксендзы наказывались наложеніемъ на нихъ денежныхъ штрафовъ въ 50, 100, 200 рублей, но эти штрафы мало устрашали ихъ, такъ какъ уплачивались за нихъ богатыми прихожанами. Не останавливаясь предъ возможностью уплаты штрафа, ксендзы вели въ послѣдніе годы усиленную пропаганду въ Русскомъ Забужьѣ. Въ этой области до 300,000 Русскихъ. Забужье раздѣляется рѣчкою Владавой на двѣ части: сѣверную, Подляшье, и южную, Холмскую Русь. Объединяющимъ ихъ центромъ является бывший столичный городъ галицко-русскихъ князей Холмъ которому принадлежитъ первенствующее значеніе въ историческихъ судьбахъ этой области и къ которому тяготеютъ обѣ половины ея. Въ первой изъ нихъ населеніе состоитъ изъ Малороссовъ, а во второй изъ Малороссовъ и Бѣлороссовъ. Въ виду того значенія которое имѣлъ въ историческихъ судьбахъ русскаго Забужья и отчасти имѣетъ до сихъ поръ городъ Холмъ, возникъ вопросъ объ образованіи Холмской губерніи въ составъ которой вошли бы русскіе уѣзды здѣшняго края. Вопросъ этотъ возбужденъ давно. Уже въ концѣ 60-хъ годовъ вскорѣ послѣ новаго раздѣленія на губерніи Привислинскаго края (на 10 вмѣсто 5-ти, какъ было раньше) былъ предложенъ проектъ выдѣленія уѣздовъ съ русскимъ населеніемъ въ особую Холмскую губернію. Тогда этотъ проектъ не получилъ движенія, но не былъ забытъ и время отъ времени выдвигался на очередь.

Графъ П. А. Шуваловъ энергично двинулъ этотъ проектъ впередъ, и при немъ по этому проекту послѣдовала Высочайшая резолюція. Съ осуществленіемъ его русское населеніе Забужья будетъ объединено въ административномъ отношеніи, благодаря чему борьба противъ ополяченія и окатоличенія Холмщины и Подляшья будетъ значительно облегчена.

Близкій къ осуществленію при графѣ Шуваловѣ проектъ образованія Холмской губ. былъ отложенъ при князѣ Имеретинскомъ. Когда князь вскорѣ послѣ назначенія его варшавскимъ генералъ-губерна-

торомъ объѣзжалъ Привислинскій край, въ городѣ Съдлецѣ явилась къ нему депутація съ богатымъ съдлецкимъ землевладѣльцемъ Л. Гурскимъ во главѣ. Г. Гурскій пользуется большимъ вліяніемъ въ Привислинскомъ краѣ. Депутація во главѣ которой онъ находился обратилась къ князю съ нѣсколькими ходатайствами и, между прочимъ, просила его о сохраненіи Съдлецкой губерніи которую предполагается упразднить въ случаѣ образованія Холмской. И хотя состоявшая при варшавскомъ генераль-губернаторѣ особая комісія подъ предсѣдательствомъ бывшаго помощника его (нынѣ сенатора) кн. А. Д. Оболенскаго подробно разработала проектъ учрежденія Холмской губерніи, тѣмъ не менѣе при князѣ Имеретинскомъ этому проекту не было дано дальнѣйшаго движенія.

Насколько извѣстно, вопросъ о Холмской губерніи при графѣ Шуваловѣ былъ поставленъ такъ, что ее предполагалось оставить въ предѣлахъ Привислинскаго края. Конечно, и учрежденіе этой губерніи съ оставленіемъ ея въ предѣлахъ Привислиня было-бы большимъ шагомъ впередъ по пути располиченія Холмско-Подляшской Руси, но выдѣленіе ея изъ варшавскаго генераль-губернаторства съ отнесеніемъ къ кievскому къ которому она принадлежит по своему этнографическому характеру еще болѣе помогло бы достиженію намѣченной цѣли. Отнесеніе Холмской губерніи къ Юго-Западному краю и присоединеніе литовскихъ уѣздовъ Сувальской губерніи къ Ковенской губерніи виленскаго генераль-губернаторства внесло бы полное единство въ мѣропріятія правительства по располиченію западно-русскихъ и литовскихъ земель. Отдѣленіе литовскихъ уѣздовъ отъ Привислинскаго края и присоединеніе ихъ къ виленскому генераль-губернаторству предполагались ужь очень давно, въ царствованіе императора Николая I, затѣмъ, когда вспыхнуло возстаніе 1863 года, эти уѣзды были временно присоединены къ виленскому генераль-губернаторству, а потомъ опять перешли въ варшавское, но въ военномъ отношеніи отнесены теперь къ виленскому военному округу, такъ, какъ имѣютъ гораздо болѣе удобное сообщеніе съ Вильной чѣмъ съ Варшавой.

Вообще существующее нынѣ раздѣленіе Привислинскаго края на губерніи временно введенное въ 1867 году слѣдовало бы замѣнить новымъ, о чемъ не разъ возникалъ вопросъ. Наканунѣ кончины князя Имеретинскаго этотъ вопросъ разсматривался въ особомъ совѣщаніи подъ его предсѣдательствомъ, но князь энергично высказался противъ новаго дѣленія. Намъ неизвѣстенъ въ подробностяхъ разсматривавшійся въ этомъ совѣщаніи проектъ новаго дѣленія составленный калишскимъ губернаторомъ Дараганомъ. Быть можетъ этотъ проектъ имѣетъ существенные недостатки, но нѣтъ никакой надобности сохранять тѣ маленькія губерніи которыя существуютъ теперь въ При-

вслинѣ. Ссылка на особыя политическія условія ничего не доказываетъ, ибо умѣлъ же съ успѣхомъ управлять Привислинѣмъ князь Паскевичъ, установивъ раздѣленіе края всего на 5 губерній, а вѣдь въ его время не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ. Нынѣшнее дѣленіе на 10 губерній принято временно въ 1867 году обходится дорого и усложняетъ дѣятельность высшаго управленія края. Присоединивъ проектируемую Холмскую губернію къ кievскому генералъ-губернаторству, а литовскіе уѣзды Сувалкской губ. къ Ковенской, остальное пространство Привислинскаго края можно раздѣлять на 4 губерніи: Варшавскую, Калишскую (или Лодзанскую), Радомскую и Плоцкую.

III.

Противники присоединенія проектируемой Холмской губерніи къ Юго-Западному краю и литовскихъ уѣздовъ Сувалкской губ. къ Сѣверо-Западному указываютъ на то что въ Привислинскомъ краѣ дѣйствуетъ кодексъ Наполеона, а въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краяхъ общіе русскіе гражданскіе законы. Второе препятствіе противники этой реформы видятъ въ томъ что въ Привислинскомъ краѣ дѣйствуетъ изотечное право, и что существующее въ этомъ краѣ земское кредитное общество выдаетъ ипотечныя ссуды, которыми обременены многія имѣнія находящіяся въ Холмщинѣ и Подляшѣ и въ литовскихъ уѣздахъ Сувалкской губерніи. Это препятствія съ которыми, правда, приходится считаться, но ихъ нельзя считать непреодолимыми и значеніе ихъ умалается въ виду ожидаемаго въ скоромъ времени изданія новаго гражданскаго уложенія которое если не всецѣло, то въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ будетъ введено во всемъ Привислинскомъ краѣ. Но если отдѣленіе русскихъ и литовскихъ уѣздовъ отъ Привислинскаго края представляетъ извѣстныя, впрочемъ, вполне преодолимыя затрудненія въ виду дѣйствія въ Привислинѣ кодекса Наполеона и ипотечнаго права, то для образованія Холмской губерніи эти препятствія не существуютъ, хотя противники учрежденія Холмской губ. и увѣрляютъ что учрежденіе ея произведетъ крайнюю путаницу въ дѣлахъ земскаго кредитнаго общества выдающаго ипотечныя ссуды. Почему? Когда это общество было основано, Привислинскій край дѣлился на 8 воеводствъ, въ 40-хъ годахъ онъ былъ раздѣленъ на 5 губерній, въ 1867 на 10 губерній. Сообразно съ измѣненіемъ числа губерній мѣнялось число губернскихъ дирекцій. Если въ теченіе 80-лѣтняго существованія общества

два раза измѣнялось дѣленіе Привислинья на губерніи, то отчего же теперь нельзя опять измѣнить этого дѣленія?

Читатель незнакомый съ устройствомъ и жизнью Привислинскаго края, вѣроятно, поинтересуется узнать что это за земское кредитное общество интересы котораго столь предупредительно принимаются во вниманіе при разсмотрѣніи важныхъ административныхъ вопросовъ. Это общество взаимнаго кредита основанное въ 20-хъ годахъ XIX вѣка по повелѣнію императора Александра I. Такъ какъ со времени принадлежности территоріи нынѣшняго Привислинскаго края Пруссіи (1795—1806) въ немъ дѣйствуетъ ипотека, то земское общество выдаетъ ипотечныя ссуды. Предсѣдателемъ общества состоитъ чиновникъ Министерства Финансовъ по назначенію. Общество пользуется многими правами правительственныхъ учрежденій. Чиновники общества и выѣздняя должностныя лица его носятъ дворянскіе мундиры и считаются на государственной службѣ. Хотя уставъ общества не возбраняетъ выдавать ссуды подъ залогъ недворянскихъ земель, тѣмъ не менѣе de facto это общество является вполнѣ шляхетскимъ и можетъ быть названо польскимъ дворянскимъ банкомъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ дѣлопроизводство его введенъ русскій языкъ, причѣмъ повелѣно выбирать въ должностныя лица общества только людей знающихъ русскій языкъ, но собранія членовъ-заемщиковъ общества и теперь происходятъ на польскомъ языкѣ. Общество это пользуется громаднымъ вліяніемъ въ Привислинѣ и является хранителемъ польско-патріотическихъ традицій. Власть назначаемаго министромъ Финансовъ, по соглашенію съ варшавскимъ генераль-губернаторомъ, предсѣдателя его весьма незначительна и de facto дѣлами общества руководитъ выборный комитетъ, во главѣ котораго уже много лѣтъ стоятъ г. Людвикъ Гурскій, помѣщикъ Сѣдлецкой губерніи находившійся во главѣ депутаціи которая просила князя Имеретинскаго не упразднить Сѣдлецкой губерніи, безъ чего не можетъ совершиться учрежденіе Холмской. Въ началѣ 90-хъ годовъ на страницахъ *Варшавскаго Дневника* выступилъ съ весьма рѣзкими разоблаченіями дѣятельности „земскаго кредитнаго общества“ бывшій офицеръ Полякъ К. В. Снѣшко-Блоцкій. Земское кредитное общество привлекло г. Блоцкаго къ судебной отвѣтственности за диффамачію, но варшавская судебная палата оправдала его, а вскорѣ послѣ этого послѣдовало распоряженіе о введеніи русскаго языка въ дѣлопроизводство общества. Поляки провозгласили г. Блоцкаго измѣнникомъ. Разоблаченія г. Снѣшко-Блоцкаго дали поводъ одному должностному лицу ознакомиться съ дѣятельностью общества и выработать проектъ преобразования. Дворянство не имѣетъ въ Привислинскомъ краѣ сословнаго устройства, предводителя дворянства нѣтъ. Дворянская организація упразднена со вре-

мени послѣдняго польскаго возстанія, но на дѣлѣ земское кредитное общество создало сплоченную и прочную польскую дворянскую организацію, и предсѣдатели губернскихъ дирекцій этого общества съ предсѣдателемъ его комитета г. Гурскимъ являются руководителями польской шляхты, давая ей тонъ. Исходя изъ этихъ вполне вѣрныхъ положеній, авторъ проекта преобразования земскаго кредитнаго общества предлагалъ установить въ Привислинскѣ должности предводителей дворянства по назначенію на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ онѣ существуютъ въ Юго-Западномъ и Сѣверо-Западномъ краяхъ, а земское кредитное общество обратить исключительно въ кредитное учрежденіе, измѣнивъ соотвѣтственно съ этою цѣлю его уставъ и упразднивъ многія выборныя должности въ этомъ обществѣ созданныя для поддержанія его вліянія и дорого оплачиваемыя, что ложится бременемъ на его членовъ-заемщиковъ.

Кромѣ земскаго кредитнаго общества въ Привислинскомъ краѣ существуетъ еще нѣсколько обществъ которыя не должны быть оставлены безъ вниманія. Недавно, на примѣръ, возникло въ Варшавѣ гигиеническое общество. Казалось бы, какое полезное учрежденіе, но на первыхъ же порахъ оно подогнало подъ гигиену всевозможные вопросы и стало заниматься не столько гигиеною, сколько посторонними вопросами. Для характеристики того какъ понимаетъ задачи гигиены одинъ изъ сильныхъ дѣятелей этого общества, бывшій профессоръ варшавскаго университета Барановскій, оставившій варшавскій университетъ нѣсколько лѣтъ тому назалъ, потому что приглашенный въ судъ въ качествѣ свидѣтеля онъ демонстративно отказался давать показанія на русскомъ языкѣ, приведемъ вкратцѣ содержаніе его рѣчи недавно сказанной имъ въ Краковѣ на сѣздѣ польскихъ врачей и естествоиспытателей. Г. Барановскій проводилъ мысль что улучшеніе санитарно-гигиеническихъ условій имѣетъ весьма важное значеніе въ вопросѣ о дальнѣйшемъ существованіи польскаго народа. Предлагая варшавскому гигиеническому обществу заняться борьбою противъ чахотки, онъ говорилъ: „мы знаемъ что на этомъ пути мы не можемъ сдѣлать всего и всего достигнуть. Но хотя не все, сдѣлать можно немало, и этотъ путь для насъ доступенъ, между тѣмъ какъ другіе закрыты. Начатой въ этомъ направленіи дѣятельности никто противиться не будетъ и не можетъ, никто не найдетъ борьбы противъ чахотки опасной, позволять развиваться этой борьбѣ, благодаря чему мы приобрѣтемъ путь для успѣшнаго дѣйствія въ дѣлѣ которое, по нашему мнѣнію, считаемъ важнымъ общественнымъ дѣломъ. *Mens sana in corpore sano*: существованіе нашего народа, наша будущность зависятъ отъ правильнаго общественнаго развитія, а первымъ условіемъ этого развитія является здоровье духовное и

физическое народной массы". А чтобъ съ успѣхомъ достигнуть намѣченныхъ задачъ, по мнѣнію г. Барановскаго необходимо, сплоченіе польскаго общества. Привислинскій край, по его словамъ, теперь обратился изъ земледѣльческой страны въ промышленную, а потому у Поляковъ долженъ стоять на первомъ планѣ рабочій вопросъ, а потому Поляки должны теперь, особенно теперь заботиться объ улучшеніи санитарно-гигіеническихъ условій рабочаго класса и о проsvщеніи его.

Вотъ какова програма предложенная варшавскому гигиеническому обществу г. Барановскимъ, голосъ котораго у Поляковъ вообще и у польскихъ врачей въ особенности пользуется большимъ авторитетомъ.

Постоянныя попытки варшавскаго гигиеническаго общества выйдти изъ области гигиѣны понудили покойнаго князя Имеретинскаго командировать на засѣданія этого общества варшавскаго врачебнаго инспектора. Немало также пришлось покойному князю бороться съ варшавскимъ благотворительнымъ обществомъ которое завело тайныя школы и изъ своихъ читаленъ выдавало простонародію книжки польско-патріотическаго и соціалистическаго содержанія. Къ сожалѣнію, князь оставилъ безъ вниманія варшавское отдѣленіе „Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ“. Это отдѣленіе находится въ полной, можно сказать, независимости отъ центральныхъ органовъ общества и имѣетъ мало общаго съ русской промышленностью и торговлей. Оно тоже постоянно выходитъ изъ своей програмы и весьма склонно къ политиканству. Во всѣ эти общества слѣдовало бы назначить членовъ отъ правительства и обязательно ввести русскій языкъ который нѣсколько отрезвлялъ бы польскихъ ораторовъ. Даже спортивные общества въ Привислинскомъ краѣ, а также пѣвческія и музыкальныя обнаруживаютъ стремленіе къ политиканству и польско-патріотической пропагандѣ. Особенно отличалось въ этомъ отношеніи варшавское гребное общество. Привислинскія спортивные общества хотя бы уподобиться французскимъ гимнастическимъ, которыя гимнастику связываютъ съ идеей реванша, и идти рука объ руку съ галицко-польскимъ гимнастическимъ обществомъ „Соколы“ которое открыто заявляетъ что Поляки должны заботиться о своемъ физическомъ развитіи чтобы быть готовыми постоять грудью за независимость Польши въ удобный моментъ. А пѣвческія и музыкальныя общества стараются „будить духъ народа“. Въ первое время своего нахождения на посту варшавскаго генералъ-губернатора князь разрѣшилъ съѣздъ Привислинскихъ пѣвческихъ обществъ, но на этомъ съѣздѣ полились такія рѣчи и пѣсни что дальнѣйшіе съѣзды не были позволены.

IV.

Положеніе крестьянъ въ Привислинскомъ краѣ лучше чѣмъ во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Въ 1864 году они были щедро надѣлены землею. Въ настоящее время въ Варшавѣ образована особая комисія по улучшенію быта привислинскихъ крестьянъ задачей которой является облегчить безземельнымъ крестьянамъ приобрѣтеніе земельныхъ участковъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Привислиня сильно развилось переселеніе крестьянъ въ Сѣверную Америку и, главнымъ образомъ, въ Бразилію. Были случаи переселенія привислинскихъ крестьянъ въ Сибирь, но дѣло переселенія въ Сибирь привислинскихъ крестьянъ вовсе не упорядочено. Вопросъ этотъ теперь разрабатывается въ комисіи по улучшенію быта привислинскаго крестьянства.

Вслѣдствіе различныхъ причинъ часть крестьянъ обезземелилась въ Привислинскомъ краѣ послѣ 1864 года. Многіе изъ обезземеленныхъ нашли себѣ заработокъ въ городахъ и на фабрикахъ благодаря быстрому росту городовъ и фабричной промышленности въ послѣднія 35 лѣтъ, но такъ какъ крестьянское населеніе въ эти 35 лѣтъ увеличилось весьма значительно, то въ деревняхъ такихъ осталось не мало безземельныхъ.

Въ послѣдніе годы со стороны польскихъ агитаторовъ дѣлались различныя попытки вовлечь крестьянство и фабричныхъ рабочихъ въ „польскую справу“. Въ деревняхъ они успѣха не имѣли, но, къ сожалѣнію, нельзя сказать того же относительно фабричныхъ. Въ Галиціи польскій социализмъ связывающій польскую справу съ социализмомъ сдѣлалъ большія завоеванія среди крестьянъ и рабочихъ, и въ средѣ привислинскихъ рабочихъ онъ къ прискорбію достигъ нѣкоторыхъ результатовъ. Въ виду того что польскіе агитаторы обратили теперь особенное вниманіе на крестьянъ и фабричныхъ рабочихъ, при графѣ П. А. Шуваловѣ былъ разработанъ проектъ устройства библиотекъ для простонародья. Этотъ проектъ получилъ осуществленіе при князѣ Имеретинскомъ. Въ библиотеки допускаются русскія и польскія книги разсмотрѣнныя особою комисіей при варшавскомъ генераль-губернаторѣ. Кромѣ того основанъ народный журналъ „Освята“ на польскомъ языкѣ. При графѣ Шуваловѣ этотъ журналъ предполагалось издавать на русскомъ и польскомъ языкахъ, но, къ сожалѣнію, князь Имеретинскій устранилъ русскій языкъ изъ него. Это надо признать крупною ошибкой, такъ какъ многіе крестьяне охотно читали бы по-русски, а возвращающіеся изъ военной службы часто читаютъ по-русски, не умѣя читать по-польски. Утвер-

ждають что ксендзы запретятъ читать этотъ журналъ, если онъ будетъ печататься по-русски и по-польски, но неужели же вліяніе ксендзовъ сильнѣе вліянія русской государственной власти?

Извѣстному успѣху социалистическихъ бредней среди привислинскихъ рабочихъ, безъ сомнѣнія, содѣйствуетъ наплывъ въ Привислины германскихъ рабочихъ зараженныхъ социализмомъ. Къ сожалѣнію, на наплывъ въ Привислинскій край германскихъ Нѣмцевъ послѣ ухода І. В. Гурко изъ Варшавы не обращалось должнаго вниманія. Правда, среди самихъ Поляковъ началась сильная агитація въ послѣдніе годы противъ Нѣмцевъ, но эта агитація не остановила наплыва Нѣмцевъ, а лишь повела къ сближенію привислинскихъ Нѣмцевъ съ Поляками. Лодзинскіе нѣмецкіе фабриканты поддерживавшіе раньше въ Лодзи русскую газету *Лодзинскій Листокъ* и русскія благотворительныя учрежденія повернули въ другую сторону и, отказывая въ поддержкѣ русской газетѣ и русскимъ благотворительнымъ учрежденіямъ, обратились въ „польскихъ патріотовъ“ и дали средства на основаніе въ Лодзи нѣсколькихъ польскихъ печатныхъ органовъ.

Покойный князь Имеретинскій часто заявлялъ въ Варшавѣ что онъ не любитъ ксендзовъ и Евреевъ; но онъ не умѣлъ затормозить вреднаго вліянія ни тѣхъ, ни другихъ. Всячески поощряя промышленное развитіе Привислинья, покойный князь упускалъ изъ вида что это развитіе въ той формѣ въ какой оно здѣсь совершается ведетъ къ успѣхамъ еврейской спекуляціи и усиливаетъ эксплуатацію Евреями населенія. Богатые привислинскіе Евреи съ успѣхомъ разыгрывали въ послѣдніе годы роль польскихъ патріотовъ и принимали видное участіе въ разныхъ польскихъ торжествахъ имѣвшихъ цѣлю „будить духъ“ польскаго народа, какъ, напримѣръ, въ открытіи памятника Мицкевичу и въ празднованіи юбилея Сенкевича.

Однимъ изъ орудій вліянія богатаго еврейства на Поляковъ является варшавская польская печать. Князь Имеретинскій въ первое время своего управленія Привислинскимъ краемъ предоставилъ этой печати весьма широкую свободу, разрѣшивъ ей даже критиковать дѣйствія русскихъ властей, но въ скоромъ времени въ виду ея шовинизма онъ долженъ былъ взять обратно многія предоставленныя ей льготы и хлопотать о наказаніи нѣкоторыхъ органовъ польской печати за рѣзкія антирусскія выходки. Но эти повторяющіяся время отъ времени выходки лишь разоблачаютъ ту постоянную тайную антирусскую пропаганду которую неустанно, прибѣгая къ разнымъ ухищреніямъ, ведетъ эта печать.

V.

Въ первое время своего управленія Привислинскимъ краемъ покойный князь Имеретинскій составилъ проектъ учрежденія совѣта при варшавскомъ генераль-губернаторѣ съ участіемъ представителей отъ населенія. Этотъ проектъ польскаго сейма, конечно, не имѣлъ успѣха, и вмѣсто проектированнаго княземъ совѣта при варшавскомъ генераль-губернаторѣ было образовано совѣщаніе изъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ. На обсужденіе совѣщанія передаются дѣла по усмотрѣнію генераль-губернатора. Въ совѣщаніе допускаются въ качествѣ свѣдущихъ людей представители земледѣлія, промышленности и торговли. Конечно, и предшественники князя Имеретинскаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ совѣщались съ высшими мѣстными должностными лицами и приглашали иногда въ качествѣ свѣдущихъ лицъ представителей земледѣлія, промышленности и торговли.

Замыслы князя Имеретинскаго ввести въ Привислинѣ земское и городское самоуправленіе по ближайшемъ ознакомленіи его съ Привислинскимъ краемъ были оставлены, но реформа городского управленія въ Привислинѣ, дѣйствительно, желательна, хотя вовсе не въ томъ духѣ въ какомъ проектировалъ ее покойный князь. Привислинскіе городскіе магистраты учрежденные прусскимъ правительствомъ въ эпоху принадлежности территоріи Привислинья Пруссіи безспорно устарѣли. Крайняя централизація городского управленія въ губернскихъ правленіяхъ ведетъ лишь къ усложненію переписки. Оклады содержанія чиновъ городскихъ магистратовъ совершенно ничтожны, и магистратскіе чиновники на эти оклады жить не могутъ. Хотя съ 60-хъ годовъ дѣлопроизводство магистратовъ ведется на русскомъ языкѣ, но русскаго слова въ нихъ не услышишь. Варшавскій магистратъ не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи.

При князѣ Имеретинскомъ былъ также поднятъ давно уже назрѣвшій вопросъ о реформѣ привислинской уѣздной полиціи. Здѣшняя уѣздная полиція организована въ 60-хъ годахъ и носитъ названіе земской стражи. При учрежденіи земской стражи имѣлось въ виду дать ей такое устройство чтобы она могла бороться съ повстанскими шайками въ случаѣ ихъ появленія. Въ настоящее время устройство ея совершенно устарѣло, личный составъ ея вслѣдствіе весьма незначительныхъ окладовъ содержанія неудовлетворителенъ и въ виду сильнаго увеличенія въ Привислинскомъ краѣ населенія въ послѣднія 35 лѣтъ и развитія здѣсь фабрично-заводской промышленности она оказывается крайне малочисленною. Съ появлявшимися въ послѣднее время въ Привислинѣ разбойничьими шайками земская

стража оказалась совсѣмъ не въ силахъ бороться. До сихъ поръ вопросъ о реформѣ земской стражи не рѣшенъ. Между тѣмъ весьма желательно ускорить рѣшеніе этого вопроса и придать привислинской уѣздной полиціи, усиливъ ея личный составъ, общеперское русское устройство.

Весьма важный возбужденный при князѣ Имеретинскомъ вопросъ о кодификаціи мѣстныхъ узаконеній до сихъ поръ не рѣшенъ. Онъ находится на разсмотрѣніи особой комисіи председателемъ которой сначала состоялъ бывшій прокуроръ варшавской судебной палаты Е. Ф. Турау (нынѣ сенаторъ), а теперь состоитъ товарищъ прокурора варшавской судебной палаты Помяновскій (Полякъ). Е. Ф. Турау въ первое время управленія Привислинскимъ краемъ княземъ Имеретинскимъ стоялъ очень близко къ князю. Дѣло кодификаціи мѣстныхъ узаконеній, конечно, весьма важно, но вопросъ въ томъ будетъ ли оно произведено въ русскомъ объединительномъ направленіи, или же такъ какъ была произведена кодификація финляндскихъ законовъ. Будемъ надѣяться что возьметъ перевѣсъ въ этомъ дѣлѣ объединительное направленіе. На такой исходъ этого дѣла даетъ основаніе надѣяться какъ то обстоятельство что нѣкоторые опыты послѣдняго времени не имѣвшіе государственно-объединительнаго характера дали неудачные результаты, такъ и то что Министерство Юстиціи, какъ это видно изъ его проекта переустройства судебной части въ Привислинскомъ краѣ въ связи съ общою реформой судебной части въ Россіи, твердо стоитъ на государственно-объединительной почвѣ. Многіе факты даютъ право заключить что временному ослабленію государственно-объединительныхъ тенденцій въ Привислиньѣ настала конецъ, и что достиженіе русскихъ государственныхъ цѣлей не будетъ болѣе затуманиваться сентиментальными разговорами о „примиреніи“, которые на дѣлѣ ведутъ вовсе не къ польско-русскому сближенію, а къ разъединенію и усиленію польскаго сепаратизма.

VI.

Покойный фельдмаршалъ І. В. Гурко оставилъ въ Варшавѣ прекрасный памятникъ своей дѣятельности, заложивъ въ центрѣ города величественный православный соборъ. Будемъ надѣяться что вскорѣ Варшава украсится также памятникомъ этому дѣятелю съ изображеніемъ его могучей фигуры. Въ Варшавѣ поставленъ памятникъ Паскевичу, не разъ возбуждался вопросъ о постановкѣ въ этомъ городѣ памятниковъ императору Николаю І и Суворову. Нельзя не

пожелать также чтобы въ стѣнахъ нашего города возникъ памятникъ I. В. Гурко положившему столько труда на благо Привислинскаго края и тѣснѣйшее сплоченіе его съ внутреннею Россіей.

Покойный фельдмаршалъ укрѣпилъ въ Русскихъ и Привислинскомъ краѣ сознаніе что они Русскіе, что Привислинскій край часть Русскаго государства въ которой Русскіе должны себя чувствовать какъ дома. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе годы мало обращалось вниманія на укрѣпленіе русскаго элемента въ Привислиньѣ и облегченіе его положенія. Весьма мало было сдѣлано для увеличенія числа храмовъ въ Привислиньѣ вообще и въ Варшавѣ въ частности, а между тѣмъ повсюду въ этомъ краѣ чувствуется большой недостатокъ въ православныхъ храмахъ. Ополяченіе Русскихъ въ Привислиньѣ, особенно мелкихъ чиновниковъ, сдѣлало, къ сожалѣнію, въ послѣднее время замѣтные успѣхи. Учрежденіе въ Варшавѣ и въ другихъ привислинскихъ городахъ русскихъ общественныхъ центровъ и открытіе въ Варшавѣ постояннаго русскаго театра въ связи съ общимъ подъемомъ въ краѣ русскаго духа и значенія русскаго языка, вотъ главные мѣры для борьбы противъ ополяченія русскихъ въ Привислиньѣ. Одинъ изъ изслѣдователей русской жизни въ Варшавѣ пишетъ:

Благодаря средоточію въ Варшавѣ мѣстныхъ военныхъ, административныхъ, судебныхъ и учебныхъ властей, благодаря русской Профессорской корпораціи Русскіе составляютъ въ Варшавѣ теперь значительный процентъ образованнаго общества. Но, къ сожалѣнію, должное равновѣсіе между русскимиъ и польскимиъ элементами въ правительственной сферѣ до сихъ поръ не достигнуто и по-прежнему замѣчается подавленіе перваго послѣднимъ. Это обусловливается разными причинами: главнѣйшая изъ нихъ недостатокъ православныхъ церквей. Въ кварталѣ населенномъ преимущественно Русскими (отъ Мокотовской и Бельведерской заставы до Іерусалимской алеи) находится только одинъ православный храмъ (церковь лейбъ-гвардіи Литовскаго полка) значительно удаленный отъ многихъ пунктовъ этой части города и двѣ домовыя полковыя церкви изъ которыхъ одна помѣщается во флигелѣ зданія изъ-подъ табачной фабрики, а другая въ старомъ и убогомъ деревянномъ строеніи. Необходимость приходскаго храма въ этой части города ощущается уже давно и настоятельно; не менѣе необходима православная церковь въ нижней части города надъ Вислой, гдѣ ютятся бѣдный людъ. Такъ какъ въ привислинскомъ краѣ школы обще-русскаго типа, то русское среденаселеніе обезпечено въ отношеніи школь, а давно ощущавшаяся съ потребностью въ корпусѣ удовлетворена учрежденіемъ въ 1899 г., ходатайству генералъ-губернатора князя А. К. Имеретинскаго, шавскаго кадетскаго корпуса. Что же касается низшаго русскаго еленія, то было бы желательно открытіе въ Варшавѣ нѣсколькихъ церковно-приходскихъ школь (существуетъ всего одна). Но въ отношеніи школы среднее русское населеніе обезпечено, то противодѣйствія ополяченію Русскихъ въ Варшавѣ, особенно

молодежи, является весьма желательнымъ устройство постоянного русскаго театра. Это отсутствіе въ Варшавѣ русскаго театра и слабое развитіе русской повременной печати составляютъ одно изъ препятствій для установленія правильнаго равновѣсія между русскимъ и польскимъ элементами. (А. А. Сидоровъ, „Русскіе и Русская жизнь въ Варшавѣ“, выч. III. Врш. 1899 г. Стр. 184).

Привислинскій край вступаетъ теперь вслѣдствіе назначенія новаго генералъ-губернатора въ новый періодъ жизни. Дай Богъ чтобы всѣ его дѣйствительныя нужды нашли удовлетвореніе, а назрѣвшіе вопросы разрѣшеніе въ возможно скоромъ времени. Дай Богъ чтобы дальнѣйшая жизнь этой важной русской окраины пошла по истинно-русскому пути безъ колебаній и отступленій.

Л. Волевоѣ.

Письмо изъ Лондона.

Желтый вопросъ.—Концертъ державъ и посланники.—Англія и Германія.—
Англо-русское соглашеніе.

I.

Сэръ Робертъ Гартъ закончилъ свои статьи о Китаѣ. Въ февральской книжкѣ *Fortnightly Review* напечатана третья и послѣдняя статья въ которой онъ, повторяя прежде сказанное, пытается дать практическое рѣшеніе Желтаго вопроса. По его мнѣнію, необходимо предоставить Китаю развиваться свободно и самостоятельно, Европа должна отказаться отъ своей опеки надъ нимъ, отъ своихъ привилегій, европейцы въ Катаѣ должны подчиниться мѣстнымъ властямъ и указаніямъ, стать на одинъ уровень съ Китайцами, и тогда все пойдетъ прекрасно: Китайцы откроютъ европейцамъ свои внутренніе рынки, ненависть къ иностранцамъ уляжется, а торговля и промыслы будутъ развиваться благодаря законной и благодѣтельной конкуренціи.

Это заключеніе нѣсколько отзывается маниловщиною, и едва ли державы послѣдуютъ совѣту сэра Роберта, хотя можетъ быть для всего человѣчества было бы и покойнѣе и полезнѣе еслибы этотъ совѣтъ былъ данъ и принятъ въ началѣ прошлаго, а не нынѣшняго вѣка. Теперь же сдѣланнаго не передѣлаешь и подчинять европейцевъ китайскимъ узаконеніямъ не совсѣмъ удобно, пока въ Китаѣ не вывелись еще битые палками по пяткамъ, смертная казнь безъ суда, колодки, тюрьмы-клоповники и тому подобныя предѣсти тысячелѣтней упрощенной цивилизаціи. Сэръ Робертъ Гартъ ссылается на

примѣръ Японіи гдѣ европейцы отказались отъ своихъ привилегій, отъ права экстерриторіальности и подчинены мѣстнымъ судамъ, но Японія ввела у себя европейскій кодексъ и европейское судопроизводство, что сдѣлало подчиненіе сравнительно легкимъ, однако и оттуда раздается не мало жалобъ на примитивное устройство тюремъ являющихся прямо пыткой для европейскихъ преступниковъ.

Разумѣется, и Китай послѣ теперешняго кризиса значительно измѣнитъ свои допотопные порядки, начнутся реформы, улучшится судопроизводство и судоустройство, законы смягчатся, рѣзкое различіе между китайскимъ и европейскимъ законодательствами сгладится, и тогда будетъ вполне умѣстно принять совѣтъ почтеннаго знатока Китая, но пока говорить объ этомъ еще преждевременно.

Между тѣмъ, если вѣрить сѣру Роберту Гарту, инаго исхода нѣтъ и никакая опека, никакія силы не удержатъ Китая въ повиновеніи у Европы. „Въ тысячелѣтія исторической жизни Китая все бывало“, говоритъ онъ, „Китай покоряли различныя народности, онъ раздѣлялся на части, но и до сихъ поръ все тотъ же единый, самодовлѣющій Китай какимъ былъ тысячелѣтія тому назадъ. Раздѣльное соединялось. Теперь можно соединенное раздѣлить, но пройдутъ одно, два столѣтія, и оно опять соединится. Съ Китаемъ спорить нельзя“.

Дѣйствительно въ исторіи Китая „все бывало“, какъ говоритъ Бенъ Акиба, столѣтній равнинъ въ трагедіи *Уриель Акоста*, но изъ этого еще не слѣдуетъ чтобы не могло произойти что-либо новое, небывалое, въ родѣ постепеннаго поглощенія и асимилациі Китайцевъ болѣе дѣятельною и сильною народностью. За послѣднее тысячелѣтіе жизни Китая такая народность развилась и окрѣпла на сѣверѣ Европы и Азіи въ лицѣ Славяно-руссовъ. Нѣтъ сомнѣнія что ей придется столкнуться съ Китайцами, и тогда будущее покажетъ кто кого осилитъ, дряхлый ли, но умудренный опытомъ старецъ, или зрѣлый мужъ въ полномъ развитіи своихъ силъ и способностей. Трудно предсказать исходъ этой нынѣ начинающейся великой борьбы, но необходимо разъ навсегда уяснить себѣ что она неизбежна, необходимо исподволь и постоянно готовиться къ ней, и тогда надежда на побѣду болѣе молодой и дѣятельной рассы будетъ далеко не безъосновательна.

По пока еще что будетъ, а теперь повидимому державы не принимаютъ во вниманіе совѣтовъ сѣра Роберта Гарта, онъ не только не отказываются отъ опеки надъ Китаемъ, но напротивъ, строятъ крѣпость въ самомъ Пекинѣ для защиты своихъ посольствъ, для усиленія и укрѣпленія этой самой опеки которая такъ ненавистна Китайцамъ. Даже у самого сѣра Роберта Гарта отняли принадлежав-

шее ему усадебное мѣсто которое должно быть включено въ черту посольской крѣпости. Одновременно представители державъ въ Пекинѣ настойчиво требуютъ головъ китайскихъ сановниковъ виновныхъ въ бунтѣ противъ своихъ опекуновъ; изъ-за этихъ головъ представители западно-европейской цивилизаціи и христіанской гуманности жестоко торгуются съ представителями восточно-азіятскаго варварства, выторговывая для казни одну голову за другою. И нельзя сказать чтобы выигрышная роль въ этомъ торгѣ выпадала на долю цивилизованныхъ европейцевъ. Нѣтъ. Азіатамъ удается-таки отстоять то одну, то другую изъ обреченныхъ головъ, и если въ результатѣ люди не всегда спасаются отъ смерти, то по крайнѣй мѣрѣ позорная казнь замѣняется „благороднымъ“ самоубійствомъ.

Такой исходъ нравится далеко не всѣмъ европейцамъ, раздаются протесты и, разумѣется, во главѣ протестующихъ стоятъ, какъ всегда, наигуманнѣйшіе и свободолобивѣйшіе Англичане. На дняхъ еще пекинской корреспондентъ заслуженнаго органа великобританскаго лицемѣрія, газеты *Times*, Dr. Морисонъ возмущенно телеграфировалъ своей редакціи что „самоубійства китайскихъ сановниковъ не достигаютъ пѣли“. Самоубійство въ глазахъ Китайцевъ наиблагороднѣйшій способъ закончить жизнь, поэтому, говоритъ Dr. Морисонъ, посланникамъ нѣтъ никакого основанія соглашаться на „подмѣну казни самоубійствомъ.“

Даже и такое „снисхожденіе“ ставится въ вину представителямъ цивилизаціи, почему бы ужъ, разъ рѣшено принять чрезвычайныя мѣры, не примѣнить казнь квалифицированную: колесованіе, четвертованіе, сожженіе на медленномъ огнѣ съ предварительнымъ урѣзаніемъ языка и т. п.? Ужъ если казнить, такъ казнить! Если самоубійство слишкомъ мягко, то и обезглавливаніе или повѣшеніе тоже можетъ быть признано слишкомъ гуманнымъ. Для Китайцевъ нужны и китайскія казни, особенно если мы вспомнимъ что убійцы Англичане приговариваются къ висѣлицѣ, а Французы къ гильотинѣ, очевидно на одну доску съ убійцами цивилизованными нельзя ставить какихъ-то Азіатовъ, послѣднихъ должно и казнить по-азіатски. Англичане въ Индіи уже неоднократно показывали какъ слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ поступать: они привязывали мятежниковъ къ жерламъ орудій и разстрѣливали ихъ картечью, причѣмъ тѣла разрывались на мельчайшіе куски, такъ чтобы не было возможности предать ихъ погребенію.

По объясненіямъ англійскихъ гуманистовъ, это дѣлалось только для того чтобы лишить родственниковъ возможности молиться надъ казненными, какъ мѣра устрашенія, не больше... Вотъ и эту мѣру можно бы ужъ кстати примѣнить въ Китаѣ; тамъ она должна осо-

бенно сильно подѣйствовать, такъ какъ тамъ господствуетъ культъ предковъ.

Жутко присутствовать при этомъ торгѣ изъ-за головъ, при этой оргіи жестокости, и зловѣщею ироніей отзывается совпаденіе новѣйшаго инквизиціоннаго трибунала съ началомъ новаго столѣтія заранѣе провозглашеннаго утопистами столѣтіемъ мирной культуры, прекращенія войнъ и уничтоженія кулачнаго права.

Хорошее начало, нечего сказать...

II.

Удивительнѣе всего что какъ разъ въ этой своей инквизиціонной дѣятельности международный совѣтъ посланниковъ въ Пекинѣ ничуть не разногласитъ, хотя обыкновенно всякія дипломатическія конференціи единогласіемъ не отличаются. Это трогательное единогласіе въ примѣненіи карательныхъ мѣръ къ провинившимся Китапцамъ замѣчено не мною однимъ. Еще въ январской книжкѣ *Fortnightly Review* извѣстный публицистъ Diplomaticus въ своей статьѣ *Концертъ въ Китапъ* указалъ на него какъ на одинъ изъ оригинальнѣйшихъ отличительныхъ признаковъ дипломатической дѣятельности въ теперешнихъ китайскихъ осложненіяхъ. Diplomaticus пошелъ даже такъ далеко что ставитъ вопросъ: хорошо ли поступили державы, предоставивъ разрѣшеніе этихъ осложненій тѣмъ самымъ лицамъ которыя первыми пострадали отъ нихъ? Я не особенно часто соглашаюсь съ этимъ англійскимъ публицистомъ въ его возрѣніяхъ на восточныя дѣла, но на этотъ разъ долженъ признаться что вполнѣ раздѣляю его недоумѣніе. Одна Англія замѣнила своего представителя въ Пекинѣ другимъ лицомъ, назначивъ г. Сатоу на мѣсто Макдональда, всѣ же остальные посланники остались на своихъ мѣстахъ, и при всемъ уваженіи къ дипломатической сдержанности и безпристрастію нельзя же всетаки отрицать у дипломатовъ наличности свойственныхъ всѣмъ людямъ общечеловѣческихъ чувствъ до такой степени чтобы превращать этихъ дипломатовъ изъ потерпѣвшихъ въ судей.

Единогласіе посланниковъ въ Пекинѣ особенно поражаетъ автора *Концерта въ Китапъ* въ сравненіи съ разногласіемъ между дипломатическими канцеляріями въ Европѣ по тому же самому вопросу. Это разногласіе, по его мнѣнію, вызвано различіемъ интересовъ, вызывающимъ и различное отношеніе державъ къ Китаю. По этому поводу Diplomaticus высказываетъ слѣдующія соображенія:

Интересы Россіи исключительно политическаго свойства. Она сосѣдка Китая и общая пограничная линія у нихъ идетъ на тысячи миль. Ей надо чтобы иностранныя вліянія въ Пекинѣ не возбуждали Китая противъ нея и не мѣшали ея политическому вліянію, а также возможному расширенію ея въ сторону Монголіи и Манчжуріи, а можетъ быть и Печилійской провинціи. У нея нѣтъ коммерческихъ интересовъ въ Китаѣ которые вынуждали бы ея вмѣшательство во внутреннія дѣла страны, и она давно уже вызвала своихъ мисіонеровъ оттуда чтобъ избѣжать возможныхъ столкновеній съ китайскимъ правительствомъ. Отсюда главное ея желаніе это избѣжать въ Китаѣ всякихъ осложненій, внутреннихъ и внѣшнихъ; въ случаѣ же если по несчастью такія осложненія возникнутъ, то ея главнѣйшія усилія сосредоточиваются на томъ чтобъ ихъ разрѣшать какъ можно скорѣе съ наименьшимъ по возможности вредомъ для ея дружественныхъ сношеній съ Китайцами и въ особенности безъ предоставленія другимъ державамъ случая ко вмѣшательству въ сферы ея вліянія.

Тутъ Diplomaticus судить о Россіи конечно какъ иностранецъ не отдающій себѣ яснаго отчета объ историческомъ призваніи Россіи и о роли ея въ Азіи. Отрицаніе русскихъ коммерческихъ интересовъ въ Китаѣ тоже соотвѣтствуетъ не дѣйствительности, а представленію о ней составленному Англичанами, но въ общемъ онъ правъ, говоря что Россія прежде всего желаетъ избѣжать всякихъ столкновеній съ Китаемъ. Какими бы соображеніями ни вызывалось это желаніе, оно совершенно соотвѣтствуетъ традиціонной миролюбивой политикѣ Россіи.

Дальше Diplomaticus находитъ что интересы Франціи въ Китаѣ рѣзко противоположны интересамъ Россіи, почему и въ стремленіяхъ своихъ она расходится со своею союзницей. Онъ говоритъ:

Рѣзкую противоположность представляетъ положеніе союзника Россіи, Франціи. Она тоже сосѣдка Китая, но общая граница не достаточно длинна чтобы внушать ей серіозныя опасенія. Главнѣйшіе интересы у нея коммерческіе и мисіонерскіе. Во всемъ что касается ея торговли она, безъ сомнѣнія, согласилась бы идти по пути указываемому Россіей, но въ вопросѣ о мисіонерахъ она не можетъ слѣдовать за своимъ союзникомъ. Римско-католическіе мисіонеры служатъ главными орудіями колониальной политики Франціи, и ихъ взгляды не можетъ оставить безъ вниманія даже анти-клерикальное французское правительство. Тутъ ужъ не возможенъ никакой компромисъ, потому что еслибы Франція не оказала покровительства іезуитамъ-мисіонерамъ, Германія тотчасъ бы заняла ея мѣсто и пропаганда ничуть бы не задумалась стать подъ защиту германскаго императора. Въ виду этого Франція не могла смотрѣть съ примирительной точки зрѣнія на Китайскій кризисъ. Для нея разрѣшеніе этого кризиса было связано съ необходимостью примѣрнаго наказанія Китая.

Германія придерживается такого же взгляда, но по другимъ причинамъ. Ея побудительные мотивы коммерческіе и колонизаторскіе. Она находится еще въ началѣ своей карьеры всемірной державы, и ей необходимъ престижъ въ которомъ Франція съ ея давнишними государственными традиціями не нуждается. Ей надо еще поставить германскаго промышленника на тотъ же уровень „римскаго гражданина“ на которомъ стоитъ его конъюрентъ промышленникъ англійскій и французскій. Ей надо приучить Азію къ признанію своего значенія и власти, если возможно, то убѣдить азіатовъ что значеніе Британцевъ и Французовъ и даже Русскихъ минуло и что единственною силой въ христіанствѣ, силою которую надо бояться и перетягивать на свою сторону, остались Германцы. Съ такими мыслями подошла Германія къ кризису. Это былъ неопѣнимый случай для „броненоснаго кулака“ и что бы ни случилось, силу этого кулака надлежало проявить на всемъ пространствѣ необозримаго Китая.

Diplomaticus очень характерно очерчиваетъ интересы и стремленія Германіи. Нѣтъ еще и четверти вѣка, какъ началась колонизаторская дѣятельность этого государства, въ началѣ довольно неудачная въ его африканскихъ владѣніяхъ, но въ послѣднія десять лѣтъ оно усиленно двинулось на востокъ въ Азію, куда пробиваетъ себѣ доступъ двумя путями: черезъ Константинополь съ суши и черезъ Китай съ моря. Повидимому это движеніе оказалось довольно удачнымъ, по крайней мѣрѣ поскольку оно успѣло проникнуть въ Малую Азію.

Но наблюдателю невольно представляется что напряженіе и стремительныя усилія Германіи въ этомъ направленіи не вызываются дѣйствительными потребностями страны и не соотвѣтствуютъ ея истиннымъ выгодамъ. Ея *Drang nach Osten* какъ будто вызвано искусственно единоличною волей ея вождя, такъ же какъ и искусственное развитіе ея промышленности грозящее кризисомъ который можетъ привести эту промышленность къ неожиданному и полнѣйшему краху.

Германія спѣшить захватить все что можетъ, не разсуждая въ состояніи ли она будетъ все захваченное переварить и усвоить. Апетиты не соотвѣтствуютъ дѣйствительному росту страны, и въ распространеніи издѣлій германской промышленности „броненосный кулакъ“ играетъ значительно большую роль чѣмъ мирный торговецъ, искатель рынка.

Переходя къ Соединеннымъ Штатамъ, Diplomaticus говоритъ:

Пока, такимъ образомъ, Франція и Германія, расходясь въ мотивахъ, близко сходились въ своихъ цѣляхъ, Соединенные Штаты съ интересами поразительно аналогичными съ германскими преслѣдовали совершенно противоположную цѣль. Отчасти въ зависимости отъ анти-имперіалистскаго исхода президентскихъ выборовъ, но

главнымъ образомъ вслѣдствіе инстинктивной антипатіи къ колоніальнымъ стремленіямъ и методамъ Стараго Свѣта пережившимъ у сѣвероамериканцевъ ихъ неизбѣжный переходъ къ подобнымъ же стремленіямъ и методамъ, Соединенные Штаты съ самаго начала заподозрили искренность державъ. Они полагали что Китайцамъ бросили вызовъ, почему и слѣдовало проявить по отношенію къ нимъ нѣкоторую сдержанность. Они думали также что снисходительность укрѣпитъ положеніе Китайской Имперіи, и что крѣпость Китая вмѣстѣ съ благодарностью его правительства принесетъ пользу американскимъ интересамъ. Съ такими мыслями Соединенные Штаты и примкнули къ концерту?

Изъ остальныхъ державъ Австрія и Италія не имѣли собственныхъ взглядовъ, а держались той стороны на которой сосредоточивались ихъ европейскіе интересы, Японія же имѣющая обширные комерческіе и политическіе интересы въ Китаѣ подчинила всѣ остальные соображенія своей подозрительности по отношенію къ Россіи, *естественно* смотря на ея успѣхи въ сѣверномъ Китаѣ какъ на угрозу своей національной будущности.

Это подчеркнутое мною „естественно“ очень характерно для англійскаго публициста. По мнѣнію Англичанъ Японія самою судьбой предназначена для того чтобы соперничать съ Россіей въ Азій и, даже больше, для того чтобы остановить поступательное движеніе Россіи въ Китаѣ.

Въ своемъ ослѣпленіи Англичане готовы отдать Китаѣ Японіи, лишь бы она заслонила отъ нихъ грозный призракъ надвигающійся съ сѣвера на Индію. Весьма возможно что грядущіе вѣка увидятъ Англію раздувающую панмонголизмъ и создающую противъ Россіи союзъ желтыхъ расъ, но одно только Англичане упускаютъ изъ вида что много сотенъ лѣтъ живутъ рядомъ Россія съ Японіей, а до сихъ поръ еще между ними не было ни одного столкновенія. Можетъ быть еще „естественнѣе“ ожидать что и впредь эти мирныя сосѣдскія отношенія останутся ненарушенными.

Указавъ на различіе интересовъ державъ въ Китаѣ, Diplomaticus дѣлаетъ историческій очеркъ дипломатическихъ переговоровъ между державами по китайскому вопросу, руководствуясь депешами опубликованными въ англійской Синей и французской Желтой книгахъ и сопоставляя эти депеши одну съ другой. Онъ особенно подчеркиваетъ разногласія между Франціей и Россіей обнаружившіяся съ самаго начала переговоровъ. Однако опасность угрожавшая посольствамъ соединила всѣ державы дѣйствительно дѣйствовавшія заодно въ теченіе десяти недѣль, пока длилась осада посольствъ. Затѣмъ, когда пѣль была достигнута и посольства были освобождены, разногласія возобновились съ новою силой. Diplomaticus съ присущимъ ему недовѣріемъ къ Россіи пытается объяснить

ея дѣйствія корыстными мотивами, но несмотря на всѣ его старанія и очевидно помимо его воли его историческій очеркъ доказываетъ какъ разъ обратное, то-есть, несомнѣнное миролюбіе и безкорыстіе Россіи. Вотъ что говорятъ приводимые факты:

Прежде всего Россія первая совѣтовала принять предложеніе о назначеніи уполномоченныхъ для мирныхъ переговоровъ сдѣланное Ли-Хунъ-Чжаномъ почти тотчасъ же послѣ освобожденія посольствъ. Державы, особенно Германія, сначала не согласились на это, тогда 15 (28) августа Россія предлагаетъ вывести войска изъ Пекина чтобы дать императорскому двору возможность вернуться въ столицу. Державы и на это не соглашаются. Въ результатъ (чего Diplomaticus не говоритъ) одна Россія уводитъ свои войска. Вторая примирительная попытка Россіи не удается, но Россія не унываетъ и продолжаетъ свою умиротворяющую миссію. Когда дипломаты въ Пекинѣ изложили условія на которыхъ по ихъ мнѣнію могли быть начаты переговоры, а Германія ухватила за эти условія и заявила что наказаніе виновныхъ сановниковъ должно предшествовать переговорамъ, Россія опять настаиваетъ на немедленномъ началіи этихъ переговоровъ и въ концѣ концовъ, какъ самъ Diplomaticus это признаетъ, одерживаетъ-таки дипломатическую побѣду.

Ей тутъ пришлось дѣйствовать единолично, такъ какъ даже Франція присоединилась къ германскому предложенію, но русская дипломатія дѣйствовала такъ умѣло что вскорѣ Франція опять оказалась въ согласіи со своею союзницей.

Россія одну за другой выпустила три депеши адресованныя французскому кабинету. Въ первой С.-Петербургскій кабинетъ признавалъ что „общія указанія“ германскаго правительства могли бы быть приняты, во второй онъ соглашается на принятіе ихъ „въ принципѣ“ и въ третьей, наконецъ, выразилъ свое мнѣніе что соглашаясь на „ускореніе наказанія виновныхъ“ онъ нисколько не думаетъ ставить „начатіе переговоровъ въ зависимость отъ исполненія этого условія“.

Французскій кабинетъ тотчасъ же согласился съ мнѣніемъ Россіи и выработалъ мирныя условія которыя должны были быть предложены Китаю. Эти условія развитыя и дополненныя посланниками въ Пекинѣ и вошли въ составъ той ноты которая вручена была китайскимъ уполномоченнымъ.

Такимъ образомъ мирныя переговоры начались, несмотря на то что условіе о „предварительномъ наказаніи виновныхъ“ предложенное Германіей не было приведено въ исполненіе. Это Diplomaticus справедливо называетъ „побѣдою Россіи“, а я бы назвалъ побѣдою ея миролюбивой политики. Извѣстно также что и въ теперешней карательной дѣятельности европейскаго концерта въ Пекинѣ Россія является сдерживающимъ и примирительнымъ дѣятелемъ. Если кое-

кому изъ обреченныхъ бунтовщиковъ противъ европейской опеки удастся унести свои головы цѣлыми, то благодарить имъ за это придется, конечно, Россію.

Русской натурѣ противны всякія такъ называемыя „репрессаліи“. Мы по природѣ не мстительны. Если Русский „въ дракѣ волосъ не жалѣетъ“, то послѣ готовъ первый протянуть руку противнику и зла на него не помнить.

Эта черта народнаго характера отражается и въ государственной политикѣ.

III.

Замѣчательно что очерчивая стремленія и объясняя интересы различныхъ державъ въ Китаѣ, Diplomaticus умалчиваетъ о стремленіяхъ и интересахъ Англіи. По его мнѣнію Россія, Соединенные Штаты и Японія склонны къ примирительной политикѣ, а Германія и Франція стоятъ за политику воинственную, ну, а Англія? Какая роль ей болѣе по нутру, миролюбивая или воинствующая?

Diplomaticus намъ этого не объясняетъ, потому что ему пришлось бы бросить своей родинѣ почти тотъ же упрекъ который онъ бросилъ Германіи. Если Германія стремится основать свой престижъ на Востокѣ и для этого пускаетъ въ ходъ „броненосный кулакъ“, то Англія старается поддержать свой собственный престижъ давно уже основанный ею и для этого пускаетъ въ ходъ то же самое средство, тотъ же самый кулакъ.

Только въ настоящее время ея единоличныхъ силъ не хватило бы для приданія своему кулаку надлежащей внушительности, потому что она занята какъ разъ подобною же „христіанскою“ миссіей въ Южной Африкѣ, и она прихватила себѣ на помощь кулакъ германскій. Если бы не трансваальская война, Германіи не удалось бы съ такою убѣдительностію доказать Китаю что на свѣтѣ кромѣ англійскихъ и французскихъ народились еще и германскіе промышленники съ помощію пушекъ и штыковъ навязывающіе свои издѣлія. Скрѣпя сердце допустила это Англія въ виду совершенной невозможности поступить иначе, но разъ допустивъ извлекаетъ теперь наибольшую пользу изъ германской поддержки. Для нея, такъ же какъ и для Германіи, необходимо чтобы Китайцы почувствовали свою полную беспомощность передъ натискомъ европейскаго промышленника и надолго закалились бунтовать противъ его опеки. Это и достигается репрессаліями всякаго рода, военными экспедиціями, казнями сановниковъ, возведеніемъ иноземныхъ крѣпостей въ китайскихъ городахъ и т. п.

Чѣмъ болѣе жестоки репрессаліи, тѣмъ понятнѣе онѣ будутъ, и тѣмъ больше облегчится въ будущемъ промышленная эксплуатація безответнаго населенія.

Очевидно, разъ Германія допущена Англіею къ Execuціи надъ Китаемъ, то интересы и стремленія у обѣихъ оказываются тождественными. Отсюда и специальное соглашеніе этихъ державъ по китайскимъ дѣламъ.

Разумѣется, это соглашеніе продержится лишь до тѣхъ поръ, пока Execuція не закончится. Когда же экспедиція будетъ отозвана, крѣпости построены, казни и самоубійства совершены и снова начнется „мирная“ эксплуатація Китайцевъ, наступитъ конецъ и соглашенію. Тогда Англія и Германія стануть пожнать плоды своей Execuціи и при дѣлежѣ этихъ плодовъ, конечно, поссорятся.

Этотъ исходъ, несмотря на англо-германское соглашеніе, несмотря на недавній обмѣнъ любезностей между императоромъ Вильгельмомъ и королемъ Эдуардомъ, предвидятъ всѣ и въ Англіи и въ Германіи. Стоитъ только почитать нѣмецкія газеты за послѣдній мѣсяць чтобы убѣдиться что въ Германіи на этотъ счетъ не питаютъ никакихъ иллюзій. Въ Англіи пока еще стараются замолчать неизбѣжность разрыва, но и тутъ то и дѣло прорываются голоса предрекающіе этотъ разрывъ. И замѣчательно что эти голоса одновременно указываютъ на необходимость замѣны соглашенія съ Германіей соглашеніемъ съ Россіей. И это совершенно понятно: Россія не соперничаетъ съ Англіей въ мирной эксплуатаціи Китайцевъ и не опасна для англійской промышленности. Конечно, остается „призракъ надвигающійся съ сѣвера на Индію“, но тутъ-то Англичане надѣются на умѣнье своихъ дипломатовъ которые специальнымъ соглашеніемъ должны отдалить появленіе этого призрака...

Мнѣ приходилось уже указывать на статьи англійскихъ публицистовъ по этому вопросу, и теперь въ томъ же журналѣ *Fortnightly Review* я нахожу подобную же очень интересную статью подъ заглавіемъ *Will England last the Century* (Проживетъ ли Англія этотъ вѣкъ?) подписанную псевдонимомъ „Калхасъ“.

По слухамъ, подъ этимъ псевдонимомъ скрывается бывший вождь либеральной партіи лордъ Розбери, личный другъ короля Эдуарда, что, конечно, придаетъ статьѣ еще большій интересъ.

Авторъ критикуетъ направленіе внутренней и внѣшней политики Англіи и сулитъ своему отечеству самую печальную будущность. Для избѣжанія этой будущности онъ предлагаетъ рядъ мѣръ, изъ которыхъ для русскихъ читателей интересна его програма внѣшней политики Англіи на Востокъ.

Авторъ противникъ союза съ Германіей и, порицая германофильство англійскаго правительства, говорить:

Дѣйствительнѣе и практичнѣе было бы сговориться непосредственно съ Россіей не для того чтобы заключить съ ней прямой союзъ, хотя и не отказываясь отъ союза, если она этого захочетъ, но для того чтобы устроить соглашеніе съ ней. Намъ теперь нечего бояться ея и не изъ-за чего ссориться съ ней. Въ Китаѣ она никакъ уже не можетъ оказаться у насъ на флангѣ, потому что Германія стоитъ между нами. На Балканахъ ея *вліяніе совершенно замѣщено вліяніемъ Берлина* (курсивъ нашъ. Къ сожалѣнію, это похоже на правду). Константинополь скорѣе будетъ германскимъ нежели русскимъ (ну, этого-то, Богъ дастъ, не случится), а какъ со стратегической, такъ и съ комерческой точки зрѣнія Тевтоны на Босфорѣ будутъ значительно болѣе опасными чѣмъ Славяне. Мы (Англичаве) должны понять что при новомъ положеніи дѣлъ Балканы не стоятъ костей одного англійскаго гренадера, хотя въ противность мѣнѣію Бисмарка они теперь оказываются стоящими чѣлхъ бригадъ гренадеръ померанскихъ. Между тѣмъ Россіи приходится вести борьбу съ голодовками и банкротствомъ. Финансовая поддержка изъ Англій была бы ея спасеніемъ. (Авторъ повторяетъ излюбленный доводъ всѣхъ англійскихъ сторонниковъ соглашенія съ Россіей). Прежде чѣмъ Багдадская дорога дойдетъ до Персидскаго залива, мы увидимъ что Россія въ роли соперницы въ Персіи будетъ по меньшей мѣрѣ столь же желательна, какъ Германія въ роли нашего ближайшаго сосѣда на Янъ-Цзы-Цзянѣ, наивѣрнѣйшій исходъ англо-германскаго соглашенія.

Уладить дѣла съ Россіей, прекративъ нашу опозицію на Ближнемъ Востокѣ и на Дальнемъ поскольку это касается Манчжуріи, значило бы чрезвычайно уменьшить тягость дипломатическаго давленія подъ которымъ находится теперь наша страна съ нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Это подвинуло бы экономическое развитіе Россіи сразу на нѣсколько поколѣній впередъ и сдѣлало бы невозможною континентальную коалицію противъ Англій. Это должно бы быть главною чѣлію великобританской политики.

Въ этой програмѣ авторъ статьи нѣсколько отступаетъ отъ шаблонныхъ проектовъ англійскихъ руссофиловъ которые взаимнѣе уступокъ со стороны Россіи предлагаютъ намъ исключительно денежную помощь, обѣщая облегченія по реализаціи нашихъ государственныхъ займовъ на лондонскомъ рынкѣ. Правда, и онъ тоже предлагаетъ этимъ путемъ подвинуть экономическое развитіе Россіи на нѣсколько поколѣній впередъ, но не ограничивается только обѣщаніемъ финансовыхъ услугъ, а идетъ дальше, совѣтуя Англій „прекратить опозицію Россіи на Ближнемъ Востокѣ и на Дальнемъ, *поскольку это касается Манчжуріи.*“

Спасибо и за это, конечно, но вопросъ еще, на столько ли опасна

эта англійская оппозиція для Россіи на сколько она угнетаетъ самое Англію, угрожая возможностью анти-англійской континентальной коалиціи? По словамъ автора статьи, прекращая свою оппозицію Россіи, Англія сама избавится отъ гнетущей „тяжести дипломатическаго давленія“; что же выйдеть для Россіи: оппозиція ли страны которая сама отъ этого страдаетъ больше чѣмъ ея противница, или прекращеніе этой оппозиціи, но зато и облегченіе страданій опонента, что конечно развяжетъ ему руки для новой оппозиціи въ другомъ мѣстѣ?

Россія уже привыкла къ оппозиціи Англій, сжилась съ нею и прекрасно устраиваетъ свои дѣла, несмотря на эту оппозицію, такъ что Россіи нечего проявлять особенныя заботы о прекращеніи англійскаго противодѣйствія въ Азіи. Въ Константинополь же оно по признанію автора статьи прекратилось само собой, такъ что тамъ о немъ нечего и говорить теперь. Силою вещей прекратится это противодѣйствіе и на Дальнемъ Востокѣ не вслѣдствіе какихъ-либо договоровъ съ Англіей или уступокъ ей съ нашей стороны, а просто вслѣдствіе безсилія Англій поддерживать свою оппозицію. Благоразумнѣе же подождать пока это сдѣлается само собой, а не поступаться какими-либо правами и преимуществами ради фиктивныхъ выгодъ. Англичане предлагаютъ намъ то что мы получимъ и безъ ихъ помощи, какой же смыслъ принимать ихъ предложеніе? Устами публициста, а можетъ быть и государственнаго дѣятеля скрывающагося подъ псевдонимомъ Калхаса, они говорятъ Россіи: „намъ тяжело и невыгодно бороться съ вами, вотъ мы и обѣщаемъ вамъ прекратить эту борьбу, если вы избавите насъ отъ опасности окончательнаго уничтоженія нашей власти, значенія, а пожалуй и нашего государства и тѣмъ развяжете намъ руки. Вотъ какую услугу мы вамъ предлагаемъ. Принимайте-ка ее поскорѣе“.

Но, позвольте, услугу-то, выходить, мы должны оказать Англій, а не она намъ? Зачѣмъ же давать себя въ обманъ? Не лучше ли оставить все по старому? По крайней мѣрѣ карты открыты, а при такихъ условіяхъ и игра виднѣе.

Такой характеръ имѣютъ всѣ предложенія услугъ исходящія отъ Англій. Англичане предлагаютъ только то что въ силу обстоятельствъ все равно ускользаетъ изъ ихъ рукъ, и вотъ почему невыгодны постоянныя соглашенія или союзы съ Англіей. Во всякомъ договорѣ съ ней всѣ выгоды всегда на ея сторонѣ, иныхъ договоровъ она не заключаетъ, если ея не принудятъ къ этому силою.

Поэтому-то мнѣ странны и непонятны разглагольствованія извѣстнаго кружка петербургскихъ дѣятелей навязывающихъ намъ добровольное (?) соглашеніе съ Англіей. Неужели эти господа до сихъ поръ еще не поняли что никакія „добровольныя“ соглашенія съ

Англіей при соблюденіи выгодъ другой стороны немислимы? Вѣдь стоитъ только познакомиться съ исторіей дипломатическихъ сношеній съ Англіей, стоитъ почитать ея газеты и журналы, вслушаться въ рѣчи ея государственныхъ людей чтобы понять что Англія *никогда* добровольно *не поступится* ни малѣйшею изъ своихъ выгодъ, если она *не предвидитъ* что *все равно* ей эту выгоду *не удержатъ въ своихъ рукахъ*.

Эти петербургскіе политики основываютъ свои проекты на финансовыхъ соображеніяхъ. Предстоитъ возобновленіе торговыхъ договоровъ съ Германіей которая грозитъ намъ усиленіемъ хлѣбныхъ пошлинъ. Въ виду этого и рекомендуется соглашеніе съ Англіей чтобы облегчить вывозъ нашего хлѣба въ эту страну, гдѣ никакихъ хлѣбныхъ пошлинъ нѣтъ, и такимъ образомъ обойтись безъ услугъ Германіи. Но вѣдь это же совершенно наивное разсужденіе: хлѣбъ идетъ туда, гдѣ въ немъ нуждаются. Англія обходится безъ нашего хлѣба, потому что ей по многимъ соображеніямъ выгоднѣе покупать хлѣбъ американскій. *Заставитъ* ее покупать нашъ хлѣбъ невозможно пока существуетъ американская конкуренція. Германія живетъ нашимъ хлѣбомъ и обойтись безъ него не можетъ, хотя бы не только германское правительство, но мы сами наложили на него огромнѣйшія пошлины. Противодѣйствіе германскихъ аграріевъ можетъ задержать нашъ вывозъ на нѣкоторое время, но уничтожить его оно не можетъ, и сокращеніе одного года будетъ съ избыткомъ наверстано въ слѣдующемъ году, по той простой причинѣ что Нѣмцы, такъ же какъ и всѣ люди вообще, безъ хлѣба не могутъ существовать. Если же воспользуется германскими пошлинами на русскій хлѣбъ Америка и будетъ соперничать съ нами въ снабженіи Германіи хлѣбомъ, то сократится ея вывозъ въ Англію, и тогда безъ всякихъ соглашеній съ англійскимъ правительствомъ нашъ хлѣбъ пойдетъ въ Лондонъ и займетъ мѣсто очищенное хлѣбомъ американскимъ.

Я ничуть не сторонникъ того чтобы мы закабалили себя Нѣмцамъ, но изъ этого не слѣдуетъ чтобы я предпочиталъ кабалу англійскую. Не лучше ли обойтись безо всякой кабалы и сговориться съ нашими конкурентами, съ Сѣвероамериканскими Соединенными Штатами? Производители сговариваются между собой и подчиняютъ себѣ міровые рынки, колосальная русско-американская хлѣбная стачка подчинила бы себѣ не только Англію и Германію, но и всю Западную Европу.

Если кому намъ слѣдуетъ дѣлать уступки, то это Соединеннымъ Штатамъ. Съ ними соглашеніе не только возможно и выгодно для насъ, но прямо необходимо. Америка можетъ дать намъ все то что даетъ Англія: и деньги, и металлы, и машины, а вдобавокъ согла-

шеніемъ по хлѣбному вывозу мы можемъ урегулировать цѣну хлѣба на міровыхъ рынкахъ.

Если торговый балансъ нашихъ сношеній съ Америкой окажется въ ея пользу, то это не бѣда, такъ какъ мы вознаградимъ себя на счетъ другихъ странъ, и въ результатъ общій балансъ нашей торговли съ иноземцами несомнѣнно заключится съ большимъ избыткомъ въ нашу пользу.

Затѣмъ, а это главное, соглашеніе съ Америкой не потребуетъ никакихъ пожертвованій въ области нашей иностранной политики, чего нельзя ожидать отъ соглашеній какъ съ Германіей, такъ и въ особенности съ Англіей.

А между тѣмъ мы затѣваемъ какую-то таможенную войну съ Соединенными Штатами. И кому нужна эта война?

Развѣ что Англичанамъ...

Страннигъ.

Борьба со спиртоносами.

I.

Рабочій вопросъ нигдѣ, кажется, не достигаетъ такой жгучести и напряженности какъ на золотыхъ промыслахъ Сибири. Подавляющее большинство этихъ промысловъ расположено въ глухой тайгѣ, въ мѣстностяхъ на сотни верстъ удаленныхъ отъ человѣческаго жилья. Достать здѣсь рабочихъ невозможно, а потому приходится заблаговременно нанимать ихъ въ людныхъ центрахъ. Наемъ производится обыкновенно осенью, при чемъ рабочимъ выдаются болѣе или менѣе значительные денежные задатки.

Нанявшіеся рабочіе раннею весной обязаны явиться на сборный пунктъ, гдѣ изъ нихъ составляются партіи для отправки въ тайгу. Многіе рабочіе являются на эти пункты совершенно раздѣтыми. Между тѣмъ стоятъ еще сильные холода, и отправка ихъ на работу въ такомъ видѣ является совершенно невозможною. Представитель пріисковой администраціи выдаетъ нуждающимся необходимыя принадлежности одежды, и этотъ заборъ записываетъ въ счетъ рабочимъ. Наконецъ, партія набрана и подъ предводительствомъ прикащика или инаго пріисковаго служащаго отправляется на промыселъ. Дѣло идетъ благополучно, но только до тѣхъ поръ пока партія рабочихъ не покажется въ первомъ селеніи. Здѣсь обыкновенно начинается первый загулъ рабочихъ. Кутить на наличныя деньги они не могутъ, такъ какъ ихъ нѣтъ у нихъ, а потому въ оборотъ пу-

скается одежда только-что полученная отъ управленія приска. За немѣнѣемъ денежныхъ средствъ чадъ разгула скоро проходитъ у рабочихъ и прикащикамъ удается собрать ихъ для дальнѣйшей отправки. Но тутъ снова оказывается что рабочимъ идти не въ чемъ, что у нихъ нѣтъ ни рукавицъ, ни бродней ¹⁾, ни озямовъ ²⁾, ни шубъ. Снова повторяется выдача принадлежностей одежды засчетъ рабочихъ, и снова партія движется впередъ до новаго селенія гдѣ повторяется прежняя исторія. Это нескончаемая сказка про бѣлаго бычка. Наконецъ, рабочіе попадаютъ на приски, но задолженность ихъ достигаетъ уже крупныхъ размѣровъ. Отработать забранныя впередъ деньги есть надежда далеко не у всякаго рабочаго. И вотъ одинъ съ тупою покорностью судьбѣ мирится съ тѣмъ что ему придется оставить прискъ не съ заработанными деньгами, а съ болѣе или менѣе значительною недоимкой; другой мечтаетъ о побѣгѣ который дастъ ему возможность попасть къ другому не слишкомъ разборчивому золотопромышленнику и избѣжать платежа долга старому хозяину. Но какъ тотъ, такъ и другой не прочь поживиться насчетъ хозяина нелегальнымъ путемъ. Случай для этого скоро представляется. Золото слишкомъ цѣнный предметъ и при незначительномъ его объемѣ утайка не представляетъ большихъ затрудненій. Но какъ сбыть его?

Вотъ тутъ-то на помощь рабочимъ и являются *спиртоносы*. Спиртоносъ это обыкновенно бывшій присковый рабочій прошедшій, что называется, сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы, досконально изучившій тайгу со всѣми ея глухими тропинками и наиболѣе глухими углами. Верхомъ на лошади, рѣже пѣшкомъ, съ флягою спирта за плечами, съ вѣсами и игральными картами въ карманѣ является спиртоносъ въ тайгу. На всѣхъ прискахъ у него есть свои агенты которые и извѣщаютъ рабочихъ о его прибытіи. Если на прискѣ нѣтъ агента, то о близости спиртоноса извѣститъ рабочихъ дымокъ его костра. И на этотъ дымокъ потянутся они, неся съ собою краденое золото.

Само собою понятно что рабочій, не имѣя денегъ, платитъ спиртоносу золотомъ, а если нѣтъ его, то отдаетъ въ уплату одежду которую спиртоносъ и сбываетъ союзному золотопромышленнику конечно, за половинную цѣну.

Спиртоносъ это тотъ же контрабандистъ, но не робкій сынъ райля нашей западной границы, боящійся свѣтлыхъ пуговицъ датскаго мундира, а человекъ закаленный жизнью въ суровѣ

1) Родъ сапогъ.

2) Кафтаны.

бирской тайгѣ, всегда готовый дать отпоръ преслѣдующимъ его присковымъ казакамъ.

Кромѣ этихъ, такъ сказать, бродячихъ спиртоносовъ сибирскимъ золотымъ промысламъ извѣстна еще и другая разновидность спиртоносовъ: *осьдмляхъ*. Это мелкіе золотопромышленники, у которыхъ на отведенныхъ площадяхъ есть только спекторъ золота, а не самое золото. Разрабатывать такой прискъ, конечно, не стоитъ, да они и ведутъ работу только для отвода глазъ. По существу же дѣла это вовсе не прискъ, а просто мѣсто раздробительной продажи питей распивочно и на выносъ. Владѣлецъ такого приска старается обыкновенно помѣститься по сосѣдству съ богатыми присками. Съ этихъ присковъ и несутъ ему рабочіе золото, которое онъ записываетъ въ свои шнуровыя книги какъ добытое у него на прискѣ. Немудрено что такая „добыча“ отличается крайнею пестротой: сегодня фунты, завтра золотники, а послѣ завтра нѣтъ ничего.

Что спиртоносы злѣйшіе враги золотопромышленниковъ съ этимъ всѣ согласны. Но какъ бороться съ этими врагами, тутъ мнѣнія рѣзко расходятся. Одни совѣтуютъ усилить надзоръ, совершенно забывая что въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій эта мѣра не привела ровно ни къ чему. Другіе находятъ болѣе цѣлесообразнымъ дать выходъ страсти рабочихъ къ вину, подчинивъ ее извѣстнымъ ограниченіямъ. Это мнѣніе въ послѣднее время получаетъ преобладаніе, а потому мы и остановимся на немъ.

II.

Въ 1899 году съѣздъ амурскихъ золотопромышленниковъ постановилъ объ открытіи въ видѣ опыта винныхъ лавокъ по одной въ каждомъ изъ золотопромышленныхъ районовъ, съ тѣмъ чтобы доходъ отъ нихъ употреблялся на общія нужды золотопромышленности, то-есть, на проведеніе дорогъ въ тайгѣ, на устройство школъ для рабочихъ и т. д.

Кризисное управленіе Восточной Сибири, какъ передаетъ *Амурская Газета* (№ 4), нашло этотъ проектъ неудобноисполнимымъ, такъ какъ онъ потребуетъ большихъ жертвъ со стороны казны и не приноситъ пользы, потому что у рабочихъ не бываетъ на рукахъ денегъ, а изъ казенныхъ лавокъ водка отпускается исключительно на нужды казеннаго хозяйства. Потребность въ деньгахъ вызоветъ рядъ посредниковъ которые фактически замѣнятъ спиртоносовъ. Открытіе частныхъ питейныхъ заведеній на прискахъ еще менѣе желательно, такъ какъ

функции спиртоносовъ перейдутъ къ нимъ. И въ жилищномъ благоустроенномъ мѣстѣ кабакъ является большимъ зломъ, борьба съ которымъ почти невозможна, а на приискахъ онъ будетъ еще большимъ зломъ.

Исходя изъ этихъ соображеній, акцизное управленіе выработало свой проектъ сущность котораго въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ.

На приискахъ дозволяется выдача рабочимъ вина въ счетъ заработной платы, но не иначе какъ *въ запечатанной мелкой стеклянной посудѣ*. Для этой цѣли они могутъ приобрѣтать вино въ количествѣ отъ 3 до 5 ведеръ сорокаградусной водки на каждого рабочаго. Чтобы устранить всякія злоупотребленія со стороны владѣльцевъ и арендаторовъ приисковъ, вино изъ казенныхъ складовъ будетъ отпускаться имъ *въ особой формѣ бутылкасъ съ особыми ярлыками и печатями*. Всякое вино не въ этихъ бутылкахъ, то-есть, распечатанной посудѣ, бочкахъ и т. д. *будетъ считаться контрабанднымъ и подлежать конфискаціи*. За неисполненіе этихъ правилъ акцизный проектъ грозитъ золотопромышленникамъ суровыми карами вплоть до лишенія права разрабатывать прииски.

Проектъ этотъ, во-первыхъ, очень гуманенъ, а во-вторыхъ, и интересенъ, такъ какъ онъ показываетъ, какъ будетъ поставлено винное дѣло въ золотопромышленныхъ районахъ при казенной монополіи. Къ сожалѣнію, надъ этимъ проектомъ какъ нельзя болѣе оправдываются ироническія слова извѣстной пѣсни:

Гладко было на бумагѣ,
Да забыли про овраги,
Какъ по нимъ ходить...

А про овраги забыли не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ такихъ даже сравнительно близкихъ и густонаселенныхъ мѣстностяхъ, какъ Томская горная область, большая половина дорогъ вьючныя, и перевозка по нимъ товаровъ обходится до 2½ руб. съ пуда. Во что же обойдется перевозка по вьючнымъ дорогамъ Пріамурскаго края стеклянной посуды, да еще къ тому же мелкой?

По вычисленіямъ *Амурской Газеты* это увеличитъ стоимость вина на приискахъ не меньше какъ въ шесть разъ, а если принять во вниманіе что посуда будетъ биться въ пути, то и еще болѣе. Какъ выгодно это будетъ для рабочихъ! Но не въ лучшемъ положеніи окажутся и владѣльцы приисковъ, такъ какъ у нихъ пропадетъ всякая возможность соперничать со спиртоносами которые, конечно, вина въ стеклянной посудѣ съ форменными ярлыками и пе-

чатами покупать не стануть, а по-прежнему будутъ возить его въ деревянныхъ флягахъ.

Немудрено что новый съѣздъ амурскихъ золотопромышленниковъ не согласился на подобный разорительный проектъ и повторилъ свое ходатайство объ открытіи винныхъ лавокъ въ приисковыхъ районахъ. Этому ходатайству нельзя не пожелать успѣха, такъ какъ только этимъ путемъ и можно бороться съ тѣмъ зломъ которое наносятъ спиртоносы нашей золотопромышленности. Что же касается убыточности открытія казенныхъ винныхъ лавокъ въ приисковыхъ районахъ, то съ этимъ соображеніемъ едва ли нужно серьезно считаться. Министерство Финансовъ не разъ заявляло что при введеніи винной монополии оно менѣе всего гналось за увеличеніемъ доходовъ казны. Не вѣрить этому заявленію нѣтъ рѣшительно никакого основанія. Наконецъ, Россія слишкомъ велика, и убытокъ въ одномъ мѣстѣ легко можетъ быть восполненъ прибылью въ другомъ. Вѣдь считаемъ же мы вполне нормальнымъ убыточную продажу сахара въ Англіи и Америкѣ и повышеніе на него цѣны въ Россіи. Отчего же и въ данномъ случаѣ не стать на такую точку зрѣнія?

Н. Н.

Традиціи Гогенцолерновъ.

5 (18) января Пруссія отпраздновала двухвѣковой юбилей своего существованія въ качествѣ королевства. Приличнымъ случаю праздника почтили своимъ присутствіемъ высокопоставленные гости. Для этой цѣли въ Берлинѣ собрались представители почти всѣхъ европейскихъ государствъ. Какъ водится въ такихъ случаяхъ, были тосты и рѣчи. Все прошло замѣчательно парадно и офиціально. Иногда на подобныхъ торжествахъ приходится подмѣчать заботу объ умѣренности въ выраженіи своихъ чувствъ, здѣсь, наоборотъ, казалось многихъ заботило чтобы офиціальность не показалась чрезчуръ холодною и сухою. И подобное отношеніе проявилось не только со стороны государствъ ничѣмъ кромѣ заурядной пріязни не связанныхъ съ Пруссіей, но даже со стороны ея союзниковъ и сочленовъ по имперіи.

Такое отношеніе можетъ стать понятнымъ только при условіи исторической справки о пути по которому за эти два вѣка прошла Пруссія, о тѣхъ традиціяхъ и принципахъ которыми она охраняла себя среди безчисленныхъ опасностей и, наконецъ, о той международной роли которую она себѣ усвоила и исполняла. Надобно

оговориться что мысль не будетъ правильно выражена, если подъ терминомъ Пруссія мы будемъ понимать государство и народность какъ самодовлѣющія величины стремящіяся всею своею массою къ какой-либо цѣли. Почти ничего подобнаго въ двухвѣковой исторіи Пруссіи мы не находимъ. Пруссія въ смыслѣ народности была всегда инертною массою пассивно повиновавшейся своимъ вождямъ которымъ и принадлежитъ вся честь прогресса и вся вина въ средствахъ его.

Въ лицѣ династіи Гогенцолерновъ на долю того конгломерата славянскихъ, литовскихъ и германскихъ народностей который мы объединяемъ подъ именемъ Пруссіи выпало рѣдкое счастье. Правда, Гогенцолерны до самаго послѣдняго времени смотрѣли на Пруссію какъ на свою вотчину, но смотрѣли любя и созидая, памятуя что ихъ же потомки сорвутъ плоды ихъ трудовъ.

Въ настоящее время принципъ вотчиннаго отношенія государя къ государству справедливо считается правонарушеніемъ и деспотизмомъ, но этотъ взглядъ прочно установился только послѣ 1848 года, когда Пруссія уже вышла изъ дѣтскаго возраста. А сто и, тѣмъ болѣе, двѣсти лѣтъ тому назадъ этотъ строй, при честномъ отношеніи вотчинниковъ къ своему долгу, былъ идеальнымъ. И разумно пользуясь имъ Гогенцолерны медленно, но прочно созидали современное государство. Они не гнались за славою мудрыхъ и великихъ правителей. Не заботились какъ назоветъ ихъ судъ безпристрастнаго интернаціональнаго будущаго, но всецѣло являлись глубокими практиками жизни. Они не были эгоистами личности, но эгоизмъ національности былъ ихъ отличительною чертой и вошелъ въ традицію. Какъ хорошіе хозяева изъ рода въ родъ они насаждали у себя корни тѣхъ могучихъ проявленій культурной и политической силы очевидцами которой являемся мы. Принципы безличной, абсолютной правды имъ были чужды, поэтому они не церемонились подслуживаться сильному, а если онъ начиналъ колебаться, они, взявъ что могли, спѣшили на сторону его противниковъ и имъ помогали валить своего недавняго покровителя. И это также вошло въ традицію.

Вообще, трудно найти примѣръ въ исторіи Европы гдѣ бы съ такою же легкостью нарушались договоры и союзы, совершались измѣны и предательства, гдѣ бы также откровенно было преклоненіе предъ силой и такъ же откровенно проявлялась черная неблагодарность. И всю эту тяжесть Гогенцолерны взяли на себя, оставивъ народу и странѣ, при строгомъ анализѣ положенія, чистое имя.

Тѣмъ не менѣе и къ нимъ самимъ нельзя относиться черезчуръ строго. „Смягчающимъ вину обстоятельствомъ“ является для нихъ

общій характеръ эпохи и счастливое положеніе Пруссіи: свѣжаго молодого организма, брошеннаго между старыми, отживавшими и конвульсивно боровшимися за жизнь государствами.

Картина политическаго состоянія средней Европы того времени представляла собою грандіозное разрушеніе отживавшаго средневѣковаго строя. Шаталась великая „отъ моря и до моря“ Польша; на нее то и дѣло обрушивались удары сѣвернаго колосса, Швеціи. Клодилась къ упадку Германская имперія Габсбурговъ, наконецъ и мировому свѣтскому владычеству папы уже былъ нанесенъ неисцѣлимый ударъ реформаціею. Всѣмъ этимъ факторамъ готовымъ рухнуть, но жаждавшимъ существованія, нужна была помощь. Пруссія лежала какъ разъ между ними и всегда готова была оказать ее за приличное вознагражденіе. Роль „честнаго маклера“ уже намѣчалась. Да въ ея положеніи и нельзя было поступать иначе. Ей нельзя было быть ни разборчивою, ни нейтральною. И то и другое могло оказаться равно гибельнымъ. И современные Гогенцолерны это прекрасно поняли, усвоили и примѣнили къ жизни какъ принципъ. Мы видимъ теперь что эти ихъ пріемы перешли въ традиціи и сохраняются до сихъ поръ съ тою лишь разницею что тогда Пруссія являлась всегда свидѣтелемъ на сторонѣ сильнаго, а нынѣ кромѣ этой роли она иногда является въ роли судьи.

На пройденный ею исторической путь мы бросимъ бѣглый ретроспективный взглядъ; онъ не только объяснитъ намъ откуда та холодность которую нельзя было скрыть на недавнемъ юбилеѣ, но и намѣтитъ возможное направленіе дальнѣйшихъ судебъ Пруссіи.

Исходною точкою нашего обзора мы возьмемъ конецъ эпохи, когда Польша еще держала Пруссію въ своей зависимости, какъ лѣнь. Но Польша была уже безсильна въ это время. Не она давала защиту своимъ лѣнникамъ, а отъ нихъ требовала помощи. Никакихъ выгодъ эта зависимость Пруссіи очевидно не давала. Поэтому неудивительно что при Карлѣ X Шведскомъ Пруссія была уже лѣнникомъ Швеціи и на ея сторонѣ сражалась съ Польшею. И въ награду за это получила отъ Швеціи право самостоятельнаго государства и нѣкоторыя окраины Польши. Это было въ концѣ 1656 года. Новый самостоятельный монархъ видимо не разчиталъ силы удара нанесеннаго съ его помощью Польшѣ. Послѣдняя не только оправилась отъ поражений, но и образовала грозную коалицію противъ континентальныхъ притязаній Швеціи. Россія, Священная Римская Имперія и Данія выступили союзниками Польши. Положеніе Швеціи радикально измѣнилось. А вмѣстѣ съ тѣмъ и прусскій герцогъ оказался безъ покровителя, лицомъ къ лицу съ своимъ недавнимъ сувереномъ, противъ котораго онъ однако не только сражался, но даже и поживился те-

риторіей. И пришлось добровольно возвратить Польшѣ все что удалось отнять у нея подъ крыломъ Шведовъ; пришлось снова стать въ ряды Поляковъ. За это и Рѣчь Посполитая даровала Пруссіи право самостоятельности. Съ тѣхъ поръ до временъ Наполеона эта независимость не подвергалась опасностямъ, но не благодаря силѣ Пруссіи, а исключительно благодаря ловкости ея герцоговъ и позднѣе королей. Добившись независимости Пруссіи герцогъ Фридрихъ-Вильгельмъ и послѣ этой перемѣны долженъ былъ искать себѣ сильнаго покровителя. Въ поискахъ за нимъ онъ сражался на сторонѣ Нидерландовъ, заискивалъ у Германскаго императора, стремился къ сближенію съ Франціей и проч. Смерть застала его среди этихъ хлопотъ. Но во всякомъ случаѣ фундаментъ уже былъ заложенъ, цѣли выяснены и средства осуществленія ихъ намѣчены. Его сынъ уже шелъ по проложенному пути и даже могъ „купить“ себѣ у Германскаго императора королевскій титулъ. 5 (18) января 1701 года онъ торжественно возложилъ на себя корону. Петръ I Великій прислалъ ему въ даръ золотой скипетръ. Подарокъ этотъ возымѣлъ для насъ роковое значеніе. Пруссія усмотрѣла въ Россіи свою главную покровительницу; но считалась съ этимъ согласно своимъ традиціямъ. Ея король Фридрихъ II Великій уже готовъ былъ примириться съ присоединеніемъ къ Россіи Восточной Пруссіи, гдѣ была учреждена „Кенгсбергская губернія“, мечта императрицы Елисаветы Петровны осуществлялась, какъ неожиданная кончина этой государыни и воцареніе Петра III не только возвратило Пруссіи Кенигсбергъ и его область, но и войска наши стали помогать Пруссіи и спасли ее отъ угрожавшихъ ей бѣдъ. Это однако не помѣшало Пруссіи усердно помогать Наполеону въ 12 году, а въ 13 и 14 съ нашими войсками уже гнать его черезъ всю Европу. Позже, въ 1856 году, благодѣтельствованная нами Пруссія такъ оплакивала кончину императора Николая I, будто онъ царствовалъ въ Берлинѣ, а не въ Петербургѣ. Мы ей дали затѣмъ разгромить Данію, Австрію и Францію; дали облечься въ императорскую мантию Германской имперіи, а въ 1878 году вписали на страницы нашей исторіи достопамятную и поучительную главу: „Берлинскій Конгрессъ“, и вскорѣ освѣдомились объ основаніи союза направленного противъ насъ.

Разумѣется, здѣсь приведены только наиболѣе рѣзкіе штрихи и наиболѣе характерное изъ исторической международной роли Пруссіи. Последнее столѣтіе мы окинули даже только съ русской точки зрѣнія; но этимъ не исключается фактъ такого же, какъ къ намъ, отношенія Пруссіи и къ остальнымъ державамъ. Мало по малу для Пруссіи всюду создались прецеденты не позволявшіе слишкомъ безпристрастно углубляться въ смыслъ ея международнаго положенія.

Пока она была государством слабымъ и малокультурнымъ, это тонуло въ общей мизерности ея облика, но съ достиженіемъ ею первенствующаго значенія въ Германской имперіи, съ тѣхъ поръ какъ ея короли, въ качествѣ императоровъ Германіи, стали верховными вождями огромной военной силы, отношеніе къ ней сосѣдей, видимо, стало строже. На юбилейныхъ торжествахъ это чувствовалось.

Очевидно, теперь ей уже не только не извиняется ея странное повиманіе смысла, напримѣръ, „традиціонной дружбы“, но и ея подавляющая роль въ средѣ равныхъ членовъ, ея стремленіе къ гегемоніи опирающейся на военную силу. Отъ этого положенія одинъ шагъ до сепаратизма. И мы знаемъ что онъ существуетъ и развивается. Его демонстраціи встрѣчаютъ сочувствіе; диктатура Пруссіи порицается. Иллюстрирующимъ положеніе фактомъ мы можемъ привести инцидентъ въ Москвѣ въ 1896 году на коронаціонныхъ торжествахъ, инцидентъ въ Баваріи, протестъ Ганноверцевъ наканунѣ юбилея и проч. Это свидѣтельствуетъ о положеніи Пруссіи въ Германіи. А нѣмое молчаніе, столь необычное и странное, о тройственномъ союзѣ свидѣтельствуетъ о готовящемся провалѣ и международной ея инициативы.

Но на неблагопріятное политическое состояніе Пруссіи на материкѣ еще ярче бросаетъ свѣтъ неожиданное англофильство короля Вильгельма II бросившаго неудачный юбилей, уѣхавшаго въ Осборнъ и давшаго поводъ высказать что онъ не уѣдетъ изъ Англіи, не заключивъ важнаго политическаго союза съ новымъ королемъ Эдуардомъ VII. Историческія традиціи Пруссіи здѣсь сказались съ невѣроятною силой.

Очевидно, обстоятельства для Пруссіи складываются неблагопріятно. Ею слишкомъ быстро израсходованъ весь арсеналъ средствъ интенсивнаго роста; и благодаря этой быстротѣ, изъ нея успѣла вырасти не нація и не государство, а военный лагерь. Пока у нея есть ея войска, она величина; а безъ войскъ она неизбежно должна возвратиться въ первобытное состояніе. Это прекрасно сознается въ Берлинѣ и засвидѣтельствовано императорскою юбилейною рѣчью адресованной не къ народу, а къ арміи.

Но разъ возникли зародыши такого положенія, они не истребимы. Рано или поздно Пруссіи придется серьезно считаться съ ними. Судьба Австріи ею же изгнанной послѣ Садовой изъ Германской имперіи Пруссіи, конечно, не улыбается.

Н. Лаговъ.

Изъ текущей жизни.

Вопросъ о торговыхъ договорахъ.—Готова-ли къ нимъ Россія?—Походъ нѣмецкихъ аграріевъ и отвѣтъ на него *Торгово-Промышленной Газеты*.—Общее или техническое образование нужно нашимъ фабрично-заводскимъ рабочимъ?—Вознагражденіе земствъ за введеніе казенной винной монополіи.—Проектъ г. Левитова для упраздненія частнаго землевладѣнія.—Женскій вопросъ и полемическіе приемы *Россіи*.

До 1893 года Россія держалась системы одного таможеннаго тарифа который одинаково примѣнялся къ привозимымъ товарамъ какъ изъ болѣе, такъ и изъ менѣе благопріятствуемыхъ странъ. Такая система была очень невыгодна во многихъ отношеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, для чего было западнымъ государствамъ покровительствовать ввозу русскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и другихъ издѣлій, когда за это покровительство они въ свою очередь не могли получить въ Россіи никакихъ таможенныхъ льготъ для своихъ издѣлій? Между тѣмъ въ сношеніяхъ западныхъ государствъ между собою явились новые торговые договоры, послѣдствіемъ которыхъ явились дифференціальныя таможенныя тарифы, пониженные для странъ пользующихся правами наибольшаго благопріятствованія, и повышенныя для странъ этими правами не пользующихся. Такимъ образомъ Россія оказалась въ очень невыгодномъ положеніи даже въ сосѣднихъ странахъ: Германіи и Австро-Венгріи.

Пришлось измѣнить свою таможенную политику и приступить къ заключенію подобныхъ же договоровъ на почвѣ взаимныхъ уступокъ. 10 февраля 1894 года, послѣ рѣзкаго таможеннаго столкновенія, такой договоръ былъ заключенъ съ Германіей, при чемъ мы взамѣнъ нѣкоторыхъ облегченій для ввоза русскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ эту страну установили уменьшенныя ставки для ввоза германскихъ издѣлій по 135 статьямъ нашего таможеннаго тарифа. Нѣсколько позже, 18 мая того же года, была заключена дополнительная конвенція съ Австро-Венгріей. Срокъ обоимъ этимъ торговымъ договорамъ истекаетъ 31 декабря 1903 года.

Не смотря на то что до истеченія этого срока остается еще около двухъ лѣтъ, въ Германіи поднялась горячая агитація въ пользу стѣсненія ввоза русскихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ интересахъ поощренія отечественнаго земледѣлія, скотоводства и другихъ отраслей сельско-хозяйственной промышленности. Правда, агитація эта встрѣтила горячій отпоръ среди низшихъ промышленныхъ классовъ Германіи заинтересованныхъ въ дешевыхъ цѣнахъ на хлѣбъ. Начали устраиваться митинги, подаваться петиціи по-

крытыя многочисленными подписями. Но въ то-же время съ высоты министерскихъ скамей торжественно было заявлено что интересы нѣмецкихъ аграріевъ будутъ приняты во вниманіе при заключеніи новаго торговаго договора съ Россіей. По поводу этого торжественнаго замѣчанія *Торгово-Промышленная Газета* не безъ ироніи говорить:

Тамъ, гдѣ правительство вынуждено связывать себя заблаговременными обѣщаніями, ему можетъ быть и не бесполезно давать ихъ насчетъ чужихъ государствъ въ надеждѣ что всѣ повѣрятъ что оно будетъ въ силахъ продиктовать обѣщанные пункты всѣмъ договаривающимся съ нимъ государствамъ. Можно обѣщать промышленности и торговлѣ вывозящимъ товары за границу пониженіе пошлинъ въ соответственномъ иностранномъ государствѣ и одновременно сельскимъ хозяевамъ повышеніе пошлинъ у себя на сырье привозимое изъ этого государства; можно обѣщать еще болѣе выгодныя условія для обезпеченія благоденствія своей странѣ, *но русское правительство никогда не допуститъ и мысли чтобы серьезныя государственныя дѣтели дающіе такія обѣщанія имѣли въ виду въ качествѣ будущаго плательщика по этимъ счетамъ Россійскую Имперію.*

Отвѣтъ вполне достойный Россіи.

Указывая далѣе что въ ея хлѣбѣ нуждаются всѣ промышленныя государства Европы, газета нашего финансоваго вѣдомства положительно заявляетъ что никогда

Россія не подпишетъ договора подвергающаго ея сельско-хозяйственныя произведенія еще болѣе высокому таможенному обложенію чѣмъ нынѣ.

Неуступчивость въ этомъ отношеніи Россія можетъ повести къ таможенной войнѣ съ Германіей. Но эта война не должна быть страшна для насъ. Если Германія вздумаетъ замѣнить русскій хлѣбъ американскимъ, то долженъ-же въ какія-нибудь страны ослабнуть приливъ его; въ эти-то страны и направитъ Россія избытки своего хлѣба. Въ совершенно иномъ положеніи окажется Германія. Найти новый рынокъ для сбыта произведеній своей обрабатывающей промышленности будетъ нелегко, такъ какъ всѣ рынки до центральной Африки включительно уже заняты и для завоеванія ихъ нужно будетъ выдержать соперничество съ другими промышленными странами. Да и какой новый рынокъ въ состояніи будетъ замѣнить Россію съ ея ста тридцатимиліоннымъ населеніемъ?

Вступивъ на путь торговаго разрыва съ Россіей, Германія встрѣтитъ у насъ не только повышеніе таможенныхъ пошлинъ, но и другія тернія. Объ этомъ вовсе не двусмысленно высказывался *Тор-*

ово-Промышленная Газета. Число Русскихъ въ Германіи, говоритъ она, очень не велико, количество-же Нѣмцевъ въ Россіи громадно, слѣдовательно, обложеніе ихъ болѣе высокими сборами, чѣмъ своихъ собственныхъ подданныхъ, было бы серіознымъ ударомъ для Германіи. Въ судебномъ отношеніи всѣ германскіе подданные пользуются совершенно равными правами съ Русскими, но они не несутъ многихъ изъ тѣхъ повинностей которыя несетъ коренное населеніе страны. Само собою понятно что и этотъ порядокъ можетъ быть измѣненъ къ невыгодѣ Нѣмцевъ.

Дѣятельность нѣмецкихъ торговыхъ и промышленныхъ компаній получила у насъ очень широкое развитіе, и на этой почвѣ Германія уязвима еще болѣе. Наконецъ, она посылаетъ въ наши порты много торговыхъ судовъ которыя пользуются полною равноправностью съ судами русскими; но могутъ перестать пользоваться ею, если торговый договоръ не будетъ возобновленъ. Найдется у Германіи много и другихъ слабыхъ сторонъ, гдѣ мы можемъ нанести удары.

Мы не сторонники вообще таможенныхъ войнъ и всевозможныхъ репресалій, но разъ ихъ требуетъ защита земледѣльческой промышленности кормящей сотню миліоновъ русскаго народа, думаемъ что ни передъ какими крутыми мѣрами намъ останавливаться не слѣдуетъ. Это не сахарная промышленность, въ преусіянніи которой заинтересовано двѣ сотни сахарныхъ заводчиковъ, да кучка акцизныхъ чиновниковъ.

Разрывъ съ Россіей вызоветъ въ Германіи тяжелый кризисъ, но и для насъ онъ не пройдетъ безъ крупныхъ затрудненій, ослабитъ которыя одна изъ нашихъ серіозныхъ задачъ. На это намъ и надо направить свои усилія, закрѣпляя свои торговыя связи съ другими странами, подыскивая рынки для сбыта своихъ сельскохозяйственныхъ произведеній и отыскивая замѣстителей германскимъ фабрикантамъ въ поставкѣ для Россіи необходимыхъ ей издѣлій. До окончанія торговаго договора съ Германіей остается еще цѣлыхъ два года, и въ этотъ срокъ мы многое можемъ успѣть сдѣлать.

Русская фабрично-заводская промышленность развилась и существуетъ подъ вліяніемъ высокихъ покровительственныхъ пошлинъ; но эти пошлины ложатся слишкомъ тяжелымъ бременемъ на все населеніе страны, а потому онѣ должны носить временный характеръ, должны существовать только до тѣхъ поръ, пока наша промышленность не въ силахъ обходиться безъ нихъ. Чѣмъ скорѣе наступитъ

это желанное время, тѣмъ въ большемъ выигрышѣ останутся страна и народъ. Это такая азбучная истина, съ которою одинаково должны согласиться какъ протекціонисты, такъ и сторонники свободной торговли. Приблизить это время прямая обязанность владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій. Эту обязанность имъ неуклонно надо напоминать, ихъ даже можно и должно принуждать не забывать о ней. Конечно, существованіе этой обязанности не освобождаетъ нашихъ промышленныхъ дѣятелей отъ общихъ обязанностей личныхъ и имущественныхъ присущихъ всѣмъ русскимъ подданнымъ одинаковаго съ ними положенія, но на нихъ не слѣдуетъ безъ крайней необходимости налагать никакихъ новыхъ спеціальныхъ обязанностей которыя отвлекали бы ихъ отъ главной цѣли.

Къ сожалѣнію, эти простыя истины слишкомъ часто забывались, да и теперь еще забываются у насъ. Многія земства стараются въ возможно большихъ размѣрахъ увеличить обложеніе фабрикъ и заводовъ, соразмѣряя его не съ тѣми выгодами и удобствами которыя доставляютъ земства для веденія фабрично-заводскаго дѣла, а единственно лишь съ ихъ платежною способностью.

На ту же почву чуть не стало и наше министерство Финансовъ. По крайней мѣрѣ еще очень недавно газеты упорно говорили о выработанномъ въ этомъ министерствѣ проектѣ введенія обязательнаго обученія малолѣтнихъ фабричныхъ рабочихъ, для чего предполагалось установленіе спеціальнаго школьнаго налога который долженъ былъ выплачиваться владѣльцами промышленныхъ предпріятій. Говоря объ этомъ налогѣ, мы указывали что онъ рѣшительно ничѣмъ не можетъ быть оправданъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему обязанность объ общемъ образованіи народа должна лечь только на одного фабриканта, а не на землевладѣльца также пользующагося наемнымъ трудомъ, не на лицо содержащее прислугу и т. д? Мы такого объясненія подыскать рѣшительно не можемъ. Вѣдь владѣлецъ фабрики и завода платитъ уже земскіе сборы, замѣтная часть которыхъ идетъ именно на народное образованіе; во имя чего же обращать его въ двоеданца?

Но не въ одной отвлеченной справедливости здѣсь дѣло. Придумывая средства какъ бы сорвать съ фабриканта тѣмъ или инымъ путемъ „кушъ“ на общепользное дѣло, мы склонны довольствоваться этими поборами и мириться съ существующимъ положеніемъ фабрично-заводской промышленности, не стараясь вывести ее на настоящую дорогу. Какъ будто незначительной части тѣхъ суммъ которыя мы теряемъ благодаря высокому покровительственному тарифу при покупкѣ всѣхъ издѣлій фабрично-заводской промышленности не хватил

съ избыткомъ на содержаніе школъ которыя могутъ быть открыты при фабрикахъ и заводахъ?

Теперь, повидимому, наступили иныя вѣянія. Составленный Министерствомъ Финансовъ проектъ положенія о техническихъ и ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ ставитъ цѣлю положить основаніе распространенію низшаго технического образованія среди фабрично-заводскихъ рабочихъ. Проектъ сосредоточиваетъ все вниманіе на развитіи въ рабочемъ классѣ образованія практически-техническаго и оставляетъ въ сторонѣ общее школьное образованіе рабочихъ.

По этому поводу *Русскія Вѣдомости* говорятъ:

Послѣ того какъ первый и второй сѣзды русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію съ полною очевидностію показали что распространеніе общаго образованія въ рабочей средѣ является первымъ и необходимымъ условіемъ насажденія профессиональныхъ знаній, послѣ того какъ само же министерство Финансовъ еще такъ недавно было дѣятельно занято разработкой вопроса о правильной постановкѣ школьнаго обученія на фабрикахъ и заводахъ, предполагагая сдѣлать при извѣстныхъ условіяхъ обязательнымъ для послѣднихъ содержаніе школъ, послѣ всего этого появленіе настоящаго проекта ограничивающаго задачу министерства попеченіемъ объ одномъ профессиональномъ образованіи и оставляющаго на произволъ судьбы попеченіе объ общемъ образованіи и просвѣщеніи фабричныхъ рабочихъ производитъ впечатлѣніе полной неожиданности.

И нужно сознаться, неожиданности очень пріятной. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ дѣло Министерства Финансовъ принимать на себя роль Министерства Народнаго Просвѣщенія? Конечно, нѣтъ.

Что для пріобрѣтенія техническихъ знаній нужна извѣстная общая подготовка, мы никогда не отрицали, и еслибы черезъ учебно-техническія мастерскія нужно было непременно провести всѣхъ фабрично-заводскихъ рабочихъ, то просвѣтительная роль министерства Финансовъ могла бы быть оправдана. Но даже въ странахъ съ высоко-развитою промышленностью черезъ профессиональныя школы проходятъ только меньшинство рабочихъ, то же самое будетъ, конечно, и у насъ. А для такого количества учениковъ съ избыткомъ найдется грамотныхъ фабрично-заводскихъ рабочихъ и въ настоящее время.

Если бы министерство Финансовъ начало заботиться объ общемъ образованіи рабочихъ, то оно этимъ самымъ отодвинуло бы на задній планъ заботы объ ихъ техническомъ обученіи. Ставя же заботы о немъ на первое мѣсто, оно тѣмъ самымъ приближаетъ до извѣстной степени время, когда наша обрабатывающая промышленность будетъ въ силахъ обойтись съ меньшимъ покровительствомъ или даже безъ

него. Повторяемъ, такой образъ дѣйствія Министерства заслуживаетъ полного сочувствія.

Невольно является вопросъ: на чей счетъ должно вестись техническое образованіе рабочихъ? Справедливѣе всего отнести его на счетъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Это будетъ тоже спеціальныи налогъ, но налогъ вполне справедливый. Высокій покровительственный тарифъ, налагая тягости на населеніе, служить къ обогащенію владѣльцевъ промышленныхъ предпріятій. При такихъ условіяхъ потребовать отъ нихъ извѣстныхъ жертвъ для того чтобы вывести промышленность на нормальную дорогу и вполне законно, и вполне справедливо. Не было бы даже никакой несправедливости и въ томъ чтобы возложить на нихъ расходъ по содержанію не только низшихъ, но и среднихъ промышленныхъ училищъ, конечно, при условіи чтобы часть суммъ необходимыхъ на ихъ содержаніе оплачивалась другою заинтересованною въ промышленномъ образованіи стороною, самими учащимися для которыхъ окончаніе курса даетъ много матеріальныхъ выгодъ.

Въ Министерствѣ Финансовъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, разрабатывается вопросъ объ условіяхъ вознагражденія сельскихъ обществъ за потери причиненныя имъ введеніемъ казенной продажи вина. Самое возникновеніе такого вопроса, намъ кажется, довольно страннымъ. До сихъ поръ право на вознагражденіе признавалось только за лицами физическими и юридическими потерпѣвшими вредъ и убытокъ отъ извѣстныхъ дѣйствій. Слѣдовательно, для того чтобы выдавать какія-нибудь вознагражденія сельскимъ обществамъ, нужно доказать что они отъ введенія казенной монополіи понесли убытокъ. Задача не изъ особенно легкихъ.

По крайней мѣрѣ, въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ Министерство Финансовъ систематически доказываетъ что введеніе казенной продажи вина всюду привело къ самымъ благотворнымъ послѣдствіямъ. Въ собранныхъ министерствомъ отзывахъ различныхъ лицъ по этому вопросу неоднократно говорится что количество пьяныхъ повсюду замѣтно уменьшилось, и стало быть, возросло время проводимое населеніемъ за работою, что могло быть только выгоднымъ для него. Казенная продажа вина прекратила порчу его, отпускъ въ кредитъ и подъ залогъ вещей или взамѣнъ хозяйственныхъ принадлежностей, хлѣба и другихъ припасовъ. И подобное видоизмѣненіе винной торговли содѣйствовало не разоренію деревенскаго населенія, а возростанію его благосостоянія. За что же вознаграждать сельскія общества?

На это обыкновенно отвѣчаютъ что со введеніемъ казенной продажи вина они лишились значительныхъ доходовъ которые имъ давали сборы за право открытія питейныхъ заведеній. Это совершенно справедливо. Но не слѣдуетъ забывать что кабатчики уплачивавшіе крестьянамъ крупныя суммы сторицей выбирали эти деньги съ тѣхъ же членовъ общества. Теперь кабатчики не платятъ ничего, но зато и не выбираютъ уплаченныхъ ими суммъ въ увеличенномъ размѣрѣ. Въ чемъ же здѣсь потеря?

Это слишкомъ скользкая почва, идя по которой можно дойти, пожалуй, до требованія вознагражденія отъ правительства, напримѣръ, за проведеніе казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ онѣ подрываютъ извозный промыселъ и причиняютъ ущербъ мѣстному населенію. А уже городскимъ управленіямъ и подавно можно просить въ этомъ случаѣ вознагражденія за лишеніе попутнаго или повознаго сбора съ провозимыхъ черезъ городъ товаровъ. Гдѣ же можетъ быть конецъ этимъ требованіямъ за вредъ и убытки?

Но предположимъ на минуту что сельскія общества, дѣйствительно, имѣютъ неоспоримое право на вознагражденіе за введеніе монополей продажи вина и попробуемъ сдѣлать отсюда нѣсколько логическихъ выводовъ. Кабаки существовали не только на крестьянскихъ, но и на частновладѣльческихъ земляхъ. Крестьяне за право открытія ихъ брали деньги, то же самое дѣлали и нѣкоторые изъ частныхъ землевладѣльцевъ; крестьяне лишились этого дохода, но его лишились ихъ землевладѣльцы; за первыми признается право на вознагражденіе, стало быть, его слѣдуетъ признать и за послѣдними. Но такого вопроса не возникаетъ. Почему?

Да потому что крестьяне тратили собираемыя деньги на общепольныя дѣла, а землевладѣльцы неизвѣстно на что, такъ какъ въ своихъ доходахъ и расходахъ они ни передъ кѣмъ не отсчитывались. Но можно ли вопросъ о правѣ вознагражденія рѣшать на основаніи соображеній: куда будутъ истрачены полученные въ видѣ вознагражденія деньги? Полагаемъ что это было бы вопіюще нелѣпостію, абсурдомъ противорѣчающимъ всѣмъ нашимъ правовоззрѣніямъ.

Во избѣжаніе быть дурно понятыми, считаемъ нужнымъ оговориться что мы вовсе не сторонники вознагражденія частныхъ землевладѣльцевъ за введеніе казенной винной монополии. Мы равно не видимъ никакой причины признавать такое право за крестьянами, если оно не признается за лицами другихъ сословій.

Кто же просить, однако, о вознагражденіи сельскихъ обществъ а ущербъ причиненный монополіей? Сами эти общества? Въсѣ нѣтъ. Просить этого земства которыя денегъ за право открытія кабаковъ въ

деревняхъ не получали и со введеніемъ винной монополіи отъ прекращенія сборовъ никакихъ убытковъ не понесли. На чемъ же основывается такое странное право требовать вознагражденія за непричиненный ущербъ? Да опять таки на томъ что земства могутъ дать лучшее употребленіе деньгамъ чѣмъ крестьянскія общества. Но Министерство Финансовъ можетъ дать имъ, пожалуй, и еще лучшее употребленіе, такъ и не оставить ли ему ихъ у себя?

Разъ рѣшено будетъ вознаградить сельскія общества за введеніе казенной монополіи и деньги эти передать земству, то сдѣлать это слѣдуетъ не иначе какъ за счетъ текущихъ крестьянскихъ платежей земствамъ. Всякая другая передача явится не чѣмъ инымъ, какъ замаскированнымъ увеличеніемъ земскаго обложенія, такъ какъ крестьянамъ придется платить земству налоги въ прежнемъ размѣрѣ, да кромѣ того покрыть еще путемъ какихъ-нибудь уплатъ выданныя въ вознагражденіе земству деньги. Это, кажется, ясно для всякаго не предубѣжденнаго человѣка.

Щедринскій Іудушка въ доброе старое время мечталъ на тему: какъ хорошо было бы если бы у всѣхъ сосѣдей перемерли коровы, а его стали бы давать вдвое больше молока. Теперь такія мечты не удовлетворяютъ уже досужихъ людей, и они свою праздную фантазію употребляютъ на измышленіе плановъ для уничтоженія помѣстнаго землевладѣнія. Очень характерный проектъ въ этомъ направленіи сочинилъ, по словамъ *Русскихъ Вѣдомостей*, г. Левитовъ. Сущность этого проекта въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему:

Въ интересахъ государства, говоритъ онъ, полезно было бы, по моему убѣжденію, хотя бы и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ со всѣхъ земельныхъ имуществъ, превышающихъ площадь въ сто десятинъ, при переходѣ ихъ по крѣпостнымъ актамъ и по наслѣдству установить взысканіе въ пользу государства пошлинъ какъ крѣпостныхъ, такъ и наслѣдственныхъ не деньгами, а натурою, точнѣе землею въ количествѣ соответствующемъ суммѣ причитающихся пошлинъ, а съ имѣній до ста десятинъ оставить взысканіе пошлинъ деньгами, какъ и было до сихъ поръ. Участки постепенно отходящія отъ имѣній въ пользу государства отводятся подрядъ, соединяются въ одну площадь и притомъ должны быть такъ расположены по возможности рядомъ съ крестьянскими надѣлами чтобы государство могло пользоваться ими въ видѣ, напримѣръ, сдачи ихъ въ аренду или долгосрочное пользованіе мѣстному крестьянскому, преимущественно безземельному, населенію. При такомъ способѣ взысканія пошлинъ въ пользу казны, никого не обременяя и не беря ничего лишняго противъ установленной закономъ нормы, государство много выиграло

бы, такъ какъ площадь государственнаго землевладѣнія, постепенно расширяясь, ежегодно увеличивалась бы на сотни тысячъ десятинъ.

Само собою понятно что это увеличеніе происходило бы на счетъ сокращенія частной земельной собственности которая въ концѣ концовъ и должна была бы перестать существовать. Для ускоренія этого процесса можно было бы пожалуй увеличить размѣръ крѣпостныхъ и наслѣдственныхъ пошлинъ. Для чего же, однако, все это нужно? Чтобы увеличить площадь государственнаго землевладѣнія? Но вѣдь наша казна и безъ того является крупнѣйшимъ собственникомъ обладающимъ несмѣтнымъ количествомъ земель. Этотъ земельный фондъ расходуется въ интересахъ одного лишь крестьянства. Переселенцамъ отводятся щедрые надѣлы въ Сибири и на другихъ окраинахъ Россіи, имъ предоставляется льготная аренда казенныхъ земель въ различныхъ мѣстностяхъ, имъ отпускается лѣсъ изъ казенныхъ дачъ для постройки школьныхъ зданій и для отопленія ихъ и т. д. безъ конца. Во имя чего же нужно разрушать еще частное землевладѣніе, во имя чего нужно стремиться къ сосредоточенію всѣхъ земель въ рукахъ крестьянъ? Съ принципиальной точки зрѣнія подобное стремленіе рѣшительно ничѣмъ оправдано быть не можетъ.

Еще менѣе оправданій представляетъ дѣло съ практической стороны. У насъ раздаются безконечныя жалобы на крестьянское обезземеленіе. Но никто не рѣшится, конечно, утверждать что это обезземеленіе во всѣхъ губерніяхъ и областяхъ Россіи идетъ съ одинаковою быстротой, что крестьяне во всѣхъ мѣстностяхъ одинаково нуждаются въ увеличеніи надѣловъ. Конечно, этого нѣтъ и быть не можетъ, а между тѣмъ взиманіе пошлинъ натурою должно, по проекту г. Левитова, производиться всюду, то-есть, даже въ такихъ мѣстностяхъ гдѣ казна обладаетъ огромнымъ количествомъ свободныхъ земель. Для чего же это? Да, наконецъ, подобный проектъ можно было бы выдвигать только въ томъ случаѣ, если бы правительство на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія тратило всѣ суммы собираемыя имъ въ видѣ крѣпостныхъ и наслѣдственныхъ пошлинъ. Но этого нѣтъ, а слѣдовательно г. Левитовъ предлагаетъ измѣненія не только въ способъ взиманія пошлинъ, но и въ цѣляхъ расходаванія собираемыхъ такимъ путемъ денегъ.

Если даже признать желательными ежегодныя миліонныя за на расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, то не лучше ли употребить эти суммы прямо на покупку земель? Тогда, по крайней мѣрѣ, такая покупка можетъ быть произведена именно въ той мѣстности гдѣ она нужна и такихъ именно земель, въ которыхъ ощущается недостатокъ. А по проекту г. Левитова создается какое-то невообразимое положеніе: у помѣщика будетъ принудительнымъ образъ

рѣзываться земля, быть можетъ, крайне необходимая для его хозяйственныхъ цѣлей и совершенно ненужная для его сосѣдей-крестьянъ. При натуральномъ взысканіи податей легко можетъ оказаться что землевладѣльцу при переходѣ имущества придется платить не четыре или не шесть процентовъ, а десять или двѣнадцать. Чѣмъ же можно оправдать такой поборъ?

Не только взиманіе наслѣдственныхъ и крѣпостныхъ пошлинъ землю, но даже и *черный передѣлъ* помѣщичьихъ земель между крестьянами могли бы только временно заглушить жалобы на малоземелье. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ тѣ же самыя жалобы стали бы раздаваться съ новою силой, но передѣлять было бы уже нечего. Нѣтъ, не въ ширь, а въ глубь должно идти наше земледѣліе, нужно заботиться объ увеличеніи производительности земли. Къ сожалѣнію, при существующей общинной формѣ землевладѣнія осуществленіе этой задачи представляетъ непреоборимыя трудности.

Съ *искусственно* подогрѣтымъ негодованіемъ набросился г. Ф. Лѣ—евъ на столбцахъ *Россіи* (№ 639) на *Русскій Вѣстникъ* за его несочувствіе къ допущенію женщинъ въ адвокатуру. Г. Ф. Лѣ—евъ прежде всего спѣшитъ заявить:

Мы безусловно уважаемъ чужое мнѣніе, а тѣмъ болѣе мнѣніе органа имѣющаго извѣстную фізіономію.

Къ сожалѣнію, мы принуждены сильно усомниться въ способностяхъ автора къ этому. Въ самомъ дѣлѣ, первымъ признакомъ уваженія къ чужому мнѣнію является точная передача его, чуждая искаженій, чуждая приписыванія того что не говорилось и умалчиванія о сказанномъ. Цитую статью *Русскаго Вѣстника*, г. Лѣ—евъ говоритъ:

.. Знакомство съ отрицательными сторонами жизни, съ изнанкой ея, никогда не сдѣлаетъ изъ нея (женщины) лучшей хозяйки дома. А вѣдь это естественное призваніе женщины!

Приписавъ *Русскому Вѣстнику* желаніе обратить всѣхъ женщинъ въ экономокъ, кухарокъ и судомоекъ, г. Лѣ—евъ раздражается слѣдующею тирадой:

Вотъ что: пошлите ее на кулинарные курсы, заставьте ее изучать домоводство, займите рукодѣліемъ.

А между тѣмъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* говорилось буквально слѣдующее:

.. Знакомство съ отрицательными сторонами жизни, съ изнанкой ея, не бласть изъ нашей женщины *лучшей жены и матери*, не сдѣлаетъ изъ нея лучшей хозяйки дома. А вѣдь это естественное призваніе женщины!

Кулинарные курсы здѣсь рѣшительно не причемъ. Можно нанять кухарку, можно нанять домашнюю портниху, но наемная жена женою не будетъ, матери ни за какія деньги не наймешь. Въ супружествѣ и материнствѣ видѣлъ всегда *Русскій Вѣстникъ* и продолжаетъ видѣть естественное призваніе женщины. Г. Лѣ—еву для достиженія грошоваго эффекта понадобилось затушевать эту сторону вопроса. Искажая нашу цитату, г. Лѣ—евъ достигъ этой цѣли, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показалъ и прекрасный образецъ „своего уваженія къ чужимъ мнѣніямъ“.

Однако и на этомъ „уваженіе“ г. Лѣ—ева не оканчивается, а простирается вплоть до приѣма имѣющаго спеціальное названіе только въ картежной игрѣ. Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* было напечатано:

Намъ кажется что возня съ пьяными сторожами и стрѣлочниками, а подчасъ и выдвореніе изъ вагоновъ пьяныхъ пассажировъ является не вполне подходящимъ занятіемъ для „интеллигентной женщины“. Впрочемъ, быть-можетъ, отбывшія стажъ въ винныхъ лавкахъ женщины и окажутся въ данномъ случаѣ на высотѣ своего новаго призванія.

Г. Лѣ—евъ, опуская начало этой цитаты, относитъ ее къ занятію женщины адвокатурою. Получается какая-то безсмыслица.

Мы отмѣчаемъ статью о которой здѣсь идетъ рѣчь лишь какъ грустный куріозъ въ нашей печати и, разумѣется, не можетъ быть рѣчи о какихъ-либо обсужденіяхъ вопроса, за ихъ бесполезностію, съ лицами для которыхъ обсужденіе вопроса заключается въ примѣненіи вышеуказаннаго нами нелитературнаго приѣма.

Книги поступившія въ редакцію „Русскаго Вѣстника“ въ февралѣ.

„Эта“. Повѣсть *Н. Д. Стверовой*. Съ иллюстраціями *И. Е. Рѣпина*. Повѣсть напечатана въ *Нивѣ* подъ названіемъ „Вѣглянка“. СПБ. 1901.

Поддѣльная сцена въ трагедіи *В. Шекспира* „Гамлетъ“. *С. Г. Москаленка*. Изданіе редакціи журнала *Театръ и Искусство*. СПБ. 1901.

Значеніе драмы Бургграфъ (*Burggraf*) для германизаціи средней Европы. *Ө. В. Р. Варшава*. 1901.

Густавъ-Морицъ Армфельтъ и его русско-финскія отношенія. Историческій очеркъ. *Г. А. Абовъ*. СПБ. 1901.

Чехи апостолы варварства. Д-ръ *Іосифъ Пекаръ*. Перевелъ съ разрѣшенія автора *Ө. Л. Ярешъ*. Кіевъ. 1901.

Амуръ. Природа и люди Амурскаго края. Составилъ *Ф. Груздевъ*. (Волгнѣ). Съ 22 рисунками и картой Амура. Второе дополненное изданіе. СПБ. Изданіе *П. П. Сойкина*.

Судьбы Китая. *А. А. Сапожниковъ*. СПБ. 1901.

Кризисъ въ духовной жизни древней Эллады конца V в. до Р. Хр. Этно-историческій очеркъ. *А. И. Солоникио*. Воронежъ. 1900.

Труды досуга. Д-ра *Ф. Фейгина*. СПБ. 1901.

Очерки изъ исторіи Грузии и присоединеніе ея къ Россіи. *М. Глушаковъ*. Тифлисъ. 1900.

Двадцатипятилѣтняя дѣятельность С.-Петербургскаго Отдѣленія Императорскаго Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, преобразованнаго въ 1898 году въ Императорское Общество Судоходства. 1874—1900 гг. Труды Императорскаго Общества Судоходства. СПБ. 1900.

Трудовая помощь въ губерніяхъ Казанской, Вятской и Симбирской съ Всемилостивѣйшаго соизволенія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны оказанная въ 1899 году Попечительствомъ о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ. Отчетъ уполномоченнаго. СПБ. 1900.

Институтъ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I. Историческій очеркъ. Составилъ инженеръ *С. М. Житковъ*. СПБ. 1899.

Краткій историческій очеркъ развитія и дѣятельности вѣдомства путей сообщенія за сто лѣтъ его существованія (1798—1898). СПБ. 1898.

Историческій очеркъ развитія желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ ихъ основанія по 1897 г. включительно. Выпуски первый и второй. СПБ. 1898—1899.

Отчетъ по лѣсному управленію Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ за 1899 годъ. Лѣсной Департаментъ. Составленъ Статистическимъ Отдѣленіемъ Лѣснаго Департамента. СПБ. 1900.

Отчетъ по Главному Тюремному Управленію за 1898 годъ. Изданіе Главнаго Тюремнаго Управленія. М. Ю. СПБ. 1900.

Отчетъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка за 1899 г. (Четырнадцатый отчетный годъ). СПБ. 1900.

Отчетъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка по ликвидаціи Саратовско-Симбирскаго Земельнаго Банка за 1899 г. СПБ. 1900.

Отчетъ Особаго Отдѣла Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка за 1899 отчетный г. СПБ. 1900.

Отчетъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка за 1899 г. (Семнадцатый отчетный годъ). СПБ. 1900.

Руководство къ уходу за больными, ранеными, умалишенными, родильницами и новорожденными, и къ подавію первой помощи въ случаяхъ угрожающихъ жизни опасностію. *Ф. Фейлинъ*. Изданіе 5-е. СПБ. 1901.

Упрощенные приемы для производства умственныхъ вычисленій. Секреты г. Діаманди. Составилъ *Н. Муравлевъ*. М. 1900.

Пластическая роль бѣлага кроваваго шарика и реактивныя начала въ развитіи злокачественныхъ новообразованій эпителиальнаго типа. *М. Е. Базилевичъ*. Житомиръ. 1900.

Ископаемые ледники Ново-Сибирскихъ острововъ, ихъ отношеніе къ трупамъ мамонтовъ и къ ледниковому періоду. Съ 8 таблицами. Баронъ *Э. Толъ*. Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по общей географіи. Томъ XXXII, № 1. СПБ. 1897.

Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества издаваемые подъ редакціею секретаря Общества. Томъ XXXVI. 1900. Выпуски III, IV и V. СПБ. 1900

Ученыя записки Императорскаго Московскаго Университета. Отдѣлъ Физико-Математическій. Выпускъ семнадцатый. М. 1900.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

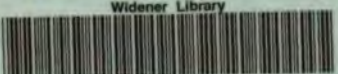
Please return promptly.

~~DDC NOV 27 '44~~

~~JAN 7 '60 H~~

~~JAN 13 '60 H~~

Widener Library

3 2044 099 715 724

